

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В НОМЕРЕ:

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ XXV СЪЕЗДА КПСС

ДИРЕКТОРИЯ И КОЛЧАК

РАЗРЯДКА И СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИКИ О «ПРОГРЕССИВНОЙ
ЭРЕ» В США

НАСЕР И ИДЕН (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ)

У ИСТОКОВ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

10

МОСКВА · 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

№ 10

ОКТАБРЬ

1976

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Академик **И. И. Минц** — Международное значение XXV съезда КПСС 3
В. В. Гармиза — Директория и Колчак 16
А. М. Андреев — Борьба Советов с контрреволюцией накануне Великого Октября 33
Н. А. Иванова, В. В. Шелохаев — Всероссийская почтово-телеграфная забастовка в ноябре 1905 года 51
И. М. Рапопорт — Новый этап советско-французских отношений и международная разрядка 67
Б. Д. Козенко (Куйбышев) — Новые концепции «прогрессивной эры» в американской буржуазной историографии 82

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

- Г. Б. Антонов** — «Запорожсталь» 97

ПУБЛИКАЦИИ

- Свадебные дела XVI века. (Вступительная статья **В. Д. Назарова**) . . 110

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- И. П. Беляев** — Страницы недавнего прошлого Египта 124

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Секции общественных наук Президиума АН СССР

- М. Н. Губогло** — В Научном совете по национальным проблемам . 137

Обзоры

- Г. Р. Наумова** — Делопроизводственные документы российских синдикатов 139

Рецензии

Л. И. Гольман — «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории». В семи томах. Том первый. «Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса»	150
А. Л. Угрюмов — Н. И. М а т ю ш к и н. Патриотизм и интернационализм советского народа (Исторический опыт и современная деятельность КПСС)	157
Н. А. Кирсанов — «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917—1973)»	159
В. В. Комин (Калинин) — К. В. Гусев. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции	162
В. И. Тропин — «Революция 1905—1907 гг. в России»	164
В. З. Дробижев, А. К. Соколов — «Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории»	166
Я. И. Штернберг (Ужгород) — Б. И. Желіцкі. Социалистическое рабочее движение в Венгрии (1873—1890)	169
Новые книги	172
Статьи в советских периодических изданиях	174
Хроникальные заметки	177

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

А. М. Филитов — XXV конференция Комиссии историков СССР и ГДР	182
А. Н. Чистозонов — VIII «Неделя» Международного института экономической истории в Прато	184

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

В. И. Потапов — П. Х. Вигор. Советский взгляд на войну, мир и нейтралитет	189
М. М. Фрейденберг (Калинин) — М. Благоевич. Земледелие в средневековой Сербии	192

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	195
Рецензии на советские издания	197
Хроникальные заметки	198

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

А. М. Гак — У истоков советской кинематографии	200
А. А. Формозов — Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории	203
Н. Д. Луцков — Народ Гаити борется с интервенцией США (1918—1920 гг.)	209

Сведения об авторах	216
Петр Николаевич Третьяков	217
Ханс Хансович Круус	219
Резюме статей на английском языке	221

СТАТЬИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ XXV СЪЕЗДА КПСС

Академик И. И. Минц

1

Еще в период первой революции в России В. И. Ленин дал классическое определение роли и задач съездов партии. «Мы думали,— писал он в 1907 г., выступая против меньшевиков, всячески избегавших теоретических обобщений на съезде,— что в особенности в революционные эпохи социал-демократия должна на своих съездах *подводить итоги* периодам общественного развития, *применяя* к ним свои марксистские методы исследования, *уча* другие классы оглядываться назад и относиться к политическим событиям *принципиально*, а не с точки зрения интереса минуты или успеха на несколько дней, как относится буржуазия, презирающая, собственно говоря, всякую теорию и боящаяся всякого классового анализа переживаемой истории»¹.

Положение это было высказано, когда в России существовал капитализм, шла буржуазно-демократическая революция, но оно остается в силе и для современности: задача каждого съезда партии — подвести итоги прошедшему периоду, теоретически, принципиально обобщить пройденный путь, охарактеризовать предстоящий период, дать анализ его развития и выработать тактику партии в новых условиях. Так поступали большевики на всех съездах. Поэтому, окидывая взглядом весь период существования партии, можно сказать: съезды партии — вехи истории страны. Возьмем только два примера: II и XXIV съезды.

II съезд РСДРП — первый партийный съезд, которым руководил В. И. Ленин,— состоялся в 1903 г., когда в России стучалась в дверь революция. Тогда впервые в истории марксизма в программу социал-демократической партии было записано, что целью ее борьбы является установление диктатуры пролетариата. С предельной ясностью II съезд РСДРП разъяснил, в чем он видит основной ее смысл: диктатура пролетариата означает «завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»². Это прямой удар по всем фальсификаторам, которые в прошлом и настоящем извели горы бумаги, чтобы доказать, будто бы диктатура пролетариата есть подавление воли всех классов и классовых прослоек общества. К тому времени, когда принималась эта резолюция, прошло уже более полувека с тех пор, как основоположники марксизма в «Манифесте Коммунистической партии» провозгласили положение о превращении пролетариата в результате социалистической революции в господствующий класс, но ни одна партия, даже такая

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 82.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 1. Изд. 8-е, стр. 62.

влиятельная в ту пору, как социал-демократия Германии, не зафиксировала в своей программе, что целью ее будет установление диктатуры рабочего класса. Только российская социал-демократия смело бросила вызов старому миру и открыто объявила о своей цели. В этом нашло свое подтверждение то важнейшее обстоятельство, что большевики строили не обычную социал-демократическую партию, а партию нового типа, чтобы возглавить революционную борьбу пролетариата и руководить ею.

Идеологи господствующих классов издевались над этим заявлением в программе большевиков; правые элементы из социалистических партий Запада раздумывали: как может кучка революционеров во всеуслышание сказать, что она опрокинет царизм, свергнет власть помещиков и буржуазии? Но на протяжении менее полутора десятка лет одна за другой развернулись в России три революции, и в октябре 1917 г. к власти пришли рабочие и крестьянская беднота. Сама жизнь подтвердила, что II съезд РСДРП, наперекор всем силам старого строя провозгласивший лозунг установления власти пролетариата, оказался вехой в развитии истории — правильно оценил соотношение классов, верно наметил перспективы борьбы и точно определил стратегию и тактику большевиков.

Обратимся теперь к XXIV съезду КПСС, давшему человечеству Программу мира. Как известно, В. И. Ленин на второй день победы Великой Октябрьской социалистической революции, 26 октября 1917 г., огласил Декрет о мире. Отстаивая его принятие II Всероссийским съездом Советов, представлявшим подавляющее большинство трудящихся России, В. И. Ленин заявил: «Мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»³. Это был опять-таки открытый и смелый вызов диктатуре буржуазии, ибо ее внешняя политика всегда была «святая святых» господствующих классов. Буржуазия встретила ленинское заявление в штыки, объявила его посягательством на самые основы своего господства, применила оружие против Советской власти. Правые лидеры социал-демократии активно выступили против большевиков и открыто стали на сторону буржуазии, взяв на себя основную работу по предоставлению в ее распоряжение аргументов и доводов против мирной политики народной власти. Но проходили годы неустанной, систематической, настойчивой борьбы за мир, и пророчество В. И. Ленина стало обрастать живой тканью действительности: покровы святости сорваны с внешней политики буржуазии, каждый шаг господствующих классов разоблачается, народ под руководством коммунистов активно высказывает свое отношение к политике капиталистических государств. Программа мира, провозглашенная XXIV съездом КПСС, превратилась в программу всего передового человечества. В этом сказалось непреходящее значение ленинской внешней политики, политики социализма. Можно с полным основанием сказать, что XXIV съезд КПСС имел огромное международное значение: он был вехой не только в истории страны, но и в истории человечества.

2

С этой точки зрения особенно ярким и впечатляющим является XXV съезд КПСС. На нем присутствовало почти 5 тыс. делегатов от более чем 15-миллионного отряда коммунистов и несколько сотен представителей от 103 коммунистических, рабочих, национально-демократических и социалистических партий из 96 стран, то есть более $\frac{2}{3}$ государств мира, входящих в ООН. Один лишь состав делегатов и гостей от зарубежных партий свидетельствует, что XXV съезд — событие

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 16.

огромного международного значения, одобрительно встреченное всем передовым человечеством.

Международное значение XXV съезда КПСС состоит прежде всего в том, что он показал неоспоримое, убедительное, решающее преобладание социализма над капитализмом. Там, где все еще господствует империализм, трудящиеся подвергаются мучениям непрерывных кризисов, сменяющих друг друга или развивающихся одновременно, со всеми их пагубными последствиями: то резкое падение производства, а значит, и занятости рабочих, то бурная пляска цен, ведущая к снижению жизненного уровня, то неожиданная нехватка энергетических ресурсов, нарушающая привычный образ жизни. В странах социализма — спокойное, уверенное, бескризисное развитие народного хозяйства, постоянное, нарастающее по темпам повышение жизненного уровня народных масс. В капиталистическом мире — неуверенность трудящихся в завтрашнем дне, изматывающее нервное беспокойство, мучительный поиск ответа на вопрос: как продолжать существование и свести концы с концами? В странах социализма — твердая уверенность в будущем, раскрытие всех творческих сил народа. Не успевает капитализм вытащить на время ногу из ямы, как другая его нога застревает в глубокой трясине. Все это ведет к одному результату — к ухудшению положения масс, обеднению, обнищанию многих категорий людей. В Советском Союзе и других странах социализма отсутствие кризисов и безработицы, инфляции и неуверенности само по себе свидетельствует о более высоком жизненном уровне по сравнению со странами капитализма, к тому же сознательная деятельность руководящих коммунистических партий направлена на удовлетворение нужд народа и непрерывное повышение его благосостояния.

Великая роль XXV съезда состоит в том, что он снова подтвердил одно из основных положений марксизма-ленинизма о влиянии строительства нового общества в Советском Союзе на весь ход освобождения человечества от ига империализма. В. И. Ленин неоднократно указывал, что это главная форма нашего воздействия на развитие международной революции. Так, на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 г. он говорил: «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения»⁴. Отчет ЦК КПСС XXV съезду, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, доклад Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина «Основные направления развития народного хозяйства на 1976—1980 годы», в которых изложена экономическая стратегия партии, многочисленные выступления делегатов съезда об успехах строительства коммунизма на местах всесторонне, ярко, образно показали миру теорию и практику развитого социализма.

Трудящиеся всего мира вопреки неистовым попыткам антикоммунистов скрыть достижения, исказить картину социалистического и коммунистического строительства убеждаются, что советское общество на современном этапе характеризуется воплощением принципов социализма во всех сферах жизни. В экономическом отношении развитый социализм определяется строительством на собственной, социалистической базе и в промышленности и в сельском хозяйстве. В области социально-политической развитый социализм отличается превращением государства диктатуры пролетариата в общественное государство, сближением всех дружественных классов, всех народов и наций, связанных общностью интересов, целей, идеалов, в неодолимом движении к бесклассовому коммунистическому обществу. В области идеологической развитый социализм отличается господством марксистско-ленинского мировоззрения,

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 341.

возрастающим руководством коммунистов, знающих, как вести народ к миру, демократии, социализму, коммунизму. Этого ни скрыть, ни исказить никому не дано: новое общество во всей своей конкретности и притягательности предстает перед миром.

XXV съезд КПСС — триумф социализма. Его работа, принятые им решения в огромной степени усиливают воздействие социализма на сознание человечества. Отметив позитивные изменения, происходящие в мире, Л. И. Брежнев в докладе съезду с гордостью и уверенностью в будущем указал на решающую силу этих перемен: «Наш народ, наша партия — не пассивные созерцатели этих перемен. Нет, мы — активные их участники»⁵.

3

Вторым аспектом, характеризующим международное значение XXV съезда КПСС и непосредственно связанным с первым, является рост и укрепление стран социализма. Один за другим выступали на съезде лидеры социалистических стран с сообщениями о строительстве нового общества. О достижениях каждой страны в отдельности знал весь мир, но на съезде сведения об этих успехах были как бы собраны воедино. На основе кратких, но крайне выразительных обобщенных фактов был показан мир социализма. На XXV съезде КПСС две системы мира, два мировоззрения предстали перед человечеством во всей своей конкретности и осязаемости. Ход истории заставляет трудящихся капиталистического мира обращать свои взоры и надежды на Советский Союз, на страны социализма, указывающие выход из того тупика страданий, в который завел народы империализм. Человечество получило яркое представление об экономике, политике и культуре социализма. Оно убедилось, что социалистическое содружество играет все большую роль в мировой экономике. За истекшее пятилетие промышленность в странах социализма шла вперед в 4 раза быстрее, чем промышленность развитых капиталистических государств. Мир социализма дал продукции в 2,5 раза больше, чем страны «Общего рынка», а ведь в состав этого объединения входят такие крупные промышленно развитые государства, как Англия, Франция, ФРГ⁶. Это само по себе говорит о том, как стремительно ликвидируется наследие капитализма, обрекавшего на отсталость и уродливое, однобокое развитие ряд стран, ныне строящих социализм.

Но это еще не все результаты успехов мирового социализма. Приведенные в докладах и выступлениях данные характеризуют процесс ликвидации неравенства в уровне развития государств мира социализма: страны, раньше считавшиеся аграрно-промышленными (Болгария, Румыния, отчасти Польша), превратились в промышленно-аграрные. Выравнивание уровня развития социалистических стран находит свое подтверждение в том, что большинство из них вступили или вступают в период зрелого социализма. Это свидетельствует также о все большем сближении социалистических стран. Немалую роль в этом сближении играет Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), принявший совместно разработанную программу социалистической экономической интеграции. В Комплексной ее программе предусмотрено не только развитие торговли, которая за истекшие 5 лет увеличилась вдвое, но и совместное строительство крупных промышленных комплексов, освоение природных ресурсов, примером чему служат нефтепровод «Дружба» и другие крупнейшие стройки.

Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Э. Хонеккер на XXV съезде КПСС отметил значение взаимоотношений

⁵ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 3.

⁶ См. там же, стр. 9.

ГДР и СССР, правительственных актов, заключенных между ними: «Наши партии, государства и народы объединили свои усилия, направленные на достижение общих коммунистических целей, на дальнейшее сближение наших социалистических наций»⁷. Предначертания VIII съезда СЕПГ были выполнены. IX ее съезд (май 1976 г.) наметил новые задачи Германской Демократической Республики, идущей по пути построения развитого социалистического общества, создания предпосылок для постепенного перехода к коммунизму⁸. О вступлении Венгрии в период строительства зрелого социализма говорил на XXV съезде КПСС Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар. «Состоявшийся в прошлом году XI съезд партии,— сказал он,— определил наши очередные задачи и принял программу строительства развитого социалистического общества на ближайшие 15—20 лет»⁹.

Огромны достижения стран социализма в политической области. Закончилась полным провалом интервенция американского империализма, пытавшегося огнем и мечом подавить революционное движение во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Выстояв под натиском интервентов с помощью братских социалистических стран, свободолюбивые народы Индокитая завоевали себе право на независимость, а Вьетнам — на национальное объединение и бурное развитие по пути социализма. Упрочила свою независимость героическая Куба. Окреп суверенитет стран социалистического содружества. Они заняли важное место в мировой политике, отстаивая дело мира, прогресса и социализма. Человечество убедилось в успехах, которых добился в области культуры мир социализма. Полностью раскрылись таланты народов, показывая реально, какие поразительные последствия имела ликвидация капитализма. Подводя итоги развитию стран социализма за последние годы, Л. И. Брежнев говорил: «Вместе с расцветом каждой социалистической нации, укреплением суверенитета социалистических государств все теснее становятся их взаимосвязи, возникает все больше элементов общности в их политике, экономике, социальной жизни, происходит постепенное выравнивание уровней развития. Этот процесс постепенного сближения стран социализма вполне определенно проявляется ныне как закономерность»¹⁰.

Кроме того, существует огромный мир освободившихся от колониальной зависимости стран, многие из которых придерживаются социалистической ориентации и, опираясь на интернациональную солидарность социалистического содружества, добились значительных успехов в борьбе против империализма.

4

Важнейшим аспектом международного значения XXV съезда является показ того, что дала человечеству борьба за мир и каковы ее перспективы на новом этапе. Начиная с Декрета о мире, когда В. И. Ленин призвал покончить с империалистической войной как средством разрешения противоречий и объявил о возможности и необходимости сосуществования между двумя антагонистическими системами общества, Советская страна выступает знаменосцем мира. Призывая к оружию, чтобы покончить в зародыше с Советской властью, и применив это оружие в ходе интервенции, империалисты кричали о слабости Советской власти, вынужденной якобы именно поэтому проповедовать идеи мира,

⁷ «Приветствия XXV съезду КПСС от коммунистических, рабочих, национально-демократических и социалистических партий» (далее — «Приветствия XXV съезду КПСС»). М. 1976, стр. 29.

⁸ «Правда», 19.V.1976.

⁹ «Приветствия XXV съезду КПСС», стр. 13.

¹⁰ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 5.

искать его. Но Страна Советов набирала силы, Советский Союз превратился в могучую державу, что доказала его решающая роль в разгроме фашизма, а его миролюбивая политика остается неизменной. Напуганный ростом могущества СССР, уверенный в превосходстве над вынесшим неимоверные страдания и потерявшим более 20 млн. человек в войне Советским государством, империализм вновь поставил на битую карту и призвал к антисоветскому наступлению. Идеологом и инициатором его выступил У. Черчилль (речь в Фултоне), который еще в первые годы существования Советской власти откровенно признавал целью своей жизни разгром социализма. Потерпев сокрушительный крах в интервенции 1918—1920 гг., Черчилль вообразил, что в союзе с США он реализует свою навязчивую идею. Но мечты его не осуществились: самоотверженным героическим трудом советских людей и благодаря правильной политике Коммунистической партии Советский Союз в небывало короткий срок восстановил разрушенное войной хозяйство, бурно развил производительные силы и быстро покончил с превосходством империализма в атомном оружии. Расчет Черчилля превратился, таким образом, в просчет.

Мощь Советского Союза и растущее влияние социалистических стран вынудили империализм пойти на признание по крайней мере равенства сил социализма и капитализма и понять опасность новой мировой войны. Продолжая неизменно вести политику мира, Коммунистическая партия Советского Союза всесторонне разработала на своем XXIV съезде Программу мира, призвав все передовое человечество, все миролюбивые силы к совместным усилиям в пользу мира. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул ее социалистическую природу: **«Агрессивной политике империализма Советский Союз противопоставляет политику активной защиты мира и укрепления международной безопасности»**¹¹.

Основные конкретные задачи Программы мира были сформулированы в шести пунктах, содержание которых сводится к следующему: ликвидировать военные очаги в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, добиваясь через ООН отказа от применения силы и угрозы ее применения для решения спорных вопросов; исходя из окончательного признания территориальных изменений, происшедших в Европе в результате второй мировой войны, осуществить коренной поворот к разрядке и миру на этом континенте, обеспечив созыв и успех общеевропейского совещания; добиваться ядерного разоружения и прекращения всюду и всеми испытаний ядерного оружия; активизировать борьбу за прекращение гонки вооружений всех видов, созвать всемирную конференцию для рассмотрения вопросов разоружения; претворить в жизнь решения ООН о ликвидации оставшихся колониальных режимов, добиваться всеобщего осуждения и бойкота проявлений расизма и апартеида; углублять отношения взаимовыгодного сотрудничества во всех областях с государствами, выразившими стремление к этому, участвовать в решении проблем сохранения природной среды, освоения энергетических источников, развития транспорта и связи, борьбы с наиболее опасными заболеваниями, в исследовании и освоении космоса и Мирового океана¹².

Инициатор и вдохновитель Программы мира Л. И. Брежнев, отдающий все свои силы, свой талант и огромную энергию делу ее выполнения, так охарактеризовал эту программу в докладе на XXV съезде КПСС: «В области внешней политики XXIV съезд выдвинул Программу мира. Главный смысл ее состоял в том, чтобы, опираясь на мощь, сплоченность и активность мирового социализма, на его крепнущий союз со всеми прогрессивными и миролюбивыми силами, добиться по-

¹¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М. 1971, стр. 29.

¹² См. там же, стр. 29—30.

вороты в развитии международных отношений. Поворота от «холодной войны» к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем. Поворота от напряженности, угрожавшей взрывом, к разрядке и нормальному взаимовыгодному сотрудничеству»¹³.

Провозглашенная XXIV съездом Программа мира была рассчитана на ближайшие годы и на более длительный период, и то, что намечалось на ближайшую перспективу, реализовано. Прежде всего человечество еще пять лет прожило в условиях мирного сосуществования, в крепнувшей надежде на возможность избежать еще более кровавой войны, чем минувшая вторая мировая. За прошедшее пятилетие погашен военный пожар в Юго-Восточной Азии. Германская Демократическая Республика после длительных усилий при поддержке социалистического содружества и передовых сил мира вступила в ООН. Перечеркнул мюнхенский диктат и признана нерушимость западных границ ГДР, Польши и Чехословакии. В результате энергичных действий Советского Союза и других стран социалистического содружества, личных встреч руководителей государств с различным общественным строем достигнут значительный успех в утверждении принципов мирного сосуществования. Политика Советского Союза, поддержанная братскими странами социализма и всем передовым человечеством, содействовала ликвидации «холодной войны» и добилась того, что в Хельсинки руководители 33 государств Европы, а также США и Канады подписали документ об исключении войны как средства решения противоречий, о необходимости мирным путем решать все вопросы внешней политики. Подписание Заключительного акта — свидетельство торжества ленинской политики мирного сосуществования, которую капиталистические государства не хотели признавать на протяжении более полувека.

Подводя итог прошедших пяти лет в области внешней политики, Л. И. Брежнев сказал на XXV съезде об успехах борьбы социализма за мир: «То, чего удалось добиться в этом отношении за последние пять лет, имеет поистине непреходящее значение. Сделано все возможное для обеспечения условий мирного строительства в нашей стране и в братских странах социализма, для мира и безопасности всех народов»¹⁴. Увеличились и окрепли миролюбивые силы человечества. Большинство жителей планеты убедились, что общими усилиями можно обуздать агрессоров и в перспективе устранить опасность возникновения новой мировой войны. Ослаблены позиции противников разрядки. Сейчас против уменьшения международной напряженности, против разрядки в мировой политике выступают только наиболее агрессивные группы империализма.

Исходя из достигнутых успехов, XXV съезд КПСС развил Программу мира, добавил к ней новые положения. В этом сказалась преемственность внешней политики Советского Союза. Подчеркивая эту преемственность, Л. И. Брежнев по поводу предложений XXV съезда сказал: «Мы рассматриваем эти предложения как органическое продолжение и развитие Программы мира, выдвинутой XXIV съездом партии, как программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов»¹⁵.

XXV съезд сформулировал в 8 пунктах «главные задачи, решения которых требуют... в современных условиях интересы мира и безопасности народов, прогресса человечества»: неуклонно укреплять единство братских социалистических государств; добиваться прекращения гонки вооружений и перехода к разоружению; сосредоточить усилия миролюбивых государств на ликвидации остающихся военных очагов, и прежде

¹³ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 27.

всего на осуществлении справедливого и прочного урегулирования на Ближнем Востоке; углублять разрядку международной напряженности, добиваясь полного претворения в жизнь Заключительного акта общеевропейского совещания; вести дело к обеспечению безопасности в Азии путем совместных усилий государств этого континента; стремиться к заключению всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях; добиваться ликвидации всех остатков системы колониального угнетения; устранять дискриминацию и любые искусственные препятствия в международной торговле и любые проявления неравенства, диктата и эксплуатации в международных экономических отношениях¹⁶.

Основную суть этой расширенной Программы мира можно было бы кратко обобщить как укрепление достигнутых на общеевропейском совещании результатов и распространение ее успеха на все континенты. Благородство и результативность внешней политики Советского Союза и других стран социализма отвечают интересам всех народов и находят поддержку всех миролюбивых и прогрессивных сил, борющихся за свободу и мир. Решения XXV съезда ярко и убедительно раскрывают общедемократический характер борьбы за мир, что еще раз подтверждает органическую связь социализма с борьбой за демократию. Эти решения нашли полную поддержку на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшейся в Берлине 29—30 июня 1976 г., которая единодушно постановила добиваться сохранения мира в интересах свободы и независимости всех народов.

5

Огромное внимание уделил XXV съезд КПСС важнейшей проблеме современности — пролетарскому интернационализму.

Корни интернационализма, как известно, уходят в глубь истории. Народная память бережно хранит в фольклоре, в преданиях, в традициях светлые события совместной борьбы народов против общих врагов, завоевателей, угнетателей. Но это были отдельные, пусть и величественные, факты. В классовом, антагонистическом обществе дружба народов не могла стать закономерностью: господствующие классы страшлись ее, поощряли и разжигали национальную вражду, подавляли стремление к установлению дружбы между народами, видя в ней угрозу своему строю. Только с победой пролетариата, на плечи которого история возложила освобождение человечества от всех форм эксплуатации, и возникновением социализма дружба народов, интернационализм становятся на реальную почву и превращаются в закономерность нового общества. Самое положение пролетариата в обществе делает его носителем интернационализма, ибо капитал — сила международная и борьба за его ликвидацию неизбежно принимает интернациональный характер. Яркое обобщение этой интернациональной роли пролетариата дали основоположники марксизма в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В. И. Ленин еще в период создания партии охарактеризовал этот лозунг как «великий завет сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков»¹⁷.

Марксисты-ленинцы всегда отстаивали этот лозунг, выступали против национализма. Это вовсе не означало, что они не считают с национальными интересами народов. Напротив, ленинская партия впервые дала четкую и ясную программу решения национального вопроса, а Советский Союз до появления мирового социализма был единственной страной, в которой под руководством В. И. Ленина была на практике осуществлена эта программа. Вождь большевиков, которых враги обви-

¹⁶ Там же, стр. 25—27.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 325.

няли в «национальном нигилизме», в пренебрежении к национальному вопросу, неустанно повторял, что пролетариату не безразлично, в каком отечестве он живет, какие политические и социальные условия его окружают. «Пролетариат,— писал В. И. Ленин,— не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны», и, разоблачая тех правых лидеров социал-демократии, которые под маской патриотизма звали к поддержке буржуазного правительства, В. И. Ленин добавлял: «Но судьбы страны его интересуют лишь *постольку*, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. «патриотизма»¹⁸. Заметим, что написано это в 1908 г., задолго до мировой империалистической войны, когда уже не отдельные социал-демократы, а социал-демократические партии Германии, Франции, Англии, США и других стран в своем большинстве выступили с лозунгом «защиты отечества».

В начале первой мировой войны, когда особенно острый характер приняла национальная рознь, когда усилились нападки на большевиков и обвинения их в нежелании считаться с национальным вопросом, в статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин ясно определил соотношение социализма и национального вопроса: «Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев»¹⁹. Отстаивая марксистские идеи по национальному вопросу, бичуя отступников и ренегатов, вносящих путаницу в его марксистское понимание или прямо извращавших его, В. И. Ленин развивал марксизм применительно к новым условиям, обогащал его новыми положениями. Империализм принес резкое обострение национального вопроса. В борьбе за передел поделенного мира империалистические державы захватывали колонии, угрожали порабощением новым народам. «Современный империализм,— говорилось в ленинской резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) по национальному вопросу,— усиливая стремления к подчинению слабых народов, является новым фактором обострения национального гнета»²⁰.

Порожденная империализмом первая мировая война превратила национальную рознь в истребительную войну народов. В таких условиях уже нельзя было ограничиваться призывами к равноправию наций, отстаиванием права наций на самоопределение вплоть до отделения. Нужны были новые, более отвечающие требованиям эпохи обобщения. В. И. Ленин развил марксизм дальше, сделал эти обобщения.

Линия интернационализма осуществлялась нашей партией в самых различных формах, в зависимости от конкретной обстановки. Возьмем такой пример, как заключение Советской властью Брестского мира. Все буржуазные и мелкобуржуазные партии не только в России, но и во всем мире обвиняли В. И. Ленина, большевиков в «предательстве» национальных интересов. Даже такой выдающийся революционер, жизнь отдавший революции, как К. Либкнехт, не сразу понял настоящий, действительный интернационализм большевиков: они пошли на громадные территориальные потери, но спасли и сохранили базу мировой революции — Советскую власть. Разоблачая К. Каутского, предавшего пролетариат, В. И. Ленин писал о брестской тактике: «Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*»²¹.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 190.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 110.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 439.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 304.

Советское правительство в своей деятельности исходило из этой ленинской постановки вопроса об интернациональных задачах Советской власти. Придавая этой тактике значение всеобщей закономерности, В. И. Ленин писал в тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала: «Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»²².

Уже революция 1905—1907 гг. разбудила национально-освободительное движение и в России и в закабаленных странах Востока, а Великий Октябрь положил начало кризису колониализма. Сотни миллионов колониальных рабов пришли в движение, разрывая цепи империализма. Во время гражданской войны в России, показавшей всему миру героическую борьбу пролетариата, силу сопротивления интервентам народных масс, мудрость и опытность партии большевиков, имело место дальнейшее развитие идей пролетарского интернационализма. Именно в те годы в Советской России родился лозунг, одобренный и поддержанный В. И. Лениным, «Пролетарии всех стран и закабаленные народы, соединяйтесь!». Нетрудно видеть, что это было не только дальнейшее развитие идеи пролетарского интернационализма, но и предвестие современного мирового революционного процесса, движущими силами которого являются мировой социализм, революционная борьба рабочего класса и национально-освободительная борьба народов. Страны социализма выполнили свой интернациональный долг, помогая трудящимся Венгрии в 1956 г. или Чехословакии в 1968 г. в их борьбе с силами внешней и внутренней контрреволюции. Напоминать об этом надо обязательно, ибо до сих пор антикоммунисты продолжают настойчиво извращать истинное значение и роль социализма в этих событиях.

Так в теории и практике марксизма-ленинизма обстоит дело с его отношением к национальному вопросу. Но ряд обстоятельств ныне снова приковывает внимание к национальному вопросу. Во-первых, десятки вновь созданных государств многонациональны по составу населения и крайне заинтересованы в положительном опыте решения национального вопроса. Им спешат на «помощь» новоявленные «учителя» из лагеря неоколониализма, подсовывая залежалый товар из фальсифицированного материала о том, будто национальный вопрос не решен еще в странах социализма, и поэтому лучше не рисковать и идти по «испытанному» пути капитализма. Отсюда видно, какое значение имеет история решения национального вопроса в Советском Союзе и странах социализма. При этом весьма важно показать не только, что сделано, но и как это делалось, шаг за шагом: какие меры и законодательные акты принимались, какие органы осуществляли решение национального вопроса; раскрыть ведущую роль пролетариата и значение союза пролетариата и крестьянства в национальном строительстве и т. п. Во-вторых, мировой империализм, и в том числе США, потерпев поражение в расчетах покончить с социализмом, сейчас пытается использовать национальный вопрос в своих целях. Авторы, далекие от марксизма и чуждые ему, откровенно высказались по поводу этих расчетов: «Вашингтон видит в восточноевропейском национализме инструмент для подрыва Восточного блока»²³. В-третьих, находкой для империалистов

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 165—166.

²³ D. Schwarzkopf, O. Wrangel. Schansen für Deutschland. Politik ohne Illusionen. Hamburg. 1965, S. 52.

оказались реформисты, оппортунисты и ренегаты от марксизма, пытающиеся доказать, будто национальный вопрос не подчинен классовому подходу, имеет самостоятельное значение и притом якобы выше и важнее, чем вопросы классовой борьбы.

Но чтобы использовать национализм, надо ликвидировать или ослабить интернационализм. Стремясь расколоть, обуздать, ослабить международное революционное движение, с тем чтобы подавить его, идеологи империализма усиленно пытаются развести его по национальным квартирам, обвиняют коммунистов своих стран в том, будто они поют с чужого голоса и уступают иностранному влиянию. Как в старое время защитники империализма кричали о «руке Москвы», так теперь их соратники вопят о «проникновении» мирового социализма. С целью ликвидации национально-освободительного движения империалисты всячески раздувают племенную рознь, разжигают национальные предрассудки, на которые особенно падки мелкобуржуазные слои отсталых стран, подкупают и скупают кадры молодых специалистов в развивающихся странах, применяя пресловутую систему «утечки мозгов». Но основной задачей империалистов является ослабление и разрушение решающей силы, базы, опоры современного революционного движения — мирового социализма. Одно из главных средств их борьбы — национализм: интернациональному единству они открыто противопоставляют национальное разъединение.

Борьба против одного из важнейших принципов марксизма — пролетарского интернационализма — принимает самые различные формы: от открытого призыва отказаться от этого принципа как якобы устаревшего, ибо сейчас идет-де бурное возрождение наций, до всякого рода извращений самого понятия «интернационализм». На руку буржуазным идеологам играют и те, кто при исследовании политических проблем выпячивает на первый план национальные особенности страны или при любом затруднении, возникающем при необходимости объяснить сложный политический вопрос, отсылает к особенностям ее развития. Правильно ответил таким «теоретикам» Председатель Национального совета Коммунистической партии Индии Ш. А. Данге, выступая на XXV съезде КПСС: «Здесь мы хотели бы повторить, что независимо от специфических условий борьбы революционного рабочего класса и коммунистического движения в разных странах за социализм основные принципы марксизма-ленинизма, бесспорно, остаются в силе»²⁴.

Важность борьбы с отступлениями от марксистского понимания пролетарского интернационализма отмечали представители коммунистических и рабочих партий. В своих выступлениях они горячо поддержали Л. И. Брежнева, говорившего на съезде: «Особо хотелось бы подчеркнуть важность в наше время пролетарского интернационализма. Это один из главных принципов марксизма-ленинизма. К сожалению, кое-кто начинает трактовать его таким образом, что от интернационализма фактически мало что остается. Находятся и такие деятели, которые даже открыто предлагают отказаться от интернационализма. По их мнению, тот интернационализм, который обосновали и отстаивали Маркс и Ленин, якобы устарел. С нашей же точки зрения, отказаться от пролетарского интернационализма означало бы лишить компартии и вообще рабочее движение мощного и испытанного оружия»²⁵. Ярчайшим проявлением пролетарского интернационализма явился пламенный призыв XXV съезда КПСС «Свободу узникам империализма и реакции!», в котором выражена поддержка и признательность борцам революции за их верность высоким идеалам и долгу. Делегаты съезда и го-

²⁴ «Приветствия XXV съезду КПСС», стр. 159.

²⁵ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 31.

сти единодушно поддержали предложение Л. И. Брежнева соорудить в Москве монумент в память героев, павших от рук империалистических палачей, который будет «символом неизменной верности нашей партии великому делу пролетарского интернационализма»²⁶.

6

Документы и материалы XXV съезда КПСС оказывают огромное идеологическое влияние на трудящихся всего мира, раскрывая им преимущества социализма перед отживающим строем капитализма, значение марксистско-ленинского учения, указывающего единственно правильный путь освобождения трудящихся от всяких форм гнета и эксплуатации, в том числе и от духовного порабощения народных масс буржуазией. Марксизм-ленинизм впервые в истории показал действительную роль и место науки и искусства, указал пути их освобождения от власти капитала.

Л. И. Брежнев осветил на XXV съезде КПСС роль науки и искусства при социализме, развития всех творческих сил людей, освобожденных от пут частной собственности и зависимости от капитала. Социализм не только поднял значение науки (господствующие классы капитализма тоже уделяли и уделяют известное внимание ее развитию, а в эпоху научно-технической революции даже усиливают это внимание). Социализм доказал, что развитие науки, призванной служить всему народу, является закономерностью нового общества. Это само по себе оказывает влияние на интеллигенцию капиталистических стран, во все больших размерах переживающую те же трудности и страдания, какие выпадают на долю всех трудящихся. Не секрет, что кризисы в странах капитализма сталкивают вниз, в ряды безработных, и немалую долю ученых, научных сотрудников, инженеров и учителей, людей так называемых свободных профессий (мы бы сказали — свободных выбирать себе форму эксплуатации и зависимости, но не свободных от власти капитала) — писателей, художников, архитекторов и т. п. В иностранной прессе все чаще появляются сообщения о том, что люди с дипломом идут в чернорабочие, вынуждены перебиваться случайными и низкими заработками. На эти категории интеллигентов картины расцвета науки и искусства, которые продемонстрировал XXV съезд КПСС, производят особенно глубокое впечатление.

Дело, однако, не только в той роли, которую играют наука и искусство при социализме, но и в том, какие конкретные задачи выдвигает перед ними современный период истории. Каждый ученый, будь то специалист в области общественных или естественнонаучных дисциплин, получает в решениях съезда ясные, вдохновляющие на смелые творческие разработки указания. Нацеливая ученых на исследование важнейших вопросов, Л. И. Брежнев подчеркивал, что «рассмотрение этих проблем требует соединения усилий представителей различных наук»²⁷. Интеграция наук — властное требование их развития; в не меньшей, если не в большей мере это относится к общественным наукам. Отсюда вовсе не следует, что специализация в науке устаревает, напротив, без специализации наука топчется на месте, застывает без движения. Но горизонты науки настолько расширились, применение ее достижений на практике столь необходимо, что требуется все большее соединение усилий представителей разных наук, тем более что марксизм-ленинизм как наука развивается не одной какой-либо частью или одной специальностью, а всем комплексом общественных наук и с учетом всей общественной прак-

²⁶ Там же, стр. 32.

²⁷ Там же, стр. 72.

тики человечества. На съезде говорилось о значении и успешном применении комплексного подхода к рассмотрению важных вопросов науки, то есть всестороннего их изучения, определения их актуальности в строительстве коммунизма, установлении их тесной связи с практикой.

Вся деятельность КПСС, в том числе в области развития науки и искусства, пронизана светом марксизма-ленинизма, опирается на его основы. «Марксизм-ленинизм,— подчеркнул на XXV съезде Л. И. Брежнев,— это единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики. Он дает нам понимание исторической перспективы, помогает определить направление социально-экономического и политического развития на долгие годы вперед, правильно ориентироваться в международных событиях. Сила марксизма-ленинизма — в постоянном творческом развитии. Этому учил Маркс. Этому учил Ленин. Их заветам наша партия всегда будет верна!»²⁸. Вся работа съезда — торжество марксизма-ленинизма.

Международное значение XXV съезда КПСС для развития науки и искусства состоит в том, что его решения являются для стран социализма примером научной деятельности партии, примером умелого учета новых условий современного периода; для мирового коммунистического движения — образцом применения положений марксизма-ленинизма к конкретным условиям страны; для трудящихся всего мира — свидетельством правильности руководства обществом.

XXV съезд КПСС состоялся в преддверии 60-летнего юбилея Великого Октября. Это подчеркнул в своем докладе Л. И. Брежнев: «В наших календарях записано: 1976 год — 59-й год Великой Октябрьской социалистической революции. Это не просто слова. Сегодняшние свершения советского народа есть прямое продолжение дела Октября. Это есть практическое воплощение идей великого Ленина. Этому делу, этим идеям наша партия верна и будет верна всегда!»²⁹. Великий Октябрь проложил путь к построению социализма первоначально в одной, а затем и в ряде других стран. Ныне народы мира все решительнее и настойчивее обращают свои взоры, чаяния и стремления к Советскому Союзу и странам социалистического содружества, достижения которых так ярко продемонстрировал XXV съезд КПСС. В этом — основное значение съезда в международном аспекте.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 5.

ДИРЕКТОРИЯ И КОЛЧАК

В. В. Гармиза

Среди региональных исследований по истории гражданской войны, появившихся в последнее десятилетие, работы по Сибири выделяются как количеством, так и широтой тематики. Серьезным достижением является в этом отношении 4-й том «Истории Сибири»¹. Опубликованы обобщающего характера монографии по истории гражданской войны и интервенции в Сибири². Главное место в историографии гражданской войны в крае занимает борьба большевистского подполья, партизанских отрядов, рабочих и крестьян против Временного Сибирского правительства и Колчака³. Немало сделано и в изучении лагеря контрреволюции в Сибири, в особенности мелкобуржуазной контрреволюции — эсеров, меньшевиков и эсеро-меньшевистских правительств. Это направление получило отражение как в обобщающих работах по данной тематике⁴, так и в региональных исследованиях⁵. Вместе с тем есть еще вопросы,

¹ «История Сибири с древнейших времен до наших дней. В пяти томах». Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. Л. 1968.

² П. И. Рошевский. Гражданская война в Зауралье. Свердловск. 1966; В. Т. Шуклецов. Гражданская война на территории Новосибирской области. Новосибирск. 1971; «Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке». Кн. 1. 1918—1920. Владивосток. 1972; В. С. Познанский. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск. 1973.

³ В. А. Кадейкин. Большевистское подполье и рабочее движение в тылу сибирской контрреволюции. Кемерово. 1966; его же. Сибирь непокоренная. Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Кемерово. 1968; Л. М. Спириин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). М. 1968; Д. К. Шелестов. О начале поворота сибирского трудового крестьянства в сторону Советской власти. «История СССР», 1968, № 1; Л. М. Горюшкин. Проблемы истории крестьянства Сибири в период Октября и гражданской войны. «Известия» Сибирского отделения АН СССР, 1970, № 6. Серия общественных наук. Вып. 2; Ю. В. Журов. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск. 1972, и др.

⁴ Л. М. Спириин. Указ. соч.; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М. 1968; О. Ф. Соловьев. Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1914 — июль 1918). М. 1968; В. В. Гармиза. Крушение эсеровских правительств. М. 1970; К. В. Гусев. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975.

⁵ М. Е. Плотникова. Роль Временного сибирского правительства в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири. «Труды» Томского университета. Т. 167. 1964; ее же. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. «Вопросы истории Сибири». Вып. 4. «Труды» Томского университета. Т. 214. 1969; В. А. Кадейкин. Антирабочая политика Временного Сибирского правительства. Там же; В. Н. Назимок. К истории так называемого «Временного правительства автономной Сибири». «Труды» Томского университета. Т. 205. 1970; С. Г. Лившиц. Крах «Временного правительства автономной Сибири». «Вопросы истории», 1974, № 8; Л. Н. Резниченко. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири (1918 г.). Новосибирск. 1972; В. А. Демидов. Политика сибирских эсеров в национальном вопросе и ее крушение. «Научные труды» Новосибирского университета. Историческая серия. 1972. Вып. 5, и др.

изученные недостаточно полно и глубоко. К ним относится кратковременный этап агонии и краха эсеров-меньшевистской контрреволюции в конце 1918 г., связанный с существованием и ликвидацией директории.

Осенью 1918 г. эсеров-меньшевистская, «демократическая» контрреволюция перестала удовлетворять буржуазно-помещичьи верхи, требовавшие «сильной власти». Существование Уфимской директории представляет собой заключительный этап «демократической» контрреволюции, на смену которой на территории Урала и Сибири пришла военно-монархическая диктатура Колчака. В советской исторической литературе вопросы, относящиеся к существованию директории, ее политике и замене властью адмирала Колчака, не были предметом специального изучения. В 20-е годы были опубликованы воспоминания И. М. Майского⁶, содержащие сведения об Уфимском совещании и директории, а также интересный очерк агонии и гибели «учредилки». Директория упоминается во многих обобщающих трудах по истории СССР и гражданской войны⁷. Краткие справочного характера данные о ней имеются и в работах последних лет о мелкобуржуазной контрреволюции в России.

Вопрос этот заслуживает внимания прежде всего как доказательство несостоятельности идеи «третьего пути» в революции. Гражданскую войну эсеры пытались представить как столкновение не двух антагонистических классовых сил — буржуазии и помещиков, с одной стороны, пролетариата и беднейшего крестьянства — с другой, а трех: буржуазии и помещиков, пролетариата, руководимого большевиками, и «демократии», к которой они относили трудовых крестьян, ремесленников, мелких торговцев и интеллигенцию. Руководителем этой «третьей силы» эсеры считали свою партию. Концепцией «третьего пути» прикрывали свои политические действия эсеровский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), Западно-Сибирский комиссариат, Сибирская областная дума, эсеровское Временное правительство автономной Сибири, Временное правительство Северной области, а после Уфимского совещания (сентябрь 1918 г.) и директория.

В. И. Ленин показал несостоятельность попыток мелкой буржуазии осуществлять самостоятельную политику, неизбежность банкротства этих попыток. Выступая в декабре 1918 г. на рабочей конференции Пресненского района Москвы, он отметил, что мелкобуржуазные партии, считая себя социалистами, на деле таковыми не были. «Партии мелкой буржуазии никогда не знают, куда им идти — за капиталистов или за рабочих». В самый тяжелый период революции они отшатнулись от большевиков и «перешли к учредилкам. Появились учредилковцы в Самаре, в Сибири. Теперь их оттуда выгоняют и показывают им, что либо власть помещиков, либо власть большевиков. Серединки быть не может»⁸. Выступать революционно мелкая буржуазия может лишь до тех пор, пока она идет за пролетариатом, как это было в 1905—1907 годах. Когда же она пытается действовать самостоятельно, ее политика может быть только буржуазной и никакой другой. В полной мере это подтвердила история Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Опыт этих событий показал, что разрекламированного эсерами «третьего пути» в действительности не существовало, как не существовало и так называемой «третьей силы». Борьба шла между двумя силами: пролетариатом, союзником которого было трудя-

⁶ И. М. Майский. Демократическая контрреволюция. М. 1923.

⁷ «История гражданской войны в СССР». Т. III. М. 1957, стр. 198, 244; «История СССР с древнейших времен до наших дней в 12-ти томах». Т. VII, ч. 2. Советская страна в годы интервенции и гражданской войны. М. 1967, стр. 452—453; «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР. 1917—1920 гг.». М. 1967, стр. 452; «История Сибири». Т. 4, стр. 96; Л. Н. Резниченко. Указ. соч., стр. 81—84, и др.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 379, 380.

щееся крестьянство, и буржуазией и помещиками, которых поддерживали интервенты.

Используя в борьбе против Советской власти, по их же терминологии, «все средства», эсеры на следующий же день после победы вооруженного восстания в Петрограде приняли активное участие в тайных контрреволюционных организациях и блоках («Союз возрождения России», «Союз защиты родины и свободы»), имевших целью свержение Советской власти. Они вступили в сговор с иностранными империалистами, подготавливая интервенцию против молодого Советского государства; организовывали террористические акты против его виднейших деятелей (два покушения на жизнь В. И. Ленина, убийство В. Володарского), кулацкие мятежи и белогвардейские восстания во многих селах и городах Советской России. В тех случаях, когда эсеры в союзе с меньшевиками временно оказывались у власти, открыто проявлялась их контрреволюционная сущность: они проводили политику репрессий против советских работников, осуществляли капиталистическую реставрацию в социальной и экономической областях и постепенно уступали бразды правления наиболее реакционным кругам буржуазии. Возникновение и последовавший затем неизбежный крах директории убедительно подтверждают это.

Кратковременное существование директории представляет известный интерес и в плане определения конечного рубежа «демократической» контрреволюции в гражданской войне. По данному вопросу у историков пока еще не сложилось единого мнения. Одни полагают, что период «демократической» контрреволюции в Сибири был короче, чем в Среднем Поволжье, и закончился в конце июня 1918 г. с приходом к власти Временного Сибирского правительства, осуществившего неприкрытую буржуазную диктатуру⁹. Другие, и их большинство, считают, что нет оснований выделять Сибирь из общей периодизации истории гражданской войны, поскольку деятельность буржуазного Временного Сибирского правительства, вышедшего из недр эсеро-меньшевистской Сибирской областной думы и включавшего в свой состав эсеров, хотя и правого толка, относится к этапу борьбы с «демократической» контрреволюцией, закончившемуся не летом, а во второй половине ноября 1918 г., с приходом к власти Колчака и ликвидацией «учредительной»¹⁰. Изучение деятельности и падения директории позволяет более аргументированно ответить на вопрос о хронологических рамках периода «демократической» контрреволюции. Автор данной статьи ставит перед собой задачу проанализировать происхождение и политику директории, определить ее классовую сущность, место в истории гражданской войны, а также обстоятельства, сопутствовавшие установлению диктатуры Колчака.

Осень 1918 г. ознаменовалась крупными политическими и военными успехами молодой Советской республики. На значительной территории России ослабевают колебания среднего крестьянства и наблюдается явный поворот его в сторону союза с революционным пролетариатом; мелкобуржуазные партии — эсеры и меньшевики — теряют свое влияние на массы и оказываются в полной политической изоляции. Усиливается разложение Чехословацкого корпуса: большинство его солдат и офицеров отказывается воевать против Советской власти. Красная Армия, выросшая в крупную боевую силу, одерживает блестящие побе-

⁹ М. Е. Плотникова. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г., стр. 186, 187; О. Ф. Соловьев. Указ. соч., стр. 232.

¹⁰ С. Ф. Найда. О начале и основных этапах интервенции и гражданской войны в СССР. «Вестник МГУ». Серия истории. 1964, № 4; В. А. Кадейкин. Сибирь непокоренная, стр. 21—22, 492; Л. М. Спириин. Указ. соч., стр. 271, 281; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. Указ. соч., стр. 329.

ды на Волге, освобождает Казань, Симбирск, Самару, возвращая Советской республике главную водную магистраль страны.

Положение «демократической» контрреволюции становилось все более безнадежным. Массы очень скоро убедились в антинародной политике Временного Сибирского правительства, опиравшегося на буржуазию и осуществлявшего буржуазную диктатуру. Во всех крупных городах Сибири (Томске, Омске, Новониколаевске и других) прошли легальные и полуполитические конференции и съезды уцелевших от разгрома профсоюзов, которыми нередко руководили большевики. Рабочие Сибири протестовали против арестов и требовали немедленного освобождения политических заключенных, отстаивали рабочий контроль, свободу собраний и печати, выступали в защиту трудового законодательства, охраны труда и социального страхования. Важным политическим делом профсоюзов Сибири летом и осенью 1918 г. была борьба за сохранение Советов рабочих депутатов. Забастовки в городах, горняцких поселках и на железных дорогах Сибири начались уже в июне—июле 1918 г., почти сразу после прихода к власти Временного Сибирского правительства¹¹. Стачечное движение нарастало с каждым днем, несмотря на усиление репрессий. Сибирский областной комитет большевиков сообщал в ЦК РКП(б), что «все рабочие жадно ждут восстания»¹².

Осенью 1918 г. Временное Сибирское правительство и директория натолкнулись на активное сопротивление крестьян. Восстановление частной собственности на землю и возвращение крупным собственникам их бывших владений вызвали резкое недовольство крестьян. Мобилизация в белую армию еще более усилила это недовольство. Документы фонда информационно-агитационного отдела МВД Временного Сибирского правительства отражают политические настроения крестьян по всем губерниям и уездам. Крестьяне большинства селений (исключение составляли жители богатых сел), как свидетельствуют протоколы сходов и отчеты информаторов, отказывались поддерживать правительство и активно сопротивлялись набору в армию. В докладе о политическом настроении крестьян Красноярского уезда инструктор отдела писал 7 октября: «Распределение политической атмосферы я представляю себе так: 80% явно враждебного настроения... действительно заинтересованных в поддержке Временного правительства — 10%»¹³.

К сентябрю—октябрю 1918 г. относится начало партизанского движения и крестьянских восстаний в Славгородском, Змеиногорском и Павлодарском уездах Алтайской губернии. Крестьяне избрали военно-революционный штаб, ликвидировали местные органы власти, создали сельское самоуправление. Громадные по числу участников волнения в Змеиногорском и Славгородском уездах были ликвидированы военной силой, что усилило озлобление крестьян против Временного Сибирского правительства¹⁴.

В момент контрреволюционного переворота в Сибири летом 1918 г. наиболее известные большевики вынуждены были покинуть сибирские города, остальные ушли в подполье. ЦК РКП(б) наладил связь с подпольщиками, руководил их действиями, направлял к ним опытных партийных работников, снабжал подпольщиков литературой, деньгами. В конце августа — начале сентября 1918 г. почти во всех губернских и уездных городах Сибири, в промышленных поселках и крупных селах были созданы нелегальные большевистские организации. В соответствии с решением первой Западно-Сибирской подпольной конференции, состоявшейся 1 сентября 1918 г., они начали подготовку к проведению воору-

¹¹ В. А. К а д е й к и н. Сибирь непокоренная, стр. 192—194.

¹² В. В. Г а р м и з а. Указ. соч., стр. 225.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 1561, оп. 1, д. 156, л. 31.

¹⁴ Там же, д. 93, л. 16об.

женного восстания рабочих, солдат и крестьян с целью свержения директории и Временного Сибирского правительства и восстановления власти Советов. Был организован подпольный Сибирский областной комитет, руководивший движением за восстановление Советской власти в крае. Использовались все формы печатной и устной агитации: листовки, прокламации, воззвания. Революционная агитация проводилась на предприятиях и в селах, в профсоюзах, кооперативах, народных домах. Коммунисты-подпольщики вели также агитацию среди новобранцев, значительно затрудняя создание белой армии. На следствии по делу одного из арестованных большевиков агент военного контроля показывал: «21 сентября... на казачьем базаре... было много новобранцев. Среди новобранцев в разных местах базара образовались митинги, где ораторствовали темные личности, призывавшие новобранцев к восстанию против Временного правительства...»¹⁵. В донесении томского уездного комиссара губернскому комиссару о враждебном отношении населения уезда к директории и Временному Сибирскому правительству указывалось, что в некоторых волостях на собраниях и выходах «ведется агитация, направленная против существующего государственного строя»¹⁶. В конторе общества потребителей г. Маринска агенты охраны обнаружили подготовленную для печати прокламацию с призывом не подчиняться Временному Сибирскому правительству, не платить подати, не посылать новобранцев. В городе было найдено еще несколько прокламаций противоправительственного содержания¹⁷.

Успехи Красной Армии на фронте и нарастание революционных ударов народных масс в тылу контрреволюции усилили разброд в ее стане, разногласия между новоявленными «правительствами» — эсеровскими, кадетскими, казачьими, буржуазно-националистическими. Дальнейшее развитие центробежных сил в контрреволюционном лагере вызвало серьезную тревогу всех его участников — от эсеров и меньшевиков до кадетов и монархистов. Уже в конце июля 1918 г. в белогвардейском лагере повсеместно стали раздаваться требования образовать единую власть. «Вопрос о единой власти приобретает небывалую остроту»¹⁸, — отмечалось в одной из самарских газет.

В июле и августе 1918 г. в Челябинске состоялись два совещания представителей Комуча, Сибирского и Уральского «правительства» с целью согласования общей политики и выработки основ, на которых могла бы быть построена «общероссийская» власть. Соглашение не было достигнуто. На втором совещании (23—25 августа) удалось договориться лишь о составе, месте и сроке созыва нового совещания. Решено было провести его в Уфе с единственной целью — создание общего правительства. Уфимское «государственное» совещание проходило с 8 по 23 сентября 1918 года. Состав его (170 человек) был весьма пестрым в социальном, партийном и национальном отношениях: представители эсеровского Комуча и других контрреволюционных правительств, казачьих войск (уральского, оренбургского, сибирского, иркутского и др.), центральных комитетов буржуазных и мелкобуржуазных партий, а также «Союза возрождения России», «Союза земств и городов» и «Сибирской областной думы».

Сформированный на Уфимском совещании орган власти представлял собою директорию из пяти лиц, избранных не по партийному принципу, а персонально. Было признано, что действовать она будет как «ни перед кем не ответственная власть» до 1 января 1919 г. (на этот день

¹⁵ «В борьбе с контрреволюцией». Сборник документальных материалов. Омск. 1959, стр. 57.

¹⁶ «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Сборник документальных материалов. Томск. 1957, стр. 351.

¹⁷ Там же, стр. 354.

¹⁸ «Вечерняя заря», 31. VII. 1918.

было назначено повторное открытие Учредительного собрания прежнего состава). Если 1 января кворум (не менее 250 человек) не соберется, собрание будет отложено до 1 февраля, но откроется уже в меньшем составе. Предполагалось, что, отчитавшись в своей деятельности, директория сдаст этому собранию власть. Однако в условиях расширяющейся гражданской войны и напряженной фронтовой обстановки собрать к указанному сроку установленный кворум было практически невозможно. Избранное правительство, таким образом, становилось полномочным и бесконтрольным на неопределенное время¹⁹.

В последовавших затем спорах о персональном составе правительства придерживавшиеся мелкобуржуазной, «учредилдовской», ориентации группы, несмотря на свое численное преобладание, уступили буржуазии и согласились на образование директории, в которую вошли правый эсер Н. Д. Авксентьев, кадет Н. И. Астров, генерал В. Г. Болдырев — представитель «Союза возрождения», глава Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский и «народный социалист» Н. В. Чайковский. Поскольку три члена директории избирались заочно, совещание приняло решение о назначении пяти заместителей, которые должны были исполнять обязанности членов директории в их отсутствие. На первых порах правительство составили: Н. Д. Авксентьев (эсер), В. Г. Болдырев, В. М. Зензинов (эсер), кадеты В. А. Виноградов и В. В. Сапожников (его вскоре сменил П. В. Вологодский).

Состав директории не удовлетворял никого и в самом лагере контрреволюции. Офицерские круги и стоявшие за ними монархические группы, стремившиеся к установлению военной диктатуры, относились к директории так же, как к Комучу — как к чуждой и неприемлемой для них якобы демократической власти. Буржуазия Сибири встретила известие об уфимском соглашении с нескрываемой неприязнью, вызванной толками о предстоящем созыве Учредительного собрания и передаче ему власти директорией. Буржуазия стремилась к твердой власти — диктатуре — и проявляла резко враждебное отношение к «социалистам». Наличие в директории двух эсеров, хотя и весьма правого направления, ее не устраивало. Казачьи группы возмущались нежеланием новой власти признавать самостоятельную организацию казачества, автономию управления казачьей территорией. Наконец, образовалась оппозиция из значительной части организаторов директории — «социалистов». Лидер самарских эсеров П. Д. Климушкин в неопубликованных мемуарах, написанных в Праге несколько лет спустя после рассматриваемых событий, отмечал: «...Помню, с кем бы я ни заговаривал, [все] были недовольны результатом работ совещания. Одни — принципиальными компромиссами, сделанными эсерами правым группам; другие — персональным составом директории; третьи — платформой работ будущего правительства и т. д. и т. д. Но каждый чем-нибудь да был недоволен. Я не помню ни одного человека, оставшегося довольным результатами совещания»²⁰. В официальном обращении Комуча «К народу российскому» с изложением позиции по вопросу о создании единой всероссийской власти эсеровское «правительство» признавало, что в интересах сохранения Волжского фронта оно было вынуждено отступить на совещании «от своей основной позиции» по вопросу об Учредительном собрании, а также «сделать некоторые существенные уступки в основных своих позициях в области социальной программы»²¹.

¹⁹ Подробнее об Уфимском совещании и избрании директории см. В. В. Гармиза. Банкротство политики «третьего пути» в революции (Уфимское государственное совещание 1918 г.). «История СССР», 1965, № 6.

²⁰ П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление, ч. 1. «Волжское движение» и образование директории. Прага. 1925, стр. 229 (коллекция ЦГАОР СССР).

²¹ Партийный архив Башкирского обкома КПСС (ПАБО), ф. 1832, оп. 2, д. 178, л. 2.

Согласно «Акту об образовании Всероссийской верховной власти» новое правительство было обязано оказывать содействие Съезду членов Учредительного собрания в его деятельности по приглашению и устройству членов Учредительного собрания, подготовке к его открытию и работе. Однако директория игнорировала мешавший ей съезд, что, в свою очередь, вызывало протесты его делегатов. Уфимское совещание ни в партийной среде, ни у членов Учредительного собрания не получило всеобщего признания. Эсеры «протестовали» не только против значительной урезки программы нового правительства, но и против персонального состава директории, отнюдь не гарантировавшего ни созыва Учредительного собрания к 1 января 1919 г., ни выполнения правительственной программы.

Что касается меньшевиков, то после образования директории их уфимский комитет принял резолюцию, в которой указывалось на необходимость создания единой власти, но в то же время отмечалось укрепление внутри контрреволюционного лагеря враждебных «демократии» сил, вследствие чего власть директории фактически была узурпирована Временным Сибирским правительством, «действующим вразрез с интересами демократии». Под этим предлогом меньшевики отказывались занимать ответственные посты в центральных органах правительства и призывали к «сплочению демократических сил вокруг Учредительного собрания»²². Лицемерие меньшевиков проявилось здесь в полной мере. Они разделяли общую программу Уфимского совещания, на основе которой была создана директория, сотрудничали с новой властью, вместо борьбы с нею высказывали неопределенные призывы к сплочению вокруг несуществующего Учредительного собрания и подталкивали директорию на путь выполнения платформы Уфимского совещания.

Начало своего правления директория ознаменовала декларацией от 23 сентября 1918 г. под претенциозным названием «Грамота Всероссийского Временного правительства ко всем народам России». В ней перечислялся состав правительства и излагалась его политическая программа: восстановление государственного единства путем отвоевания у Советской власти ее территории; создание сильной армии, поставленной вне политики и влияния партий; расторжение Брестского мира и возобновление (вместе с союзниками) войны с Германией; широкая автономия для отдельных областей и «культурно-национальное самоопределение» для национальных меньшинств; действенная охрана общественной безопасности (иначе говоря — террор против большевиков и революционно настроенных трудящихся); привлечение иностранного капитала и поощрение частной инициативы; подъем производительности труда; отмена хлебной монополии и твердых цен; сохранение частного землевладения; развитие рабочего законодательства²³. Разумеется, в официально объявленной декларации нельзя было со всей откровенностью (без тех «демократических привесков», которые внес Комуч) изложить программу реставрации капитализма, и тем не менее из текста видно, что это была программа развития буржуазного государства по типу, созданному в ходе Февральской буржуазно-демократической революции.

Сразу же после образования директории перед нею возникли вопросы, требовавшие немедленного решения: создание правительственного аппарата — министерского кабинета; определение постоянного ее местопребывания; обеспечение политической и военной поддержки со стороны союзников, без которой она не могла существовать, так как собственных вооруженных сил не имела. Столь же неотложным для директории было и решение вопроса о судьбе областных правительств,

²² Государственный архив Башкирской АССР (ГА БАССР), ф. 987, оп. 1, д. 8, л. 25.

²³ «Уфимские губернские известия», 2. X. 1918.

поскольку единение между ними и после образования новой власти достигнуто не было. Прежде всего это касалось Комуча и Временного Сибирского правительства, претендовавших на гегемонию в антисоветском лагере. Первые недели своего существования директория была целиком занята решением указанных вопросов.

При определении местопребывания директории назывались три города: Уфа, Екатеринбург и Омск. В создавшейся обстановке и для директории, и для Сибирского правительства это была важнейшая проблема. С некоторым основанием, хотя и не без преувеличения, говорили, что от того, какой из городов выберет директория для своей работы, будет зависеть и ее дальнейшая политика. Учредилловцы предлагали Уфу, представители сибирского правительства — Омск. Директория колебалась. Авксентьев (председатель директории) и Зензинов созвали совещание фракции эсеров Съезда членов Учредительного собрания. Все высказались за Уфу как город, сравнительно отдаленный от сибирских монархистов, центр «демократических» сил контрреволюции, но в конце заседания Авксентьев заявил: «А все-таки мы поедим в Омск»²⁴. Избрание этого города определялось, видимо, стремлением Авксентьева приблизить к союзникам директорию и этим отодвинуть от них Сибирское правительство, поскольку английские интервенты сочувствовали сибирской власти, игнорировали доживавший свои последние дни Комуч и не спешили признавать директорию. Обосновавшись в Омске, она рассчитывала подчинить себе сибирский аппарат и войти в контакт с союзниками, а также обезвредить Сибирское правительство методом «обволакивания» (выражение Авксентьева), превратив его в свой деловой аппарат. Предполагалось отобрать из состава Сибирского правительства наиболее приемлемых для директории и ее сторонников министров, отстранив остальных; ликвидировать областные правительства и сосредоточить всю полноту власти в руках директории. Вскоре, однако, стало ясно, сколь призрачными были эти расчеты.

Директория переоценила свои возможности. В Омске она была встречена враждебно. Местные власти помешали ей проникнуть в город (под предлогом отсутствия помещения), и в течение двух-трех недель директория пребывала на станции, в железнодорожных вагонах, заслужив прозвище «воробьиного правительства». Никто с нею не считался. Учредилловцы были возмущены переездом директории в Омск. Многие из них предлагали разорвать соглашение и объявить о ее ликвидации.

Переезд в Омск, где в то время обосновались представители оголтелой буржуазной реакции, не сулил директории долгой жизни. Сибирская областная дума, в большинстве своем состоявшая из эсеров и сибирских областников, была распущена порожденным ею же Временным Сибирским правительством; председатель думы эсер И. Е. Якушев освобожден от должности. Из состава Сибирского правительства 21 сентября 1918 г. были удалены министры-эсеры В. М. Крутовский и М. Б. Шатилов (под страхом смерти их принудили подписать отставку). Отважившийся возражать член Учредительного собрания эсер А. Е. Новоселов по дороге в тюрьму был расстрелян офицерами из штаба начальника гарнизона полковника Волкова. В организации его убийства не без основания обвиняли министра финансов Сибирского правительства эсера И. А. Михайлова («Ваньку-Кайна») — одного из активнейших поборников буржуазно-монархической реакции в Сибири.

У директории еще оставались некоторые шансы продержаться не продолжительное время, если бы (пользуясь правом верховной власти и опираясь на сочувствующих ей чехословаков) она разогнала сибирских монархистов, но сделать это директория не могла в силу своей по-

²⁴ П. Д. Климушкин. Указ. соч., ч. I, стр. 233.

литической ориентации и соглашательства. Это сказалось и при образовании министерской коллегии директории. К услугам вновь созданной власти был аппарат Комуча, состоявший из эсеров, но директория предпочла откровенно буржуазный, предложив сотрудничество членам Сибирского правительства, которые один за другим проходили на министерские посты при распределении портфелей в новом кабинете. Отдельные попытки двух эсеров протестовать против некоторых кандидатур решительно пресекались. В совет министров прошли все члены Сибирского правительства, в том числе и монархисты, сторонники военной диктатуры: Михайлов (которого Авксентьев обещал расстрелять за убийство Новоселова), Колчак (военный министр) и другие. С 4 ноября 1918 г. Сибирское правительство стало именовать себя всероссийским.

Ориентация директории при формировании исполнительной власти на Сибирское правительство раскрывает ее классовую сущность, характеризует как буржуазное правительство, не желавшее иметь дело с мелкобуржуазной учредилкой. Директория откровенно сдавала позиции буржуазной «демократии» сибирской военно-монархической буржуазии. Это было началом конца самой директории. В. И. Ленин неоднократно указывал, что эсеро-меньшевистское правительство везде были лишь ступенькой, по которой поднималась к власти оголтелая контрреволюция²⁵.

Одновременно с формированием министерского аппарата директория опубликовала указ и грамоту Всероссийского временного правительства от 4 ноября 1918 г. о ликвидации всех областных правительств. Последние лишались прежней власти, лишь частично сохраняя свой аппарат управления в качестве исполнительных учреждений, подчиненных центральному (сибирскому) правительству. Таким образом, из буржуазно-демократических властей осталась одна директория. Комуч прекратил существование, передав управление на подвластной ему территории своему исполнительному аппарату — Совету управляющих ведомствами. Одновременно с указом о ликвидации областных правительств директория опубликовала указ о роспуске «народной армии» Комуча. Председателем ликвидационной комиссии был назначен бывший главнокомандующий и начальник штаба этой армии Н. А. Галкин, изменивший свою политическую ориентацию в направлении сибирской военно-монархической контрреволюции. Только два батальона войск Учредительного собрания и небольшой конный отряд учредилковцы смогли сохранить в своем подчинении.

5 ноября 1918 г. состоялось торжественное заседание Временного всероссийского правительства. На нем присутствовали члены директории, члены бывшего Сибирского правительства, вновь образованный совет министров. Председатель директории Авксентьев огласил грамоту Временного всероссийского правительства ко всем областным правительствам и другие официальные документы, объявил заседание совета министров открытым и уступил председательское кресло новому хозяину — председателю совета министров П. В. Вологодскому (бывшему главе Сибирского правительства), после чего покинул заседание²⁶, что как бы символизировало фактическое отстранение от дел самой директории.

Сибирские монархисты в этих условиях стали действовать еще более активно. В Омске возникла тайная офицерская организация, открыто велась монархическая агитация. Фактическая власть в городе принадлежала белогвардейским отрядам атаманов Б. В. Анненкова и Красильникова — монархистов и головорезов.

Тем временем в Екатеринбурге заседал Съезд членов Учредительного собрания, не пожелавший отправиться вслед за директорией в

²⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 25; т. 39, стр. 128, 299.

²⁶ «Голос рабочего» (Уфа), 14. XI. 1918

Омск. Существование этого съезда — малозначительный эпизод истории (хотя один из его руководителей, эсер Н. В. Святицкий, и написал о нем довольно большую книгу²⁷) и представляет некоторый интерес лишь как свидетельство бессилия эсеровских лидеров. Главной задачей съезда, согласно акту Уфимского совещания, была организация приезда членов Учредительного собрания в назначенном кворуме, подготовка к его открытию и работе, включавшей и разработку законопроектов. Съезд не подчинялся директории, самостоятельно действуя в сфере своей компетенции, а директория, со своей стороны, не подчинялась съезду.

На первых порах съезд ограничился организационными вопросами. Был выработан подробный порядок его работы, отпечатанный в виде обширного наказа (3 главы, 101 пункт)²⁸; избраны председатель, бюро и комиссия личного состава съезда; разработаны сметные предположения, включавшие материальные расходы по содержанию приехавших членов Учредительного собрания (большинство из них проживало в Самаре и Уфе)²⁹. Съезд выразил доверие директории, но ее переезд в Омск, вручение министерских портфелей сибирским правителям и указ о ликвидации областных правительств учредильцы восприняли отрицательно. В конфиденциальной записке нескольких членов Учредительного собрания, обращенной к съезду, указывалось на ослабление позиций «демократии» и усиление буржуазно-помещичьей реакции во всех районах, захваченных противниками Советской власти; вместе с тем отмечалась необходимость иметь постоянный контакт с правительством, поддерживая его в осуществлении программы Уфимского совещания, широко использовать членов Учредительного собрания «для пропаганды идей демократической республики»³⁰.

Но директория отнюдь не стремилась к осуществлению этой программы и к контактам со съездом. Она сознательно капитулировала перед военно-монархической реакцией, сознательно избрала путь капиталистической реставрации. Все контрреволюционные акты Сибирского правительства были оставлены в силе. Сохранялась частная собственность на землю, продолжалась политика денационализации предприятий, полностью были восстановлены частная оптовая и розничная торговля, упразднены фабрично-заводские комитеты и другие рабочие организации, запрещены под угрозой репрессий стачки, отменен 8-часовой рабочий день, одна за другой закрывались эсеровские и меньшевистские газеты. Окончательно была распущена Сибирская областная дума. По распоряжению правительства вся военная власть перешла от местных правительств к директории и верховному главнокомандующему — генералу Болдыреву. Свирепствовал белогвардейский террор. В армии были восстановлены порядки, существовавшие при царизме.

В такой обстановке вскоре после приезда в Екатеринбург лидера эсеров В. М. Чернова Съезд членов Учредительного собрания сделал жалкую попытку оказать сопротивление дальнейшему наступлению военно-монархических кругов, но дальше бумажной декларации дело не пошло. Из-под пера Чернова вышла пространная резолюция ЦК партии эсеров (в Сибири ее называли «прокламацией»), принятая Съездом членов Учредительного собрания в качестве руководящего документа. Резолюция указывала на опасность, которая угрожает «демократии». В ней излагались причины неудачи эсеров и меньшевиков на Уфимском совещании и «промахи» директории, обнаружившие ее слабость. Основное же содержание резолюции сводилось к обоснованию тактики партии эсеров и Съезда членов Учредительного собрания в создавшейся

²⁷ Н. В. Святицкий. К истории Всероссийского учредительного собрания. Съезд членов Учредительного собрания. М. 1921.

²⁸ ГА БАССР, ф. 987, оп. 1, д. 11, л. 53.

²⁹ Там же, лл. 34, 35, 37.

³⁰ Там же, д. 11, л. 1.

обстановке. В качестве главной задачи выдвигалось собрание всех «демократических» сил, в частности эсеров, вокруг Учредительного собрания и его «преддверия» — Съезда членов Учредительного собрания. Съезду предлагалось немедленно приступить к разработке и публикации законопроектов Учредительного собрания и подготовке плана организации центральной власти, а свою деятельность направить на укрепление «демократических» сил для защиты Учредительного собрания. Партию эсеров резолюция обязывала сплотиться, избавиться от колебаний и склонности к капитуляции, мобилизовать и обучить свои силы военному делу и подготовиться к отпору противникам «демократии».

Эту резолюцию, подписанную восьмью членами ЦК партии социалистов-революционеров, эсеры называли «знаменитой» и «исторической». На деле же она была «каучуковой» резолюцией, призывавшей к сотрудничеству с контрреволюционным правительством, вставшим на путь утверждения единовластия буржуазии и помещиков. Резолюция в демагогических целях была проникнута идеями утопической эсеро-меньшевистской теории «третьего пути»³¹, в ней звучали призывы к борьбе на два фронта — против Советской власти и против сил буржуазно-помещичьей реакции. Однако эта надуманная теория эсеров расходилась с их практической деятельностью: «борьба» против буржуазии и помещиков не выходила за рамки широковещательных резолюций и демагогических призывов.

Несмотря на, казалось бы, единодушное принятие этой резолюции, Съезд членов Учредительного собрания не обнаружил единства. Правая группа ополчилась на ЦК партии эсеров, высказалась за безоговорочную поддержку директории и полную политическую пассивность съезда, которому предлагалось ограничить свою деятельность обеспечением кворума. За правыми шел колеблющийся центр. На левом фланге было 30—40 сторонников ЦК партии эсеров во главе с Черновым, которые пытались организовать вокруг съезда более активные силы «демократии» для борьбы за Учредительное собрание. Вскоре на съезде обнаружился полный раскол, правые фактически образовали самостоятельную фракцию.

В самой директории также возникли две группировки. Одну составили глава сибирской реакции близкий к кадетам монархист Вологодский и поддерживавшие его генералы Болдырев и Виноградов; другую — правые эсеры Авксентьев и Зензинов, потерявшие всякую самостоятельность и способность к сопротивлению. Болдырев потребовал немедленного удаления эсеров с некоторых ответственных должностей, в частности из управления печатью, и даже возбудил вопрос об аресте эсеровского ЦК во главе с председателем Съезда членов Учредительного собрания Черновым. Совет министров предложил упразднить Съезд членов Учредительного собрания. Была запрещена агитация за образование добровольческих отрядов имени Учредительного собрания и русско-чешских полков, сформированных в обстановке развала «народной армии» Комуча. Добровольческая группа войск ижевских заводов приказом сибирского («Всероссийского») правительства была распущена, а назначенный Комучем командующий смещен. Однако Совет управляющих ведомствами распорядился задержать исполнение этого приказа, опасаясь, что в противном случае «завтра же все рабочие с оружием в руках перейдут к большевикам»³². Стронник Учредительного собрания командующий уфимским фронтом генерал С. Чечек был отозван

³¹ Окончательно эта теория была сформулирована позднее — на IX совете партии эсеров (1919 г.), но все элементы ее имели место и в 1918 г. в теории и практике эсеровских «правительств» и ЦК партии эсеров.

³² П. Д. Климушкин. Гражданская война на Волге. Ч. 2. Ликвидация демократии Прага. 1925, стр. 78—79 (коллекция ЦГАОР СССР).

из Уфы, и на его место назначен русский белогвардеец, находившийся на службе в Чехословацком корпусе, генерал С. Войцеховский, один из организаторов чехословацкого мятежа.

Новое правительство, признав де-юре власть Совета управляющих ведомствами, фактически ее игнорировало. Из Омска в Уфу шли грозные телеграммы, отнимавшие у Совета то одну, то другую функцию. Особенно чувствительным был удар по «карману» учредителей — распоряжение министра финансов всякие выплаты производить только по кредитам омского правительства. За этим последовало опечатание военными властями уфимского отделения государственного банка³³. Совет управляющих ведомствами еще пытался сопротивляться. Опираясь на постановление директории, временно предоставлявшее областным исполнительным органам правительства всю полноту гражданской власти на их территории, он отдал приказ всем подвластным ему лицам и учреждениям «исполнять только распоряжения, исходящие от Совета управляющих ведомствами»³⁴. Чтобы укрепить свои позиции, совет проектировал созыв в Уфе совещания представителей бывших областных правительств, с которыми управляющий ведомством иностранных дел М. А. Веденяпин вступил в контакт. Военным властям стало об этом известно, и директория запретила созыв совещания³⁵.

Вопреки навеянному эсеровскими и монархическими мемуаристами мнению, директория вполне осознанно действовала как власть, осуществлявшая буржуазную диктатуру. Ее кратковременную историю заполняют отчаянные попытки остатков Комуча противостоять натиску военно-монархических кругов. Эти усилия были заранее обречены на провал, потому что эсеры из Комуча так же не отражали интересов трудящихся, как и члены директории (эсеры и неэсеры), и войну они вели не на два фронта, а только против Советской республики.

Политику директории, ее классовую направленность в значительной степени характеризуют ее отношения с бывшими союзниками России. Глава вооруженных сил директории генерал Болдырев, члены директории Авксентьев и Зензинов и другие эсеры неоднократно объявляли себя врагами интервенции. Вскоре после появления резолюции («прокламации») ЦК партии эсеров к Авксентьеву явился с протестом английский генерал А. У. Нокс. Он заявил, что новое правительство при таких обстоятельствах «не сможет рассчитывать на помощь союзников»³⁶. Признание союзников и их военная помощь были крайне необходимы директории. Едва возникнув, она немедленно обратилась за помощью к иностранным державам³⁷. В самой подобострастной и униженной форме взывала она о помощи к США: «К президенту великой Северо-Американской республики, признанному бескорыстному апостолу мира и братства среди народов, обращаем свой первый призыв...»³⁸. Правительства Англии и Франции, не отказываясь формально от поддержки директории, не спешили, однако, помогать ей, выжидая, кто возьмет верх в лагере российской контрреволюции: буржуазная «демократия» или сибирские монархисты — сторонники военной диктатуры. Представитель французского министерства иностранных дел С. Пишон писал директории: «Согласие не считает себя вправе избирать между различными политическими группировками, которые борются, поддерживать одну из них против другой. События во Владивостоке и в Архангельске оставили глубокое разочарование, и Согласие стало скептически относиться к вопросу об устойчивости всякого правительства.

³³ ГА БАССР, ф. 987, оп. 1, д. 8, лл. 26, 28—29.

³⁴ Там же, лл. 57—58.

³⁵ Там же, л. 88.

³⁶ «Процесс партии с-р. Речи государственных обвинителей Луначарского, Покровского, Крыленко и др.». М. 1922.

³⁷ «Голос рабочего» (Уфа), 12. XI. 1918.

³⁸ Там же.

...Ключ вашего положения за границей лежит больше в вашей реальной силе, чем в вашем легальном титуле»³⁹. Иначе говоря, директории дали понять, что она может рассчитывать на помощь только в том случае, если станет правительством, обладающим реальной силой и властью.

Когда в октябре 1918 г. в Уфу прибыли английский, французский и американский отряды, учредилорцы приписали этот факт влиянию директории и восприняли его как доказательство реальной помощи союзников «демократии». Между тем эта помощь была направлена совсем по другому адресу — к тому времени союзники уже твердо ориентировались на военную диктатуру.

Имя правителя и верховного главнокомандующего было определено не сразу. Кандидатура адмирала Колчака подвергалась сомнению, поскольку у него полностью отсутствовал опыт командования сухопутными войсками. Более подходящим человеком для организации монархического переворота считался генерал Болдырев. Будучи одним из руководителей «Союза возрождения России», представлявшего антисоветский блок буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп от монархистов до эсеров, он устраивал всех противников Советской власти. «Кабинет министров» во главе с Вологодским обратился к Болдыреву, предложив ему взять власть. Согласившись в принципе с необходимостью замены директории единоличной властью, Болдырев отказался, однако, от этого предложения, сославшись на «несвоевременность переворота»⁴⁰. Но промедление не входило в планы Вологодского и Михайлова, и жаждавшие военной диктатуры сибирские монархисты остановились на кандидатуре Колчака.

В годы первой мировой войны Колчак командовал минной flotилией в Балтийском море; в 1916 г. был назначен командующим Черноморским флотом. Враждебным отношением к революционно настроенным матросам он вызвал 19 июня 1917 г. большие волнения во флоте и под давлением матросов был отозван Временным правительством. В июле 1917 г. Колчак во главе военно-морской миссии был направлен в США для консультаций по минному делу и предполагаемому десанту союзников против турок на берегах Босфора. По пути в США Колчак задержался в Лондоне, где установил связи с английским военно-морским командованием. Политическая ориентация Колчака уже тогда, летом 1917 г., была предельно ясна. Генерал Корнилов намечал его в состав своего правительства⁴¹.

Известие об Октябрьской революции Колчак, находившийся в то время в США, встретил крайне враждебно, а после начавшихся в Бресте советско-германских переговоров о мире обратился к английским властям с предложением принять его на службу в действующую английскую армию (с этого времени он мог рассчитывать на активную поддержку британского правительства во всех своих контрреволюционных планах). Предложение Колчака было принято. Он был направлен на Месопотамский фронт войны с Турцией, но с дороги отозван новыми хозяевами: по заданию английских военно-империалистических кругов и русских контрреволюционеров, в частности бывшего царского посланника в Лондоне князя Кудашева, Колчак уехал в Шанхай, а затем в Пекин и Харбин для организации дальневосточного антисоветского фронта. Там уже орудовали к этому времени атаман Г. М. Семенов и генерал Р. Л. Хорват — управляющий Китайско-Восточной железной дорогой. Оба претендовали на главенство в белогвардейском движении на Дальнем Востоке. Семенов опирался на активную поддержку китайских властей; в его воинстве, состоявшем из черносотенных офицеров, казаков и ссыльных уголовных элементов, было много хунхузов; он

³⁹ «Уфимская жизнь», 12. XI. 1918.

⁴⁰ К. В. Сахаров. Белая Сибирь. Мюнхен. 1923, стр. 21.

⁴¹ Л. М. Спириин. Разгром армии Колчака. М. 1957, стр. 6.

пользовался также поддержкой Англии и Японии. Хорват ориентировался на Японию. В его распоряжении было несколько самостоятельно действовавших белогвардейских отрядов. Сюда же прибыл и третий претендент на власть — глава «Временного правительства автономной Сибири» эсер П. Я. Дербер. Наконец, в Пекине образовалось «правительство», в которое входили крупный финансист и промышленник А. И. Путилов, известный уральский делец князь В. Е. Львов, брат бывшего председателя Временного правительства, и Колчак. Колчак, как и Хорват, был приглашен Дербером в состав планируемого им «коалиционного правительства», но войти в него отказался, не желая сотрудничать с эсерами в этом «опереточном», как он его называл, правительстве. К правительству Вологодского он отнесся более «благожелательно», видя в нем реальную власть. Не договорившись с Семеновым, Хорватом и Дербером, Колчак в середине октября 1918 г. с английским отрядом генерала Нокса появился в Омске, где вошел в правительство Вологодского в качестве военного министра.

Это назначение с восторгом приветствовала кадетская буржуазия. До Февральской революции Колчак был военным служакой, преданным царю, пользовался его доверием и до конца своих дней оставался убежденным монархистом. После свержения самодержавия Колчак прилагал все усилия, чтобы удержать матросов в подчинении старому офицерству и прежней дисциплине. Он считал, что в военное время вся власть должна быть сосредоточена у одного лица, которое опирается на армию и осуществляет военную диктатуру. К буржуазной демократии, парламентаризму Колчак относился с нескрываемым презрением, что не мешало ему, однако, в целях демагогии причислять себя к сторонникам Учредительного собрания.

Со второй половины октября 1918 г. подготовка монархического переворота в Сибири вступила в решающую фазу. В Омске был образован так называемый национальный блок в составе промышленников и кадетов, главной целью которого было установление единоличной военной диктатуры. Уральский областной торговле-промышленный съезд, проходивший 20—24 октября 1918 г., принял то же решение. Военщина действовала в Омске все активнее. Участились случаи убийств и арестов эсеров, Сибирская печать усилила нападки на эсеровское крыло директории, обвиняя его в причастности к «уфимской прокламации», попытках разложения сибирской армии.

Съезд членов Учредительного собрания в Екатеринбурге вливал жалкое существование. Его переговоры с Советом управляющих ведомствами подвергались грубой цензуре (разговоры прерывались, телеграфные ленты отбирались). «Решительные» протесты Совета управляющих ведомствами никакого действия не оказывали. 13 ноября 1918 г. директория телеграфировала, чтобы весь состав Совета управляющих ведомствами выехал в Челябинск для сдачи дел, документов и имущества особой комиссии правительства. Члены совета поняли, что это ловушка и что в Челябинске они будут немедленно арестованы, отказались от поездки и предложили «для личных сношений направлять всех лиц в Уфу»⁴², но ничто уже не могло спасти остатки Комуча, не имевшего поддержки трудящихся масс.

В Омске, в здании военно-промышленного комитета, 17 ноября 1918 г. состоялось совещание местных кадетов, представителей омского «Союза возрождения» и иностранных генералов, на котором в принципе и был решен вопрос об установлении военной диктатуры. Называлось имя Колчака, кандидатуру которого решительно поддерживали англичане⁴³. Болдырев в это время был в Уфе.

⁴² «Народное дело» (Уфа), 13. XI. 1918.

⁴³ Н. А. Корнатовский. Основные этапы развития восточной контрреволюции. «Колчаковщина. Из белых мемуаров». Л. 1930, стр. 9.

В ночь на 18 ноября 1918 г. начальник омского гарнизона полковник Волков и офицер Катанаев с казаками по личному приказу войскового старшины атамана Красильникова ворвались в квартиру товарища министра внутренних дел, начальника местной милиции эсера Е. Ф. Роговского и в здание ведомства государственной охраны, где в то время находилось несколько эсеров, в том числе Авксентьев и Зензинов, член ЦК партии эсеров Д. Ф. Раков и другие. Все они были арестованы и доставлены в штаб Красильникова. Там уже находились другие задержанные, в том числе и А. А. Аргунов. Всех, кроме Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, А. А. Аргунова, Е. Ф. Роговского, Д. Ф. Ракова, еще до наступления утра освободили.

На рассвете состоялось экстренное заседание совета министров. Вологодский информировал собравшихся о происшедших событиях, выразил «негодование» самочинным поступком полковника Волкова, предложил «признать распадение разнородной и неработоспособной директории и взять полноту власти в свои руки»⁴⁴. Обсуждение вопроса о форме власти закончилось принятием решения о единоличной диктатуре. В качестве кандидата в диктаторы назывались генералы Болдырев и Хорват, по разным основаниям не получившие поддержки. К утру закрытой баллотировкой диктатором с присвоением титула «верховного правителя» единогласно был избран Колчак. Авксентьеву, Зензинову, Аргунову и Роговскому было предложено освобождение при условии, что они дадут обещание не вести никакой политической и пропагандистской деятельности на территории Сибири. Однако, опасаясь расправы, они не захотели воспользоваться этим предложением и спустя несколько дней согласились выехать за границу (США отказались предоставить им право на жительство, и они отправились в Западную Европу); при этом Зензинов не постеснялся испросить у Колчака на дорогу 50 тыс. рублей.

Известие о совершившейся смене власти пришло в Уфу в тот же день, 18 ноября. Совет управляющих ведомств давал парадный ужин в честь прибывшего с фронта Болдырева. Колчак вызвал его по прямому проводу и сообщил о происшедшем. Заканчивая свою книгу воспоминаний рассказом о переходе власти к Колчаку, Болдырев совсем не упоминает об этом неприятном для него разговоре. На вопрос Болдырева, принял ли адмирал во внимание, что арест директории может означать «новую гражданскую войну на два фронта», Колчак резко ответил: «Генерал, я не мальчик, в ваших поучениях я не нуждаюсь. Я взвесил все и знаю, что делаю. Благоволите немедленно же выехать из Уфы. Это мой категорический приказ»⁴⁵.

Лихорадочные попытки Совета управляющих ведомствами бывшего Комуца (в Уфе) и бюро Съезда членов Учредительного собрания (в Екатеринбурге) помешать приходу Колчака к власти оказались тщетными. 19 ноября гостиница «Палерояль» в Екатеринбурге, где разместились члены Учредительного собрания, была окружена солдатами 25-го уральского полка. Всех учредителей, в том числе В. К. Вольского, арестовали. По приказу главнокомандующего фронтом арестованных препроводили под конвоем чехословаков в Челябинск, а оттуда в Уфу. В декабре начались повальные аресты противников Колчака. Большинство членов Учредительного собрания было арестовано, оставшиеся на свободе ушли в подполье, некоторые, в том числе Чернов, успели скрыться и затем эмигрировали. Большинство правых эсеров на юге страны (например, екатеринославская организация) перешли на сторону Деникина и Колчака и активно сотрудничали с белогвардейцами-

⁴⁴ Н. Святицкий. Реакция и народовластие (Очерк событий на Востоке России). М. 1920, стр. 81.

⁴⁵ П. Д. Климушкин. Указ. соч., ч. 2, стр. 109.

монархистами. Часть эсеров центра (Вольский, К. С. Буревой, Святицкий и другие) главным образом под воздействием успехов Красной Армии и упрочения диктатуры пролетариата отказались от вооруженной борьбы против Советской власти и начали в Уфе переговоры с ее представителями о совместной борьбе против Колчака.

Директория по своему составу отражала соотношение сил, сложившееся в лагере контрреволюции к концу уфимского совещания. Она представляла собой временный и неустойчивый компромисс, с большим трудом достигнутый между буржуазией и мелкой буржуазией (в лице соглашательских партий). Это было типичное буржуазное правительство, и два правых эсера, входившие в его состав, ничего не меняли в его социальной сущности и политике. По собственному волеизъявлению, отнюдь не уступая давлению со стороны, директория обосновалась в Омске и сотрудничала с буржуазным Временным Сибирским правительством.

Оценка Временного Сибирского правительства как правительства буржуазной реакции, подчинившего своей власти бессильную, не имевшую социальной опоры директорию, данная в работах М. Е. Плотниковой, научно оправданна и убедительна. Это было правительство, осуществлявшее неприкрытую буржуазную диктатуру. Но нельзя, как нам думается, относить завершение периода «демократической» контрреволюции в Сибири к концу июня 1918 г., к моменту утверждения власти Временного Сибирского правительства. До 18 ноября военно-монархической диктатуры в Сибири еще не было. В составе директории, правительственных учреждений да и самого сибирского правительства еще оставались представители мелкобуржуазных партий. На территории, подчиненной директории и сибирскому правительству, действовал «осколок» Кому́ча — Совет управляющих ведомствами, полномочия которого распространялись на значительную часть Южного Урала. Существовал и эсеровский по составу Съезд членов Учредительного собрания, не подчинявшийся сибирскому правительству и директории. По этим соображениям не следует выделять Сибирь из общей хронологии гражданской войны.

Бесславный конец директории и Съезда членов Учредительного собрания — наглядное доказательство непреложности исторической истины, заключающейся в том, что, как только буржуазия, прикрывающая до поры до времени свои истинные цели фальшивыми лозунгами «демократии» и «народоправия», укрепляет позиции, она немедленно убирает с дороги своих временных пособников. «Чтобы доказать, что большевики несостоятельны, — говорил В. И. Ленин, — эсеры и меньшевики начали строить новую власть и торжественно провалились с ней прямо к власти Колчака»⁴⁶. Классовая борьба не признает среднего пути. На это неоднократно указывал В. И. Ленин. «Что же вышло из этой власти? — писал он по поводу эсеро-меньшевистской контрреволюции. — Вышла вместо Учредительного собрания колчаковская диктатура, — самая бешеная, хуже всякой царской»⁴⁷. Судьба оторванной от народных масс, политически изолированной директории показывает полную безнадежность всех попыток соглашательских партий найти «третий путь», некую среднюю линию между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии.

Упрочение Советской власти, успешное выступление революционных сил (Красной Армии на фронте, рабочих и крестьян в тылу белогвардейщины) привели к распаду лагеря контрреволюции. Падение директории является свидетельством определенной исторической закономерности, состоящей в том, что в обстановке крайнего обострения борьбы антагонистических классов (революция и гражданская война)

⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 128.

⁴⁷ Там же, стр. 127.

правительства буржуазной демократии оказываются неспособными удержаться у власти и гибнут либо под ударами военно-монархической (позднее — фашистской) диктатуры либо с противоположного фронта — под ударами революционного пролетариата и его армии. В первом случае это была директория, во втором — Комуч, разгромленный войсками Красной Армии в начале октября 1918 года. Последующие события мировой истории многократно подтвердили эту историческую истину. Буржуазия видела неспособность мелкобуржуазных партий удерживать ее власть и ее диктатуру при помощи демократической фразы и буржуазно-демократических институтов. Чем сильнее становились удары рабочих и крестьян, чем меньше оставалось у буржуазии возможности удержать власть, тем больше надежд возлагала она на военно-монархическую диктатуру. Тенденция к отказу от демократических свобод отличает развитие политической системы капитализма в условиях углубления его общего кризиса.

Эсеры и меньшевики, называя себя «социалистами» и «демократами», на деле оказались пособниками белых, пособниками помещиков и капиталистов. Эсеро-меньшевистская «демократия» открыла путь к установлению военно-монархической диктатуры Колчака. Колчаковщине, подчеркивал В. И. Ленин, «помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»). Пора научиться оценивать политические партии по делам их, а не по их словам»⁴⁸. Но контрреволюция просчиталась, пытаясь таким образом удержаться у власти. Ненавистная народу диктатура вызвала мощное движение протеста всех трудящихся Сибири. Власть Колчака шаталась и трещала под ударами партизанских отрядов, удерживаясь с помощью кровавых репрессий. Колчак был окончательно разгромлен с приходом в Сибирь в 1919—1920 гг. Красной Армии.

⁴⁸ Там же, стр. 156.

БОРЬБА СОВЕТОВ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

А. М. Андреев

Семнадцатый год знает немало попыток контрреволюционной российской буржуазии развязать в союзе с иностранными империалистами гражданскую войну и установить режим военной диктатуры. Они имели место во время апрельского и июльского политических кризисов, наступления на фронте в июне, созыва Московского государственного совещания (август), а затем мятежа генерала Л. Г. Корнилова. Накануне вооруженного восстания в Петрограде Временное правительство и верховное командование вновь пытались организовать контрреволюционный заговор, известный под названием «вторая корниловщина».

Борьба рабочего класса и революционно настроенных солдатских масс с происками контрреволюции в первые месяцы после свержения самодержавия, в послениюльские дни и во время корниловского мятежа сравнительно полно освещена в советской историографии. Определенные успехи достигнуты в изучении «второй корниловщины». В фундаментальном исследовании акад. И. И. Минца, в монографиях и статьях Г. И. Журавлева, Н. Я. Иванова, А. В. Игнатьева, М. И. Капустина, Ю. К. Кириенко, Н. Ф. Славина и других рассматриваются вопросы экономической, политической, военной и дипломатической подготовки Временным правительством и ставкой верховного главнокомандующего контрреволюционного переворота накануне Великого Октября¹. В разоблачении и предотвращении «второй корниловщины» важная роль принадлежала Советам рабочих и солдатских депутатов, руководимым партией большевиков. Некоторые сведения о деятельности Советов по борьбе с военной контрреволюцией в сентябре — октябре 1917 г. содержатся в работах П. А. Голуба, Н. Я. Иванова, В. Мирошниченко, С. С. Хесина и других исследователей². Однако в нашей историографии все еще недостаточно разработан вопрос о противодействии Советов рабочих и солдатских депутатов, руководимых большевиками, замыслам

¹ Г. И. Журавлев. К вопросу о втором контрреволюционном военном заговоре накануне Октябрьской социалистической революции. «Исторические записки». Т. 56. 1956; Н. Ф. Славин. Из истории кризиса верхов накануне Октябрьской революции. «История СССР», 1964, № 6; А. В. Игнатьев. Отношение империалистов Антанты и США ко «второй корниловщине». «Октябрь и гражданская война в СССР». М. 1966; его же. Внешняя политика Временного правительства. М. 1974; И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 2. М. 1968; М. И. Капустин. Заговор генералов. М. 1968; Н. Я. Иванов. В. И. Ленин о «второй корниловщине». «Вестник» Ленинградского университета. Серия истории. 1970, № 2, вып. 1; Ю. К. Кириенко. Подготовка «второй корниловщины» на Дону. «Вопросы истории», 1973, № 10, и др.

² Н. Я. Иванов. Из истории борьбы против «второй корниловщины», «Вопросы истории», 1960, № 11; А. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М. 1967; В. Мирошниченко. Военная подготовка «второй корниловщины» и мероприятия большевистской партии по ее срыву. «Военно-исторический журнал», 1967, № 10; П. А. Голуб. Контрреволюционный заговор на юге России в конце 1917 — начале 1918 г. «Вопросы истории», 1968, № 9; С. С. Хесин. Октябрьская революция и флот. М. 1971, и др.

Временного правительства, контрреволюционного генералитета и офицерства.

В данной статье предпринята попытка комплексно рассмотреть историю самоотверженной борьбы с контрреволюцией массовых организаций трудящихся (Советов рабочих и солдатских депутатов, комитетов в армии и флоте) накануне социалистической революции. Основное внимание уделяется при этом разоблачению замыслов Временного правительства и реакционных верхов командного состава армии, направленных на ликвидацию Советов и вооруженных сил революции, на установление в России режима военной диктатуры.

Лето и осень 1917 г. были в России временем, когда во всех областях общественной жизни происходила острая борьба между силами нарастающей социалистической революции и буржуазной контрреволюцией. Временное правительство с каждым днем усиливало репрессии против авангарда рабочего класса и всех трудящихся — партии большевиков. Буржуазные партии кадетов и октябристов, военизированные организации капиталистов и помещиков стремились покончить с Советами, солдатскими и крестьянскими комитетами. В подготовке государственного переворота российской буржуазии активно помогали иностранные империалисты.

Мобилизация сил контрреволюции, угроза реставрации старого строя вызвали оживление Советов рабочих и солдатских депутатов, превращенных мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров в безвольные придатки Временного правительства. Процесс возрождения Советов развивался снизу. Первыми подняли голос протеста против антинародных действий Временного правительства районные Советы Петрограда и Москвы, в которых преобладало большевистское влияние. В. И. Ленин отмечал, что даже кадетская печать признает несомненную силу большевизма «там, где скоплены массы рабочих или солдат»³.

Созыв Временным правительством и ЦИК Советов Московского государственного совещания (12—14 августа 1917 г.) рассматривался районными Советами Москвы и Петрограда как попытка буржуазии создать общероссийский центр контрреволюции, объединить свои силы, выступить во всеоружии против рабочего класса и его партии, покончить со всеми завоеваниями революции. Коломенский, Василеостровский и другие Советы Петрограда разоблачали потуги Временного правительства и эсеро-меньшевистских лидеров ЦИК выдать сборище контрреволюции в Москве за «всенародное представительство»⁴. Съезд Советов Екатеринославской губернии (5—9 августа 1917 г.) принял резолюцию «О политическом моменте», в которой говорилось: «Одним из шагов, усиливающих контрреволюцию, является созыв Московского совещания»⁵. Советы Минска, Гомеля, Сергиева-Посада (Загорска), Ростова (Ярославской губ.), Кунгура и Лысьвы (Пермской губ.) требовали безотлагательного роспуска Государственной думы, Государственного совета и других очагов контрреволюции, высказывались за быстрейший созыв Учредительного собрания. Петроградский, Псковский, Самарский, Уфимский, Царицынский, Константиновский и другие Советы выдвигали требования отмены смертной казни на фронте и осуществления демократизации армии⁶.

Мощное выступление рабочих Москвы, поддержанное пролетариатом всей страны, противодействие, оказанное силам контрреволюции Советами рабочих и солдатских депутатов, сорвали замысел буржуазии

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 218.

⁴ «Пролетарий», 13 и 14. VIII. 1917; А. М. Андреев. Указ. соч., стр. 274, 275.

⁵ «Известия Екатеринославского Совета рабочих и солдатских депутатов», 12. VIII. 1917.

⁶ «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий». Т. 3. М. 1961, стр. 65, 85, 101, 125, 149, 151, 162, 227, 229, 263.

установить уже во время работы Государственного совещания диктатуру генерала Корнилова. Контрреволюции пришлось отложить реализацию своих планов, но все свое внимание она сосредоточила на подготовке мятежа Корнилова (28—31 августа 1917 г.).

В эти грозные дни партия большевиков во главе с В. И. Лениным осуществляла напряженную деятельность по мобилизации рабочих, революционно настроенных солдат и матросов на отпор контрреволюционным заговорщикам. В деле организации обороны Петрограда большевики опирались на Междурайонное совещание Советов Петрограда и районные Советы столицы. В подавлении мятежа активно участвовали Советы Гатчины, Луги, Царского Села, Ямбурга, Нарвы, Ревеля, Выборга, Кронштадта и других городов, расположенных на ближних подступах к Петрограду; при Советах повсеместно создавались чрезвычайные органы по борьбе с контрреволюцией (ревкомы, штабы и т. п.), формировались отряды рабочей милиции и Красной гвардии.

В Финляндии, где в то время находилось около 150 тыс. русских войск⁷, революционные комитеты были организованы в Гельсингфорсе, Таммерфорсе, Або, Николайштадте, Лахти, Тавасгусте и Фридрихсгаме. Совет депутатов армии, флота и рабочих Або-Аландской укрепленной позиции назначил комиссаров местного ревкома в штабы укрепленной позиции, в школу мотористов и в службу связи с предписанием «без согласия комиссаров ни одного распоряжения не отдавать»⁸.

Исполком Кронштадтского Совета создал военно-техническую комиссию с широкими полномочиями. Принимались меры по формированию из рабочих Кронштадтского порта отрядов Красной гвардии; представители Кронштадтского ревкома (военной комиссии) командировались в Петроград и Сестрорецк для получения оружия; поддерживались связи с революционными комитетами Петергофа, Ораниенбаума, Гельсингфорса и Выборга. На помощь революционному Петрограду кронштадтцы отправили 3-тысячный отряд моряков во главе с большевиком И. Н. Колбиным⁹.

В Ревельском укрепрайоне разгромом корниловской контрреволюции руководили Северо-Балтийский комитет РСДРП(б) и местные большевистские организации. Они опирались на Ревельский Совет рабочих и воинских депутатов, исполком Советов Эстонского края, матросские и солдатские комитеты. Военной секции Совета было поручено выяснить настроение частей местного гарнизона и разработать план возможного выступления в помощь революционному Петрограду¹⁰. Объединенное заседание Ревельского Совета, флотских и армейских комитетов 28 августа заявило о полной готовности флота, гарнизона и воинских частей укрепрайона к борьбе с корниловщиной¹¹.

В Белоруссии и на Западном фронте мобилизацией рабочих и солдат на отпор мятежникам занимались Советы Минска, Гомеля, Витебска, Орши, Бобруйска, Речицы, Могилева. Бюро исполкома Минского Совета 29 августа сообщило ЦИК, что местный гарнизон полностью находится на стороне Советов, в казачьих частях наблюдается раскол между рядовым составом и офицерством¹². Гомельский Совет рабочих

⁷ А. С. Пухов. Моонзундское сражение. Л. 1957, стр. 6.

⁸ М. Х. Книурю. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 году. Петрозаводск. 1965, стр. 124.

⁹ ЦГАВМФ СССР, ф. р.-661, оп. 1, д. 7, л. 13; «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник документов. М.-Л. 1957, стр. 186, 187, 369.

¹⁰ «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов», 30. VIII. 1917; «Борьба за Советскую власть в Прибалтике». М. 1967, стр. 104.

¹¹ «Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии». Сборник документов и материалов. Таллин. 1958, стр. 208—210.

¹² «Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР». Сборник документов и материалов. Т. IV. Минск. 1954, стр. 501.

и солдатских депутатов распустил буржуазный «Комитет революционной охраны» и заменил его чрезвычайной «пятеркой», ведущая роль в которой принадлежала большевикам. Совет отправил в Могилев для оказания помощи частям, выступившим против Корнилова, революционный отряд в 300 человек и артиллерийскую батарею¹³. По распоряжению Витебского Совета был задержан эшелон артиллерии, направленный корниловцами в Могилев. «Комитету народной борьбы с контрреволюцией» при ЦИК Советов из Витебска была отправлена телеграмма: «Настроение революционных войск бодрое... Все объединены вокруг Советов»¹⁴.

В плане организации Корниловым и его сообщником атаманом А. М. Калединым контрреволюционного мятежа большое место отводилось гарнизонам Киевского и Одесского военных округов, казачеству Дона и Кубани, войскам Юго-Западного фронта. Однако и эти замыслы реакционной военщины оказались беспочвенными. Анализируя политическое положение на юге России в августе 1917 г., В. И. Ленин писал, что «Каледин массового движения никакого не поднял в «своем» крае, в оторванном от общерусской демократии казачьем крае!» и обращал внимание на то, что на Дону, так же как по всей России, наблюдаются «со стороны пролетариата... взрывы движения»¹⁵.

Ведущая роль в организации рабочих и солдат Украины для защиты завоеваний революции принадлежала большевистским депутатам Киевского, Харьковского, Таганрогского, Екатеринославского, Николаевского, Луганского, Краматорского и других Советов. Бюро Харьковского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов направило всем уездным Советам телеграмму: «Никаких приказов и распоряжений изменившего русскому народу и революции генерала Корнилова ни под каким видом не исполнять»¹⁶. Харьковский городской Совет принял 28 августа постановление, согласно которому приказы по гарнизону могли издаваться только с ведома и согласия Военного совета, созданного в дни корниловщины Советом рабочих и солдатских депутатов¹⁷. В Луганске действовал созданный Советом ревком во главе с К. Е. Ворошиловым. Во всех частях луганского гарнизона проводились выборы командиров. Солдаты и новый командный состав заявили, что они «безоговорочно поддерживают Совет и готовы по первому зову Революционного комитета выступить против корниловщины»¹⁸.

Своими решительными действиями Советы крупных промышленных центров показывали пример всем местным Советам рабочих и солдатских депутатов. В борьбу с корниловско-калединской контрреволюцией включились Советы Макеевки, Гукова, Харцизска, других городов и рабочих поселков Донбасса, казачьих станиц Белокалитвенской, Каменской, Чирской¹⁹.

Быстрота, с которой рабочим и революционно настроенным солдатам, руководимым большевиками, удалось ликвидировать мятеж гене-

¹³ «Трудящиеся Гомельщины в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.). Хроника событий». Гомель. 1958, стр. 38.

¹⁴ «Голос солдата» (Петроград), 30. VIII. 1917; И. Саладков. Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Минск. 1957, стр. 177, 178.

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 220.

¹⁶ Цит. по: В. Я. Борщевский. Рабочий класс и Советы Донецко-Криворожского бассейна в Октябрьской революции. Ч. I. Днепропетровск. 1962, стр. 196.

¹⁷ В. Астахов, Ю. Кондуфор. Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября. Харьков. 1957, стр. 113.

¹⁸ Цит. по: Н. Гончаренко. Советы Донбасса в 1917 году. Сталино. 1957, стр. 95.

¹⁹ «Очерки истории большевистских организаций Дона». Ростов-на-Дону. 1965, стр. 21; Ю. И. Серый, В. И. Кузнецов. Из истории Советов рабочих депутатов на Дону в марте — октябре 1917 г. «Ученые записки» Ростовского университета. «Труды» кафедры истории КПСС и истории СССР. Вып. 4. 1957, стр. 109, 110.

рала Корнилова, свидетельствовала о беспощадности гражданской войны, развязываемой буржуазией. Революционные классы решительно воспротивились корниловским замыслам, состоявшим «в диктатуре помещиков и буржуазии, в разгоне Советов, в подготовке восстановления монархии»²⁰.

На гребне подъема революционного и демократического движения во время корниловщины значительно ускорился процесс большевизации Советов. Самые массовые политические организации рабочего класса и всех трудящихся высвобождались из-под влияния меньшевиков и эсеров, твердо становились на позиции пролетариата. Пленум Петроградского Совета осудил 31 августа соглашательство меньшевиков и эсеров с буржуазией и заявил о своем намерении бесповоротно вступить на путь революционной борьбы за интересы трудящихся. Пленум принял резолюцию «О власти», утвержденную накануне ЦК РСДРП(б). В ней подчеркивалось, что лишь в результате установления власти, состоящей из представителей революционного пролетариата и беднейшего крестьянства, может быть найден выход из критического положения, в котором оказалась страна вследствие безответственности Временного правительства²¹. 5 сентября большевистская резолюция «О власти» была принята объединенным пленумом Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов Москвы²².

Завоевание большевиками Петроградского и Московского Советов было важнейшим показателем того, что наряду с объективными предпосылками теперь имелись и субъективные факторы, необходимые для победы социалистической революции. «Большинство в столичных Советах есть плод развития народа в нашу сторону»²³, — подчеркивал В. И. Ленин.

Вслед за Петроградом и Москвой за организацию государственной власти трудящимися без участия буржуазии высказались Советы Ревеля, Киева, Минска, Одессы, Казани, Екатеринбургa, Ташкента и других городов. Всего в первой половине сентября 1917 г. постановления Петроградского и Московского Советов о переходе власти в руки правительства рабочих и беднейших крестьян (то есть о создании Республики Советов) поддержали 126 местных Советов — почти 1/3 всех Советов, принявших впоследствии участие во II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов²⁴.

Разрыв Советов обеих столиц, Киева, Одессы, Харькова, Казани и других крупнейших городов с политикой соглашательства благотворно сказывался на изменении позиции Советов солдатских депутатов, полковых, дивизионных, корпусных и других комитетов. В сводке о настроениях солдат 5-й армии 15 сентября 1917 г., например, сообщалось: «Большевистские течения крепнут [в] связи с резолюциями Петроградского и Московского Советов (от 31 августа и 5 сентября. — А. А.). Из 11-й армии комиссары Временного правительства доносили: «Поворот Совета (Петроградского. — А. А.) резко влево поднял в армии волну большевизма»²⁵.

На опыте корниловщины многомиллионные солдатские массы окончательно убедились в том, что угроза завоеваниям революции и опасность восстановления монархии не будут устранены до тех пор, пока существуют контрреволюционная Ставка верховного главнокомандующего, «Всероссийский союз офицеров армии и флота», «Союз георгиев-

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 217.

²¹ См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) (август 1917 — февраль 1918)». М. 1958, стр. 37—38.

²² «Социал-демократ» (Москва), 6. IX. 1917.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 239.

²⁴ «Рабочий путь»; 14(1).IX.1917; «Второй Всероссийский съезд Советов». М.-Л. 1928, стр. 107, 144—153.

²⁵ ЦГВИА СССР, ф. 2003/с, оп. 4, д. 36, лл. 60, 62.

ских кавалеров», «Военная лига» и другие военизированные контрреволюционные организации. «Восстание Корнилова вполне вскрыло тот факт, что армия, вся армия *ненавидит ставку*»²⁶, — писал В. И. Ленин.

Солдаты многих тыловых гарнизонов считали теперь Советы и комитеты своими единственными и полноправными руководящими органами. В «Наказе» солдат 12-й роты 45-го запасного пехотного полка (г. Николаев) их депутатам отмечалось, что, будучи переизбранным, Совет «вновь ожил и превращается в базу революции»²⁷. Съезд представителей полковых и ротных комитетов Харьковского гарнизона 17 октября принял постановление: «Считать единственным руководящим центром солдатской жизни местного гарнизона Совет рабочих и солдатских депутатов»²⁸. Член Киевского комитета большевиков сообщал в ЦК РСДРП(б): «На днях по предложению нашей фракции (в Киевском Совете. — А. А.) создан Революционный комитет из 6-ти человек: 3 от рабочих и 3 от солдат. Функции этого комитета следующие: 1) распоряжения по вводу и выводу войск из Киева, 2) надзор за караулами войск по городу. Фактически, таким образом, весь гарнизон подчинен Совету рабочих и солдатских депутатов»²⁹.

Важнейшим показателем того, что Советы вышли из борьбы с корниловщиной обновленными, являлось изменение партийного состава депутатов. В столичных и многих местных Советах было покончено с засильем правых эсеров и меньшевиков-оборонцев. Рабочие и революционно настроенные солдаты отказывали в доверии соглашателям, вручали свою судьбу большевистской партии. С сентября 1917 г. происходили массовые перевороты Петроградского Совета. В его рабочей секции большевикам и сочувствующим им депутатам принадлежало теперь не менее 65—70% мандатов. Меньшевики и эсеры (главным образом левые) имели 30—35% депутатских мест³⁰. На Урале из 100 Советов рабочих и солдатских депутатов 69 были большевистскими, в Уфимской губернии в 11 Советах из 15 руководство перешло к большевикам, в Оренбургской губернии — в 6 крупнейших Советах³¹.

Процесс освобождения Советов от засилья соглашателей интенсивно развивался в городах и рабочих поселках Центрального промышленного района, Донбассе, основных жизненных центрах Поволжья, в Белоруссии и Прибалтике. Руководящей силой в Советах повсеместно становилась партия большевиков. «Мы, — писал В. И. Ленин, — твердо *знали*, на основании опыта *массовых* выборов в Советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве *уже* перешли на нашу сторону»³².

Обновленные Советы рабочих и солдатских депутатов становились боевыми органами рабочего класса и его большевистской партии в борьбе за победу социалистической революции, за установление диктатуры пролетариата. Это необходимо подчеркнуть, тем более что в некоторых работах, появившихся за последние годы, при характеристике Советов допускаются нечеткие формулировки, а иногда и ошибочные положения. Говорится, например, что на протяжении всего восьмимесячного периода (от февраля к октябрю) Советы были «двигателями

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 147.

²⁷ «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Сборник документов и материалов. Т. 1. Киев, 1957, стр. 787, 788.

²⁸ «Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Март — ноябрь 1917 г.». Сборник документов и материалов. Киев, 1957, стр. 484.

²⁹ «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», стр. 504.

³⁰ М. Н. Потехин. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л. 1956, стр. 40.

³¹ «Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале». Свердловск. 1961, стр. 303; Ф. П. Быстрых. Большевики Урала во главе масс в период борьбы за победу власти Советов. «Вопросы истории КПСС», 1967, № 4, стр. 54.

³² В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 349.

революции», то есть стирается грань между демократическими организациями рабочих, солдат и крестьян периода мирного развития революции (в основном соглашательскими) и Советами времени подготовки вооруженного восстания (большевистскими)³³. Некоторыми исследователями недооценивается огромная, самоотверженная борьба нашей партии за сохранение Советов и других массовых организаций трудящихся в послеиюльские дни 1917 г., за изменение партийного состава депутатов, проведение Советами строго классовой, пролетарской линии, то есть именно то, что являлось сущностью процесса большевизации Советов. Выдвигается ошибочное предположение, что социалистическая революция могла победить и до завоевания Советов большевиками³⁴. Все еще допускается неточное толкование вопроса о временной возможности мирного перехода власти к Советам, появившейся в результате ликвидации корниловского мятежа, окончательного разоблачения контрреволюционности кадетов и колебаний «влево» эсеровской и меньшевистской партий³⁵. Выдвигается версия, что в первые дни сентября 1917 г. большевики «выразили готовность отказаться от вооруженного восстания и восстановить доиюльский лозунг», то есть пересмотреть решения VI съезда РСДРП(б)³⁶. Все это не соответствует исторической действительности.

Выражая настроение рабочего класса, беднейшего крестьянства и революционно настроенных солдатских масс (о чем убедительно свидетельствовали итоги выборов в городские думы, массовые перевыборы депутатов Советов, членов ротных, полковых и других комитетов), партия большевиков в сентябре 1917 г. вновь выдвинула лозунг «Вся власть Советам!». В новых условиях он означал призыв к вооруженному восстанию, к свержению контрреволюционного правительства Керенского и установлению диктатуры пролетариата в форме Советской власти. Расширенное совещание членов ЦК РСДРП(б) с большевиками — делегатами Демократического совещания 24 сентября 1917 г. заявило, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов являются теперь боевыми классовыми организациями, переход власти к которым становится лозунгом дня. В принятой совещанием резолюции подчеркивалось: «Только при сплочении всех сил широких масс, организованных в Советы, может быть достигнута победа рабочих, солдат и крестьян. Только при победе их может быть достигнут демократический мир и быстро двинуто вперед дело международной революции»³⁷.

Разгром революционными рабочими и солдатами, руководимыми большевиками, корниловского мятежа вынудил Временное правительство принять некоторые меры «по успокоению страны»: после ареста Корнилова и его главных сообщников (генералов А. И. Деникина, А. С. Лукомского, И. В. Романовского и других) была создана следственная комиссия под председательством члена Государственной думы октябриста С. И. Шидловского; на пост верховного главнокомандующего назначен генерал М. В. Алексеев (активный корниловец); Россия была объявлена республикой. Правозсеровские ЦИК Советов и Всероссийский Совет крестьянских депутатов приняли постановление о созыве в ближайшее время Демократического совещания (проходило в Петрограде 14—22 сентября). Эти и подобные им паллиативы, конечно, не означали, что буржуазная контрреволюция сложила оружие.

³³ П. В. Волобуев. Характер и особенности Февральской революции. «Свержение самодержавия». М. 1970, стр. 36.

³⁴ О. Н. Знаменский. На крутом повороте. «Ленин и революция. 1917 год». Л. 1970, стр. 258.

³⁵ Подробнее об этом см.: Н. Ф. Славин. Статья В. И. Ленина «О компромиссах». «Исторический опыт Великого Октября». М. 1975.

³⁶ Х. М. Астрахан. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л. 1973, стр. 359.

³⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 1. Изд. 8-е, стр. 512.

Вскоре после ликвидации корниловского мятежа должен был состояться пленум ЦК РСДРП(б)³⁸. В. И. Ленин подготовил к нему «Проект резолюции о современном политическом моменте». В этом документе говорилось: «Восстание Корнилова доказало для России то, что для всех стран доказала вся история, именно, что буржуазия предаст родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы»³⁹. Анализ внутреннего и международного положения страны убеждал в том, что правящие круги России в союзе с иностранными империалистами готовят новый контрреволюционный заговор. В. И. Ленин обращал особое внимание партии и рабочего класса на то, что «после корниловщины правительство Керенского все оставляет по-старому, что оно на деле восстанавливает корниловщину»⁴⁰.

Об этом свидетельствовали многочисленные факты. Прежде всего оставались безнаказанными вдохновители корниловского мятежа — лидеры кадетов. В работе «Русская революция и гражданская война» В. И. Ленин писал: «Преследований кадеты никаких не выдали. Даже Гучкова выпустили, даже Маклакова и Милюкова не арестовали. Даже «Речи» не закрыли. Кадетов шадят. За кадетами-корниловцами правительство Керенского *ухаживает*»⁴¹. В Генеральном штабе, Ставке верховного главнокомандующего, в частях и соединениях действующей армии находились генералы и офицеры, скомпрометировавшие себя участием в корниловском мятеже. Существовала реальная угроза нового натиска контрреволюции на Советы и ревкомы. В. И. Ленин писал, что если «Корнилов номер первый» не удалось разогнать Советы, то их постарается уничтожить «Корнилов номер второй»⁴². В ряде работ того периода В. И. Ленин доказывал, что в своем стремлении задушить революцию российская буржуазия не остановится перед национальной изменой и утратой Россией государственной независимости⁴³.

В такой сложной и напряженной обстановке партии большевиков, ее Центральному Комитету и Военной организации, местным партийным организациям и большевистским Советам приходилось принимать действенные меры для того, чтобы рабочие и революционно настроенные солдаты находились в состоянии мобилизационной готовности. На заседаниях ЦК и ПК РСДРП(б) вскрывались провокационные намерения Временного правительства и высшего командования вывести на фронт революционные полки из Петрограда и Финляндии, окружить казачьими частями Москву, Минск, города Донбасса, сдать Петроград войскам кайзеровской Германии, а правительственные учреждения перевести в Москву и т. п.⁴⁴.

В разоблачении замыслов контрреволюции важная роль принадлежала большевистской печати. Центральный орган РСДРП(б) газета «Рабочий путь» поместила передовую статью «Запахло новым Корниловым». Сопоставляя многочисленные факты, большевики предупреждали: «Отброшенная назад в конце августа, корниловщина за месяц с лишним оправилась, и, используя бесхарактерность эсеров и меньшевиков, она делает новую попытку раздавить Советы, утопить в крови рабочих русскую революцию»⁴⁵. Спустя четыре дня в передовой статье «Контрреволюция мобилизуется, готовьтесь к отпору» газета вновь обращала внимание трудящихся на происки «корниловцев второго призы-

³⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 484, примечание 74.

³⁹ Там же, стр. 146.

⁴⁰ Там же, стр. 205.

⁴¹ Там же, стр. 221.

⁴² См. там же, стр. 167.

⁴³ См. там же, стр. 146, 231, 241, 245, 267, 278, 347, 349.

⁴⁴ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 55, 70, 71, 73, 84—86, 94, 97, 98, 100, 104, 117, 119—120.

⁴⁵ «Рабочий путь», 6. X. 1917.

ва». «Партия кадетов,— говорилось в статье,— гнездо и рассадница контрреволюции, первая открыла борьбу, ведя агитацию за Корнилова»⁴⁶. В дальнейшем газета из номера в номер напоминала о том, что готовится новая корниловщина.

Предупреждения большевистской печати были весьма своевременными. Сразу после провала корниловского мятежа Временное правительство начало новый поход против демократических организаций в тылу и на фронте. Став верховным главнокомандующим, Керенский издал приказ, запрещающий солдатским комитетам отстранение от службы и аресты офицеров, причастных к корниловщине, «самовольное формирование отрядов по борьбе с контрреволюцией», отменяющий контроль «за передвижением войск и средствами» связи, установленный во время мятежа». Вслед за этим появилось распоряжение Временного правительства об упразднении всех местных органов по борьбе с контрреволюцией (ревкомов, штабов, чрезвычайных комиссий и т. п.). В нем говорилось, что дальнейшее существование подобных организаций «не соответствует видам правительства» и оно «не потерпит их деятельности»⁴⁷.

Большевики призывали рабочих и солдат к отпору корниловцам, снова посягавшим на завоевания революции. Газета «Рабочий путь» писала: «Мы убеждены, что революционные комитеты дадут достойный отпор этому удару со стороны Керенского. Мы выражаем твердую уверенность в том, что революционные комитеты не сойдут со своего пути»⁴⁸. Междурайонное совещание Советов Петрограда приняло 5 сентября постановление: революционные организации, созданные в дни корниловщины, не распускать и довести об этом до сведения ЦИК. Решение было поддержано Выборгским, Петергофским и другими районными Советами⁴⁹. На экстренном заседании Петроградского Совета совместно с представителями предприятий и воинских частей гарнизона столицы 21 сентября была принята резолюция, в которой говорилось: «Советы должны сейчас мобилизовать все свои силы, чтобы оказаться подготовленными к новой волне контрреволюции и не дать ей захватить себя врасплох. Везде, где в их руках находится полнота власти, они ни в коем случае не должны ее упускать. Революционные комитеты, созданные ими (Советами.— А. А.) в корниловские дни, должны иметь наготове весь свой аппарат. Там, где Советы этой полнотой власти не обладают, им необходимо всемерно укреплять свои позиции, держать свои организации в полной готовности, создавать по мере надобности специальные органы по борьбе с контрреволюцией, зорко следить за организацией сил врага»⁵⁰.

Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил: «Не признавать права за Временным правительством на роспуск ревкомов и решительно бороться со всякой мыслью о роспуске ревкомов»⁵¹. Вскоре после этого секретарь областного комитета большевиков Донецко-Криворожского бассейна Ф. А. Сергеев (Артем) сообщал в ЦК РСДРП(б): «У нас (в Харькове.— А. А.) образован революционный штаб, не подчиненный Временному правительству и сосредоточивший в своих руках всю власть на местах. Возможно (я в этом уверен), мы не распустим штаба по распоряжению Керенского»⁵².

Под нажимом большевистских Советов и комитетов Временное пра-

⁴⁶ «Рабочий путь», 10. X. 1917.

⁴⁷ «Вестник Временного правительства», 5. IX. 1917.

⁴⁸ «Рабочий путь», 6. IX. 1917.

⁴⁹ «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис». М. 1961, стр. 143, 144; «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий». Т. 3, стр. 471.

⁵⁰ «Рабочий путь», 23 и 24. IX. 1917.

⁵¹ «Пролетарий» (Харьков), 12. IX. 1917.

⁵² «Большевистские организации Украины...», стр. 406.

вительство и соглашательское руководство ЦИК Советов были вынуждены пойти на уступки. Комитет народной борьбы с контрреволюцией, созданный при ЦИК во время корниловского мятежа, признал, что «ввиду продолжающегося тревожного состояния» местные органы (ревкомы, штабы и т. п.) будут продолжать работать в контакте с Комитетом при ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов⁵³.

В начале октября контрреволюция еще более активизировалась. Это было связано с тем, что не оправдалась надежда буржуазии вызвать «всенародную» поддержку ее коалиции с соглашателями посредством созыва Демократического совещания и образования Временного совета республики (Предпарламента). Несмотря на то, что лидеры эсеров и меньшевиков грубо подтасовали состав участников совещания⁵⁴, им не удалось добиться одобрения представителями рабочих, солдат и крестьян «новой правительственной коалиции» с участием крупной буржуазии. За коалицию было подано всего 182 голоса, против — 813, воздержались от голосования 80 человек⁵⁵.

Демократическое совещание и Предпарламент кадеты (в союзе с правыми эсерами и меньшевиками) пытались использовать для того, чтобы замаскировать свою истинную цель — установление военной диктатуры. В этой связи следует обратить внимание на то, что некоторыми авторами выдвигается версия о возможности трех вариантов государственного устройства России после Февральской революции: 1) буржуазное государство в форме парламентской республики, 2) «чистая» революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства в лице Советов и 3) социалистическая диктатура пролетариата⁵⁶. В подобных рассуждениях упускается из виду то обстоятельство, что в 1917 г. буржуазный парламентаризм в России окончательно изжил себя. Об этом убедительно свидетельствовало изменение отношения многомиллионных масс трудящихся к идее правительственной коалиции мелкобуржуазных партий с кадетами.

Первое коалиционное правительство, образовавшееся 6 мая 1917 г., опиралось на поддержку абсолютного большинства Советов, солдатских и матросских комитетов (по своему партийному составу эсеро-меньшевистских). Правительство второй коалиции, сформированное Керенским 23 июля, уже не имело такой опоры. «Действительность показывает нам воочию, — писал В. И. Ленин, — что именно после июльских дней большинство народа стало быстро переходить на сторону большевиков»⁵⁷. На Демократическом совещании из 275 Советов рабочих и солдатских депутатов за коалицию с «цензовыми элементами» (крупной буржуазией) высказались представители лишь 83 Советов, то есть менее 1/3, а среди Советов крестьянских депутатов — 102 из 172, или 59%. Анализируя эти итоги, В. И. Ленин писал: «Итак, большинство в целом на стороне пролетарского лозунга: *против* коалиции с буржуазией»⁵⁸. Третье коалиционное правительство и Предпарламент не получили вотума доверия у Советов рабочих и солдатских депутатов. Петроградский Совет принял 25 сентября резолюцию, в которой говорилось: «Правительству буржуазного всевластия и контрреволюционного насилия мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки»⁵⁹. Московский Совет рабочих депутатов отказался от признания

⁵³ «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 22. IX. 1917.

⁵⁴ Советы имели на совещании довольно ограниченное представительство по сравнению с земствами, городскими думами и другими организациями.

⁵⁵ «Рабочий путь», 20(7).IX.1917.

⁵⁶ Г. З. Мухина. Социалистическая революция и государство. М. 1975, стр. 90, 91.

⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 399.

⁵⁸ Там же, стр. 297, 298.

⁵⁹ «Рабочий путь», 27. IX. 1917.

«нового» правительства Керенского и обратился к рабочим и солдатам Москвы с призывом «мобилизовать все силы для грядущей борьбы»⁶⁰. Большевистские резолюции, осуждающие Предпарламент и требующие немедленного созыва II Всероссийского съезда Советов, принимались Советами Харькова, Одессы, Николаева, Луганска, Краматорска, Мариуполя и других городов Украины⁶¹.

Отрицательное отношение Петроградского, Московского и многих местных Советов к Предпарламенту и третьему коалиционному правительству убедительно свидетельствовало о том, что социальная база блока кадетов с меньшевиками и эсерами чрезвычайно сузилась. Становилось вполне очевидным, что впредь Временное правительство сможет держаться, лишь опираясь на реакционную военщину, прибегая к массовым репрессиям, не останавливаясь перед применением вооруженной силы в борьбе с Советами.

В сентябре 1917 г. широкую известность приобрела «война» Керенского с Ташкентским Советом. Колонизаторская политика царизма, а затем буржуазного Временного правительства вызывала гнев и возмущение трудящихся Средней Азии. На многотысячном митинге рабочих и солдат Ташкента 12 сентября была принята резолюция, в которой говорилось, что революционная демократия видит выход из создавшегося положения лишь в немедленной передаче «всей полноты власти в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁶². Участники митинга осудили действия соглашательского краевого Совета, потребовали его перевыборов, а на время до созыва очередного съезда Советов избрали революционный комитет (из большевиков и левых эсеров). В течение пяти дней вся власть фактически была сосредоточена в руках Ташкентского Совета и ревкома. По указанию Керенского в Ташкент была отправлена экспедиция генерала П. А. Коровиченко. Каратели захватили здание Ташкентского Совета, его кассу и документы, арестовали некоторых членов исполкома⁶³.

В октябре 1917 г. Временное правительство предприняло «поход» против Советов и «мятежных» гарнизонов в губерниях Центральной России, Донбасса и Поволжья. С вехом командующего Московским военным округом К. И. Рябцева реакционная военщина обрушилась на Советы солдатских депутатов Калуги и Ржева; в Казанском военном округе офицеры напали на Симбирский Совет и намеревались разогнать Совет Сызрани; премьер-министр Керенский заявил, что он пошлет карательную экспедицию и «приведет к повиновению» Саратовский Совет; казаки части разгромили Советы в Макеевском и других горнопромышленных районах Донской области⁶⁴.

Партия большевиков, ее Центральный Комитет и местные организации решительно выступили в защиту Советов, организовали рабочих и революционных солдат на борьбу с «корниловцами второго призыва». В. И. Ленин призывал: «Товарищи! Знайте, что Керенский ведет опять переговоры с корниловскими генералами и офицерами, чтобы *вести войска против Советов* рабочих и солдатских депутатов, *чтобы не дать власти Советам!*»⁶⁵. В связи с нападением контрреволюции на Калуж-

⁶⁰ «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 30. IX. 1917.

⁶¹ «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине». Т. 1, стр. 678, 680, 690, 691.

⁶² «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане». Сборник документов. Ташкент. 1947, стр. 123, 124.

⁶³ Х. Ш. Иноятов. Некоторые вопросы истории пролетарской революции в Средней Азии. «Исторический опыт Великого Октября». М. 1975, стр. 148, 149.

⁶⁴ «Наше знамя» (Ростов-на-Дону), 31. X. 1917; В. П. Антонов-Саратовский. Под стягом пролетарской борьбы Т. 1. М.-Л. 1925, стр. 134; М. А. Гнутов, Б. Н. Чистов, Б. Н. Афанасьев. Установление Советской власти в Симбирской губернии. Ульяновск. 1957, стр. 53, 54; А. М. Андреев. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М. 1975, стр. 287, 289, 290.

⁶⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 285.

ский Совет газета «Социал-демократ» писала: «Гражданская война началась!.. Дело ясное: правительство объявило гражданскую войну и уже одержало первую победу в Калуге. То, что мы предсказывали, совершилось уже; не Корнилов, а сам Керенский во главе негодяев-капиталистов открыто идет против народа. Война объявлена. Необходим немедленный отпор. Время разговоров прошло, надо начинать действовать»⁶⁶.

Ведущая роль в отпоре «второй корниловщине» принадлежала рабочим Петрограда, Москвы, городов Донбасса, Урала, Средней Азии и других районов страны, перешедшим на революционные позиции Советам, солдатским и матросским комитетам. Попытка корниловцев ликвидировать Ташкентский Совет вызвала мощное движение протеста по всей Средней Азии. Советы Мерва, Кушки, Красноводска, Чарджоу требовали прекращения репрессий, выражали недоверие правительству Керенского. В Ашхабаде был создан ревком, который несколько дней удерживал власть в своих руках⁶⁷.

В борьбе с пройсками контрреволюции местные Советы имели надежную опору в лице большевистских Советов Петрограда и Москвы. Петроградский Совет решительно заявил о своей солидарности с трудящимися Ташкента и выразил «полную готовность оказать поддержку справедливым требованиям ташкентской революционной демократии». Объединенное заседание исполнительных комитетов Совета рабочих и Совета солдатских депутатов Москвы 23 октября выразило протест против ареста членов Калужского Совета и потребовало их немедленного освобождения. В Петроград был командирован член Московского областного бюро РСДРП(б) Г. И. Ломов (Оппокон), которому поручалось информировать Петроградский Совет о событиях и добиться прекращения посылки в Калугу карательных отрядов⁶⁸.

Энергичные действия Советов Петрограда и Москвы являли собой пример для тех Советов на местах, где авангард революционного пролетариата пока еще не имел большинства. После подавления корниловского мятежа здесь значительно ускорился процесс разложения эсеровской и меньшевистской партий, произошло усиление приближающихся к большевизму интернационалистских и «левых» течений мелкобуржуазных партий⁶⁹. Об этом свидетельствовали действия во время «второй корниловщины» Советов Тулы, Орла, Брянска и других городов Центрального промышленного района.

Тульский Совет решил создать Особый революционный комитет, взять под охрану заводы и выявить силы местного гарнизона; Совету депутатов тульского железнодорожного узла было поручено следить за продвижением войск⁷⁰. На заседании Орловского Совета в присутствии представителей заводских и полковых комитетов было принято постановление о том, что местный гарнизон должен беспрекословно подчиняться исполкому Совета; предлагалось провести собрания в ротах, на предприятиях и железнодорожном узле, разъяснить трудящимся постановления Совета⁷¹.

Вдохновители и организаторы «второй корниловщины» понимали, что совершить государственный переворот им удастся лишь при макси-

⁶⁶ «Социал-демократ» (Москва), 24. X. 1917.

⁶⁷ Д. М. Рудницкая. Из истории строительства Советов в Туркестане (1917—1920 гг.). Ташкент. 1964, стр. 49—50; О. Кулиев. Туркменистан в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. Ашхабад. 1953, стр. 43, 44.

⁶⁸ А. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября, стр. 340.

⁶⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 220.

⁷⁰ «Октябрь в Туле. Сборник документов и материалов о борьбе за власть Советов в Туле и губернии в 1917 году». Тула. 1957, стр. 248—250.

⁷¹ «Орловский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году». Документы и материалы. Воронеж. 1932, стр. 108, 109.

мальном ослаблении материальной силы надвигающейся социалистической революции — ликвидации передовых отрядов солдатских масс, на которые опирались большевистские Советы. В октябре 1917 г. военным министерством и Ставкой верховного главнокомандующего был разработан «Проект реорганизации русской армии». Намечалось сокращение численности вооруженных сил на 1,2 млн. человек, главным образом за счет упразднения запасных полков и замены их «добровольными» формированиями. При этом казачьи сотни, эскадроны и полки, на поддержку которых рассчитывали корниловцы, оставались неприкосновенными.

В то же время принимались экстренные меры по «оздоровлению» тыла⁷². Главнокомандующему Северным фронтом генералу В. А. Черемисову было предписано немедленно вывести из Финляндии 106-ю и 128-ю пехотные дивизии, а также запасные полки Выборгской крепости. Вслед за этим Керенский приказал подготовить к отправке на Северный фронт войска Петроградского военного округа. В Московском военном округе намечалось расформировать 16 запасных полков (в том числе весь гарнизон г. Владимира), в Казанском — 20 полков, на Северном фронте — 11, на Западном — 19, на Юго-Западном — 22, на Румынском — 12⁷³. Наряду с этим производилась переброска наиболее «надежных» войск с фронта поближе к Петрограду, Москве и крупнейшим промышленным центрам страны. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Духонин отдал приказ о передвижении на Северный фронт 3-го и 6-го самокатных батальонов с тем, чтобы их можно было вызвать в Петроград в кратчайший срок. Министерство внутренних дел приняло предложение ставки о размещении кавалерийских частей в районах, охваченных крестьянскими волнениями, предполагая использовать эти отряды для «установления порядка»⁷⁴. Казачьи войска перемещались в тыл согласно заранее разработанному плану карательных экспедиций. По приказанию атамана Каледина подразделения казаков были направлены почти во все районы Донской области.

Особое внимание контрреволюции было обращено на Москву. После того как объединенное заседание Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов Москвы приняло 5 сентября большевистскую резолюцию о власти, позиции соглашателей были значительно подорваны. Московский Совет рабочих депутатов утвердил устав Красной гвардии, по районам началось формирование вооруженных рабочих отрядов, обучение трудящихся военному делу. Все это не могло не привлечь к себе внимания врагов революции. Командование Московского военного округа приступило к разоружению большевистски настроенных частей Московского гарнизона, спешно обеспечивало оружием юнкерские училища и другие ударные отряды контрреволюции. Ставка распорядилась о срочной отправке из Москвы на фронт всего личного состава 1-й запасной артиллерийской бригады, 55-го и 193-го пехотных полков. Намечалось перебазировать в окрестности Москвы с Западного фронта казачьи, кавалерийские и другие воинские части⁷⁵.

Большевики учитывали опасность контрреволюционного переворота. Они развернули огромную работу в Советах и фабзавкомках, поднимали рабочих и солдат на отпор корниловцам. Пленарное заседание

⁷² ЦГВИА СССР, ф. 2003, оп. 2, д. 512, лл. 270, 271; «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания». Документы и материалы. М. 1962, стр. 210—213; 220—225.

⁷³ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 372, 423, 510; «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. ...», стр. 104; П. Г о л у б. Партия, армия и революция. М. 1967, стр. 161.

⁷⁴ «В огне революции». М. 1961, стр. 170, 171.

⁷⁵ С. А. Фрейдзон. Московские большевики в борьбе за войско в 1917 году. М. 1965, стр. 28.

Петроградского Совета обсудило 9 октября приказ штаба военного округа о выводе запасных полков из Петрограда. Докладчик эсер В. Каплан призывал депутатов «оказывать доверие командному составу». С резкой критикой поведения соглашателей выступили большевики. Они твердо заявили: армия не может выполнять приказы правительства, которому она не доверяет. Большевик Н. С. Павлуновский сказал, что в выводе революционных войск из Петрограда видится «тень Корнилова». Пленум принял большевистскую резолюцию. В ней отмечалось, что Петроградский Совет не может брать на себя ответственность за «стратегию» Временного правительства, в частности за вывод войск из Петрограда; спасение Петрограда и страны — в переходе всей власти к Советам, которые одни смогут обеспечить действительную боеспособность армии, оборону столицы и всей России. Петроградский Совет призвал воинские части гарнизона «принять все меры к развитию и укреплению своей боевой готовности». Исполкому Совета поручалось создать совместно с солдатской секцией и представителями гарнизона революционный комитет обороны, который сосредоточил бы в своих руках все сведения, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему, принял меры по вооружению рабочих, «обеспечил революционную оборону Петрограда и безопасность народа от открыто подготовляющейся атаки военных и штатских корниловцев»⁷⁶.

Конкретная программа Петроградского Совета по предотвращению нового заговора контрреволюции встретила горячую поддержку в гарнизоне. Собрание членов ротных и командных комитетов Преображенского резервного полка заявило: без санкции Петроградского Совета считать вывод войск из столицы невозможным⁷⁷. Финляндский полк принял резолюцию, в которой говорилось, что финляндцы, стоя на страже родины, исполняют свой долг перед ней и защитят сердце революции — Петроград, но они не доверяют Временному правительству, а поэтому призывают Петроградский Совет созвать представителей полковых комитетов гарнизона для выработки практических мер по защите Петрограда. Аналогичные постановления принимались в Измайловском, Егерском, Вольнском гвардейских, 180-м пехотном, 2-м стрелковом полках, в 1-й запасной автомобильной роте и других частях Петроградского гарнизона⁷⁸.

Однако наступление контрреволюции на этом не закончилось. В штабе Северного фронта (Псков) 17 октября состоялось расширенное совещание командования с участием делегации Петроградского Совета. Главнокомандующий фронтом В. А. Черемисов и комиссар Временного правительства меньшевик В. С. Войтинский пытались доказать, что вывод войск Петроградского гарнизона необходим по соображениям «стратегического порядка». В том же духе высказались почти все командующие армиями. Во время перерыва состоялась встреча представителей армейских организаций с делегацией Петроградского Совета и гарнизона. Большевики огласили декларацию, написанную Я. М. Свердловым, и заявили, что окончательное решение вопроса о выводе на фронт войск Петроградского гарнизона переносится в Совет⁷⁹. Тем самым была предотвращена попытка обезоружить революционные силы столицы.

В Москве приказы командования о выводе запасных полков из Вла-

⁷⁶ «Рабочий путь», 10. X. 1917.

⁷⁷ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 386.

⁷⁸ О. Н. Чаадаева. Солдатские массы Петроградского гарнизона в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. «Исторические записки». Т. 51. 1951, стр. 12—14; «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 389.

⁷⁹ «Воспоминания об Октябрьском перевороте». «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 74, 75.

димирского и других гарнизонов обсуждались на пленуме областного бюро РСДРП(б) 27—28 сентября 1917 года. Было принято постановление: «Стремясь к сохранению всех революционных сил для предстоящего проведения в жизнь лозунга «Вся власть Советам!», областное бюро предлагает всем местным организациям решительно бороться против систематически проводимого плана ослабления революционных центров путем вывода из них революционных частей войск». Областному бюро РСДРП(б) поручалось сообщить Владимирскому комитету большевиков, что гарнизон должен оставаться во Владимире⁸⁰. Борьба Советов, руководимых большевиками, против вывода запасных полков из Москвы и других гарнизонов увенчалась успехом. Корниловцам не удалось расформировать гарнизон Владимира и вывести революционный 88-й полк из Костромы⁸¹. На митинге солдат 1-й запасной артиллерийской бригады (Москва) была принята резолюция, в которой говорилось: «Солдаты отказываются оставить революционный центр, пока власть находится в руках капиталистов и помещиков»⁸².

Осуществлению планов «второй корниловщины» решительно противодействовали Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии, армейский комитет 42-го отдельного корпуса, Советы Кронштадта, Выборга, Гельсингфорса, Ревеля, Або-Аландского укрепрайона, объединенный Совет депутатов латышских стрелковых полков. По инициативе большевиков Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии 24 сентября обратился к революционным солдатам, рабочим Петрограда и всей России с призывом положить конец провокационным действиям контрреволюции. В воззвании говорилось: «В тревожные дни безвластия, в дни, когда нашей революции угрожает смертельная опасность, над нами занесен меч... На нас надвигается новая корниловщина, в более «демократическом наряде» и поэтому более опасная. В этот момент революция не может допустить распыления своих сил. Протестуйте против вывода из Финляндии революционных войск. Протестуйте против замены наших войск неизвестными частями. Мы ждем вашего властного слова»⁸³. Этот призыв был воспринят всеми гарнизонами Финляндии, матросами Балтийского флота, собранием представителей воинских частей Або-Аландской укрепленной позиции, латышскими стрелками, Советами и солдатскими комитетами Эстонии. Второй съезд делегатов Балтийского флота (25 сентября — 5 октября) заявил решительный протест против намерения Временного правительства разоружить форты Кронштадта⁸⁴. В Выборге 2 октября состоялся 2-й съезд представителей 42-го отдельного корпуса. Большинство голосов было принято решение «идти рука об руку с Областным комитетом армии, флота и рабочих Финляндии и действовать в контакте с ним»⁸⁵.

Большевики Эстонии провели объединенное гарнизонное собрание (г. Ревеля), исполкомов Эстляндского и Ревельского Советов, Центрального бюро профсоюзов Эстонии, советов старост фабрик и заводов, полковых и ротных комитетов, судовых комитетов Балтийского флота (всего около 700 человек). Собрание единодушно заявило о всемерной поддержке Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Постановление заканчивалось словами: «Ревельский гарнизон полно-

⁸⁰ «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. ...», стр. 104, 107.

⁸¹ «Красный архив», 1934, № 4—5 (65—66), стр. 175; С. П. Шепелев. Костромской гарнизон в дни Октября. Кострома. 1957, стр. 42—44.

⁸² «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». Документы и материалы. М. 1957, стр. 365.

⁸³ «Рабочий путь», 26.IX.1917.

⁸⁴ «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 219, 220, 222, 223, 352, 353.

⁸⁵ «Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих», 6.X.1917.

стью готов в любой момент взять власть в свои руки»⁸⁶. Исполнительный комитет Объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков обратился 3 октября к Областному комитету армии, флота и рабочих Финляндии с приветствием, в котором говорилось: «Знайте, что мы, латышские стрелки, с вами, всецело с вами! Вместе со всем революционным пролетариатом и гарнизонами России мы по первому требованию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов движем свои вооруженные силы, [чтобы] отстоять завоевания революции от посягательств контрреволюционных керенских, коноваловых и компаний»⁸⁷.

Сохранение революционно настроенных воинских частей в гарнизонах Финляндии, Балтийского флота, крепостей Кронштадта и Выборга являлось важной составной частью ленинского плана вооруженного восстания. В письме В. И. Ленина председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смилге (27 сентября 1917 г.) говорилось: «Мы ни в коем случае не можем позволить увода войск из Финляндии». Следует «все внимательно отдать военной подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского»⁸⁸.

Гениальные указания вождя революции оперативно претворялись в жизнь большевиками — руководителями Советов, солдатских и матросских комитетов Финляндии. На заседании бюро Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии 4 октября В. А. Антонов-Овсеенко сообщил, что военным министром А. И. Верховским издан приказ об аресте на станции Белоостров комиссаров, назначенных Областным комитетом и контролирующим передвижение русских войск на территории Финляндии. В постановлении бюро говорилось: «Военный министр Верховский и вдохновители его действий должны знать, что подавляющее большинство рабочих, солдатских, матросских и крестьянских масс, объединенных в Советах, не доверяет Временному правительству и готово бороться за права своих организаций». Через два дня Верховский вынужден был отменить свой приказ⁸⁹.

Отражая натиск контрреволюции, Областной комитет Советов Финляндии воспрепятствовал попытке Временного правительства и военного ведомства заменить высший командный состав русских войск более реакционными генералами и офицерами; принимались практические меры по сохранению в Финляндии революционно настроенных воинских частей⁹⁰. В заявлении Областного комитета 3 октября говорилось: «Считая своей обязанностью оберегать тыл столицы революции от возможных новокорниловских покушений (комитет.— А. А.), бдительно следит за перегруппировкой войск у Петрограда»⁹¹.

Героической страницей борьбы революционных сил России со «второй корниловщиной» является Моонзундское сражение матросов Балтийского флота с превосходящими силами кайзеровской Германии 29 сентября — 7 октября 1917 года. Обстоятельному его исследованию посвящены многие работы⁹². Следовало бы лишь еще раз обратить внимание на то, что главная роль в организации и мобилизации военных моряков на защиту Родины и революции принадлежала большевикам, руководимым ими 2-му съезду представителей моряков Балтийского

⁸⁶ «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник воспоминаний. М. 1958, стр. 413.

⁸⁷ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 361.

⁸⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 265.

⁸⁹ ЦГАВМФ, ф. 2094, оп. 1, д. 12, лл. 106—106 об., 110 об.

⁹⁰ Там же, лл. 113, 121—121 об.

⁹¹ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», стр. 364.

⁹² А. С. Пухов. Указ. соч.; В. В. Петраш. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л. 1966; С. С. Хесин. Указ. соч., и др.

флота, Центробалту, Советам Гельсингфорса, Кронштадта и Ревеля. Многие делегаты съезда участвовали в Моонзундской операции. На корабли и в береговые части Балтийского флота съездом, Центробалтом и большевистской фракцией Центрофлота были назначены комиссары⁹³. В дни Моонзундского сражения героические моряки Балтийского флота постоянно ощущали поддержку Петроградского и местных Советов. В приветствии, поступившем из Екатеринослава, говорилось: «Екатеринославский Совет рабочих и солдатских депутатов от имени революционного пролетариата и армии обращается к вам, товарищи, братья, моряки... Верьте, что мы будем делать все, что в наших силах, чтобы удержать завоевания революции, подавить контрреволюционные элементы, приблизить день революционного мира»⁹⁴.

Руководимые большевистскими Советами и комитетами моряки Балтийского флота, солдаты 42-го армейского корпуса оказали действительную помощь рабочим и солдатам Петрограда в борьбе с контрреволюцией накануне и во время Октябрьского вооруженного восстания.

В Гельсингфорсе 24 октября состоялось экстренное совместное заседание Гельсингфорского Совета, Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, Центробалта, исполкома Совета крестьянских депутатов, судовых и ротных комитетов. Председатель Гельсингфорского Совета большевик А. Л. Шейнман сообщил, что контрреволюция перешла в наступление против Петроградского Совета: закрыты газеты «Рабочий путь» и «Солдат», готовится выступление юнкеров. В связи с этим были запрошены о готовности Советы Кронштадта и Ревеля. Последовали ответы: «Кронштадт в полной боевой готовности»; в Ревеле «20 октября образован комитет (военно-революционный.— А. А.) и 23 октября заняты все необходимые пункты. Гарнизон выразил подчинение Исполнительному комитету (Совета.— А. А.)»⁹⁵. Объединенное собрание Советов и комитетов Гельсингфорса заявило, что рабочие, матросы и солдаты «целиком стоят на точке зрения Петроградского Совета и поддержат его всеми средствами в борьбе за переход всей власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»⁹⁶. О решимости выступить на стороне революции заявляли Советы солдатских депутатов 12-й армии, многие полковые, дивизионные комитеты Западного и Северного фронтов. «Вокруг революционного Питера,— вспоминал руководитель большевиков Эстонии И. В. Рабчинский,— сложилось почти замкнутое кольцо обороны: можно было твердо рассчитывать на Балтийский флот, а также на Эстонию и Финляндию»⁹⁷. Замыслам контрреволюции не суждено было осуществиться.

Время подготовки Великой Октябрьской социалистической революции было наполнено острейшей борьбой рабочего класса и его союзников под руководством партии большевиков с силами контрреволюции. В разоблачении планов реакции и в ликвидации контрреволюционных заговоров важная роль принадлежала Советам рабочих и солдатских депутатов, солдатским и матросским комитетам. Именно поэтому кадеты и реакционная военщина с первых дней Февральской революции пытались лишить пролетариат его главного оружия в классовой борьбе — упразднить Советы и другие демократические организации. Активно помогали буржуазии правые эсеры и меньшевики-оборонцы, которые в период с марта по сентябрь старались удержать Советы в роли безвольных придатков Временного правительства. Лишь решительное сопротивление рабочих и революционно настроенных солдат, руководи-

⁹³ А. С. Пухов. Указ. соч., стр. 22, 26, 28, 30, 37.

⁹⁴ «Звезда» (Екатеринослав), 13. X. 1917.

⁹⁵ ЦГАВМФ, ф. 2094, оп. 1, д. 12, л. 123.

⁹⁶ Там же, лл. 124—124 об.

⁹⁷ «Победа Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 413.

мых большевиками, не позволило реакции осуществить свои планы и предотвратило разгром Советов в посленюльские дни 1917 г., во время Московского государственного совещания и мятежа генерала Корнилова.

В ходе борьбы рабочего класса с контрреволюцией возрождались и укреплялись Советы. Они избавлялись от засилия мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, большевизировались и переходили на революционные позиции. Этот процесс развивался снизу, беря начало от районных Советов Москвы и Петрограда, а затем распространялся на городские Советы обеих столиц и других промышленных центров. Большевизация Советов являлась важнейшим проявлением гегемонии пролетариата, главным и неременным условием успешной борьбы трудящихся России с контрреволюцией.

Ликвидация контрреволюционного корниловского мятежа обнаружила превосходство сил революционных классов, жизненность демократических организаций трудящихся. В. И. Ленин подчеркивал, что развязанное контрреволюционной буржуазией выступление «никакой силы, никакой сознательности масс, никакой почвенности, никаких шансов на победу не обнаружило», наоборот, «начало гражданской войны со стороны пролетариата обнаружило силу, сознательность, почвенность, рост и упорство движения»⁹⁸. Во время «второй корниловщины» (сентябрь — октябрь 1917 г.) наряду с разгромом Советов правительство Керенского пыталось лишить социалистическую революцию ее материальной силы — разоружить революционно настроенные воинские части, вывести на фронт гарнизоны Петрограда, Москвы и других городов. Большевистские Советы парализовали замыслы контрреволюции. Победа Великой Октябрьской социалистической революции избавила Россию от угрозы установления военной диктатуры и возможной реставрации монархии.

Опыт борьбы Советов с контрреволюцией накануне Октября имеет всемирно-историческое значение. Он убедительно свидетельствует о том, что прочный союз революционно-демократических организаций (Советов, солдатских и матросских комитетов и т. п.) с вооруженными силами при руководящей роли пролетариата и его партии — единственная надежная гарантия от любых происков контрреволюции.

⁹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 221.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНАЯ ЗАБАСТОВКА В НОЯБРЕ 1905 ГОДА

Н. А. Иванова, В. В. Шелохаев

В изучении проблемы гегемонии пролетариата в революции 1905—1907 гг. советскими историками достигнуты значительные успехи: особое внимание уделялось ее теоретическому аспекту, союзу рабочего класса и крестьянства, влиянию на армию¹. Однако эта сложная и многогранная тема освещена в литературе еще далеко не в полном объеме. Одним из наименее изученных является вопрос о взаимодействии рабочего класса с городскими средними слоями, включающими интеллигенцию, студенчество, служащих и мелкую буржуазию. При этом следует отметить, что если в изучении движения интеллигенции и студенчества в последние десятилетия сделан значительный шаг вперед², то работы, касающиеся выступлений служащих, относятся преимущественно к 20-м годам³. До сих пор нет ни одного обобщающего исследования о борьбе пролетариата за городские слои в 1905—1907 годах.

Между тем в работах В. И. Ленина встречается немало принципиальных положений о необходимости сотрудничества с городскими средними слоями, которые были воплощены нашей партией в жизнь, прочно вошли в сокровищницу интернационального опыта революционной борьбы рабочего класса. В документах и материалах Международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. особое внимание уделено значению союза рабочего класса с крестьянством и городскими средними слоями в борьбе против империализма, за демократию и социализм⁴. В тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» отмечалось, что «современному капитализму присущ нарастающий антагонизм между монополистической буржуазией и городскими средними слоями, которые все активнее поддерживают революционный рабочий класс»⁵. О большом интересе к проблеме средних городских

¹ Результаты исследования проблемы обобщены в книгах: «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 г.)». М. 1975; «Гегемония пролетариата в трех русских революциях». М. 1975.

² См.: Л. К. Ерман. Интеллигенция в первой русской революции. М. 1966; В. Ониани. Большевицкая партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси. 1970; П. С. Гусятников. Революционное студенческое движение в России. 1899—1907 гг. М. 1971; Г. И. Щетинина. В. И. Ленин о студенческом движении в России. «История и историки». М. 1972; В. В. Пешников. В. И. Ленин и студенческое движение в России. М. 1973, и др.

³ См.: Д. В. Антошкин. Очерк движения служащих в России (со второй половины XIX в.). М. 1921; К. В. Базилевич. Очерки по истории профессионального движения работников связи. 1905—1906. М. 1925; А. Гудван. Очерки по истории движения служащих в России. М. 1925. Исключение составляют железнодорожные служащие, которые рассматриваются в литературе как часть единой армии железнодорожников. См.: И. М. Пушкарева. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М. 1975.

⁴ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М. 1969, стр. 308.

⁵ «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». Тезисы ЦК КПСС. М. 1969, стр. 44.

слоев на современном этапе свидетельствует дискуссия по этому вопросу, проходившая на страницах журнала «Проблемы мира и социализма» в начале 60-х годов⁶, а также многочисленная литература последних лет⁷.

Изучение этого вопроса актуально еще и потому, что современные антикоммунисты и оппортунисты утверждают, будто В. И. Ленин и большевики игнорировали роль средних городских слоев в российских революциях⁸. Изучение огромного опыта борьбы российского пролетариата и его ленинской партии за трудящиеся массы города в трех русских революциях убедительно опровергает эти измышления.

В данной статье рассматривается борьба почтово-телеграфных служащих России в 1905 г., влияние на нее пролетариата и РСДРП, что, в свою очередь, позволяет выявить некоторые общие закономерности, присущие движению городских средних слоев на буржуазно-демократическом этапе революции в России. Особое внимание уделяется в статье конкретно-историческому анализу возникновения и хода Всероссийской почтово-телеграфной забастовки 1905 г., которую В. И. Ленин назвал великой стачкой почтово-телеграфных служащих⁹. На примере этой стачки четко прослеживаются формы и методы борьбы рабочего класса, партии большевиков за привлечение трудящихся масс на сторону революции.

Значительный документальный материал о Всероссийской почтово-телеграфной стачке был собран и опубликован еще в 20-х годах¹⁰. Тогда же К. В. Базилиев написал первую и до сих пор наиболее крупную исследовательскую работу о движении почтово-телеграфных служащих. Через несколько лет попытку углубить анализ выявленных до него документальных материалов предпринял Д. В. Антошкин¹¹. В 50-х — 60-х годах в сборниках документов по истории революции 1905—1907 гг. были опубликованы новые материалы о почтово-телеграфной забастовке, касающиеся преимущественно влияния РСДРП, Советов, рабочего класса на почтово-телеграфных служащих. На эти же вопросы было обращено внимание в статьях Л. К. Ермана, научно-популярной работе В. Н. Лебедева, в ряде статей, посвященных почтово-телеграфной забастовке в отдельных районах страны¹². Однако большинство названных работ но-

⁶ Дискуссия нашла отражение в книгах: «Структура рабочего класса капиталистических стран». Прага. 1962; «Коммунисты и демократия». Прага. 1964.

⁷ См.: «Городские средние слои современного капиталистического общества». М. 1963; «Средние (городские) слои в развивающихся странах Азии и Африки». Ч. 1—II. М. 1972; «Средние городские слои Латинской Америки». М. 1974; «Средние слои городского общества в странах Востока». М. 1975; В. В. Песчанский. Служащие в буржуазном обществе (на примере Англии). М. 1975.

⁸ Критику взглядов буржуазных философов, социологов, экономистов и историков по указанной проблеме см.: «Современный капитализм и буржуазная социология». М. 1965; Ю. Н. Семенов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии (Критический очерк американских и английских теорий). М. 1965; В. С. Семенов. Социология и проблемы современности. М. 1967; К. И. Зародов. Три революции в России и наше время. М. 1975; Д. Уолдэнс. «Новые» теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе. М. 1975.

⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 116.

¹⁰ В. П. Фаворский. Материалы к истории первой политической Всероссийской почтово-телеграфной забастовки 1905 г. Вып. I. Самара. 1918; Туннель. Накануне суда (по делу о почтово-телеграфной забастовке 1905 г.). М. 1923; «Печать и забастовка ПТТ». М. 1925, а также многочисленные воспоминания, опубликованные в журнале «Пролетарий связи» за 1919, 1923—1925 гг. Большой документальный материал был собран Центральной комиссией по истории почтово-телеграфного союза во главе с Н. Д. Моденовым (создана в 1922 г.). Этот материал, хранящийся в ЦГАОР СССР (ф. 6871, Истпроф ЦК союза почтово-телеграфных служащих), до настоящего времени слабо использован исследователями.

¹¹ К. В. Базилиев. Указ. соч.; Д. В. Антошкин. Стачка телеграфных и почтовых работников в 1905 году. «Вопросы профдвижения», 1935, № 11—12.

¹² Л. К. Ерман. Участие демократической интеллигенции во Всероссийской октябрьской политической стачке. «Исторические записки». Т. 49. 1954; его же. Всероссийская почтово-телеграфная стачка 1905 г. «Исторические записки». Т. 53. 1955;

сит главным образом описательный характер, в них сравнительно мало внимания уделено анализу эволюции требований и форм борьбы почтово-телеграфных служащих, факторам, способствовавшим переходу этой категории лиц наемного труда на сторону пролетариата.

Для понимания объективных предпосылок совместной борьбы пролетариата и работников связи необходимо показать место последних в социальной структуре капиталистической России, тем более что в литературе иногда смешивают служащих и интеллигенцию.

Служащие (государственных учреждений и частных предприятий) и интеллигенция относятся к промежуточным социальным слоям, находящимся между основными классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом. Большинство служащих и интеллигенции, так же как и рабочие, лишены средств производства и являются представителями наемного труда. Но в отличие от рабочих, выполняющих преимущественно физический труд, они не заняты физической работой. Однако полного тождества между интеллигенцией и служащими нет. Первые — это работники собственно умственного труда, а вторые — работники специфического непроизводительного труда (еще не ставшего умственным, интеллектуальным в точном смысле этого слова) — труда в сфере обслуживания. Тот факт, что часть интеллигенции являлась служащими, еще не означает, что всех служащих следует причислять к интеллигенции. Искусственное стирание граней между этими двумя категориями приводит к тому, что утрачивается представление о специфике их борьбы. Служащие находятся в определенной зависимости от капиталиста или государства, получая от них жалованье и живя за счет перераспределения доходов. И только в той мере, в какой служащие ослабляют или даже разрывают свою зависимость от капитала, они переходят на позиции наемных работников пролетарского типа.

Служащие социально неоднородны. Они состоят из различных слоев, примыкающих к различным классам капиталистического общества. В состав почтово-телеграфных служащих (которых в России в 1904 г. насчитывалось 50,8 тыс. человек) входили чиновники шести разрядов и «нижние служители» (почтальоны, рассыльные и сторожа). Численно небольшой слой высших чиновников¹³, которые занимались управленческой деятельностью, был более тесно связан с государственным аппаратом и буржуазией, в то время как основная масса служащих по своему положению приближалась к пролетариату. Ряды почтово-телеграфных служащих, как правило, пополнялись за счет выходцев из собственной среды и мелкой, преимущественно городской буржуазии. Правительство стремилось сохранить известную кастовую замкнутость чиновничества и принимать на службу наиболее благонадежных лиц. Эти обстоятельства способствовали распространению среди почтово-телеграфных служащих мелкобуржуазной идеологии, затрудняли рост их политического сознания.

В. И. Ленин обращал внимание на высокую степень эксплуатации почтово-телеграфных служащих, их тяжелое материальное положение. Помимо почтовых операций, они стали выполнять (после слияния почто-

В. Н. Лебедев. Участие работников связи в революционном движении России. М. 1967; изд. 2-е. М. 1974; Е. Д. Деева. Из истории ноябрьской политической стачки 1905 года в Туркестане. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 12; З. К. Ахмеджанова. К истории забастовки почтово-телеграфных служащих Туркестанского края в ноябре 1905 г. «Ученые записки» Ташкентского пединститута имени Низами. Т. 48. 1965; А. Т. Коняев. Из истории профессионального движения работников связи Сибири в 1905 г. Доклады и сообщения научно-практической конференции «В. И. Ленин о профсоюзах», посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Томск. 1969, и др.

¹³ По данным на февраль 1906 г., из общего числа 17 985 почтово-телеграфных чиновников на два высших разряда приходилось 3,1% (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 364, л. 5).

зого и телеграфного ведомств в 1885 г.) обязанности телеграфистов, а в начале XX в. также операции по приему и выдаче сбережений (из 4781 кассы 3718 было почтово-телеграфных)¹⁴. С развитием капитализма увеличивалось количество почтово-телеграфных отправок, вводились новые аппараты (например, Юза), требовавшие большего внимания и напряжения и т. д. Интенсификация труда сопровождалась, как правило, удлинением рабочего дня, который у почтовых работников составлял 12—14, а иногда 16—18 час. в зависимости от количества поступающей за день корреспонденции. Широко практиковались ночные дежурства.

Несмотря на высокую интенсивность труда, почтово-телеграфные служащие получали чрезвычайно низкую заработную плату: чиновники V разряда — 36 руб. 75 коп. в месяц, чиновники VI разряда — от 28 руб. 40 коп. до 24 руб. 50 коп. (к этим разрядам относились в 1905 г. 78% общего числа чиновников). Почтальонам платили от 12 до 33 руб., а сторожам и рассыльным от 10 до 23 руб. в месяц¹⁵. В. И. Ленин отмечал, что самым низшим служащим платят «буквально голодные платы, и затем установлена бесконечная градация степеней с надбавкой по чет-вертачку или полтинничку»¹⁶. Кроме того, почтово-телеграфные служащие не имели оплачиваемого отпуска, а также не получали выплат по болезни. Пенсия по старости им назначалась только после 50 лет работы. В. И. Ленин называл почтово-телеграфных служащих чиновническим пролетариатом¹⁷, полупролетариями¹⁸.

На почтово-телеграфное ведомство были возложены полицейские обязанности (просмотр корреспонденции, копирование, фотографирование, конфискация писем и телеграмм), что вызывало недовольство части служащих.

Промежуточное положение почтово-телеграфных служащих в социальной структуре России обуславливало наличие двух тенденций в их выступлениях. С одной стороны, подверженность буржуазному и мелкобуржуазному влиянию, нерешительность в борьбе с правительством, сравнительно медленное втягивание в движение, а с другой — сближение их интересов с интересами рабочего класса, тяготение к союзу с ним. Преобладание последней тенденции отчетливо проявилось в ходе Всероссийской почтово-телеграфной забастовки.

Начавшаяся народная революция способствовала активизации наиболее сознательных служащих всех категорий. Это проявилось в увеличении числа нелегальных кружков и расширении их деятельности, в укреплении связи с РСДРП и рабочими, в организации отдельных стачек. Втягивались в движение широкие слои, принявшие участие в петиционной кампании. По неполным данным, в марте — мае 1905 г. почтово-телеграфные служащие 16 городов подали петиции своему непосредственному начальству и правительственным властям¹⁹, еще надеясь улучшить свое материальное и правовое положение «законным» путем. Это свидетельствует о том, что если даже отсталые слои пролетариата сразу же после кровавых событий 9 января 1905 г. утратили иллюзии относительно того, что мирным путем можно добиться улучшения своего положения, то «периферийные» отряды лиц наемного труда еще довольно долго сохраняли наивную веру в легальные способы достижения этой цели.

Однако движение служащих даже в форме петиционной кампании было известным шагом вперед по сравнению с предшествующим периодом. Петиционная кампания активизировала массы почтово-телеграф-

¹⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 287—288.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1, д. 43, л. 11; ЦГИА СССР ф. 1276, оп. 2, д. 364, л. 5; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 22.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 288.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 76.

¹⁹ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 74.

ных работников, способствовала выработке единых требований, осознанию общности своих интересов. Выдвинутые в петициях требования показали близость интересов почтово-телеграфных служащих и пролетариата. Они касались сокращения рабочего дня (6-часового для телеграфистов и 8-часового для почтовых учреждений), повышения заработной платы (увеличение содержания на 50 и квартирных пособий на 30—50%, уравнивание жалования рассыльных и нижних служащих с жалованием почтальонов, отмена денежных штрафов), социального страхования (ежегодный месячный отпуск, бесплатная медицинская помощь, ограничение выслуги лет 25 годами, нормирование размера пенсии и т. д.), изменение правового положения на службе (введение определенного порядка в служебном повышении, ограничение произвола начальства и др.)²⁰.

Партия большевиков активизировала агитацию среди почтово-телеграфных служащих в связи с петиционной кампанией. Специальные листовки к почтово-телеграфным служащим были выпущены Иркутским комитетом РСДРП (март 1905 г.), Московским комитетом РСДРП (май 1905 г.), харьковской социал-демократической группой «Вперед» (июнь 1905 г.), Латышской СДРП (сентябрь 1905 г.)²¹ и др. Большевики подчеркивали общность интересов служащих и рабочих, призывали их к совместной борьбе под руководством пролетариата и его партии. Поддерживая экономические требования служащих, большевики связывали их с политическими лозунгами борьбы против самодержавия, за созыв Учредительного собрания и установление демократической республики, а также с конечной целью рабочего класса — борьбой за социализм. В листовках разоблачалась политика правительства и буржуазии, разъяснялась недостаточность мирных форм борьбы, содержался призыв к более активным революционным выступлениям — к всеобщей стачке и вооруженному восстанию. Дальнейшее развитие движения почтово-телеграфных служащих большевики связывали с расширением их требований до общенародных и с переходом к революционным формам борьбы. Их агитация попадала на благоприятную почву — петиции почтово-телеграфных служащих не были удовлетворены правительством, что наглядно подтвердило правоту социал-демократов.

Когда осенью 1905 г. пролетариат начал Всероссийскую октябрьскую политическую стачку, в ней приняли активное участие железнодорожные, торгово-промышленные служащие, работники городского общественного самоуправления, городского транспорта, служащие государственных и частных учреждений, а также часть почтово-телеграфных служащих: работники московского почтамта, центрального телеграфа и городского телефона Москвы, телеграфной конторы в Самаре, почтовые служащие Вильны, Иркутска, Нижнего Новгорода и ряда других городов. В привлечении почтово-телеграфных служащих к участию в Октябрьской политической стачке большую роль сыграли рабочие. В Москве представители почтамта и телеграфа присутствовали на совместных собраниях с железнодорожными рабочими и служащими, обращались к ним за помощью, чтобы организовать забастовку. В Самаре демонстранты приостановили работу почтовой и телеграфной контор, почтово-телеграфного управления; в Сормове работа телеграфа была прекращена с помощью рабочих Сормовского завода²². Подобные примеры можно умножить.

²⁰ Там же, стр. 77—85.

²¹ В. П. Фаворский. Указ. соч., 9—11; К. В. Базилевич. Указ. соч., приложения, стр. 12—15, 19—20, 35—37.

²² И. К. Кулцов. Очерк возникновения и развития профессионально-политического движения почтово-телеграфных работников бывшего Самарского округа. «Пролетарий связи», 1924, № 2, стр. 83; Т. Адолнин. 1905 год в Н. Новгороде по воспоминаниям почтово-телеграфного работника. «Пролетарий связи», 1923, № 9, стр. 41.

Все это свидетельствовало о том, что в октябре 1905 г. рабочий класс сумел приобщить к совместной борьбе против самодержавия довольно значительные слои городского трудящегося населения. Однако на решительную борьбу против самодержавия в то время оказались способны лишь наиболее передовые, сознательные служащие. Основная масса почтово-телеграфных работников продолжала колебаться и не решалась открыто принять участие в стачечной борьбе. Ей больше импонировала идея создания своего профессионального союза.

В литературе неоднократно отмечалось, что профсоюзы активно создавались различными категориями служащих, рабочими мелкими предприятий. По времени образования союзов и по охвату участников служащие нередко опережали рабочих крупной промышленности. Однако это обстоятельство ни в коей мере не говорит о большей сознательности и организованности служащих. Не следует забывать, что рабочий класс еще до революции создал высшую форму своей классовой организации — политическую партию и вел активную революционную борьбу в самых различных формах, одной из которых являлись и профсоюзы. Для почтово-телеграфных служащих профсоюз первоначально был лишь новой формой все той же легальной деятельности. Это говорит об ограниченности их сознания. Неустойчивая, колеблющаяся политическая позиция служащих отчетливо проявилась в деятельности Всероссийского почтово-телеграфного союза. Лишь по мере развития революционных событий союз стал организатором и руководителем стачечной борьбы.

Центром создания союза стала Москва. С 1902 г. на московском почтамте существовал нелегальный кружок почтово-телеграфных служащих, которым руководил почтальон-большевик В. Е. Муравьев²³. Известное влияние на почтово-телеграфных служащих оказал Всероссийский железнодорожный союз (ВЖС), программа и устав которого послужили образцами для почтово-телеграфного союза. В июле 1905 г. в Москве возникла конспиративная группа по организации союза, а в августе временное центральное бюро. В период Октябрьской стачки, 14 октября, на митинге работников связи Москвы было избрано Центральное бюро Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих, а 22 октября приняты проекты программы и устава союза, опубликованные в газете «Вечерняя почта» и разосланные для обсуждения в местные почтово-телеграфные учреждения. Центральное бюро известило местные отделения союза о созыве в первой половине ноября 1905 г. Всероссийского съезда почтово-телеграфных служащих и рекомендовало немедленно приступить к выборам делегатов на съезд.

Идея создания профессионального союза нашла живой отклик среди работников связи. Количество служащих, вошедших в союз, составило к осени, по неполным данным, 46 тысяч²⁴. Особенно активно вступление в союз проходило в тех местах, где широкого размаха достигло пролетарское движение и где длительное время на почтово-телеграфных служащих оказывали влияние социал-демократические организации, существовали нелегальные революционные кружки. Для вовлечения более отсталых слоев служащих руководство союза подчеркивало законность его возникновения на началах, объявленных манифестом 17 октября. О том, что профсоюзы создаются на «законном основании», говорили руководители не только почтово-телеграфного союза, но и союзов железнодорожников, торгово-промышленных служащих, работников государственных и общественных учреждений. При этом следует учитывать два обстоятельства. С одной стороны, «дарование» политических свобод было вынужденной уступкой царизма, сделанной под натиском революции, и

²³ См.: В. Е. Муравьев. Революционное подполье московских почтово-телеграфных работников. «Пролетарий связи», 1925, №№ 4, 6, 8; ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1 д. 62.

²⁴ В. Н. Лебедев. Указ. соч., стр. 44 (здесь и далее ссылки на изд. 2-е).

это завоевание следовало возможно полнее и шире использовать. С другой стороны, манифест был уловкой царизма, направленной на раскол сил революции, а затем и ее подавление.

Умеренное руководство почтово-телеграфного союза явно переоценивало манифест 17 октября. Оно неоднократно апеллировало к царскому правительству, рассчитывая с помощью союза улучшить материальное и правовое положение служащих в рамках закона. Однако очень скоро стала ясна иллюзорность этих надежд. Правительство заявило, что свобода союзов, объявленная манифестом 17 октября, не распространяется на государственных служащих, что все вступившие в союз подлежат увольнению со службы. Был запрещен созыв почтово-телеграфного съезда, а затем уволены со службы инициаторы создания союза.

Почтово-телеграфные служащие поняли, что необходимы более решительные действия. Идея использования стачки как средства борьбы была заимствована ими у пролетариата, который на практике убедительно доказал действенность массовой революционной стачки. В конце октября 1905 г. вопрос об использовании стачки был включен в проект устава Всероссийского почтово-телеграфного союза. На местные комитеты союза возлагалась обязанность определить время начала и окончания забастовки на местах. Вопрос о необходимости и своевременности всеобщей забастовки должен был решить Всероссийский съезд почтово-телеграфных служащих²⁵. ЦБ союза (так же, как и руководители ВЖС) не связывало всеобщую стачку с вооруженным восстанием; в этом проявилась мелкобуржуазная ограниченность служащих, их неспособность самостоятельно подняться на решительную борьбу с самодержавием.

С начала ноября 1905 г. на митингах, проходивших во многих городах, служащие все чаще высказывались за стачку. Учитывая это настроение, ЦБ союза призвало готовиться к стачке и включило вопрос о ней в повестку дня Всероссийского почтово-телеграфного съезда, открывшегося явочным порядком в Москве 15 ноября. Съезд должен был обсудить вопрос о времени начала стачки, ее организации, характере, о согласовании действий с другими союзами и партиями.

Карательные акции правительства против почтово-телеграфных служащих ускорили стачку. Когда стало известно об увольнении активных деятелей союза, его ЦБ утром 15 ноября направило телеграмму С. Ю. Витте с требованием восстановить их на службе, угрожая в противном случае забастовкой. Не получив ответа от Витте в течение обусловленных 12 часов, съезд призвал всех почтово-телеграфных служащих начать стачку. Еще до этого, 14 ноября, забастовали почтово-телеграфные служащие Иркутска, Читы и Омска.

Стачка почтово-телеграфных служащих имела всеобщий характер. Этому способствовал и общий революционный накал в стране, и пример Всероссийской октябрьской стачки, успешно прошедшей под руководством пролетариата, и возросшая в ходе создания союза организованность почтово-телеграфных служащих. Имело, очевидно, значение и то обстоятельство, что почтово-телеграфная сеть страны представляет собой единое целое, ее остановка предполагала всеобщность выступления. В то же время почтово-телеграфные служащие, являясь работниками государства, имели одного «хозяина» и успешность их борьбы во многом зависела от единства действий. Кроме того, всеобщая стачка имела больше шансов на успех в условиях общего подъема революционного движения в стране.

По сведениям В. Н. Лебедева, в стачке приняли участие почтово-телеграфные служащие 227 городов России, многих железнодорожных почтово-телеграфных отделений, почтовых контор тыла царской армии²⁶. По далеко не полным данным главного управления почт и телеграфов,

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 22, д. 4, л. 20 об.

²⁶ В. Н. Лебедев. Указ. соч., стр. 55.

в ноябре—декабре 1905 г. по 28 почтово-телеграфным округам бастовало 9667 служащих (66% общего числа работающих в этих округах²⁷). Активное участие в стачке принимали телеграфисты, и прежде всего юзисты. Это была наиболее сознательная часть служащих, игравших часто руководящую роль в стачечных комитетах, в организации боевых дружин. К активному слою стачечников принадлежали также чиновники низших разрядов и в значительной мере низшие служители, особенно почтальоны, проявлявшие большое упорство и выдержку в борьбе. На петербургском почтамте бастовало 29,4% (317 человек) служащих, при этом низшие служащие бастовали полностью. В Орле бастовало 36,6% чиновников, главным образом низших разрядов, в Харькове 61,8% служащих, из числа низших — 68,7%²⁸. Забастовка охватила все управления Рижского почтово-телеграфного округа, рижские центральную телеграфную и городскую почтово-телеграфную конторы, за исключением старших чинов. Такое же положение было в Либаве, Митаве, Ревеле и других городах Прибалтики²⁹. Чиновники высших разрядов относились к стачке, как правило, отрицательно, составляя основное ядро штрейкбрехеров³⁰. Но в отдельных случаях они участвовали в стачке и даже руководили ею, как это было, например, в Харькове, Одессе.

Руководство стачкой на местах осуществляли местные комитеты союза или же специально созданные для этой цели по примеру рабочих стачечные комитеты. Они состояли из активных, политически сознательных служащих, ранее являвшихся членами нелегальных революционных кружков или же организаторами местных комитетов почтово-телеграфного союза. Стачечные комитеты возникли в Петербурге, Москве, Орле, Брянске, Одессе, Харькове, Самаре, Екатеринославе, Иркутске, Новороссийске, Рязани и многих других городах.

Общее руководство забастовкой стремился осуществлять почтово-телеграфный съезд. На съезде выдвигались и развивались требования бастующих, конкретизировались цели забастовки, рассматривались вопросы о материальной помощи бастующим, организации сбора пожертвований. При ЦБ союза была создана специальная финансовая комиссия, распределявшая имевшиеся средства среди нуждающихся забастовщиков. Однако подобное «общее руководство» забастовкой было весьма ограниченным и недостаточным. События на местах развивались сообразно конкретной обстановке в том или ином районе. Тем не менее попытка координировать забастовочное движение почтово-телеграфных служащих в масштабах всей страны имела немаловажное значение. В то же время стачка почтово-телеграфных служащих оказывала непосредственное влияние на работу съезда, на его решения. Таким образом, эти два события не только совпадали во времени, но были тесно связаны между собой. Не случайно пролетариат и его организации действовали в то время в двух основных направлениях — стремились помочь углубить стачку и оказать влияние на работу почтово-телеграфного съезда.

Рассматриваемые события происходили в то время, когда пролетариат в условиях сложившегося после Октябрьской стачки равновесия сил готовился к новой решительной битве в форме вооруженного восстания. Важнейшей задачей для него было сплочение всех революционных сил, укрепление союза с крестьянством, армией, средними городскими слоями.

Для понимания тактики пролетариата по отношению к почтово-телеграфным служащим необходимо выяснить классовый характер их организации, партийную ориентацию членов союза, эволюцию требований. Эти вопросы изучены до сих пор недостаточно. Л. Ю. Ерман считал, что

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 8, д. 853. Подсчеты сделаны авторами.

²⁸ К. В. Б а з и л е в и ч. Указ. соч., стр. 265, 337, 384.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 8, д. 126.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1, д. 10, л. 94 об.; Туннель. Указ соч., стр. 30.

политическая платформа всех профессионально-политических союзов, в том числе и почтово-телеграфного, «была по своему содержанию либерально-буржуазной, кадетской», а руководители ЦБ союза тяготели к либералам³¹. Н. В. Лебедев, напротив, указывает, что «основное ядро Центрального бюро стремилось проводить правильную пролетарскую линию»³².

Источники о социальной и партийной принадлежности участников съезда очень скудны, однако из них видно, что большинство членов ЦБ были чиновниками, причем, очевидно, не низших разрядов. Председатель ЦБ и I Всероссийского съезда почтово-телеграфных служащих К. В. Парфененко являлся разъездным почтовым чиновником II разряда; член ЦБ, председатель московского комитета союза П. Н. Миллер — экспедитором московского почтамта; член ЦБ Н. Г. Двужильный — инженером-электриком, старшим механиком управления московских городских телеграфов. Членом первого ЦБ, избранного съездом, являлся почтальон Ф. Ф. Удалов. По партийной принадлежности члены временного ЦБ А. Ф. Масанов и А. Симигин принадлежали к социал-демократам, К. В. Парфененко, А. Повх и В. М. Акимов стояли на эсеровских позициях, Н. Г. Двужильный тяготел к либералам.

Союз объединял почтово-телеграфных служащих независимо от их материального и служебного положения. Порядок представительства на съезде должен был обеспечить примерное количественное равенство высшим и низшим служащим: предполагалось присылать не более четырех делегатов от губернии; два делегата должны были избираться от нижних чинов или почтальонов и (независимо от этого) два делегата (чиновник и почтальон) от крупных учреждений³³. На съезд посылались, как правило, наиболее активные почтово-телеграфные работники. К открытию съезда прибыло около 80 делегатов более чем из 40 губерний³⁴. Всего же, по данным К. В. Базилевича, на съезде присутствовало 109 человек, из них чиновников — 85, почтальонов — 18, служебное положение 6 делегатов неизвестно³⁵.

Участники съезда придерживались различной политической ориентации. Среди делегатов были социал-демократы, эсеры, незначительная часть лиц отстаивала либеральные взгляды, но основная масса была беспартийной и занимала неустойчивую, колеблющуюся позицию. В ходе работы съезда сложилось два течения: умеренное, стремившееся ограничиться чисто экономическими вопросами, склонявшееся даже после начала стачки к борьбе в рамках манифеста 17 октября 1905 г., и революционное, связывавшее экономическую борьбу с решением основных политических вопросов, стоявшее за активные действия против правительства, за единение с рабочим классом. Это последнее течение явно усиливалось в ходе съезда и в конечном итоге определило основные его решения. На процесс довольно быстрого полевения съезда, радикализация его решений, выработку более четкой политической ориентации оказали воздействие: давление «снизу» почтово-телеграфных служащих, которые приняли активное участие во Всероссийской почтово-телеграфной забастовке и выработали более радикальные требования; влияние пролетариата и его авангарда — большевистской партии; карательные действия правительства в отношении почтово-телеграфных служащих.

В программе и уставе союза были не только обобщены, но получили дальнейшее развитие и конкретизацию требования, выдвинутые в ходе петиционной кампании. В программе ставился вопрос об установлении минимального месячного вознаграждения — для чиновников — 50 руб.,

³¹ Л. К. Ерман. Всероссийская почтово-телеграфная стачка 1905 г., стр. 119.

³² В. Н. Лебедев. Указ. соч., стр. 43.

³³ Туннель. Указ. соч., стр. 32; ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1, д. 10, л. 94 об.

³⁴ Центрально-промышленного, Северо-Западного районов, Прибалтики, Белоруссии, Украины, Польши, Сибири, Закавказья, Средней Азии, Финляндии.

³⁵ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 185.

для низших служащих — 30 руб., для кандидатов на должность — 25 руб., прогрессивном увеличении содержания через каждые три года. В ней были выдвинуты требования государственного страхования, отмены чинов, знаков отличия, форменной одежды, поднятия культурного уровня служащих. Показательно, что изменение своего материального и служебно-правового положения почтово-телеграфные служащие связывали с требованием улучшения почтово-телеграфного дела в целом, а это было невозможно без общей демократизации всего социально-экономического и политического строя страны. В программе союза было включено требование о немедленном созыве Учредительного собрания, а в устав — требование установления в России демократической республики. Делегаты считали необходимым бороться за фактическое осуществление свободы собраний, союзов, слова, печати, стачек, неприкосновенность личности и жилища³⁶. Дважды на съезде выносились резолюции об уничтожении цензуры для корреспонденций и газет³⁷.

Таким образом, служащие начинали осознавать связь между своим материальным положением и существующим в стране политическим строем, что свидетельствовало о дальнейшем развитии их политического сознания. В ходе стачки служащие все более отчетливо стали понимать общенародную значимость своей борьбы и необходимость совместных с рабочим классом и всеми трудящимися действий. 21 ноября в воззвании, принятом на съезде, было сказано, что стачка, по существу, направлена против правительства и что победа почтово-телеграфных служащих — это победа всего народа³⁸. В принятой 22 ноября резолюции подчеркивалось, что служащие являются частью рабочего класса страны и что в их лице правительство борется с освободительным движением всех трудящихся России³⁹. Эти важные выводы являлись отражением того фактического союза служащих с рабочими, который складывался «снизу» в ходе стачки под влиянием агитации рабочего класса, большевистской партии, их активной помощи и поддержки почтово-телеграфных служащих.

Большое внимание стачке уделяла большевистская печать. В газетах «Новая жизнь», «Борьба», «Вперед», «Кавказский рабочий листок», многочисленных листовках большевики самое пристальное внимание уделяли подробному освещению хода стачки и работы почтово-телеграфного съезда, призывали почтово-телеграфных служащих становиться в единые ряды с рабочим классом и вести совместную борьбу под лозунгами РСДРП. Большевики приветствовали борьбу служащих, агитировали за оказание им материальной и моральной поддержки. Активную работу среди почтово-телеграфных служащих вели большевики Петербурга, Москвы, Харькова, Самары, Красноярска, Нижнего Новгорода, Саратова, Царицына, Екатеринбурга, Тифлиса, Киева, Минска, Читы и многих других городов. Социал-демократические комитеты снабжали почтово-телеграфных служащих агитационной литературой, содействовали устройству митингов совместно с рабочими, созданию стачечных комитетов.

Боевые дружины рабочих охраняли почтово-телеграфные конторы, помогали снимать штрейкбрехеров⁴⁰. В ряде промышленных центров почтово-телеграфные служащие поддерживали постоянную связь с рабочими крупных предприятий — в Нижнем Новгороде с рабочими Сормовского завода и фабрики Доброва, в Харькове — паровозостроительного завода и завода Гельферих — Саде, в Брянске — Бежицкого рельсопрокатного завода, в Перми — Мотовилихинского завода. По требованию

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1, д. 91а, лл. 1, 5.

³⁷ Туннель. Указ. соч., стр. 38, 51.

³⁸ Там же, стр. 44.

³⁹ «Русские ведомости», 23. XI. 1905.

⁴⁰ См.: А. Пискарев. Воспоминания члена Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 года. «Красная летопись», 1925, № 4 (15).

рабочих этого предприятия, угрожавших стачкой, были освобождены из тюрьмы шесть арестованных руководителей и активных участников почтово-телеграфной забастовки⁴¹. Рабочие текстильного производства Москвы постановили бойкотировать фирмы, посылающие в почтово-телеграфные конторы штрейкбрехеров и срывающие стачку⁴². В Екатеринославе губернатор вынужден был отменить предписание начальника почтового округа о привлечении бастовавших служащих к судебной ответственности, признав его несвоевременным «ввиду возбужденного состояния рабочих»⁴³.

Устанавливалась также связь с железнодорожными рабочими и служащими (в Гомеле, Полтаве, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Харькове и др.). В Москве железнодорожные рабочие помогали почтово-телеграфным служащим снимать персонал, сопровождающий почтовые вагоны. В Вологде устраивались совместные митинги с железнодорожниками. В Перми почтово-телеграфным служащим оказывал помощь центральный комитет Пермской железной дороги, в Воронеже—комитет Юго-Восточных железных дорог и т. д. Важное значение имел сбор материальных средств для бастующих, организованный местными социал-демократическими комитетами, рабочими, служащими, интеллигенцией.

Настоящей школой политического просвещения и воспитания почтово-телеграфных служащих явилось участие их в митингах совместно с рабочими, которые проходили в Москве, Петербурге, Самаре, Харькове и многих других городах. Как правило, настроение на митингах было более боевым и решительным, чем на съезде. Совместное обсуждение вопросов, выработка общих резолюций способствовали упрочению союза почтово-телеграфных служащих и рабочих. В резолюции, принятой 25 ноября на митинге почтово-телеграфных служащих Москвы, говорилось, что они «присоединяются к борьбе всего рабочего класса за полное освобождение... выражают глубокую уверенность, что только дружный напор всех угнетенных и трудящихся в состоянии положить конец всем видам гнета и эксплуатации»⁴⁴. В резолюции митинга почтово-телеграфных служащих Москвы 28 ноября подчеркивалось: «Весь рабочий класс на нашей стороне» и содержался призыв: «Да здравствует объединение всего рабочего класса! Долой правительство!»⁴⁵.

Вопрос о политической ориентации почтово-телеграфного союза вызвал большие разногласия на съезде. В результате длительных дискуссий съезд постановил, что союз не принимает целиком положений какой-либо партии и предоставляет свободу самоопределения различным группам при условии принятия ими за минимум политической и профессиональной программы союза. В своей общественно-политической деятельности союз считает возможным входить в соглашение для согласования действий с другими общественными организациями (партиями, союзами и т. д.) при условии, если цели этих организаций не противоречат политической и профессиональной программе союза⁴⁶. Приняв это постановление, съезд тем самым противопоставил себя буржуазно-монархическим организациям типа кадетской партии и признал возможным вступать в союз фактически с теми партиями и профессиональными союзами, которые признавали требования Учредительного собрания и демократической республики. Характерно, что съезд предоставил право местным комитетам союза входить в сношения только с пролетарскими организациями⁴⁷.

⁴¹ Л. К. Ерман. Всероссийская почтово-телеграфная стачка 1905 г., стр. 130.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1, д. 349, л. 8.

⁴³ См.: К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 419.

⁴⁴ «Русские ведомости», 26. XI. 1905.

в 1905 — октябре 1917 г. «Пролетарий связи», 1919, №№ 8—9, стр. 7.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 22, д. 4, л. 15.

⁴⁷ Туннель. Указ. соч., стр. 42.

Какое конкретное выражение получили эти принципиальные установки съезда? Известно, что существовала связь почтово-телеграфного союза с Всероссийским железнодорожным союзом, которую осуществляли М. И. Богданов, С. А. Александров, И. С. Воробьев, а также с Московским стачечным комитетом⁴⁸, членом которого являлась О. Х. Неслер. Московский стачечный комитет, возникший в разгар Октябрьской стачки, включал в себя разнородные в политическом отношении элементы, в том числе и левых либералов. Однако влияние либералов было парализовано в ходе стачки, и им пришлось плестись в хвосте революционных организаций, боясь окончательно потерять доверие масс и скомпрометировать себя в глазах мелкобуржуазной демократии. Любопытно выступление представителя левого крыла Московского стачечного комитета на заседании почтово-телеграфного съезда 16 ноября. «Объединение и вооружение пролетариата — вот наши средства, — говорил он. — Социализм — вот наше знамя... Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия, под руководством которой пролетариат ведет свою борьбу»⁴⁹.

Характерно, что представители умеренного течения почтово-телеграфной партии считали необходимым находиться «вне политических партий, объединенных стачечным комитетом»⁵⁰, и настойчиво добивались присоединения к Союзу союзов. Однако 20 ноября съезд отверг это предложение, признав Союз союзов буржуазной организацией, не отвечающей интересам рабочего класса⁵¹. Единственное, чего удалось добиться Двужильному и его единомышленникам, — это решения о том, чтобы, не присоединяясь к Союзу союзов, делегировать в эту организацию своего депутата с правом совещательного голоса для того, чтобы решения этого Союза не были обязательными для почтово-телеграфных служащих⁵².

Наиболее прочную и систематическую связь почтово-телеграфный союз установил с Советами рабочих депутатов, признав их руководящую роль. Этому способствовало прежде всего то обстоятельство, что Советы являлись выразителями союза пролетариата и революционной демократии. «Мы все время говорили о том, что необходимо боевое объединение между социал-демократами и революционными буржуазными демократами. Мы об этом говорили, а рабочие это сделали»⁵³, — писал о Советах В. И. Ленин.

Налаживать контакты с Петербургским Советом рабочих депутатов начал Петербургский комитет почтово-телеграфного союза, пять представителей которого вошли в Совет, а трое из них — в его исполнительный комитет. Совет активно помогал и фактически руководил почтово-телеграфной забастовкой в Петербурге. Заседание Совета рабочих депутатов 19 ноября было почти полностью посвящено почтово-телеграфной стачке: был заслушан доклад о ее ходе, принято обращение к железнодорожным телеграфистам с предложением присоединиться к борьбе и др.⁵⁴. Совет выпускал воззвания, организовывал митинги, на которых выступали члены Совета. Он предоставлял помещения для собраний почтово-телеграфных служащих, отдавал распоряжения о закрытии почтово-телеграфных отделений (обычно с помощью рабочих близлежащих фабрик и заводов) и снятии штрейкбрехеров. Совет потребовал от фирмы Гергарди Гей, взявшей на себя организацию доставки почты по железным дорогам, прекратить перевозку правительственной почты.

⁴⁸ См. Л. К. Ерма н. Всероссийская почтово-телеграфная стачка 1905 г., стр. 119.

⁴⁹ В. Н. Лебедев. Указ. соч., стр. 53.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1, д. 10, л. 49 об.

⁵¹ Там же, д. 86, л. 5; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 211—212.

⁵² ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 22, д. 4, л. 20 об.

⁵³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 64—65.

⁵⁴ «Новая жизнь», 20. XI. 1905.

Совет оказывал и материальную помощь бастующим почтово-телеграфным работникам. На заседании 19 ноября им было выделено из фондов Совета 2 500 руб.; кроме того, создан забастовочный фонд. При Совете была организована специальная комиссия помощи бастующим, в которую вошли представители революционных партий⁵⁵.

16 ноября, на второй день заседания Всероссийского съезда почтово-телеграфных служащих, на нем выступили депутаты Петербургского Совета рабочих депутатов, которые приветствовали борьбу служащих, призывали их добиваться политической свободы и установить прочную связь с Советами рабочих депутатов. 22 ноября на заседании съезда выступили его делегаты, вернувшиеся из Петербурга, где они ознакомились с деятельностью Совета. Их предложение вступить в Совет, так как он «идет во главе освободительного движения и для полного поражения старого режима нужно идти рука об руку с этой могущественной организацией», получило широкую поддержку. Была единогласно принята резолюция «примкнуть к общерусской организации трудящегося класса, объединенного в настоящее время в Петербургский Совет рабочих депутатов и в его местные отделения»⁵⁶.

Большое внимание почтово-телеграфной забастовке уделял Московский Совет рабочих депутатов. На заседании Совета 5 декабря 1905 г., где обсуждался вопрос об объявлении всеобщей политической стачки, присутствовал представитель съезда почтово-телеграфных служащих⁵⁷. Активную роль в руководстве забастовкой почтово-телеграфных служащих играли Советы рабочих депутатов других городов. 24 ноября и 5 декабря вопрос о почтово-телеграфной забастовке обсуждался на заседаниях Одесского Совета рабочих депутатов; 6 декабря в Совет был избран постоянный представитель от почтово-телеграфных служащих. В Новороссийске с самого начала политической забастовки в декабре 1905 г. стачечный комитет почтово-телеграфных служащих согласовывал свои действия с Советом рабочих депутатов⁵⁸.

Почтово-телеграфные служащие видели в Советах органы революционной власти. Они обращались в Советы рабочих депутатов за помощью и содействием при закрытии почтово-телеграфных контор, с жалобами на свое начальство. Так, почтово-телеграфные служащие Таганрога направили в Совет жалобу, в которой говорилось об угрозе начальника конторы уволить и лишить жалованья тех, кто примет участие в забастовке. Таганрогский Совет рассмотрел эту жалобу и предъявил начальнику конторы требование о немедленном прекращении работы почтово-телеграфной конторы⁵⁹. Совет рабочих депутатов Баку постановил объявить с 14 декабря всеобщую политическую стачку и в число требований включил немедленное удовлетворение нужд почтово-телеграфных и железнодорожных служащих⁶⁰. Таким образом, и в центре и на местах служащие признали руководящую роль Советов рабочих депутатов.

Либеральная буржуазия стремилась ограничить движение почтово-телеграфных служащих рамками мирной профессиональной борьбы. В этом отношении она искала поддержки у некоторых либерально настроенных руководителей союза. Либералы обвиняли правительство в том, что своими репрессиями оно толкнуло почтово-телеграфных служащих

⁵⁵ «Новая жизнь», 21.XI.1905; Е. Кривошеина. Петербургский Совет рабочих депутатов в 1905 году. М. 1926, стр. 414, 415, 572, 578—580; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 331—336; Б. Радин. Первый Совет рабочих депутатов 13 октября — 3 декабря. СПб. 1906, стр. 92; ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1, д. 367.

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 8, л. 120, л. 25; «Русские ведомости», 23.XI.1905.

⁵⁷ «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 1905, № 1.

⁵⁸ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 405—406, 516.

⁵⁹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г.». Ч. II. М. 1955, стр. 488.

⁶⁰ «Известия Совета рабочих депутатов г. Баку». 16. XII. 1905; «Печать и забастовка ПТТ», стр. 89.

на путь забастовки вместо того, чтобы допустить создание профессионального союза и пойти на некоторые уступки. Всячески осуждая почтово-телеграфную забастовку, либералы называли ее «анархическим способом борьбы», подтачивающим и разрушающим народное хозяйство⁶¹. Они уверяли, что забастовка отталкивает от почтово-телеграфных служащих буржуазное «общество», представители которого, активно помогая правительству, вынуждены были выполнять работу забастовщиков. Так, например, представители московского биржевого комитета, торговых фирм Вогау, Кузнецова, Мюр-Мерилиз и других во главе с промышленником П. П. Рябушинским занимались разбором корреспонденции на московском почтамте. Характерно, что они рука об руку «трудились» с членами «Союза русского народа», возглавляемыми кн. Козловским⁶².

Вскрывая предательскую позицию либералов, большевистские газеты «Новая жизнь» и «Борьба» призывали служащих продолжать борьбу совместно с рабочим классом революционными методами. Большевики подчеркивали, что в то время, когда буржуазия помогает правительству, пролетариат и демократические городские слои поддерживают почтово-телеграфных служащих⁶³.

Большевистская пресса разоблачала и политику правительства, которое, запретив почтово-телеграфный союз, начало массовые увольнения служащих. Гонениям и преследованиям подвергался почтово-телеграфный съезд: закрывались и разгонялись силой его заседания, за всеми делегатами было установлено «наружное наблюдение». В соответствии с секретным циркуляром от 16 ноября производились многочисленные аресты руководителей союза, «подстрекателей и агитаторов» за забастовку. 29 ноября Николай II подписал указ, позволявший местным властям объявлять по своему усмотрению положение усиленной и чрезвычайной охраны для борьбы с забастовками на железных дорогах, почте и телеграфе. 2 декабря особым указом устанавливались различные сроки уголовного наказания участникам стачек. Преследуя бастовавших служащих, правительство не платило им жалованье даже за отработанный месяц, выселяло в зимнюю стужу из казенных квартир.

Наряду с репрессиями правительство прибегло и к другому способу — разращению стачечников и подкупу. Уже в начале ноября оно обещало улучшить быт служащих в рамках ассигнованных на 1906 г. средств. В циркуляре П. Н. Дурново от 26 ноября забастовщики делились на три категории: присоединившимся к стачке «по малодушию и из страха» было обещано восстановление на службе и выдача пособия; сознательные участники стачки на службу не принимались; наконец, руководители и «подстрекатели» подлежали суду⁶⁴. Кроме того, правительство объявило о повышении окладов чиновникам VI разряда и начальникам почтово-телеграфных отделений в сельской местности. Все эти меры были рассчитаны на раскол служащих и прекращение забастовки. Разъясняя смысл политики правительства, большевики показывали, что правительство является врагом всех трудящихся, что союзу его с буржуазией следует противопоставить союз всех революционных сил во главе с рабочим классом и его партией⁶⁵.

Передовые, наиболее сознательные почтово-телеграфные служащие приняли активное участие в Декабрьском вооруженном восстании. 6 декабря на своем последнем заседании почтово-телеграфный съезд поста-

⁶¹ «Полярная звезда», № 1, 15. XI. 1905, стр. 10—11; «Русские ведомости», 17. XI. 1905, и др.

⁶² ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1, д. 349, л. 8; ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 22, д. 3, лл. 39—44.

⁶³ «Новая жизнь», 26.XI.1905; «Борьба», 27.XI.1905.

⁶⁴ «Новая жизнь», 29.XI.1905; «Борьба», 29.XI.1905; Туннель. Указ. соч., стр. 66—67.

⁶⁵ «Новая жизнь», 26, 28, 29. XI. 1905.

новил присоединиться ко всеобщей политической забастовке, которая должна была начаться в Москве 7 декабря. Несмотря на то, что это решение было принято в момент спада почтово-телеграфной забастовки⁶⁶, в отдельных городах, где служащие были настроены особенно революционно и имели тесные связи с рабочим классом, они активно участвовали в декабрьской политической забастовке и вооруженном восстании. Это свидетельствовало о том, что передовые отряды почтово-телеграфных служащих поднялись еще на одну ступень в своем политическом развитии.

Почтово-телеграфные служащие совместно с рабочими участвовали в политической стачке и вооруженном восстании в декабре 1905 г. в Иркутске, Чите, Красноярске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Самаре, Харькове, Новороссийске, Тифлисе, Гори и ряде других городов. Для этого этапа движения почтово-телеграфных служащих характерно: вхождение их совместно с рабочими в объединенные стачечные комитеты, упрочение связей с Советами, создание боевых дружин (например, в Харькове, Екатеринославе, Екатеринбурге, Иркутске и других местах). Распространенным явлением становятся захват почты и телеграфа, их использование в интересах революции. Так было, например, в Гори, Екатеринбурге и особенно в Сибири (Иркутске) и Забайкалье. 21 декабря 1905 г. съезд почтово-телеграфных служащих Забайкальской области, собравшийся в Чите, принял решение о передаче почтово-телеграфных учреждений в руки народа, что явилось закреплением фактического положения дел, сложившегося в ходе Декабрьского вооруженного восстания во многих городах — Чите, Хабаровске, Верхнеудинске и др. Нередки были случаи вооруженных столкновений служащих с войсками, участия их в баррикадных боях⁶⁷.

Всероссийская почтово-телеграфная забастовка была закономерным результатом всего предшествовавшего развития движения работников связи, изживания ими мелкобуржуазных иллюзий под влиянием революционных событий и прежде всего борьбы рабочего класса и большевистской партии. В ходе стачки значительно повысилась организованность почтово-телеграфных служащих, их политическое сознание. Эволюция требований от чисто экономических до общеполитических, переход от легальных форм борьбы к использованию пролетарского средства — стачки, признание руководящей роли рабочего класса и Советов рабочих депутатов свидетельствовали об усилении пролетарского влияния на широкие демократические массы служащих. «Пролетариат заключил с почтово-телеграфными работниками союз на жизнь и смерть»⁶⁸, — констатировала «Борьба». На пути к этому союзу пролетариат и его революционный авангард столкнулись со значительными трудностями, связанными с мелкобуржуазными колебаниями почтово-телеграфных служащих, их нерешительностью в борьбе против самодержавия. Однако, используя последовательную и бескомпромиссную тактику, разоблачая политику самодержавия и либеральной буржуазии, большевики сумели вовлечь в борьбу средние городские слои.

Несмотря на то, что почтово-телеграфные служащие не смогли приурочить свое выступление ко времени Всероссийской октябрьской политической стачки, они внесли определенный вклад в борьбу с правительством и буржуазией, в усиление революционного лагеря. «Чем бы ни окончилась почтово-телеграфная забастовка, она составит одну из замеча-

⁶⁶ 15 декабря Исполнительный комитет, выбранный съездом, учитывая постепенный спад забастовки на местах, объявил о прекращении стачки, рекомендуя приступить к работе, сообразуясь с решениями местных пролетарских организаций.

⁶⁷ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 454—457, 516; Л. К. Ерман. Всероссийская почтово-телеграфная стачка 1905 г., стр. 142—143; А. Т. Коняев. Указ. соч., стр. 111; ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 22, д. 21, л. 181 об.; ЦГАОР СССР, ф. 6871, оп. 1, д. 325, лл. 8—9.

⁶⁸ «Борьба», 27. XI. 1905.

тельных страниц в истории русской революции»⁶⁹,— пророчески писала «Новая жизнь» во время стачки. Почтово-телеграфная забастовка дезорганизовала хозяйственную, политическую и культурную жизнь страны, расстраивала деятельность государственного аппарата. Была парализована работа военного ведомства и других правительственных учреждений⁷⁰. Нарушив телефонные и телеграфные сношения центра с провинцией, забастовка затрудняла подавление революционного движения рабочих, крестьян и армии, широко развернувшегося в ноябре 1905 года. «Оружие политической забастовки совершенствуется,— писал В. И. Ленин,— этим оружием учатся теперь владеть новые ряды работников, без которых единого дня не может существовать современное культурное общество»⁷¹.

Стачка показала, что улучшения своего положения трудящиеся могут добиться только силой. Лишь под давлением стачечной борьбы и вооруженного восстания правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки служащим: повышение окладов низшим служащим, изменение процентного соотношения чиновников различных разрядов, дополнительные ассигнования на почтово-телеграфное ведомство⁷² (правда, эти меры в значительной степени были сведены на нет после подавления революции). Участие передовых почтово-телеграфных служащих в вооруженном восстании выявило реальную возможность их вовлечения в высшие формы революционной борьбы.

⁶⁹ «Новая жизнь», 29.XI.1905.

⁷⁰ «Начало», 2. XII. 1905.

⁷¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 116.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 364, лл. 10, 34.

НОВЫЙ ЭТАП СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ И МЕЖДУНАРОДНАЯ РАЗРЯДКА

И. М. Рапопорт

Взаимные визиты президента Франции генерала де Голля в Советский Союз и Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина во Францию, состоявшиеся в 1966 г., положили начало новому этапу в развитии советско-французских отношений¹, давно ставших важнейшим элементом европейской и мировой политики. «Дружба наших народов,— говорил на XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— опирается на прочные исторические традиции»². Об этих традициях еще в 1935 г. французский историк права А. Слове писал: «Никакие различия режимов, как бы глубоки они ни были, никогда не помешают эффективному сближению между двумя странами, когда это сближение отвечает их жизненным интересам... Тесное франко-советское сотрудничество может стать одним из факторов всеобщего мира»³. Курс на развитие дружественных отношений с Францией проводится нашим государством со времени установления Советской власти. Он был определен В. И. Лениным, который в 1922 г. говорил: «Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно»⁴.

К моменту возникновения V Республики Франция столкнулась с двойной угрозой своим интересам как независимой и великой державы: во-первых, со стороны США, чей монополистический капитал стремительно завоевывал ключевые позиции во французской экономике, а во-вторых, ФРГ с ее возросшими экономическими и политическими позициями в Западной Европе⁵. К тому времени США окончательно утратили ядерную монополию, а вместе с ней и «прерогативу» безнаказанно проводить политику «с позиции силы». Успехи социалистического сотрудничества в области экономики уравнивали баланс сил на международном рынке, а последовательная миролюбивая внешняя политика социалистических стран заставила некоторых лидеров Запада пересмотреть свое отношение к тезису о так называемой «угрозе с Востока». Как отмечалось в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии, «переход от «холодной войны», от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке напряженности был связан прежде всего с изменениями в соотношении сил на мировом рынке. Но потребовались большие усилия, чтобы люди — и особенно те, кто руководит политической государством,— стали привыкать к мысли, что естественным делом является не балансирование на грани войны, а переговоры по спорным вопросам, не конфронтация, а мирное сотрудничество»⁶. Для Франции улучшение

¹ См. «История внешней политики СССР. 1917—1975». Т. 2. М. 1976, стр. 467.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 3. М. 1972, стр. 219.

³ H. Sloves. La France et l'Union Soviétique. P. 1935, p. 398.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 237.

⁵ Подробнее см. Н. Н. Молчанов. Внешняя политика Франции (Пятая республика). М. 1961.

⁶ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 465.

отношений с СССР означало преодоление инерции «холодной войны», разрыв с внешнеполитической практикой IV Республики, выразившейся прежде всего в беспрекословном следовании в фарватере американской политики, активном антисоветизме. Были необходимы политический реализм и дальновидность де Голля, чтобы повернуть Францию лицом к Востоку Европы. Однако решение, принятое де Голлем, диктовалось реальностями послевоенного мира и местом в нем Франции.

В то время среди французских буржуазных политиков получили распространение две противоположные концепции. Первая предполагала полную солидаризацию Франции с партнерами по Североатлантическому союзу, призвала смириться с утратой страной статуса великой державы, признать гегемонию США. Иными словами, речь шла о продолжении курса «холодной войны». Р. Арон, например, прямо призывал «принять врага (ФРГ. — И. Р.) как друга, признать во вчерашнем союзнике (СССР. — И. Р.) завтрашнего противника и примириться с утратой роли великой державы»⁷. Вторая же концепция, напротив, вдохновлялась идеей мировой роли Франции как державы-победительницы. Она предполагала проведение независимого внешнеполитического курса и выражала взгляды той части буржуазных кругов страны, которые шли за голлистами. «Отцом» и теоретиком этого нового курса стал де Голль. В третьем томе «Военных мемуаров» он определил главные задачи своей политики: «Обеспечить для Франции безопасность в Западной Европе, сделать так, чтобы ей не мог угрожать новый рейх. Сотрудничать с Западом и Востоком, а если понадобится, заключать с той или другой стороной необходимые союзы, никогда не попадая в какую бы то ни было зависимость от них»⁸. Такая «эластичная» формула предоставляла голлистскому режиму возможность маневрировать. Ход событий в первые пять лет истории V Республики свидетельствует о том, что в то время де Голль еще был далек от принятия политики разрядки с Востоком и в первую очередь с СССР.

В 1958—1964 гг. Франция стремилась укрепить свои позиции в западном блоке в условиях продолжения политики нагнетания международной напряженности. Этот период был отмечен поисками выхода из алжирской войны, жесткой позицией по берлинскому вопросу, наращиванием мощи национальной ядерной «ударной силы», попыткой достижения политического и экономического баланса на западе Европейского континента путем заключения договора о сотрудничестве с ФРГ, наконец, стремлением увеличить свой вес в структуре НАТО. В меморандуме от 24 сентября 1958 г. Франция выступила с требованием о создании «руководящей директории» Североатлантического союза, которая включала бы США, Англию и Францию. Отказ партнеров от этого предложения Франции повлек за собой ее первые шаги по уменьшению своего участия в военной организации НАТО, вывод в марте 1959 г. французских средиземноморских, а в апреле 1963 г.—атлантических ВМС из-под командования НАТО, отзыв французских офицеров из штаба ВМС, а в сентябре 1964 г.—отказ принять участие в морских маневрах этого военного блока⁹.

Однако все эти акции не привели ни к ослаблению зависимости Франции от США, ни к существенному увеличению политического и экономического веса этой страны в Европе. Тогда де Голль и его правительство решили воплотить идею «величия Франции» не рядом с США, а вопреки им. Это решение неизбежно предполагало освобождение от военных пут НАТО, где по-прежнему продолжалось засилье США.

⁷ R. Aron. Immuable et changeante. De la IV-e à la V-e Republique. P. 1959, p. 219.

⁸ Ch. de Gaulle. Mémoires de guerre. Vol. III. Le Salut. 1944—1946. P. 1959, pp. 179—180.

⁹ Подробнее см.: «Франция». М. 1973, стр. 390—393, 413.

К 1 апреля 1967 г. Франция вышла из военной организации НАТО¹⁰. В Республика взяла курс на улучшение отношений с социалистическими государствами и прежде всего с СССР. «Новая тактика означала... перенос акцента на политику разрядки и критику именно с этих позиций американской гегемонии над Западом на фоне все более агрессивного и опасного международного курса Вашингтона»¹¹.

Новый курс французского правительства в отношении социалистических стран отвечал велению времени, которое требовало создания новой системы межгосударственных отношений на базе призывов мирного сосуществования, к чему на протяжении десятилетий призывал Советский Союз — подлинный инициатор процесса разрядки. Буржуазный историк П.-М. де ля Горс писал, что «сотрудничество между западными и социалистическими государствами, и прежде всего между Францией и Советским Союзом, могло бы увеличить свободу действий европейских стран и в то же время усилило бы козыри их экономической мощи»¹². Как отмечал профессор Парижского института политических исследований Ф. Девиле, «генерал де Голль хорошо понял, что разделение Европы на два постоянно противостоящих друг другу блока имело результатом усиление американского протектората над Западной Европой и практически окончательную зависимость последней от американской ядерной защиты. Советская «угроза» позволяла США заставить союзников по НАТО почти беспрекословно следовать курсом, определенным Вашингтоном. Но была ли эта «угроза» реальной? Разрядка в отношениях с Востоком показала де Голлю необходимым условием восстановления французской независимости и свободы действий — дипломатической и военной, — которой он хотел»¹³.

Чтобы дать полное представление о тех объективных и субъективных факторах, которые определили решение де Голля откликнуться на мирные инициативы социалистических государств, нельзя не упомянуть и о том, что глава Франции находился под влиянием пресловутой теории «конвергенции» и считал, что основой сближения Запада и Востока может стать определенная «оксидентализация» (обуржуазивание) социалистического строя. «Западных собеседников де Голль... охотно заверял, что коммунизм эволюционизирует, что СССР изменился»¹⁴. «Мечта об объединении Европы «от Атлантики до Урала», он считал условием этого социальные и политические изменения в природе социалистических и капиталистических стран. Не случайно в одном из своих выступлений в Москве он говорил, что современные народы подчиняются законам одной и той же механической и научной цивилизации»¹⁵.

Новый внешнеполитический курс Франции предполагал развитие отношений со многими социалистическими странами Европы. После 1964 г. стабильный характер приобретают контакты Франции с Польшей, Чехословакией, Венгрией, Румынией на уровне министров иностранных дел. Франция в то же время нормализует отношения и расширяет торговлю с первым социалистическим государством в западном полушарии — Кубой. В сентябре 1967 г. де Голль побывал с визитом в Польше, а в мае 1968 г. — в Румынии. Перестройка отношений этих стран с Францией на принципах мирного сосуществования способствовала оздоровлению политического климата в мире и в первую очередь в Европе, где у Франции появилось наибольшее количество партнеров по взаимовыгодному сотрудничеству из числа социалистических государств.

¹⁰ Н. Молчанов. СССР — Франция: полувековой путь. М. 1974, стр. 70.

¹¹ «Франция», стр. 393.

¹² P.-M. de la Gorce. La France contre les empires. P. 1969, p. 140.

¹³ «Revue de défense nationale», mars 1975, pp. 40—41.

¹⁴ P. Vianson-Ponté. Les Politiques. Bilan de la Ve République. P. 1967, p. 99.

¹⁵ Н. Молчанов. Генерал де Голль. М. 1973, стр. 454.

Наиболее ярким проявлением жизненности политики мирного сосуществования и разрядки международной напряженности было то, что разносторонние советско-французские отношения поднялись на новый, значительно более высокий уровень. По сути дела, именно СССР и Франция взяли на себя миссию практически доказать, что две крупные державы, принадлежащие к противоположным общественно-политическим системам, могут не только избегать конфронтации, но успешно и плодотворно сотрудничать в различных сферах, включая и политическую.

Перестройке политических связей между СССР и Францией предшествовала стабилизация советско-французского торгового обмена. 30 октября 1964 г. было подписано первое долгосрочное торговое соглашение сроком на 5 лет. В то время товарооборот между нашими странами выражался относительно скромной суммой в 157,6 млн. рублей¹⁶. Стороны выдвинули задачу, тогда казавшуюся весьма смелой, удвоить за 1965—1969 гг. объем советско-французской торговли. 1965 год ознаменовался обменом визитами министров иностранных дел СССР и Франции: с 25 по 30 апреля во Франции находился А. А. Громыко, а с 28 октября по 2 ноября в Советском Союзе принимали М. Кув де Мюрвиля. Эти визиты обеспечили необходимые условия для проведения в следующем году советско-французской встречи в Москве на высшем уровне, открывшей новую страницу в истории отношений между нашими странами.

Можно выделить два периода в развитии советско-французского сотрудничества за последние 10 лет. Первый из них, охватывающий 1966—1971 гг., соответствует взаимодействию наших стран в создании правовой, политической и экономической базы сотрудничества. В это время, когда окончательно обрисовалась перспектива разрядки, складывается механизм связей СССР и Франции в области политики, экономики, науки, техники и культуры. При этом с особой силой проявилась диалектическая связь между развитием сотрудничества СССР и Франции и процессом разрядки международной напряженности. Это сотрудничество содействовало разрядке, дало конкретный пример ее материализации, и, в свою очередь, развитие разрядки стимулирует советско-французские связи. Завершился первый период визитом во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и принятием важнейших советско-французских документов: Советско-французской декларации и «Принципов сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Францией». Второй период, начавшийся в 1971 г., характеризуется дальнейшим прогрессом в отношениях двух стран в соответствии с определенными в 1971 г. принципами их сотрудничества, поиском новых сфер и форм этого сотрудничества. Это время, когда многие государства становятся на проторенный Советским Союзом и Францией путь мирного сосуществования, а разрядка напряженности из обнадеживающей перспективы превращается в реальность. На повестку дня ставится задача — сделать процесс разрядки, а одновременно и прогресс советско-французского сотрудничества необратимыми.

При изучении истории советско-французского сотрудничества в указанные годы необходимо учитывать тот вклад, который внесли в это дело сменявшие друг друга президенты: Ш. де Голль (1966 г. — апрель 1969 г.), Ж. Помпиду (июнь 1969 г. — апрель 1974 г.), В. Жискард д'Эстэн (с мая 1974 г.). Каждый из них заявлял о неизменности курса на развитие отношений с СССР (за первыми двумя стояла одна и та же политическая партия — ЮДР), однако каждый пришел в «большую политику» со своими собственными концепциями и методами.

¹⁶ В. Келин. Советско-французские отношения М. 1974, стр. 53; «Внешняя торговля СССР. Статистический сборник 1918—1966». М. 1967, стр. 190—193.

Официальный визит де Голля в СССР имел место 20 июня — 1 июля 1966 года. В переговорах с французским президентом принимали участие Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин. 30 июня 1966 года была подписана Советско-французская декларация. В ней были сформулированы итоги обмена мнениями по важнейшим вопросам международной обстановки и определены основные направления советско-французских связей. Оба правительства высказались в пользу разрядки напряженности, нормализации отношений между всеми европейскими странами и постепенного развития плодотворного сотрудничества между ними. В декларации отмечалось значение советско-французского сотрудничества для нормализации ситуации в Европе. Было констатировано совпадение позиций сторон и по другим международным проблемам, прежде всего в вопросе о мирном урегулировании в Юго-Восточной Азии. Особо важное значение для будущих отношений между двумя государствами имела договоренность о постоянных консультациях между правительствами СССР и Франции. В документе отмечалось: «Эти консультации будут охватывать европейские и другие международные проблемы, представляющие взаимный интерес. Оба Правительства будут стремиться согласовывать свои усилия в интересах мира и безопасности в Европе и во всем мире. Предметом консультаций будут также вопросы двусторонних отношений, имея в виду общее стремление обеих сторон развивать дружественные связи и углублять сотрудничество между СССР и Францией». В целях поощрения сотрудничества в конкретных областях было решено создать постоянно действующую смешанную советско-французскую комиссию, в задачи которой входит рассмотрение вопросов, относящихся к торгово-экономической и научно-технической областям. В соответствии с декларацией между Кремлем и Елисейским дворцом была установлена линия прямой связи¹⁷. В ходе визита были также подписаны Соглашение о сотрудничестве в области изучения и освоения космического пространства в мирных целях и Соглашение о научно-техническом и экономическом сотрудничестве.

Механизм многостороннего советско-французского сотрудничества после московских переговоров 1966 г. продолжал развиваться и совершенствоваться. Успешно осуществлялось соглашение о сотрудничестве в области цветного телевидения от 22 марта 1965 года. 11 октября 1966 г. было достигнуто соглашение о проведении совместных исследовательских работ с помощью французской пузырьковой камеры «Мирабель» на советском ускорителе в Серпухове, 8 декабря того же года наши страны подписали консульскую конвенцию. С 1967 г. начали функционировать предусмотренная декларацией смешанная комиссия и Советско-французская торговая палата. 20 апреля 1967 г. было подписано морское соглашение, а 20 мая — соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. Затем последовали соглашения в области железнодорожного транспорта, медицины и др.¹⁸.

В развитие положения о консультациях, записанного в Советско-французской декларации 1966 г., в декабре 1966 г. Францию посетил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. В июле 1967 г. в Советском Союзе находился бывший в то время премьер-министром Ж. Помпиду. По итогам переговоров А. Н. Косыгина в Париже было принято заявление, в котором обе стороны признали, что «разрядка напряженности является первым необходимым этапом желательного развития в отношениях между европейскими странами, независимо от их политического строя». В заявлении отмечалось, что советско-французское сотрудничество является примером развития отношений для всех

¹⁷ «Известия», 1. VII. 1966.

¹⁸ См. «Франция», стр. 438.

европейских стран. Особо подчеркивалось, что на очередь встал вопрос о проведении общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству¹⁹. С тех пор проблема подготовки этого совещания неизменно являлась предметом обсуждения во время встреч руководителей СССР и Франции. В ходе визита в Москву Ж. Помпиду в 1967 г. была выявлена близость позиций двух стран по проблемам Ближнего Востока, только что ставшего ареной новой израильской агрессии против арабских государств.

Отставка де Голля, с именем которого во Франции связывались нормализация и плодотворное развитие отношений между Советским Союзом и Францией, не могла не вызвать толков о дальнейшем внешнеполитическом курсе страны. Определенные круги высказывали сомнение, сохранится ли прежняя линия в ее отношениях с Советским Союзом. Однако новый президент Ж. Помпиду с самого начала заявил, что его политика будет отличаться «преемственностью». И действительно, в целом Помпиду оставался верен основным концепциям своего предшественника. Конечно, голлизм Помпиду, в том числе и во внешней политике, был своеобразным, что выражалось, в частности, в достижении большего взаимопонимания в отношениях с США, в некотором изменении позиции Франции в «Общем рынке», включая и вопрос о принятии в ЕЭС Англии и т. д. Что же касается «восточной» политики Франции, то правительство Помпиду продолжало развивать связи и сотрудничество с социалистическими государствами, прежде всего с СССР, следуя, хотя и не всегда последовательно, по пути европейской и глобальной разрядки.

Вскоре после вступления на президентский пост Ж. Помпиду отмечал, что «сотрудничество с СССР затрагивает все области: как техническую, экономическую, научную, культурную, так и, несомненно, политическую. Оно является составной частью нашей общей политики, которая стремится покончить с политикой блоков, добиться взаимопонимания, диалога и возможного сотрудничества»²⁰. В том же ключе выступал Ж. Помпиду и за полгода до своей кончины. На пресс-конференции 27 сентября 1973 г. он говорил: «Мы продолжаем считать, что политика разрядки и согласия между Западной и Восточной Европой, в частности между Францией и Советским Союзом, должна продолжаться... В современной обстановке мы глубоко убеждены, что развитие этого согласия отвечает общим интересам обеих частей Европы, общим интересам Советского Союза и Франции, интересам всего мира. И следовательно, мы остаемся верными политике разрядки, согласия и сотрудничества в том виде, как она была начата с Восточной Европой и, в частности, с Советским Союзом генералом де Голлем, как она прогрессировала в результате встреч на высшем уровне»²¹.

Новым вкладом в укрепление советско-французских отношений явился первый визит в СССР Ж. Помпиду в качестве главы Французского государства 6—13 октября 1970 года. Особенностью этой новой советско-французской встречи на высшем уровне было то, что она проходила вскоре после события, серьезно повлиявшего на улучшение политической ситуации в Европе, — подписания 12 августа 1970 г. договора между СССР и ФРГ. Положения этого документа укрепляли надежду на то, что такие приоритеты советско-французского сотрудничества, как политическое сотрудничество, взаимовыгодные экономические, научно-технические и культурные связи, укрепление взаимопонимания и взаимного доверия, смогут укорениться и в практике отношений между другими государствами Востока и Запада Европы. Пример Франции убедил

¹⁹ «Известия», 10. XII. 1966.

²⁰ «Le Monde», 12. VII. 1969.

²¹ «La Documentation française La Politique étrangère de la France. Textes et documents», 2-e semestre 1973. P., p. 121.

тельно показывал правительствам других капиталистических государств, что дальнейшая приверженность догмам «холодной войны» чревата для этих стран безнадежным отставанием в установлении выгодных в экономическом — да и в политическом — отношениях контактов с социалистическими странами. Это был крупный успех политики международной разрядки, закономерный итог настойчивой миролюбивой политики Советского государства и других стран социализма, неукоснительного проведения ими в жизнь политики, направленной на предотвращение новой войны, развитие равноправного сотрудничества между государствами с различным общественным строем на принципах мирного сосуществования.

В Советско-французской декларации, принятой 13 октября 1970 г., выражалось удовлетворение обеих сторон подписанием договора между СССР и ФРГ. Оно рассматривалось как важный вклад в разрядку в Европе и укрепление европейской безопасности. СССР и Франция подчеркнули значение усилий, направленных на обеспечение нерушимости существующих границ всех европейских государств и уважение этих границ всеми. Вновь была изложена положительная позиция двух стран в отношении общеевропейского совещания. Важным инструментом в дальнейшем развитии политических отношений СССР и Франции стал Советско-французский протокол о политических консультациях, подписанный одновременно с декларацией. Он предусматривал, что в случае возникновения ситуаций, создающих, по мнению обеих сторон, угрозу миру, нарушение мира или вызывающих международную напряженность, правительства СССР и Франции будут незамедлительно вступать в контакт друг с другом в целях согласования своих позиций. Предусматривалось, что такие консультации будут охватывать развитие обстановки в Европе, содействие разрядке напряженности, сотрудничество и укрепление безопасности на континенте, положение во всех районах мира, где ставится под угрозу международная безопасность, представляющие общий интерес проблемы, которые являются предметом многосторонних международных переговоров, в том числе рассматриваемые ООН, а также любые другие вопросы, в отношении которых стороны могут признать полезным обмен мнениями. Было решено придать политическим консультациям регулярный характер²².

Эти важные решения полностью отвечали весомой и позитивной роли СССР и Франции в сохранении всеобщего мира. Французский историк М. Мурэн отмечал, что «сквозь все перипетии сложной и нестабильной обстановки в современном мире улучшение отношений Франции с СССР может внести эффективный вклад в защиту спокойствия на земле»²³. Практика регулярных консультаций позволяет сопоставлять и по возможности сближать (если они не совпадают) позиции сторон по главным проблемам международной жизни с тем, чтобы своим непосредственным участием содействовать сохранению и упрочению всеобщего мира.

1971 год, как и весь последующий период в развитии международных отношений, проходил под знаком решений XXIV съезда КПСС, выдвинутой на нем Программы мира. Грандиозное по масштабам и задачам советское «мирное наступление» имело целью перестроить всю систему международных отношений в соответствии с принципами мирного сосуществования, стимулировать процесс разрядки напряженности, способствовать глобальному переходу от конфронтации к сотрудничеству государств с различным социальным строем и тем самым обеспечить народам планеты жизнь в условиях мира и безопасности. Важным элементом разрядки в Европе, которая в соответствии с Программой

²² «Известия», 13.X.1970.

²³ M. Mourin. Les relations franco-soviétiques. P. 1967, p. 363.

мира должна была быть подкреплена успешным проведением общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству, являлся дальнейший прогресс советско-французского сотрудничества.

К этому времени был накоплен достаточный опыт позитивных отношений между двумя странами. Вопреки пессимизму многих западных политиков и экономистов, объем торговли между СССР и Францией за 1965—1969 гг. возрос в 2,6 раза. Таким образом, программа удвоения товарооборота, намеченная соглашением 1964 г., оказалась перевыполненной²⁴. Успешно действовала Советско-французская смешанная комиссия, развивалось сотрудничество в области ядерной физики, космических исследований, цветного телевидения, активно содействовала взаимовыгодной торговле Советско-французская торговая палата, расширялись контакты в сфере культуры, увеличивался туристический обмен и т. д.

В повестку дня встал вопрос об ограждении советско-французских отношений от возможных колебаний международной конъюнктуры, о придании их поступательному развитию необратимого характера. Именно в этой плоскости следует рассматривать итоги визита во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в октябре 1971 года. Этот визит явился началом второй фазы нового этапа в развитии советско-французских отношений. Эта советско-французская встреча в верхах (25—30 октября) проходила вскоре после подписания в сентябре 1971 г. четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, которое создавало все необходимые условия для окончательного решения одной из самых взрывоопасных проблем послевоенной Европы. Принятые в ходе визита «Принципы сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Францией» зафиксировали согласованные положения, которыми две страны руководствуются в своих действиях на международной арене, в первую очередь в Европе, и которые лежат в основе их политического сотрудничества. Этот документ был первым такого рода соглашением между социалистической и капиталистической державами, заключенным после второй мировой войны. В его преамбуле подчеркивается общее желание СССР и Франции «усилить вклад обеих стран в дело мира в Европе и во всем мире и содействовать развитию сотрудничества между всеми государствами».

Были зафиксированы 13 важнейших принципов, направленных на то, чтобы сделать необратимым процесс положительного развития советско-французских отношений. «Политика согласия и сотрудничества между СССР и Францией,— говорилось в документе,— будет проводиться и впредь: она призвана стать постоянной политикой в их отношениях и постоянным фактором международной жизни». Далее указывалось, что политическое сотрудничество СССР и Франции имеет своей целью способствовать восстановлению мира в районах конфликтов, ослаблению международной напряженности, урегулированию спорных вопросов мирными средствами. Отмечалась необходимость дальнейшего развития практики политических консультаций между правительствами двух стран на основе Советско-французского протокола от 13 октября 1970 г. как по обычным дипломатическим каналам, так и путем специальных встреч их представителей. Как указывалось в документе, эти консультации должны будут позволить изыскивать возможности для согласованных акций, в том числе и в международных организациях и на международных совещаниях. Надо сказать, что именно согласованная таким образом позиция СССР и Франции в немалой степени способствовала успеху Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В «Принципах» особо подчеркивается большое значение, которое имеет

²⁴ См. А. Ветров. СССР — Франция: взаимовыгодные связи. «Международная жизнь», 1974, № 3, стр. 114.

тесное сотрудничество СССР и Франции в поддержании мира и продолжении линии на разрядку, в упрочении безопасности, мирных отношений, сотрудничества между всеми европейскими государствами при условии неукоснительного соблюдения таких важнейших положений, как нерушимость границ, невмешательство во внутренние дела, равенство, независимость, отказ от применения силы или угрозы ее применения и т. д.²⁵ Этот новый советско-французский документ стал, по существу, совместным обязательством руководствоваться в своих отношениях нормами мирного сосуществования.

В ходе советско-французской встречи на высшем уровне 1971 г. был сделан важный шаг на пути расширения экономических связей: заключено Соглашение о развитии экономического, технического и промышленного сотрудничества на 10 лет²⁶. Оно носило характер долгосрочной экономической программы и указывало основные направления развития торгово-экономических обменов и промышленной кооперации между СССР и Францией. Это соглашение предусматривало новое удвоение взаимного товарооборота в 1970—1974 годах. Стороны обязались оказывать содействие участию советских организаций и французских фирм в реализации уже действующих, а также будущих проектов (как показало время, Франция не всегда последовательно выполняла принятые по этому соглашению обязательства).

Еще одним существенным итогом переговоров Л. И. Брежнева с Ж. Помпиду явилось подписание Советско-французской декларации, имеющей исключительно важное значение. Стороны одобрили вступление в силу договоров 1970 г., заключенных СССР и Польшей с ФРГ. Л. И. Брежнев и Ж. Помпиду высказались в пользу того, чтобы дополнить четырехстороннее соглашение по Западному Берлину предусмотренными договоренностями и заключительным протоколом, а также в пользу общей нормализации отношений между ГДР и ФРГ и принятия этих государств в ООН. Для созыва и успешного проведения общеевропейского совещания большое значение имела зафиксированная в декларации близость позиций СССР и Франции как в отношении задач, так и сроков этого совещания. Стороны высказались в пользу скорейшей многосторонней подготовки совещания. Смысл и значение декларации состояли в том, что Советский Союз и Франция вновь подтвердили свою решимость действовать в международных делах в интересах разрядки, мирного урегулирования конфликтов и упрочения мира. Находясь во Франции, Л. И. Брежнев говорил 27 октября 1971 г.: «Забота об укреплении мира — вот что прежде всего объединяет Советский Союз и Францию. Стремление к миру роднит все народы на земле, сближает реалистически мыслящих политических деятелей. Это то, что сделало естественной встречу Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза с Президентом Франции. Действия наших стран в пользу разрядки и мирного решения острых проблем несомненно представляют собою весомый позитивный фактор в современном мире»²⁷.

1972 год в международной жизни был отмечен переходом от конфронтации к переговорам в советско-американских отношениях. Во время визита президента США в Москву был подписан документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», в котором указывалось, что в ядерный век «не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования»²⁸. Большинство людей

²⁵ «Известия», 30.X.1971.

²⁶ «Правда», 28. X. 1971.

²⁷ Л. И. Брежнев в Ленинском курсом. Т. 3. М. 1972, стр. 443—444.

²⁸ «Советская программа мира в действии». М. 1972, стр. 16.

во всех странах с удовлетворением восприняло такую перспективу международного развития. Это относится и ко многим реалистически мыслящим политическим деятелям на Западе. Однако воинственные «атлантические» круги в западноевропейских государствах, в том числе и во Франции, которым разрядка явно не по нраву, стали твердить о «сговоре двух сверхдержав», их стремлении «поделить между собой сферы влияния», установлении «кондоминиума» и т. д. Такие силы во Франции стали выступать с требованием отказа от дальнейшего сотрудничества с СССР на том основании, что-де Франция «потеряла положение привилегированного западного партнера СССР» и т. п. Особенно активизировалась реакционная буржуазная пропаганда во Франции накануне и в ходе июньского (1973 г.) визита в США Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

В этих условиях исключительно большое значение имели две рабочие встречи Л. И. Брежнева с президентом Ж. Помпиду, проходившие с 11 по 12 января 1973 г. под Минском (в Заславле) и с 25 по 27 июня — недалеко от Парижа, в Рамбуйе. В ходе их была подтверждена неизменность курса двух стран на дальнейшее и неукоснительное развитие советско-французского сотрудничества, а также согласованы позиции по важнейшим международным проблемам, включая и вопрос о созыве Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В коммюнике, подписанном по завершении переговоров в Заславле, отмечалось, что политика согласия и сотрудничества в советско-французских отношениях не только остается постоянной, но и приобретает еще больший вес в международной жизни²⁹. Участники встречи в Заславле дали положительную оценку происшедшим в Европе сдвигам в международных отношениях и подчеркнули, что областью конкретных усилий Советского Союза и Франции является в первую очередь подготовка и проведение общеевропейского совещания. В коммюнике указывалось также, что в ближайшее время будет подписана программа углубления советско-французского сотрудничества на десятилетний период в области экономики, техники, промышленности³⁰. Такого рода долгосрочная экономическая программа впервые принималась государствами с различным общественным строем. Подписание соответствующих программ углубления сотрудничества в промышленно-экономической и научно-технической областях состоялось летом того же года. Важнейшими их элементами стали совместная работа над реализацией крупномасштабных проектов и широкая практика заключения капиталоемких контрактов на компенсационной основе.

Советско-французская встреча на высшем уровне в Рамбуйе также содействовала дальнейшему укреплению сотрудничества между СССР и Францией и разрядке в Европе. Она состоялась вслед за визитами Л. И. Брежнева в ФРГ и США и за неделю до начала работы в Хельсинки первого этапа общеевропейского совещания. Стороны дали всестороннюю оценку наиболее крупных событий на международной арене, что, естественно, приобретало особый смысл в связи с только что закончившимися советско-американскими переговорами на высшем уровне. По обсуждавшимся вопросам было констатировано большое сходство взглядов. Эта встреча вновь продемонстрировала, что СССР и Франция по-прежнему придают большое значение стабильности и упрочению их политических отношений.

Советский Союз, расценивая разрядку международной напряженности не как узорегиональное, европейское явление, а как глубокий процесс, в орбиту которого должны быть включены все государства без исключения, по-прежнему уделял большое внимание дальнейшему раз-

²⁹ «Правда», 13. I. 1973.

³⁰ Там же.

витию сотрудничества с западноевропейскими странами, в том числе с Францией. Процесс укрепления политического сотрудничества СССР и Франции в 1973 г. сопровождался активизацией торгово-экономических связей двух стран. В результате объем торговли СССР и Франции в 1973 г. возрос на 40% по сравнению с предыдущим годом³¹.

Третья рабочая встреча между Л. И. Брежневым и Ж. Помпиду состоялась в марте 1974 г. на Черноморском побережье Кавказа, в Пицунде. Это была последняя зарубежная поездка президента Франции. Неизлечимо больной, Ж. Помпиду скончался 2 апреля. Переговоры в Пицунде совпали со вторым этапом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Не удивительно, что проблемы этого международного форума нашли свое место в обсуждениях во время новой советско-французской встречи в верхах. Как заявил Ж. Помпиду во время беседы с журналистами, СССР и Франция подтвердили свою добрую волю и намерение сделать все необходимое, чтобы преодолеть трудности, возникшие на пути общеевропейского совещания. Президент Франции подчеркнул свое стремление к достижению общей договоренности по принципиальным вопросам, чтобы не только способствовать этим делу разрядки, но и обеспечить длительный мир на нашем континенте. В ходе переговоров было рассмотрено также состояние торгово-экономических связей и выражена уверенность в том, что новое удвоение объема торговли будет достигнуто раньше предусмотренного срока³².

Борьба за вакантный президентский пост, развернувшаяся во Франции весной 1974 г., выявила новую перегруппировку политических сил в стране, огромный рост влияния в массах левых партий. В связи с переходом президентской власти к представителю другой буржуазной партии возник вопрос, как изменится политика Франции внутри страны и на международной арене. Мнения о возможной переориентации внешнеполитического курса выглядели достаточно обоснованными хотя бы в силу того, что в новое правительство впервые вошли представители «Демократического центра», партии, которая в течение продолжительного времени выступала против голлистов, ратуя за возврат к «атлантической» внешней политике, за отказ от расширения связей с социалистическими странами.

Вот почему с таким большим вниманием и интересом был воспринят в СССР, Франции и в других странах рабочий визит в Париж 4—7 декабря 1974 г. Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Советско-французские переговоры совпали со знаменательной датой — 50-летием установления дипломатических отношений между двумя странами. Новый президент Франции В. Жискара д'Эстэн заявил: «Франко-советское сотрудничество представляет собой основополагающий элемент нашей внешней политики и... оно неотделимо от продолжаемых нами усилий в пользу разрядки международной напряженности»³³. Со своей стороны, Л. И. Брежнев подчеркнул, что «прошедшие годы подтвердили плодотворность политики всестороннего развития советско-французских дружественных отношений, убедительно показали, какие возможности заложены в них. Дело сейчас за тем, чтобы как можно полнее использовать эти возможности. Дело за тем, чтобы наполнять все новыми конкретными делами наши принципиальные договоренности»³⁴.

В ходе обмена мнениями стороны пришли к выводу, что созданы благоприятные предпосылки для завершения общеевропейского совещания в кратчайший срок, проведения его третьего этапа и подписания

³¹ «Правда», 13.III.1974.

³² «Etudes soviétiques», № 313, avril 1974, p. 6.

³³ «Правда», 6. XII. 1974.

³⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 219.

заключительных документов на высшем уровне³⁵. В итоговом коммюнике стороны выразили удовлетворение «вкладом, который Советский Союз и Франция, опираясь, в частности, на опыт своих взаимоотношений, внесли и продолжают вносить в работу совещания своими собственными инициативами и путем взаимных консультаций». Вновь было констатировано совпадение позиций по кипрской проблеме, положению в Индокитае, на Ближнем Востоке. СССР и Франция еще раз подтвердили, что они выступают за созыв Всемирной конференции по разоружению.

Одним из итогов новой советско-французской встречи явилось подписание Соглашения об экономическом сотрудничестве на 1975—1979 годы³⁶. К этому времени были достигнуты новые успехи в торгово-экономическом обмене между СССР и Францией. Как и предполагалось, советско-французская торговля, которая должна была удвоиться за 1970—1974 гг., превзошла установленный уровень: товарооборот увеличился с 413 до 941 млн. рублей³⁷. Подписанное в Рамбуйе соглашение предусматривало, в частности, новое удвоение товарооборота между двумя странами за предстоящее пятилетие, а также подержало стремление СССР и Франции предпринять все необходимое для его упрочения. Планировалось дальнейшее увеличение совместных крупномасштабных проектов на компенсационной основе. Ставилась задача обеспечить сбалансированное развитие торговых обменов между двумя странами. Было решено поощрять промышленную советско-французскую кооперацию, включая совместное производство. По мнению экспертов, такая кооперация может, например, развиваться в производстве сельскохозяйственных машин, большегрузных контейнеров, в области атомной энергетики и т. д.

Развитие советско-французских отношений в 1975 г. проходило под влиянием двух противоположных тенденций. С одной стороны, на нем благоприятно сказывались дух и буква решений, достигнутых в ходе последнего визита во Францию Л. И. Брежнева; экономическим связям между двумя странами был дан новый импульс на X сессии постоянно действующей смешанной Советско-французской комиссии (июль 1975 г.); правительств двух стран успешно согласовывали позиции по вопросам работы общеевропейского совещания, выработки текста его заключительного документа. С другой стороны, по мере того, как женеvский этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе близился к концу и обозначилось окончательное достижение договоренности всеми 35 государствами — участниками совещания, противники международной разрядки перешли в наступление, пытаясь скомпрометировать его высокие цели, заранее обречь на провал материализацию его установок.

В это время буржуазные органы массовой информации развернули антисоветскую кампанию, пропагандируя различного рода утверждения о том, что от разрядки выигрывает лишь Советский Союз, что сам этот процесс как бы «улица с односторонним движением». В конечном счете противники разрядки пытались оказать давление на СССР, чтобы заставить его пойти на уступки в идеологической области, изменить свою внутреннюю политику. Все сказанное полностью относится и к буржуазной пропаганде во Франции. Как отмечает французский политолог Ф. Девиле, «многие политики и журналисты подчеркивали, что надо заставить СССР по самой высокой цене «заплатить за разрядку», заставить его пойти на крупные уступки, в частности в сфере обмена идеями, информацией и людьми»³⁸. Из арсеналов «холодной вой-

³⁵ «Правда», 10. XII. 1974.

³⁶ «Правда», 8. XII. 1974.

³⁷ «Правда», 9. IV 1975.

³⁸ «Revue de défense nationale», mars 1975, p. 45.

ны» вновь был извлечен затасканный тезис о «советской военной угрозе».

Однако политики-реалисты на Западе не могли не понять, что политика «диктата» в отношении социалистических стран безвозвратно ушла в прошлое. Подписанием 1 августа в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 33 европейских страны, США и Канада юридически закрепили приверженность делу разрядки. Сотрудничество с СССР в духе хельсинкских решений, бесспорно, выгодно его западным партнерам. В этой связи небезынтересно высказывание бывшего министра экономики и финансов Франции Ж.-П. Фуркада, сделанное им вскоре после завершения работы X сессии смешанной комиссии: «Франко-советское сотрудничество по-прежнему носит активный характер и будет развиваться на прочных основах. Более того, чем больше мы углубляем это сотрудничество, тем более высоко ценим значение советской экономики, ее динамизм и возможности, предоставляемые французским предприятиям»³⁹.

Вместе с тем было бы совершенно неправильно считать, что после Хельсинки противники разрядки в Западной Европе и за океаном сложили оружие. Напротив, по мере закрепления в сознании широких масс необходимости неукоснительно придерживаться духа и буквы Заключительного акта общеевропейского совещания как ответная реакция наблюдается стремление определенных кругов на Западе поставить под сомнение важность принятых в Хельсинки решений. Они тщатся «доказать», что СССР и другие социалистические государства якобы нарушают достигнутые договоренности и в страхе перед растущим влиянием в ряде капиталистических стран Западной Европы левых политических сил подхлестывают антикоммунистическую и антисоветскую кампании. Это характерно и для Франции, где находятся политики, которые не прочь перечеркнуть достижения советско-французского сотрудничества за последние годы.

В этих условиях обеим странам было крайне важно сформулировать свои позиции по вопросу дальнейших перспектив их отношений. Свидетельством продолжения курса на упрочение и расширение советско-французских отношений явился визит президента Франции В. Жискара д'Эстэна в СССР в октябре 1975 года. Это была первая после общеевропейского совещания в Хельсинки встреча руководителей СССР и Франции. Некоторые буржуазные органы массовой информации приложили немало усилий к тому, чтобы отравить атмосферу советско-французских переговоров. Тут была и изрядная доза «заблаговременного» пессимизма по поводу предстоящих результатов встречи на высшем уровне, и различного рода «рекомендации» президенту вырвать уступки у Москвы по проблемам «третьей корзины» (контакты в гуманитарных областях), иными словами, заставить Советский Союз открыть двери для идеологических диверсий Запада. Действуя методами «психологической войны», эти издания в то же время подняли циничную шумиху о том, что СССР якобы отходит от принципов разрядки и т. д. Краски были сгущены до предела, в прессе делались даже провокационные выводы о «неудаче» встречи в верхах. В. Жискара д'Эстэн заметил, беседуя с группой сопровождавших его во время визита в СССР французских журналистов: «Я думаю, что вы пессимисты, я же, напротив, оптимист, поскольку считаю, что политика разрядки является постоянным показателем франко-советского сотрудничества»⁴⁰.

В подписанной 17 октября Л. И. Брежневым и В. Жискара д'Эстэном Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Францией подчеркивалось намерение обеих сто-

³⁹ Цит. по: «За рубежом», 1975, № 30, стр. 2.

⁴⁰ «Le Figaro», 17.X.1975.

рон строго следовать духу и букве Заключительного акта общеевропейского совещания. Советский Союз и Франция заявили «о своей решимости наращивать усилия с тем, чтобы способствовать углублению разрядки и ее распространению на международные отношения в целом». Была вновь зафиксирована близость взглядов сторон по узловым проблемам международной жизни. Стороны высказались за дальнейший прогресс в торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. В результате переговоров были подписаны специальные соглашения о сотрудничестве в области энергетики, гражданской авиации и авиационной промышленности, туризма⁴¹. Как справедливо отметил французский политолог и журналист Р. Турну, «если говорить о франко-советских отношениях, то утверждать, что они находятся в плохом состоянии, равнозначно непризнанию реальности»⁴².

Однако, как это продемонстрировало международное развитие последнего времени, в том числе активизация противников советско-французского сотрудничества во Франции, говоря словами политического обозревателя «L'Humanité» И. Моро, мирное сосуществование — не идиллия и его поддержание, его успехи требуют постоянной борьбы⁴³.

Новый этап советско-французских отношений, начавшийся в 1966 г., дал очень много полезного не только народам СССР и Франции, но и обогатил всю систему международных связей конкретным примером реализации новых принципов, положенных в основу взаимодействия государств с различным общественным строем. Советско-французские отношения последних 10 лет в значительной мере содействовали разрядке. Основные принципы советско-французских отношений помогли утверждению норм общения многих стран и народов, они нашли отражение и в положениях Заключительного акта общеевропейского совещания в Хельсинки. Такой ход развития сотрудничества между СССР и Францией — одно из проявлений торжества ленинской внешней политики СССР, Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС и получившей дальнейшее развитие на XXV съезде КПСС. Советская линия на дальнейшее углубление международной разрядки неизменна, как неизменно стремление СССР и дальше улучшать отношения с Францией.

Об этом со всей определенностью свидетельствуют оценка развития отношений Советского Союза с капиталистическими государствами, в частности с Францией, данная XXV съездом КПСС, выдвинутая им Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. «Еще со времени переговоров с президентом де Голлем, — заявил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — стали традицией советско-французские переговоры на высшем уровне. В ходе ряда встреч — сначала с президентом Помпиду, а затем с президентом Жискара д'Эстэном — сблизилась позиция обеих стран по ряду внешнеполитических вопросов, активизировались разносторонние советско-французские связи и контакты. Все это встретило широкую поддержку французского народа, большинства политических партий Франции. Мы высоко ценим отношения с Францией и готовы расширять области согласия и сотрудничества с ней»⁴⁴.

Конкретным воплощением советской линии на дальнейшее закрепление и развитие достижений в области советско-французского сотрудничества явилось продолжение политического диалога между двумя странами на уровне министров иностранных дел. С 27 по 30 апреля 1976 г. с официальным визитом во Франции находился министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. В ходе его переговоров с француз-

⁴¹ «Правда», 18. X. 1975.

⁴² «Paris-Match», 15. XI. 1975, p. 41.

⁴³ «L'Humanité», 6. I. 1976.

⁴⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5, стр. 466—467.

ским коллегой Ж. Сованьяром особое внимание было уделено вопросам последовательного претворения в жизнь строго и в полном объеме принципов и договоренностей, содержащихся в Заключительном акте общеевропейского совещания. Состоялось также обсуждение советского предложения о проведении общеевропейских конгрессов в области охраны окружающей среды, развития транспорта и энергетики. Был проведен обмен мнениями по проблемам разоружения и прекращения гонки вооружений, а также в связи с недавним предложением СССР о заключении всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях. Стороны изложили свои позиции по вопросам положения на Ближнем Востоке, а также по другим вопросам, представляющим взаимный интерес⁴⁵. В опубликованном по итогам этого визита Советско-французском сообщении подчеркивалось, что СССР и Франция заявляют о решимости продолжать свои усилия с тем, чтобы способствовать приданию разрядке устойчивого характера и созданию атмосферы, благоприятствующей развитию и углублению международного сотрудничества и сохранению мира в Европе и во всем мире⁴⁶.

Тем большим диссонансом прозвучало сделанное вскоре после советско-французских переговоров в Париже заявление начальника генерального штаба вооруженных сил Франции генерала Ги Мери. Выдвинутая им концепция так называемой «расширенной зоны безопасности», в частности, предусматривает, что французская армия в случае конфликта между государствами НАТО и Варшавского Договора вполне может участвовать в сражении на передней линии обороны⁴⁷. Как отмечали многие политические наблюдатели, тем самым был сделан глубокий реверанс в сторону НАТО и практически отвергнута прежняя голлистская концепция французской обороны «по всем азимутам», предполагавшая использование вооруженных сил страны для обороны против любого агрессора, откуда бы он ни пришел.

16—17 июля 1976 г. состоялся ответный визит в СССР министра иностранных дел Франции Ж. Сованьяра. В ходе его было оформлено путем обмена письмами важное Соглашение между Советским Союзом и Францией о предупреждении случайного или несанкционированного применения ядерного оружия. Эта новая советско-французская акция будет способствовать материализации разрядки. Она вселяет оптимизм в подлинных сторонников разрядки и дальнейшего улучшения советско-французских связей. Как отметил в своей речи на завтраке в честь Ж. Сованьяра А. А. Громыко, «дальнейший ход развития советско-французских отношений будет определяться действиями обеих сторон. Если обе наши страны намерены и впредь последовательно прилагать усилия к углублению советско-французских отношений, то наши народы будут получать от этого только пользу, смотреть в будущее этих отношений с оптимизмом. Советский Союз будет действовать именно в таком направлении»⁴⁸.

⁴⁵ «Правда», 29. IV. 1976.

⁴⁶ «Правда», 1. V. 1976.

⁴⁷ «Правда», 9. VI. 1976: «Revue de défense nationale», juin 1976.

⁴⁸ «Правда», 17. VII. 1976.

НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ «ПРОГРЕССИВНОЙ ЭРЫ» В АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Б. Д. Козенко

200-летие образования США явилось для американских буржуазных историков поводом еще раз пересмотреть с апологетических позиций многие ключевые этапы и события истории своей страны. В непрерывно растущем потоке литературы в последние годы все заметнее выделяются исследования о «прогрессивной эре» — так в американской буржуазной историографии именуется период от конца XIX в. до первой мировой войны. Создается впечатление, что эта тема становится одной из самых популярных и важных. «Прогрессивная эра», говорится в недавно опубликованной работе, — один из «истинно великих периодов» американской истории¹. В общем, это не случайно. 1898—1914 годы — исходный рубеж в развитии буржуазного реформизма («прогрессизма» — отсюда и название «эры»), метода, широко применяемого и до сих пор буржуазией в борьбе с революционным и освободительным движением. В идейном наследстве «прогрессизма» буржуазные идеологи ищут обоснования реформистских теорий и практики, образцы лозунгов, идей, тактики. Они ссылаются на его опыт для утверждений о невозможности и ненужности революционных изменений в США, для прославления «американской демократии». В свою очередь, представители буржуазно-радикальных течений выискивают в нем аргументацию для своих критических и теоретических воззрений.

Интерес к «прогрессивной эре» проявляется не только в возросшем масштабе и многообразии исследований различных ее аспектов, но еще больше — в отчетливо выраженном стремлении по-новому ее истолковать. И в этой связи привлекают внимание попытки пересмотреть традиционную либерально-реформистскую («прогрессистскую») концепцию, вошедшую в учебники и хрестоматии. Ее создавали известные американские историки Ч. Бирд, Р. С. Бейкер, Д. Хикс, В. Паррингтон, А. Шлезингер-старший и другие. Ее поддерживают некоторые современные историки (Э. Гольдман, Р. Най и др.)². Уже поэтому ее ревизия — явление незаурядное, тем более что участвуют в ней влиятельные представители почти всех направлений немарксистской историографии США. Настоящая статья посвящена в основном новым концепциям «прогрессивной эры».

Марксистская концепция истории США периода довоенного империализма (1898—1914 гг.) содержится в трудах американских прогрессивных авторов³ и советских историков. Советские исследователи обра-

¹ E. S. Griffin. A History of American City Government. The Progressive Years and Their Aftermath 1900—1920. N. Y. 1974, p. IX.

² «Conflict or Consensus in American History». Ed. by A. F. Davis and H. D. Woodman. Boston. 1966. Chapter VII.

³ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953; его же. Негритянский народ в истории Америки. М. 1955; В. Перло. Американский империализм. М. 1961.

тились к этой теме еще в 30-е годы. В общем виде она была отражена в работах В. И. Лана и Л. И. Зубока⁴. В монографии И. А. Белявской обобщен богатый фактический материал, показаны главные тенденции и силы, раскрыто существо реформистской политики Т. Рузвельта и В. Вильсона⁵. В. В. Согрин посвятил свою статью идеологии «прогрессизма»⁶. Причины перехода американской буржуазии к реформизму рассматриваются в статье В. Л. Малькова и Д. Г. Наджафова, а также в монографии В. Л. Малькова о «новом курсе»⁷. Отдельным аспектам темы посвящены работы А. В. Дмитриева и Б. Д. Козенко⁸. Многие проблемы истории США в 1898—1914 гг. затрагивают И. П. Дементьев, А. А. Кислова, Г. П. Куропятник и другие советские исследователи⁹. Все эти работы позволяют создать достаточно полное представление об основных событиях и процессах того периода.

Их сутью был переход к империализму, который, «...как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг.»¹⁰. В этих условиях произошло обострение социальных конфликтов, возникли новые антагонизмы. Появление монополий вызвало громадное обобществление производства, что резко усилило противоречия капиталистического общества. Для смягчения этих противоречий и придания устойчивости экономике понадобилось, как предвидел еще К. Маркс, вмешательство государства¹¹. «Передовые» круги крупной буржуазии требовали проведения соответствующих реформ с тем, чтобы ослабить воздействие кризисов, обеспечить более эффективную с точки зрения капитала эксплуатацию природных и человеческих ресурсов, создать лучшие условия для внешнеэкономической экспансии, содействовать устранению «дикой» конкуренции и т. п. Империалисты добивались организации большой армии, мощной бюрократии, гибкой, сильной и эффективной власти, ограничения буржуазно-демократических свобод и «пионерской» вольницы в штатах. «Свободной конкуренции,— указывал В. И. Ленин,— соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»¹². В США, как и в других капиталистических странах, «современная «передовая», образованная»¹³ буржуазия в лице своих идеологов и политиков (Л. Уорд, Р. Эли, Г. Кроули, Т. Рузвельт, В. Вильсон, Эд. Хауз, Э. Гери, Д. Перкинс и др.) была инициатором и

⁴ В. И. Лан. Классы и партии в США. М. 1932; Л. И. Зубок. Очерки истории США (1877—1918). М. 1956; его же. Очерки истории рабочего движения в США (1865—1918). М. 1962; его же. Экспансионистская политика США в начале XX века. М. 1969.

⁵ И. А. Белявская. Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М. 1968; см. также сравнительный анализ реформизма в США и Западной Европе в статье: И. А. Белявская. В. И. Ленин о буржуазном реформизме в США и Западной Европе. «Американский ежегодник 1971». М. 1971.

⁶ В. В. Согрин. Герберт Кроули как идеолог буржуазного реформизма в США. «Американский ежегодник 1971».

⁷ В. Л. Мальков, Д. Г. Наджафов. Новейшая буржуазная историография о происхождении «нового курса» Ф. Рузвельта. «Против фальсификации истории». М. 1959; В. Л. Мальков. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М. 1973.

⁸ А. В. Дмитриев. Движение «разгребателей грязи» и монополии США (1900—1908). «Вестник» Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1963, № 2, вып. I; Б. Д. Козенко. Антирабочая внутренняя политика правительства В. Вильсона в 1913—1917 гг. «Рабочее и национально-освободительное движение в странах Америки». М. 1966; его же. В. И. Ленин о буржуазном реформизме в США. «В. И. Ленин о некоторых проблемах истории». Саратов. 1970.

⁹ «Очерки новой и новейшей истории США». Т. I. М. 1960; Г. П. Куропятник. Фермерское движение в США. М. 1971; И. П. Дементьев. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М. 1973; А. А. Кислова. Социальное христианство в США. М. 1974, и др.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 164.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 783.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 93.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 305.

проводником соответствующих реформ, главным образом в экономике и государственном устройстве, которые укрепляли положение капитализма, господство монополий. В связи с обострением классовой борьбы эти мероприятия затронули и сферу социального законодательства.

Империализм принес гнет финансовой олигархии, усиление эксплуатации трудящихся, разорение нетрестированной части буржуазии. Это, в свою очередь, вызвало мощное сопротивление. Период 1898—1914 гг. характеризовался подъемом рабочего движения, ростом его силы, организованности, сознательности. Увеличились численность и влияние социалистов. И хотя в сравнении с Европой рабочее и социалистическое движение в США было во многих отношениях слабым и отсталым¹⁴, оно представляло по тому времени такую силу, с которой уже нельзя было не считаться. Обострение социальных противоречий имело в Америке ту особенность, что оно сказывалось в «усилении движения против трестов, в чрезвычайном росте социализма и внимания к нему имущих классов»¹⁵. Гнет и произвол монополий, обострение социальных конфликтов заставили широкие слои буржуазии и «средних классов» (служащих, ремесленников, интеллигенцию и других), ощутивших на себе мертвую хватку трестов и банков, выступить с протестом, нашедшим выражение в массовом походе за реформы — движении прогрессистов, которое вышло за рамки собственно прогрессивной партии.

И «прогрессизм» (буржуазный реформизм) и массовое прогрессистское движение были явлениями сложными, многоплановыми, противоречивыми. В рядах прогрессистов оказались идеологи и политики реформистски настроенной крупной буржуазии, стремившиеся (и не без успеха) использовать выступление масс для достижения своих целей и главное — ослабления противоречий капитализма с помощью реформ. Но тут же были фермеры и крупные землевладельцы Юга, городская мелкая и средняя буржуазия, верхушка рабочих, интеллигенция, другие представители «средних слоев», выступавшие против монополий.

Многие участники движения были охвачены тоской по ушедшим временам, от них исходила «мещански-реакционная критика капиталистического империализма», они мечтали о «возвращении *назад*, к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции»¹⁶. Умеренная и зажиточная часть прогрессистов страшилась революции и социализма, враждебно относилась к рабочему движению. Среди них распространялись расистские, националистические и шовинистические настроения. В целом движение объективно было направлено на укрепление позиций капитализма посредством реформ; во многих отношениях оно было менее радикально, чем фермерские выступления 80—90-х годов XIX века. В то же время в состав прогрессистского лагеря входили широкие народные массы, которые представляли «мелкобуржуазно-демократическую оппозицию империализму»¹⁷. Они вкладывали в лозунг реформы свои надежды и чаяния, выходящие за рамки, предусмотренные лидерами движения. Часть из них разделяла, хотя и превратно понимая, идеи социализма и способствовала успехам социалистов в США¹⁸. Массовое прогрессистское движение носило демократический и антимонополистический характер: оно выступало против засилья и произвола монополий, продажных буржуазных политиканов, за проведение социальных реформ и демократию.

¹⁴ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки, стр. 350.

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 181.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 322.

¹⁷ Там же, стр. 408.

¹⁸ Мэр-социалист, победивший на выборах в одном маленьком городке, объяснял свой успех тем, что 20% избирателей голосовали за социализм, а 80% — выражали свой протест против произвола монополий (R. S. Baker. Woodrow Wilson: Life and Letters. Vol. III. Garden City. N. Y. 1931, p. 225).

Подъем рабочего, социалистического и общедемократического движения обострил борьбу в правящем лагере по вопросу о методах сохранения и укрепления буржуазной диктатуры. В начале нынешнего века победила фракция, считавшая необходимым выдвинуть социальную реформу как главное, но, разумеется, не единственное средство борьбы против революции. Таким образом, «необычайно ясное и яркое выступление *буржуазного реформизма*»¹⁹ в США на рубеже XX в. явилось в конечном итоге отражением подъема классово-борьбы. Активное вмешательство правительства в сферу экономики и социальных отношений ради укрепления господства капитала положило начало государственно-монополистическим тенденциям в США. С другой стороны, мощное давление народных масс вынудило правительство пойти на определенные уступки и реформы, в известной мере улучшавшие положение трудящихся и несколько ограничивавшие произвол и реакционные устремления монополий.

История США 1898—1914 гг. оказалась периодом необычайно острого общественного конфликта, сложного по своему содержанию и характеру. В нем участвовали рабочие, фермеры, буржуазные реформаторы, негры и женщины. Он сопровождался выступлениями социалистов и борьбой фракций в правящих кругах. Главными в этом конфликте были протест против тирании монополий и требование реформ. Примечательно, что в 1912 г. из 15,5 млн. избирателей более 12 млн. отдали свои голоса за те или иные программы реформ²⁰. Реформистский «взрыв» вызвал раскол республиканской партии и временный распад двухпартийной системы, а также смену руководства в демократической партии.

Эту атмосферу конфликта, антимонополистических выступлений народных масс в определенной степени отразили в своих трудах либерально-реформистские авторы, в большинстве своем современники и участники событий (Б. Де Уитт, Р. С. Бейкер, Ч. Бирд). Им был свойствен критический подход к истории США, понимание неизбежности конфликтов, роли некоторых экономических факторов, хотя в отличие от марксистов они исходили из «экономического детерминизма» и сводили классовую борьбу к столкновению «интересов» экономических, «секционных групп», игнорируя социальную и политическую стороны общественных антагонизмов и отрицая роль и борьбу трудящихся и в первую очередь — пролетариата²¹. Самое же основное состоит в том, что представители прогрессистской школы исходили исключительно из буржуазных реформ. Роль избавителя капитализма от его внутренних противоречий и конфликтов они возлагали на «средний класс» и его лидеров. Неправоммерно объединяя в одном лагере таких различных деятелей, как Р. Лафоллет, У. Брайан, Т. Рузвельт, В. Вильсон, они на все лады восхваляли «прирожденные» добродетели и реформистские склонности этих лидеров, идеализировали их взгляды и политику. При этом они избегали упоминать о расистских, националистических, экспансионистских воззрениях части прогрессистов, о связях их руководства с монополиями, с крупным капиталом. Весьма

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 192.

²⁰ A. S. Link. American Epoch. A History of the United States since 1890's. N. Y. 1955, p. 124.

²¹ Даже по словам либерального ученого Д. Хайема, в общем, доброжелательно относящегося к реформистской историографии, прогрессистские историки извращали существо марксизма, отбросив материалистическую диалектику и низведя исторический материализм до простого подчеркивания политической важности собственности (J. Higham, L. Krieger and F. Gilbert. History. The Development of Historical Studies in the United States. Englewood Cliffs. 1965, p. 179; см. также В. Л. Мальков. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии. (Кризис методологических основ и практики конкретных исследований). «Критика современной буржуазной и реформистской историографии». М. 1974).

характерно и то, что эти историки предпочитали уходить от вопроса о противоречиях в самом прогрессистском движении.

Впервые критика прогрессистской историографии прозвучала еще в 40-е годы. Но настоящее критическое наступление на нее развернулось после второй мировой войны. Против старых представлений и оценок ополчились представители «школы бизнеса», неолибералы и неоконсерваторы, а недавно — и «новые левые» («радикалы») и другие. Как заметил один рецензент в журнале «*American Historical Review*», поток «ревизионистской» литературы о «прогрессивной эре» грозит смыть основы современной либеральной историографии²².

Среди критиков «прогрессизма» прежде всего выделяется Р. Хофстедтер. Хотя взгляды этого историка претерпели заметную эволюцию²³, в свое время его работы, провозглашавшие идеи «консензуса» (согласия) и повлиявшие на многих американских историков, явились серьезным ударом по прогрессистской историографии. Хофстедтер выступил против «безличности» прогрессистской школы, ее приверженности к «сухому экономическому детерминизму», пренебрежения идеологией и психологией реформаторов. Он обратил внимание на то, что прогрессистское движение возникло в период экономического подъема, и высказал сомнение в «благородстве» мотивов его участников. Хофстедтер искал причины прогрессистского движения не столько в социально-экономических условиях, сколько в идеях и склонностях, настроениях и психике его участников. Он утверждал, что «средний класс» выступил с лозунгом реформ не из любви к страждущим, но с эгоистической целью спасти свое привилегированное положение, почет, власть, свой статус от натиска монополистов. Он подверг сомнению весь социально-критический аспект реформистского движения и его антимонополистическую направленность, объявив «прогрессизм» широким и неопределенным движением всего общества (а не отдельных классов), направленным на некую «самореформацию» под влиянием «традиционных импульсов» к критике и изменению²⁴. Историк не преминул отметить национализм и антисоциалистические взгляды «героев реформы», их враждебность к рабочим организациям²⁵. Хофстедтер не отрицал полностью социально-экономические факторы (рост трестов, рабочее движение и т. п.), но, по сути дела, лишил их всякого значения, выдвинув на первый план развитие идей и психологии прогрессистов. В его работах отчетливо прозвучало стремление смягчить и даже «убрать» конфликтные ситуации «эры», отодвинуть на задний план действия народных масс.

Высказывания Хофстедтера были подхвачены многими буржуазными историками разных направлений, поставившими во главу угла исследование не только политики, но и взглядов, настроений, склонностей

²² L. Galambos. Рец. на кн.: M. Urofsky. *Big Steel and the Wilson Administration*. Columbus. 1969. («*The American Historical Review*», Vol. LXXV, № 4, April 1970, pp. 1198—1199). Авторы сборника «Прогрессивная эра», пытаются объяснить противоречивость концепций, объясняющих историю этого периода, одновременно высоко оценивают достижения прогрессистов, которые-де показали «способность общества к самоулучшению без революции» («*The Progressive Era*». Ed. by L. L. Gould. Syracuse. 1974, pp. V, 10).

²³ Н. Н. Яковлев. Критика «бесконфликтной» истории. «США. Экономика, политика, идеология», 1970, № 2, стр. 82—83; И. П. Дементьев. Указ. соч., стр. 20; В. Л. Мальков. Указ. соч., стр. 346—349; Н. Н. Болховитинов. Некоторые проблемы историографии Американской революции XVIII в. «Новая и новейшая история», 1973, № 6, стр. 151.

²⁴ R. Hofstadter. *The Age of Reform: from Bryan to F.D.R.* N. Y. 1955, pp. 4—5, 8—12, 136—139. Позже ряд исследователей (Д. Левин, Р. Шерман, Д. Крукс и др.) опровергли хофстедтеровский тезис об «эрозии статуса»: S. B. Warner. Рец. на кн.: Y. B. Crooks. *Politics and Progress. The Rise of Urban Progressivism in Baltimore 1895—1911*. Baton Rouge. 1968 («*The Journal of American History*», Vol. LVI, № 1, June 1969).

²⁵ R. Hofstadter. *The Age of Reform*, pp. 20—21, e. j. u. s. d. *The American Political Tradition and the Man Who Made It*. L. 1962, pp. 217—218, 240—241.

прогрессистов²⁶. Идеи Хофстедтера оказали известное влияние на историков неолиберального направления, которым одно время принадлежала монополия на изучение «прогрессивной эры». Монополия эта легко объяснима: с начала XX в. именно либеральная, а затем неолиберальная историография всячески пропагандирует тезис о якобы поступательном движении капитализма США к вершинам «всеобщего благоденствия». В этом апологетическом духе и преподносятся реформаторские кампании Т. Рузвельта, В. Вильсона и других. Неолибералы в отличие от «старых» либералов не признают, что исходным пунктом «прогрессизма» был общественный конфликт, хотя и не отрицают известных общественных противоречий, возбудивших «реформаторские страсти». В их работах социально-экономические и политические факторы едва намечены, их место заняли субъективные моменты: «традиционные» идеи и импульсы, вроде «извечного стремления американцев к самоусовершенствованию», воплотившегося якобы в идеологии и психологии реформистов. Неолибералы занимают тончайшими нюансами идейной и душевной эволюции «отцов-реформаторов», но уклоняются от анализа фундаментальных причин, вызвавших к жизни самое эту эволюцию.

Неолибералы сознательно и открыто отрицают классовую борьбу, роль массовых движений. Все прогрессистское движение для них всего лишь фон для деяний «великих реформаторов». Прогрессистская формула — «средний класс» и его лидеры — перевернута: великие люди и поддерживающий их «средний класс». Явное предпочтение оказывают неолибералы реформаторам консервативного толка (Т. Рузвельту, В. Вильсону), а более или менее радикальными (У. Брайан, Р. Лафоллет) они, в общем, пренебрегают. Буржуазно-реформаторское движение изображается как некое «стихийное народное усилие», «консервативная революция» в целях спасения США от «крайностей богатства и бедности», от продажности властей и деградации масс, от господства экономической олигархии и «бунта бедных». Но главная цель, по их мнению, состояла в замене устаревшей и ставшей опасной системы свободной конкуренции «laissez faire» новой системой взаимоотношений правительства и бизнеса. В этом плане ими рассматривается деятельность Т. Рузвельта и В. Вильсона²⁷. Неолибералы идеализируют государственно-монополистический капитализм и воспевают его знаменосцев.

В последние годы неолиберальные историки отказываются от пасторально-восторженного тона, характерного для работ Р. Бейкера, В. Паррингтона и других представителей прогрессистской школы. Они утверждают, что реформистами двигали отнюдь не благородные мотивы, а такие, как страх, зависть, групповые предрассудки, расизм и т. п. В их среде, пишет, например, Дж. Маури, сложился культ сильного, жестокого человека, ведущего массу и опекающего ее; многие прогрессисты думали о себе как о слугах народа²⁸.

Внимание неолибералов привлек вопрос об отношении прогрессистов к империалистической экспансии. У. Лейхтенберг, развивая идеи Хофстедтера, утверждал, что прогрессисты всегда поддерживали агрессию США. «Прогрессизм» и экспансионизм идеологически соответствующ друг другу, заявил он²⁹. Национализм во внешней политике привел

²⁶ F. McDonald. The United States in the Twentieth Century. Vol. I. 1900—1920. L. 1970. p. 257; O. L. Graham Jr. The Great Campaigns: Reform and War in America 1900—1928. Englewood Cliffs — N. Y. 1971. p. 174.

²⁷ A. M. Schlesinger Jr. Age of Roosevelt. Vol. I. The Crisis of the Old Order. 1919—1933. Boston. 1957; A. S. Link. Op. cit.; G. F. Mowry. The Era of Theodore Roosevelt. 1900—1912. N. Y. 1958.

²⁸ G. E. Mowry. Op. cit., pp. 86—89.

²⁹ W. E. Leuchtenburg. Progressivism and Imperialism: The Progressive Movement and American Foreign Policy. «Reform, Crisis and Confusion 1900—1929». Ed. by R. I. Wilson. N. Y. 1970. Ранес статья была опубликована в «Mississippi Valley Historical Review», Vol. XXXIX, December 1952.

прогрессистов к поддержке милитаризма и вступления в первую мировую войну, пишут Р. Сигер, У. Харбо и другие³⁰. Появились работы, разоблачающие расизм многих реформаторов, легко жертвовавших интересами негров³¹. Расизм, национализм, «всеобщее увлечение» империализмом действительно имели место в реформистском движении, в первую голову — в его верхнем эшелоне, особенно заинтересованном в экспансии. Буржуазная струя придавала всему движению националистическую и даже шовинистскую окраску. Но те же Харбо, Сигер, а также Д. Купер, Ч. Чэтфильд и другие приводили свидетельства о сопротивлении, которое оказали «аграрные» и некоторые иные представители прогрессистского движения в конгрессе милитаристской кампании «готовности», вовлечению США в мировую войну³². В рядах прогрессистов находились и борцы за права негров — Дж. Адамс, П. Келлог, М. Стори и другие. Следовательно, необходимо подходить к прогрессистам дифференцированно, в каждом случае учитывать их социальные позиции и цели.

Неолиберальные историки признают множественность течений в реформистских рядах и даже считают этот плюрализм «наиболее важной характерной чертой» всего движения. Они не исключают из него деловых людей, но отмечают, что, поскольку бизнесмены отказывались принять социальное законодательство, их участие вызвало «напряженность» в отношениях между прогрессистами³³. Здесь между неолибералами и неоконсерваторами отмечается заметное различие. Зато в вопросе о хронологических рамках «прогрессивной эры» неолибералы очень близки неоконсервативной концепции «преемственности» истории США. «Старые» либерально-реформистские историки не устанавливали четких границ «прогрессивной эры», называли разные даты ее окончания, во всех случаях не позже весны 1917 г., то есть до вступления США в войну³⁴. Неолибералы же перешагнули этот рубеж. Они объявили «военное регулирование» 1917—1918 гг. воплощением многолетних мечтаний реформаторов, даже расцветом «прогрессизма» и образцом для «нового курса»

³⁰ W. H. Harbaugh. W. Wilson, T. Roosevelt and Interventionism 1914—1917. A Study of Domestic Influences on the Formulation of American Foreign Policy. Evanston. 1954 (микрофильм диссертации); R. Seager II. The Progressives and American Foreign Policy 1898—1917: An Analysis of the Attitudes of the Leaders of the Progressive Movement toward External Affairs. Vols. I—II. W. p. 1956 (микрофильм диссертации), etc. Эта проблема привлекает внимание историков и сейчас. Так, Дж. Марковитц пытался более объективно исследовать взгляды прогрессистов на экспансию США, но не сумел показать ни их эволюцию, ни их социальную природу (G. E. Markowitz. Progressivism and Imperialism: A Return to First Principles. «The Historian. A Journal of History», Vol. XXXVII, № 2, February 1975). Интересный обзор историографии этой проблемы см.: J. Israel. Progressivism and the Open Door. America and China 1905—1921. L. 1971.

³¹ См. рецензии на книги: Sh. Hackney. Populism to Progressivism. Princeton. 1969; H. C. Bailey. Liberalism in the New South. Southern Social Reformers and the Progressive Movement. Coral Gabb. 1969; D. W. Southern. The Malignant Heritage: Yankee Progressives and the Negro Question 1901—1914. Chicago. 1968; на Ш. Хэрни, X. Бейли: «The American Historical Review», Vol. LXXV, № 5, June 1970, pp. 1537—1538; на Д. Саутерн: «The Journal of American History», Vol. LVI, № 1, June 1969, p. 167.

³² J. M. Cooper Jr. The Vanity of Power. American Isolationism and the First World War, 1914—1917. Westport. 1969; Ch. Chatfield. For Peace and Justice. Pacifism in America 1914—1941. Knoxville. 1971.

³³ A. S. Link. What Happened to the Progressive Movement in the 1920? «The Higher Realism of Wilson and Other Essays». Nashville. 1971, pp. 353, 362. Примечательна одобрительная рецензия А. Линка на книгу: D. P. Thelen. The New Citizenship. Origins of Progressivism 1885—1900. Columbia. 1972, доказывавшего непричастность деловой элиты к прогрессистскому движению («The Journal of American History», Vol. LIX, № 3, December 1972, pp. 739—740).

³⁴ См., например: A. M. Schlesinger, Jr. Op. cit., p. 414; H. S. Commager and S. E. Morrison. The Growth of the American Republic. N. Y. 1937, p. 515; P. Хофстедтер ограничивал длительность прогрессистского движения 1915 годом («The Progressive Movement 1900—1915». Ed. and Introd. by R. Hofstadter. Englewood Cliffs. 1963).

Ф. Рузвельта³⁵. В сборнике «Влияние первой мировой войны» (1969) А. Линк писал: «Теперь уже будет наивностью повторять, что война убила прогрессизм, она принесла «идеализм военного времени», получивший полное выражение в эпоху «нового курса». У. Лёйхтенберг, также утверждая, что прогрессисты одобряли опыт военного времени, приводил слова члена рузвельтовского «мозгового треста» Р. Тагвелла о том, что война породила «американский социализм военного времени». Здесь же А. Дэвис в качестве примера благотворного влияния войны на развитие реформизма ссылаясь на внедрение в армии прогрессивистской морали, «чистейшей со времен Кромвеля»³⁶. О «положительном» опыте военного времени писали также С. Каплан, С. Хабер, Ч. Хиршфильд и другие, признававшие, однако, и отрицательное воздействие войны на движение за реформу³⁷.

А. Линк был одним из первых историков, поднявших вопрос о связи «прогрессивной эры» и периода «нормальности»³⁸. Ссылаясь на деятельность фермерского блока в конгрессе, законопроекты об ограничении иммиграции, консервации природных ресурсов, на «сухой закон» и активность реформаторов в городах и штатах, Линк утверждал, что в США и в 20-е годы сохранились многие компоненты прогрессивного движения, заложившие, по его словам, основу «нового курса» 30-х годов. Поэтому, писал он, надо говорить не о том, умерло ли «прогрессивное» движение в 20-х годах, а о том, что случилось с ним в эти годы и почему³⁹. Тезис относительно продолжения тенденций «прогрессивной эры» на последующих этапах истории США поддерживают теперь многие американские авторы (К. Чамберс, П. Хаббард, Д. Свейн, К. Паррини и др.)⁴⁰. Уже вышли или подготавливаются к изданию обобщающие исследования о прогрессивном движении в рамках «1900—1920 гг.»⁴¹. С другой стороны, упорствуют сторонники прежней периодизации. Спор продолжается. Реформаторские движения 20-х годов, пишет Б. Ногл,— «интригующая» и весьма спорная тема. Он склонен рассматривать эти годы как своего рода «новую границу» в американской историографии⁴².

На первый взгляд Шлезингер, Линк и их последователи имеют основания для своих утверждений. На всем протяжении истории США первой половины XX в. можно проследить разной силы и формы государственно-монополистические тенденции, которые как бы связывают отдельные этапы в единое целое. Все это время существовали и буржуазно-реформистские настроения, поскольку не исчезали причины и социальная база, их порождающие. Во время первой мировой войны и даже в 20-е годы отдельные требования прогрессистов воплотились в жизнь, что было сделано прежде всего в интересах успешного ведения войны, а частично и под давлением народных масс. Но это вовсе не дает оснований раздвигать границы «прогрессивной эры» чуть ли не до 1929 года. Вот почему попытки растянуть границы «прогрессивной эры» представляются несостоятельными и подчиненными определенным политическим, а отнюдь

³⁵ A. M. Schlesinger, Jr. Op. cit., p. 39; A. S. Link. American Epoch, pp. 135, 212—213.

³⁶ «The Impact of World War I». Ed. by A. S. Link. N. Y. 1969, pp. 3—4, 6, 54—55, 57—58, 61—63.

³⁷ O. L. Graham, Jr. Op. cit., pp. 181—183.

³⁸ A. S. Link. What Happened to the Progressive Movement in the 1920? (впервые эта статья появилась в «The American Historical Review», Vol. LXIV, № 4, July 1959).

³⁹ Ibid., pp. 362—365, 367—369.

⁴⁰ B. Noggle. The Twenties: A New Historiographical Frontier. «The American Themes. Essays in Historiography». Ed. by F. O. Catell and A. Weinstein. N. Y. 1968, pp. 385—386; P. J. Schmidt. Рец. на кн.: C. P. Parrini. Heir to Empire. United States Economic Diplomacy. 1916—1939. Pittsburgh. 1969. «The American Historical Review», Vol. LXXV, № 7, December 1970.

⁴¹ Например, книга Ф. Макдональда, в которой первая мировая война объявляется заключительной фазой прогрессистского движения (F. McDonald. Op. cit., p. 223).

⁴² B. Noggle. Op. cit., pp. 385—387.

не научным целям. Они вполне находятся в русле главных концепций апологетической историографии — «консензуса» и «преемственности»⁴³.

Неолибералы значительно отошли от прогрессистских взглядов на историю «прогрессизма». В своих работах они все больше смягчают остроту общественных конфликтов, его породивших, все меньше внимания уделяют роли масс в этом движении. В своем стремлении «связать» события и процессы начала века, военных лет и 20-х годов в единое целое, в своей идеализации государственно-монополистического капитализма, в попытках оправдать империалистическую политику они все теснее смыкаются с неоконсервативным направлением в американской историографии.

На подход неоконсерваторов к «прогрессивной эре» оказали прямое воздействие идеи Д. Бурстина, Л. Харца, а также Р. Хофстедтера. Повлияли на них А. Невинс и другие представители «школы бизнеса», возмечивавшие «вклад капитанов индустрии» в благосостояние Америки. Неоконсерваторы полностью отбрасывают либерально-реформистскую концепцию «прогрессизма» как «откровенную выдумку», как «слишком простое объяснение» событий, сочиненное, по их словам, «не очень умными» современниками и сочувствующими им историками⁴⁴. Неоконсерваторы приписывают прогрессистской школе стремление изображать историю США начала XX в. в виде «безличных столкновений гигантских экономических движений» и конфликта «имущих и неимущих»⁴⁵. Сами же они решительно отказываются видеть в истории США какие бы то ни было общественные конфликты и противоречия. Вслед за Д. Бурстином они хотят представить «прогрессизм» как «общечеловеческий» и одновременно как «уникально-американский» отклик на проблемы, возникшие на рубеже двух веков.

Наиболее характерной для неоконсервативного направления является концепция Р. Уйби, профессора Северо-западного университета, который объявил себя «последователем психологического подхода Хофстедтера» и исследовал не столько историю прогрессизма, сколько взаимоотношения участников движения, их условия, настроения и т. п., взятые в статическом, а не динамическом ракурсе⁴⁶. Концепция эта, созданная скорее на основе социологических, чем конкретно-исторических данных, сводится к следующему. Традиционный — у прогрессистских авторов — конфликт реформистски настроенного народа и «специальных интересов» заменен в работах Уйби конфликтом «комюнити», старого, замкнутого, узкого, ограниченного в интересах, мелкого по целям, патриархального общества, и «сосаити», общества «нового» — широкого, централизованного, национального, безличного по внутренним связям, гигантского по целям⁴⁷. Выразителем этого «нового» общества является, с его точки зрения, «средний класс». Но это тоже «новый средний класс»: к нему относятся эксперты, специалисты в разных отраслях экономики и общественной жизни (не политики). Вместе с ними в качестве ведущей силы выступают бизнесмены, в том числе и крупные. Они определяют цели, рамки, характер движения, которое, естественно, уже не может бороться за социальную справедливость, но добивается рационализации и эффективности экономики, модификации и устойчивости социальных процессов, новой системы управления. Под всем этим явственно проглядывают черты государственно-монополистического капитализма. Таким образом,

⁴³ «The American Themes», p. 386.

⁴⁴ F. McDonald. Op. cit., p. IV; S. P. Hays. The Response to Industrialism. 1885—1914. Chicago. 1963, pp. 141—143.

⁴⁵ S. P. Hays. Op. cit., pp. VII—VIII.

⁴⁶ Ibid., p. 192; R. H. Wiebe. Businessmen and Reform: A Study of the Progressive Movement. Cambridge. 1962, pp. 2, 207—209, 211—212; e. j. s. d. The Search for Order 1877—1920. N. Y. 1967.

⁴⁷ R. H. Wiebe. The Search for Order, pp. 27—28.

в сочинениях неоконсерваторов прогрессистское движение, теряя всякую социальную окраску, определяется как «центральная» сила в «революции, изменившей структуру политики и управления в начале XX века»⁴⁸.

Роли бизнесменов в реформистском движении Уйби посвятил специальное исследование, в котором поднимает на щит их «реформистские» достижения, отводит им почетное место в истории «прогрессизма» и отменяет всякую радикальную критику антирадикализма⁴⁹. Уйби подчеркивает множественность течений в реформистском лагере, враждебность этих течений, примирить которую мог, по его мнению, только один арбитр — буржуазное государство. К 1920 г., обогатившись опытом «военного регулирования», бизнесмены устанавливают новую систему, эксперты занимают свое место в аппарате государства и монополий, прогрессистское движение иссякает. Такова — в самом общем виде — схема Р. Уйби.

Ее высоко оценили многие американские буржуазные ученые. Неоконсервативный историк С. Хейс заявил, что концепция Уйби окажет сильное влияние на будущие исследования по американской истории 1877—1920 годов. Хейс особо выделил тезисы о конфликте между «коммунити» и «новым» обществом и о «новом среднем классе» как истинным источнике реформистского движения⁵⁰. Хейс изображает «прогрессизм» как своеобразную «организационную революцию» («революционные силы технологии», пишет он, поставили вопрос так: «организуешься или погибнешь»). Главной чертой «прогрессивной эры» он объявляет «конфликт», но такой, который, во-первых, развивается в рамках существующей системы и в духе преданности ей, а во-вторых, является столкновением «функциональных, отраслевых, секционных и тому подобных интересов», например, промышленного Востока с аграрным Югом и Западом, фермера — с рабочим, поставщика — с железными дорогами и т. д. Эти конфликты, утверждает он, были сильнее, чем «предполагаемое общее чувство антикорпоративизма». Они-то и породили экономическое законодательство «прогрессивной эры». А социальные законы принес с собой «гуманитарный импульс», носителями которого оказались духовенство и зажиточные филантропы, имевшие время заботиться о ближнем⁵¹.

Как и Уйби, Хейс настойчиво проводит мысль о руководящей роли дельцов в проведении реформ, будь то преобразование муниципалитета Питтсбурга или законы о консервации природных ресурсов⁵². Он постоянно подчеркивает связь реформизма с прогрессом в области технологии, эффективности и рационализации производства, старательно избегая даже малейших намеков на социально-политическую сторону «прогрессивной эры». Как и другие неоконсерваторы, например, Д. Аарон, А. Екирч, Хейс укоряет так называемых политических реформаторов за «консерватизм», «национализм», элитизм, утопизм, «прогрессивизм сомнительного

⁴⁸ «Реформистское движение начала XX века состояло не столько в искоренении и разрушении, сколько в управлении, контроле и регулировании... [Реформа] стала техническим вопросом, для которого важнее всего были соображения эффективности», — писал С. Хабер в работе «Эффективность и подъем» (цит. по: S. G. Olin Jr. California Prodigal Sons. Hiram Johnson and the Progressives 1911—1917. Berkeley and Los Angeles. 1968). Эффективность в экономике и государственном управлении действительно была «евангелием» прогрессистов-технократов, но она не исчерпывала всего содержания «прогрессизма» (см. «Issues of the Populist and Progressive Eras 1892—1912». Ed. by R. M. Abrams. N. Y. 1969).

⁴⁹ R. H. Wiebe. Businessmen and Reform, pp. 207—213.

⁵⁰ O. L. Graham Jr. Op. cit., pp. 174—175; см. рецензию Хейса на кн.: R. H. Wiebe. The Search for Order («The American Historical Review», Vol. LXXIII, № 4, April 1968, pp. 1248—1249).

⁵¹ S. P. Hays. The Response to Industrialism, pp. 48, 69—70, 137, 143, 189.

⁵² S. P. Hays. Conservation and the Gospel of Efficiency. The Progressive Conservations Movement 1890—1920. Cambridge (Mass.) 1959; O. L. Graham Jr. Op. cit., p. 174. Критику взглядов Хейса см.: И. А. Белявская. Буржуазный реформизм в США, стр. 240. Оценку работ Хейса американскими авторами см.: «The American Themes», pp. 345—346 etc.

сорта» и т. п. Прогрессивная партия, по Хейсу, всего лишь выражала кризис американского индивидуализма, ее деятельность представляла собой настоящий религиозный крестовый поход с пением гимнов, проповедью Армагеддона и проч.⁵³

В конечном итоге неоконсервативная концепция «прогрессивной эры» глубоко искажает действительную ее историю. Абсолютно игнорируются существование классов, классовая борьба и какие-либо конфликты общественного характера, полностью отвергается роль рабочего, социалистического и общедемократического движения. Реальные конфликты предвоенных лет в США выхолащиваются, заменяются надуманным, искусственным, необыкновенно раздутым противопоставлением сельской патриархальщины городу и индустриализму. В трудах неоконсерваторов широкое и многообразное демократическое антимонополистическое движение исчезает и подменяется узким по составу и цели, лишенным каких бы то ни было социальных примет движением бизнесменов и технократов. Общественное развитие сведено к медленным и «организованным» процессам приспособления американского общества к новшествам экономики и технологии. На щит поднимаются эмпиризм прогрессистов, их идейно-организационный плюрализм, лидерство крупного бизнеса. Низвергаются с руководящих высот «политические реформаторы», и на их место водружается деловая элита, «прозорливо ведущая» страну к новому порядку. Неоконсерваторы, в сущности, видят в «прогрессизме», да и во всем том периоде единственное содержание: укрепление капиталистической экономики государственно-монополистическими методами. Они выступают как апологеты государственно-монополистического капитализма, который для них является венцом победоносного развития капитализма.

В критическом наступлении на либерально-реформистскую историографию «прогрессизма» участвуют и «новые левые» («радикалы»). Историки этого направления критикуют американский капитализм, его реакционную внутреннюю и агрессивную внешнюю политику, некоторые из них выражают уверенность в возможности и необходимости социализма в США. Они показывают противоречия и конфликты, присущие американской истории, и в этом смысле в определенной степени близки к историкам прогрессистской школы. Однако в отличие от последних «радикалы» не верят в спасительное действие реформ, а, напротив, видят в них, может быть, самое злое из всех детищ «истэблшмента», обманувшее не одно поколение американцев. Для «радикалов» характерно откровенное презрение к либералам-реформистам и историкам, поднимающим их на щит. Прогрессистскую школу они обвиняют в бесплодности экономического детерминизма, в угодничестве перед сильными мира сего, в наивном и упрощенном подходе к роли «большого бизнеса», в прикрытии прислужничества реформаторов перед монополистами и т. д. Наряду с этим осуждается конформизм неолибералов и неоконсерваторов, хотя на их работы историки-«радикалы» ссылаются довольно часто⁵⁴.

Имеются по меньшей мере две «радикальные» концепции «прогрессивной эры». Одна из них принадлежит Г. Колко⁵⁵. В его изображении 1900—1914 годы — это время противоборства двух сил: мощного, ис-

⁵³ «The American Themes», pp. 350—351; A. A. E k i r c h J r. The Decline of American Liberalism. N. Y. 1955, pp. 170—172, 177—179; D. A a r o n. Men of Good Hope. A Story of American Progressives. N. Y. 1961, p. XI; S. P. H a y s. The Response to Industrialism, pp. 92—93.

⁵⁴ Порой они выступают совместно. В 1972 г. представитель «новых левых» Р. Рэдос выпустил сборник статей по проблемам государственно-монополистического капитализма в сотрудничестве с лидером «правого либертарного движения», то есть «ультраправым» М. Роутбардом (см. «A New History of Leviathan. Essays on the Rise of the American Corporate State». Ed. by R. Rados and M. Rothbard. N. Y. 1972).

⁵⁵ См. «Вопросы истории», 1972, № 12, стр. 172—179.

кусного и наглого крупного бизнеса и слабых, разъединенных, готовых капитулировать реформистских сил. Последние имели кое-какие успехи в отдельных городах и штатах, но потерпели поражение в национальном масштабе. Их доверчивые и не очень умные лидеры охотно принимают руководство хозяев больших корпораций, идут с ними на контакты, на идейный союз, на прикрытое и явное прислужничество. Устанавливается всеобщее согласие, но в жизнь проводятся только те меры, которых требуют монополисты. В итоге в США утверждается «новая система отношений бизнеса и правительства» — «политический капитализм», существующий и поныне. Он-то и объединяет все периоды американской истории начала XX в. в одно целое. Поэтому «прогрессивная эра» на деле обернулась «эрой консерватизма», триумфом его. Одна из причин столь быстрой и прочной победы капиталистических сил, по мнению Колко, состоит в неспособности прогрессистов организовать сопротивление «политическому капитализму». Прогрессисты не были сплочены и очень легко поддавались обману и нажиму. Социалисты, хотя и подняли голос протеста, казавшийся одно время грозным, тоже не обладали достаточной силой, чтобы одолеть врага. Рабочие и фермеры оказались если не соучастниками, то пленниками буржуазных партий. Народ проиграл начатое было в период «прогрессивной эры» сражение⁵⁶. Так, в самом общем виде, представляется концепция Г. Колко.

Ее основные идеи воспринял другой видный представитель «новых левых», Дж. Вейнстейн. По его мнению, «прогрессивная эра» 1900—1920 гг. была временем острой конкуренции в экономике и борьбы классов и общественных групп за влияние в политике. Большие корпорации одерживают победу над антикорпоративными силами, представленными социалистами и «неопопулистами», добиваются проведения всех необходимых им реформ. Монополии достигли успеха благодаря тому, что сумели использовать либералов и их идеи. Победил консерватизм, пишет Дж. Вейнстейн, но под флером либерализма. В США утвердился и здравствует и поныне «идеал либерального корпоративного строя». Только социалисты выдвинули действенную альтернативу «корпоративному либерализму», но крах партии в 1919 г. помешал ее успеху⁵⁷.

Одной из основных характерных черт «новой левой» концепции «прогрессивной эры» является нежелание понять и признать роль классовой борьбы и прежде всего рабочего и общедемократического движения, что глубоко искажает действительную картину событий. Огромный общественный конфликт, широкие массовые движения, выступления трудящихся, классовые битвы, борьба фракций в лагере буржуазии — все эти важные и поучительные факты остаются вне поля зрения «радикальных» авторов. Другая черта состоит в преувеличении силы, возможности, живучести «истэблишмента». «Новые левые» видят только мощь и успехи монополий, закрывая глаза на слабость, внутренние противоречия, историческую обреченность капитализма. «Политический капитализм» Г. Колко или «корпоративный либерализм» Дж. Вейнстейна фактически суть разные названия государственно-монополистического капитализма. Мощь объединенных сил монополий и государства «новые левые» объявляют, в сущности, непобедимой. «Новые левые» не хотят видеть диалектичности и сложности прогрессизма как противоречивого и многопланового явления. Внутренних конфликтов и диалектику государственно-монополистического капитализма, возникшего для спасения

⁵⁶ G. Kolko. The Triumph of the Conservatism: A Reinterpretation on American History 1900—1914. N. Y. 1963, pp. 3—5, 279—282, 304—305.

⁵⁷ J. Weinstein. The Corporate Ideal in the Liberal State. 1900—1918. Boston. 1968, pp. IX—XII, 3, 4—5, 255. В том же духе М. Склар интерпретирует взгляды В. Вильсона как идеологического и политического лидера «корпоративного индустриального капитализма» (см. M. J. Sklar. W. Wilson and the Political Economy of Modern United States Liberalism («A New History of Leviathan»)).

капитализма и одновременно являющегося ступенью к социализму, они не признают и не понимают.

Наконец, работы «новых левых» полны ядовитого и не всегда обоснованного осуждения либеральных реформаторов. В них, в их «обмане» они видят причины современной трагедии Соединенных Штатов. С точки зрения «радикалов», реформаторы — большие враги, чем сами хозяева монополий. Кстати, отчасти под влиянием «новых левых» многие американские буржуазные историки в последнее время, особенно молодые (М. Юровский, Г. Керр, Дж. Нэш, М. Дубовский, Д. Йеловитц и др.), на первый план выдвигают сотрудничество лидеров «прогрессизма» с нефтяными, стальными трестами, банками, железными дорогами и т. п., ставят под сомнение сочувственное отношение определенных деятелей прогрессистов к профсоюзам, к рабочему классу⁵⁸. Считавшийся «новым левым» К. Лэш, исследуя взгляды молодых интеллектуалов в «прогрессивную эру», утверждает, что их больше волновал страх перед кризисом буржуазной культуры, чем бедствия трудящихся масс, что их целью были реформы образования, искусства, сексуальных отношений, а вовсе не устранение социальных зол⁵⁹.

«Новые левые» пытаются опереться на пеструю и противоречивую смесь идей, выдвинутых различными радикально-буржуазными идеологами. Их идейно-теоретическую позицию отличают эклектизм, метафизический подход, односторонность, крайности, заключающиеся в отрицании одной и возвышении другой стороны явлений, вырывание из общего контекста истории отдельных тенденций и фактов. Собственно, и в истории США 1898—1914 гг. «новые левые» выделили лишь одну тенденцию, возвели ее в абсолют и этим исказили историю «прогрессивной эры», представив ее лишь как «сплошную распродажу прогрессизма большому бизнесу»⁶⁰, как одно «большое предательство» со стороны лидеров реформистского движения, полностью проглядев тенденцию (пусть и не реализованную) к созданию широкой антимонополистической коалиции.

В последнее время появились и готовятся к изданию труды, претендующие на обобщение новых концепций. Вышел сборник, в который включены статьи Р. Хофстедтера, Г. Колко, К. Лэша, Р. Уйби, Г. Мея и других. Его составитель и редактор, преподаватель Висконсинского университета Р. Дж. Вилсон объявил, что это «образец новой интерпретации истории... который, вероятно, определит путь американской историографии 70-х годов»⁶¹. Р. Вилсон суммирует характерные черты нового подхода к истории «прогрессивной эры», состоящие, по его мнению, в развенчании «политических реформаторов» и мотивов их выступления; оспаривании роли интеллигенции, предавшей «зловещей форме элитизма»; в возвышении бизнесменов как истинных лидеров движения за реформу; изображении «прогрессизма» как общего движения под руководством бизнесменов вместо «устаревшего» конфликта реформаторов и делового общества; «военное регулирование экономики» завершает реформистский поход. Единство во внутренней политике США первых десятилетий XX в. дополняется единством внешней политики, по-

⁵⁸ M. Dubofsky. *When Workers Organize*. New York City in the Progressive Era. Amherst. 1968; I. Yellowitz. *Labor and the Progressive Movement in New York State 1897—1916*. N. Y. 1968; M. Urofsky. *Big Steel and Wilson Administration*. Columbus. 1969; C. B. Cowing. Печ. на: A. R. Raucher. *Public Relations and Business. 1900—1929*. Baltimore. 1968 («The Journal of American History», Vol. LVI, № 4, June 1969, pp. 163—164); A. M. Johnson. Печ. на: G. D. Nash. *United States Oil Policy 1890—1964*. Pittsburgh. 1968 («Political Science Quarterly», Vol. LXXXVI, № 1, March, 1971, pp. 123—125), etc.

⁵⁹ Ch. Lasch. *The New Radicalism in America 1889—1963. The Intellectual as a Social Type*. N. Y. 1965, pp. XIV, XVII.

⁶⁰ F. McDonald. *Op. cit.*, p. 258.

⁶¹ «Reform, Crisis and Confusion 1900—1929». Ed. by R. I. Wilson. N. Y. 1970, p. 4.

скольку многие прогрессисты оказались... «боевыми империалистами». Вилсон относит к периоду прогрессизма 1900—1929 годы⁶².

Любопытна книга близкого к либеральным кругам профессора Калифорнийского университета О. Грэхема «Великие кампании. Реформа и война в Америке 1900—1928 гг.»⁶³. Грэхем известен работой о «новом курсе», которую рецензенты расценили как вызов традиционному либеральному представлению о прогрессизме⁶⁴. Теперь он претендует на «новый синтез» истории «прогрессивной эры», на переосмысление фактов в свете появившихся в последнее время работ Хофстедтера, Уйби, Хейса, Колко, Линка, Вейнстейна и других. Попытка сплавить воедино мнения столь разных историков, естественно, делает книгу, как заметили рецензенты, противоречивой и эклектичной. Вслед за прогрессистскими историками Грэхем признает наличие в США конфликта «экономических классов», грозившего распадом общества и революцией. Америка спаслась посредством реформ и «прогрессивного движения», но не того сентиментального движения чувствительных душ, о котором пишут в учебниках и хрестоматиях, а другого — более сложного, многообразного и «более американского», чем обычно представляют. Грэхем согласен с Уйби и Хейсом относительно руководящей роли бизнесменов и технократов в проведении реформ, но не отрицает и традиционного движения борцов за социальную справедливость. Он разоблачает как социальных реформаторов, так и корыстолюбивых лидеров делового мира. Вместе с Линком и Лейхтенбергом Грэхем объявляет период первой мировой войны частью «прогрессивной эры», «может быть, прекраснейшим часом» «прогрессизма», хотя и признает, что война отрицательно повлияла на гуманитарные аспекты последнего. Он положительно относится к возникновению и развитию государственно-монополистического капитализма («регулируемого государства»), но огорчается, что военное регулирование экономики пошло на пользу монополистам. «Прогрессизм», образно говорит он, снес и высидел яйцо государственного регулирования, но родители птенца были с Уолл-стрита. Грэхем обвиняет крупный капитал в разгуле реакции 20-х годов и солидаризируется с Линком в том, что «прогрессизм» продолжал функционировать вплоть до 1928 года⁶⁵.

Противоречивость суждений и оценок Грэхема очевидна. Он отодвигает на задний план массовые народные выступления. Дух «преemptивности» и «согласованного интереса» присутствует и в его работе, несмотря на определенное стремление вырваться за пределы конформистской историографии.

Исследования последних лет ввели в научный оборот много нового интересного материала. Однако истолкование, понимание истории «прогрессизма» продвинулось вперед в значительно меньшей степени. Подвергая «ревизию» либерально-реформистскую концепцию, неолибералы и неоконсерваторы стремились отыскать в истории США «стабильные ценности», традиции «согласия и солидарности», постоянства и «преемственности». В современных условиях буржуазный ученый, по признанию Д. Хайема, не может избежать консервативного взгляда на историю своей страны⁶⁶. В свете новых требований старая прогрессистская концепция оказалась идейно и политически неуместной для буржуазных идеологов, чуждой и даже опасной тем, что она в какой-то мере признавала существование классов и классовых противоречий в США, пороков капитализма, в известной степени учитывала выступле-

⁶² Ibid., pp. 4—6.

⁶³ O. L. Graham Jr. Op. cit.

⁶⁴ «The American Historical Review», Vol. LXXV, April 1970, № 4, p. IX; «The Journal of American History», Vol. LIX, № 5, September 1972, p. 457.

⁶⁵ O. L. Graham Jr. Op. cit., pp. IX, 3, 10—12, 16—18, 30—32, 86, 90—91, 107, 115—117.

⁶⁶ J. Higham, W. L. Krieger and F. Gilbert. Op. cit., p. 221.

ния народных масс и трактовала «прогрессивную эру» как конфликт «демократического большинства против привилегированного меньшинства»⁶⁷.

Не удивительно, что подобная концепция подверглась пересмотру с явным намерением убрать «конфликты» и борьбу народных масс из истории «прогрессивной эры». На это направлено и «растягивание» границ этого периода до 1929 г., и стремление превратить бизнесменов в знаменосцев реформ при одновременном развенчании социальных реформаторов и охаивании массового прогрессистского движения. Ту же цель преследуют работы, сужающие характер буржуазно-реформистского движения до узкотехнологического деляческого «организационного» усилия, преследующего своей целью приспособить США к новой экономике и технологии, постепенно организовать «новое общество» в интересах монополий. Характерны попытки представить государственно-монополистический капитализм, который изображается как конечный результат «прогрессизма», свободным от противоречий⁶⁸. Критики же слева в буржуазной историографии, хотя и того или нет, выступают сплошь и рядом в русле официальной историографии, преувеличивая мощь и возможности монополий, разоблачая и охаивая реформистское движение сверх всякой меры.

В ходе ревизии прогрессистских концепций явственно просматривается усиление консерватизма в оценке «прогрессивной эры», откровенное втискивание бурных конфликтных событий того периода в русло «консензуса» и «преемственности». Еще более усиливается субъективно-идеалистический подход, умаление роли объективных факторов, игнорирование сложности и противоречивости изучаемых событий и процессов.

⁶⁷ Ibid., pp. 178—179.

⁶⁸ Американские буржуазные авторы стали употреблять такие термины, как «государственно-корпоративный» («State-corporate») или «государственно-монополистический» («State-monopoly») капитализм (см. «A New History of Leviathan», pp. 66—67), придавая им, разумеется, иное, чем марксисты, значение.

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

«ЗАПОРОЖСТАЛЬ»

Г. Б. Антонов

«Жемчужина южной металлургии» — так назвали советские люди «Запорожсталь», крупнейшее предприятие по производству высококачественных сталей, сооруженное в годы первой пятилетки. Когда на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. Коммунистическая партия выдвинула лозунг перехода к политике индустриализации, перед советским народом была поставлена задача в кратчайший срок заложить фундамент социалистической экономики и, преодолев отсталость, унаследованную от царской России, превратить СССР в передовую, высокоразвитую индустриальную державу. Необходимо было создать мощную тяжелую промышленность и на ее базе поднять сельское хозяйство, ликвидировать остатки капиталистических элементов в городе и деревне, обеспечить обороноспособность страны. В связи с этим в первом пятилетнем плане (1928—1932 гг.) 3/4 капитальных вложений направлялись в тяжелую промышленность. Намечалось построить свыше 1,5 тыс. промышленных предприятий¹. Одним из них и стал металлургический завод в украинском городе Запорожье.

К составлению его технического проекта приступили в 1927 г., а в 1930 г. на левом берегу Днепра заложили фундамент. Электроэнергию завод должен был получать с крупнейшей по тому времени в Европе гидроэлектростанции — Днепрогэса², руду — из Криворожского железорудного бассейна. «Запорожсталь» входила в состав Днепровского комбината, объединявшего металлургические предприятия, строившиеся около Днепрогэса. К 1934 г. заводы, входившие в комбинат, настолько разрослись, что было принято решение о выделении из него части предприятий³. Основу комбината «Запорожсталь» составляли заводы, которые по техническому оснащению и новизне оборудования не имели в те годы себе равных среди подобных предприятий всей Европы. Комбинат должен был удовлетворять быстро растущие потребности создаваемой в стране автомобильной и тракторной промышленности в стальном литье. Согласно проекту составными производственными объединениями «Запорожстали» являлись заводы инструментальной стали, ферросплавов, металлургический, шамотно-динасовый и ремонтно-механический.

Завод инструментальной стали, крупнейший в Европе, проектировался из четырех цехов: сталеплавильного (с годовой производительностью 80 тыс. т специальной стали), прокатного (около 43 тыс. т инструментальной и специальной стали), кузнечного (свыше 6 тыс. т инструментальной стали) и термического (до 50 тыс. т продукции). Завод ферросплавов состоял из цехов ферромарганца (80 тыс. т продукции в год), ферросилиция (20 тыс. т продукции) и феррохрома (3 тыс. т продукции). Ежегодно завод должен был давать свыше 100 тыс. т ферросплавов, ввозимых до того из-за границы и необходимых для производства качественных сталей. Металлургический завод располагал доменным цехом, цехами листопрокатной и конструкционной сталей и крупными вспомогательными агрегатами. В доменном цехе проектировались четыре печи объемом 1 тыс. куб. м каждая и с годовой производительностью цеха 1,2 млн. т чугуна. Мартеновский цех оборудовался 10 печами с годовой производительностью 850 тыс. т стали, а листопрокатный — 1 млн. т продукции в год. В группу цехов конструкционной стали входили четыре производственных: качающийся мартен, цех

¹ «Индустриализация СССР (1929—1932 гг.). История индустриализации СССР (1926—1941 гг.)». Документы и материалы. М. 1970, стр. 5.

² Л. Д. Юпко. Повышение эффективности производства. М. 1974, стр. 5.

³ «Запорожсталь». Днепрпетровск. 1973, стр. 40—41.

30-тонных электропечей, прокатный и термический. Шамотно-динасовый завод должен был производить специальные огнеупоры, применяемые при строительстве коксовых, мартеновских и других печей. Ремонтно-механический завод предназначался для обслуживания эксплуатационных нужд металлургического комбината⁴.

На «Запорожстали» предстояло осуществить гигантский объем работ. На территории 20 кв. км надлежало произвести 7,3 млн. куб. м земляных работ, бетонных и железобетонных — 500 тыс. куб. м, кладки кирпича — 78 тыс. куб. м, огнеупорных кладок — 171 тыс. т, проложить 300 км железнодорожных путей (считая и временные), монтаж железных конструкций около 100 тыс. т и монтаж оборудования в 160 тыс. тонн. Численность коллектива комбината должна была составить 30 тыс. человек. Потребность «Запорожстали» в электроэнергии в два раза превышала мощность Волховстроя. Ее общий расход — 963 млн. квт/ч. Сметная стоимость завода составляла 1 243 900 тыс. рублей⁵.

В 1930 г. приступили к строительству коксохимического завода. Все его четыре установки мощностью 1 тыс. т кокса каждая предназначались для обслуживания доменного цеха «Запорожстали». 18 января 1931 г. на заводе началось сооружение первой домны объемом 930 куб. м, а 16 ноября 1933 г. она дала чугун. Пуск домны — торжественный момент в жизни не только коллектива предприятия, но и всей страны. Доменный цех — это основное звено сложного технологического процесса металлургического цикла. Судьба производственного плана, выплавка стали, выпуск проката во многом зависят от работы доменщиков. С началом эксплуатации первой домны завод вступил в число действующих предприятий страны, располагая к тому времени четырьмя прокатными станами и семью электропечами. 6 марта 1934 г. в строй вступила вторая домна, которая была первой в Союзе полностью автоматизированной⁶. С середины апреля 1934 г., после ввода в эксплуатацию коксовой батареи, обе печи перешли на кокс собственного производства.

За короткое время доменщики «Запорожстали» полностью освоили проектную мощность печей и добились больших успехов. В 1934 г. домны комбината начали первыми в стране плавить чугун высших марок на экспорт, а запорожская сталь по своим качествам не уступала продукции многих иностранных фирм. Запорожстальцы рапортовали наркому тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе о том, что возложенная на коллектив почетная и ответственная задача по освобождению страны от импорта высококачественного проката выполнена с честью⁷. В октябре 1932 г. электропечь завода инструментальных сталей «Запорожстали» также дала металл. Отмечая это событие, «Правда» писала: «Плавится первая днепровская сталь»⁸. Советская электропечь «Миге-Перон» была сделана на ленинградском заводе «Электросила». В ее изготовлении приняли участие на основе кооперирования Балтийский завод и «Большевик». Печь «Миге» — это 7-метровое сооружение. Ее электрод имел в диаметре 4 метра. Применение электропечей данного типа позволило в короткие сроки удовлетворить потребности страны в спецсталих. Вслед за первой в строй вступили вторая и третья электропечи.

Исключительно высокие темпы строительства пусковых объектов «Запорожстали», осуществляемые трестом «Запорожстрой», позволили в 1934 г. ввести в эксплуатацию крупнейший в мире завод ферросплавов. Иностранные специалисты предсказывали, что, построив завод, советским металлургам, не имевшим специальной подготовки и опыта, долго не удастся его освоить из-за сложности технологического процесса. Однако через год после пуска завод выполнил программу по количеству и качеству продукции. Ввод его в действие на полную мощность покрывал до 50% потребности всей металлургии СССР в ферросплавах. Благодаря успешной работе коллектива рабочих и инженеров завода ферросплавов ферросилиций был с импорта снят⁹.

В соответствии с решениями XVII съезда партии о привлечении широких масс трудящихся к участию в контроле над производством на «Запорожстали» были ор-

⁴ «Правда», 18.X.1932.

⁵ «Днепровский металлург», 6.V.1939.

⁶ «Днепровский пролетарий», 6.III.1934.

⁷ «Днепровский металлург», 22.XI.1934.

⁸ «Правда», 11.X.1932.

⁹ «Днепровский металлург», 17.X.1934.

ганизованы отряды «легкой кавалерии». Тысячи комсомольцев включились в борьбу с бюрократизмом, недостатками управленческого аппарата, с расхитителями социалистической собственности. Они проверяли, как заселялись новые дома, работу отделов снабжения, санитарное состояние столовых, уплотненность трудового дня в цехах, добивались удовлетворения жалоб рабочих. Итоги деятельности «кавалеристов» широко освещались в печати¹⁰.

Самоотверженная работа коллектива «Запорожстали» позволила в 1935 г. добиться значительных успехов. Была снята с импорта шарикоподшипниковая сталь. В сентябре была выдана первая плавка 150-тонной мартеновской печью, а в октябре — вторым таким же мартеном. В ноябре доменные печи «Запорожстали» закончили выплавку первого миллиона чугуна¹¹. По качеству он был лучшим в стране. Выполняя особое задание, прокатный цех комбината прокатал также 80 т стальной ленты для ученических перьев, внося вклад в обеспечение школьников письменными принадлежностями, которых тогда остро не хватало. Важное значение для запорожстальцев имело принятое в 1935 г. «Постановление ЦК ВКП(б) о партийной работе на предприятиях черной металлургии»¹². На комбинате был создан партийный комитет действующих заводов. Состоявшаяся затем партийная конференция рекомендовала парткому ряд практических мер по усилению партийно-массовой работы среди тружеников комбината, указывала на необходимость создания постоянных семинаров для секретарей первичных партийных организаций и привлечения всех коммунистов к партийной учебе, предлагала уделить особое внимание работе коммунистов с сочувствующими и охватить партучебой женщин для более широкого их участия в общественной деятельности. К тому времени партийная организация «Запорожстали» насчитывала в своих рядах более 900 коммунистов¹³.

В июне 1935 г. нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе подписал приказ о строительстве на «Запорожстали» листопрокатного цеха¹⁴, самого мощного в Европе, с современнейшими агрегатами: слябингом, среднелистовым станом, непрерывным тонколистовым и отделением для холодной прокатки. Длина цеха — более километра. С вводом его в эксплуатацию страна получала долгожданный тонкий стальной лист для автомобильной промышленности. Однако реконструкция промышленности в годы первых пятилеток предъявляла повышенные требования к металлу, и развитие отечественной металлургии шло по пути не только увеличения выпуска стали, но и улучшения ее качества. Возросла потребность в легированных сталях. В 1935 г. «Запорожсталь» выплавляла 68 марок различных сталей, причем была освоена работа электропечей на отечественных угольных электродах¹⁵. В начале 1936 г. металлурги комбината взяли обязательство выполнить пятилетку по металлургическому заводу за четыре года. По инициативе партийной организации на предприятии началось движение за переход от стахановских суток к стахановским пятидневкам и месяцам под лозунгом — добиться в дни этих вахт высших показателей производительности, чтобы по-стахановски работать весь год¹⁶. Доменный цех ежедневно выплавлял свыше 2 тыс. т чугуна, а электропечи и мартены давали стране более 2,3 тыс. т стали¹⁷. За производственные успехи металлургическому заводу «Запорожсталь» было присвоено имя Серго Орджоникидзе. В конце декабря 1936 г. директор комбината докладывал наркому о досрочном выполнении пятилетнего плана за четыре года по всему металлургическому циклу¹⁸. Важное значение для повышения производительности труда на комбинате имела новая, прогрессивно-премиальная система оплаты труда, введенная в действие с 1 января 1936 г. вместо отжившего принципа «всем поровну». Внедрению новой, прогрессивной формы оплаты способствовало также стахановское движение.

¹⁰ «Днепропетровский металлург», 23 и 26.VII; 8.VIII.1934.

¹¹ «Днепропетровский металлург», 14.XI.1935.

¹² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК». Т. 5. Изд. 8-е. М. 1971, стр. 227—230.

¹³ «Запорожсталь», стр. 43.

¹⁴ «Днепропетровский металлург», 29.VI.1935.

¹⁵ «Днепропетровский металлург», 1.I.1936.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Днепропетровский металлург», 15.X.1936.

¹⁸ «Днепропетровский металлург», 26.XII.1936.

31 декабря 1936 г. было произведено горячее опробование первого, единственного тогда в Европе слябинга. В 1937 г. он вступил в строй, началась его промышленная эксплуатация¹⁹. Слябинг изготовили на Ново-Краматорском заводе. В том же году был пущен первый в стране непрерывный широкополосный тонколистовой стан горячей прокатки, рассчитанный на прокатку около 1 млн. т автомобильного листа в год. 80 % его оборудования было отечественным. Со второй половины сентября 1937 г. «Запорожсталь» по заказу Ворошиловградского паровозостроительного завода начала прокатку листов-слябов для паровозных рам²⁰. В мае 1938 г. на «Запорожстали» была задута дона объемом 1300 куб. м, самая мощная в мире.

Строительство таких гигантских по тому времени печей было нелегким и трудоемким делом. К тому же приходилось преодолевать атмосферу недоверия со стороны всякого рода скептиков. В 30-е годы существовало мнение (и у нас и за рубежом) о нецелесообразности строительства доменных печей больших объемов из-за их неэффективности и технической сложности такого строительства. Однако, когда корреспондент ТАСС обратился к видному советскому металлургу акад. М. А. Павлову за разъяснением, тот ответил: «Я верю,.. что можно строить домы объемом в три, четыре и больше тысяч кубов»²¹. Доменщики «Запорожстали» за короткое время не только освоили проектную мощность третьей домы, но и превзошли ее. Это было убедительным доказательством в пользу сторонников строительства домен большого объема. «Металлургический завод — это величественные цехи с грузными металлическими кожухами, изящными конструкциями, гигантскими станами; это тяжеловесные машины, точность которых исчисляется долями миллиметра; это мощные механические цехи с первоклассным оборудованием — литейные, ремонтные; это сложнейшее газовое хозяйство и, наконец, это завод, который живет днем и ночью круглый год...»²². Такой и была «Запорожсталь».

Неуклонно повышался удельный вес «Запорожстали» в металлургии СССР. Если в 1933 г. запорожский чугуи составлял 0,4 % общесоюзной выплавки, то в 1938 г. — 6 %. Качественных сталей завод выплавлял уже 15 % общесоюзного объема. В 1938 г. «Запорожсталь» дала чугуна столько же, сколько заводы Польши, и больше, чем все металлургические предприятия Италии. Выплавка электростали составляла половину идентичного производства Франции²³.

В третьей пятилетке строителям «Запорожстали» предстояло полностью закончить сооружение металлургического гиганта. Предполагалось ввести в эксплуатацию важнейшие объекты: аглофабрику (в 1942 г.), четвертую доменную печь объемом 1300 куб. м (в декабре 1941 г.), построить пять 150-тонных мартенов. Среднегодовой выпуск чугуна с вводом четвертой домы должен был составить около 2 млн. т, производство мартеновской стали — 1,9 млн. тонн²⁴. В 1938 г. на «Запорожстали» был пущен первый в стране непрерывный широкополосный тонколистовой стан холодной прокатки «Тандем», изготовленный в США. Было закончено строительство цеха холодной прокатки, который обеспечивал потребности автотракторных заводов в холоднокатаном листе и освобождал страну от импорта этого листа²⁵. Чугун из доменных печей шел в электропечи и мартены, где, превращенный в многотонные стальные слитки, поступал на слябинг, из могучих валков которого выходили заготовки — слябы для проката тонкого и среднего листа. «Прокатные цехи по своей мощи и отделке представлялись индустриальными дворцами. Отсюда выходила подлинно деликатная продукция — широкий и тонкий стальной лист для автомобильной, тракторной и многих других отраслей промышленности. Поверхность его должна быть идеально чистой, лакированной. Листы, покрытые слоем масла, укладывают штабелями и тщательно упаковывают, чтобы на них не попала влага. Малейшая царапина или капля воды выводит лист в брак... Такой лист выпускался только на Запорожье»²⁶.

¹⁹ «Запорожсталь», стр. 247.

²⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 8894, оп. 2, д. 149, л. 23.

²¹ «Запорожсталь», стр. 63.

²² В. Дымшиц. Записки строителя. «Год XXXII» Альманах второй. М. 1949, стр. 307.

²³ «Днепровский металлург», 1.V.1939.

²⁴ «Днепровский металлург», 6.V.1939.

²⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 8894, оп. 2, д. 281, л. 1.

²⁶ В. Дымшиц. Указ. соч., стр. 302.

Завод ферросплавов освоил выплавку высококремнистого ферросилиция, что позволило освободить железнодорожный транспорт страны от встречных перевозок и сэкономило свыше 2 млн. руб. в год²⁷.

В мае 1939 г. стахановский коллектив сверхмощной домы № 3 впервые в СССР и в практике мирового доменного производства добился рекордных норм выплавки чугуна. В начале мая дома выдала за сутки 1750 т при проектной мощности 1500 т²⁸, а через три недели — 1976 т, установив мировой рекорд²⁹. 29 мая бригада мастера М. И. Подолякина и старшего горнового Д. Ф. Мисько выплавилла за смену 750 т чугуна при коэффициенте использования полезного объема печи 0,57³⁰. По инициативе доменщиков «Запорожстали» в июне началось соцсоревнование доменщиков однотипных печей «Запорожстали», «Азовстали» и «Криворожстали». В декабре 1939 г. коллектив доменной печи № 3 был отмечен в числе лучших доменщиков Союза по итогам соцсоревнования³¹. Передовики производства были награждены значком «Отличник соцсоревнования НКЧМ» и похвальными грамотами³².

«Запорожсталь» стала кузницей кадров. Это можно проследить на судьбах многих людей. В 1933 г. после окончания вуза пришел работать в доменный цех начальником смены инженер Р. В. Белан, затем он стал помощником начальника цеха. Вскоре трудящиеся Ново-Запорожского избирательного округа оказали ему высокое доверие, избрав депутатом Верховного Совета СССР. Потом он был назначен директором Кузнецкого металлургического комбината. На многих участках «Запорожстали» самоотверженно трудились тысячи женщин. Женщины комбината первыми в стране откликнулись на призыв магнитогорских работниц Т. Ипполитовой и Л. Подсеваловой овладеть основными металлургическими специальностями. Запорожсталцы Е. Ищенко, А. Олиферчук, А. Лобзова и А. Пашкевич приобрели квалификацию паровозных машинистов. Их бригада обслуживала завод инструментальных сталей. Они поставили перед собой цель работать так, чтобы сталевары, прокатчики, кузнецы и термисты не имели жалоб на внутризаводской транспорт. Кроме того, девушки обратились с призывом к женщинам-домохозяйкам Запорожья идти на производство и освоить специальности подручных сталеваров, машинистов электрокранов, операторов листопркатных и прокатных станков. Призыв патриоток нашел отклик. М. Соловей первой на комбинате стала работать подручной сталевара электропечи, Н. Смородина — машинистом электрокрана³³. Подручной горнового на домне № 3 трудилась Э. Ян³⁴.

В конце 1939 г. из комбината «Запорожсталь», сильно разросшегося, были выделены в самостоятельные предприятия электрометаллургический завод «Днепроспецсталь», завод ферросплавов и огнеупоров. Завод «Запорожсталь» имени С. Орджоникидзе также стал самостоятельным предприятием с полным металлургическим циклом³⁵. Тем временем на заводе полным ходом шло сооружение домы № 4. Комсомол Запорожской области взял шефство над ее строительством, направив на стройку сотни молодых энтузиастов³⁶. Когда в октябре 1940 г. была остановлена на капитальный ремонт дома № 1, проработавшая безостановочно около семи лет, то к этому времени она установила всесоюзный рекорд длительности работы среди печей своего класса³⁷.

На «Запорожстали» успешно решались сложные технические задачи по освоению выплавки новых ферросплавов и специальных сталей для ведущих отраслей промышленности. Мартеновцы завода выступили инициаторами скоростных плавки стали. Сталевар Пискарев со второго мартена сварил плавку за 8 час. 35 мин. вместо 10 часов по норме, а затем на первом мартене выдали металл за 8 часов³⁸. Сталевары-стахановцы третьей мартеновской печи В. Демидов и А. Авхимович, включившись в со-

²⁷ «Днепровский металлург», 30.III.1939.

²⁸ «Днепровский металлург», 8.V.1939.

²⁹ «Днепровский металлург», 29.V.1939.

³⁰ «Днепровский металлург», 1.I.1940.

³¹ Там же.

³² ЦГАНХ СССР, ф. 8894, оп. 2, д. 284, л. 111.

³³ «Днепровский металлург», 30.IX.1939.

³⁴ «Днепровский металлург», 1.V.1940.

³⁵ «Запорожсталь», стр. 70.

³⁶ «Днепровский металлург», 20.II.1940.

³⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 8894, оп. 5, д. 9, л. 9.

³⁸ «Большевик Запорожья», 8.X.1940.

диалистическое соревнование между собой, закончили плавки соответственно за 8 час. 15 мин. и 8 час. 10 минут. В. Демидову удалось установить рекорд, доведя продолжительность плавки до 7 час. 55 минут³⁹.

К началу Великой Отечественной войны «Запорожсталь» была одним из крупнейших предприятий черной металлургии: там работали 3 домы, 10 мартенов, слябинг, уникальные листопрокатные станы. Вблизи завершилось строительство металлургического завода. С момента пуска первой домы в ноябре 1933 г. и до середины августа 1941 г., когда в связи с эвакуацией начался демонтаж оборудования, запорожские металлурги дали стране 5 млн. т чугуна, 3,2 млн. т стали в слитках, 2 млн. т проката в слябах, 470 тыс. т среднего листа, 140 тыс. т тонкого горячекатаного листа, достаточного для изготовления 560 тыс. автомашин. В 1940 г. завод производил стали столько, сколько все металлургические заводы Испании, Венгрии и Канады, вместе взятые⁴⁰.

Началась Великая Отечественная война. В середине августа 1941 г. фронт вплотную приблизился к Запорожью. Фашистское командование попыталось с ходу взять город со всеми его заводами, чтобы использовать их производственную мощь. Однако этот замысел сорвало героическое сопротивление советских воинов и бойцов народного ополчения. 18 августа 1941 г. ночная и утренняя смены «Запорожстали» работали, как обычно. Домы своевременно выдали плавку, в мартенах варилась сталь. А днем фашисты начали артобстрел завода и жилых зданий. В городе и рабочих поселках вспыхнули пожары. Прекратилась подача электроэнергии с Днепрогэса, хотя она еще продолжала поступать из Донбасса. Прервалось железнодорожное движение, не действовали водопроводные магистрали, замерли прокатные станы, мартены и домы. Последней, в 9 час. вечера, была остановлена доменная печь № 1. В ту же ночь металлурги «Запорожстали» начали демонтировать заводское оборудование. Рабочие, строители и прибывшие к ним на помощь монтажники Сталинского и Макеевского заводов разбирали механизмы и аппараты. Вокруг бушевало пламя, а люди сматывали кабель, бережно снимали контрольно-измерительные приборы, отключали моторы и грузили, грузили, грузили... По 300—500 вагонов ежедневно⁴¹.

45 суток, с 18 августа по 3 октября, коллектив «Запорожстали» под непрерывным огнем гитлеровцев демонтировал завод. 320 тыс. т оборудования и материалов было вывезено в 16 тыс. вагонов⁴². Это оборудование ожило на 26 заводах востока страны. Фашисты же застали пустые цехи, причем за время оккупации врагу не удалось пустить в ход ни одной домы и ни одного мартена, хотя хозяйничали они там более двух лет. Грандиозная по своим масштабам эвакуация «Запорожстали» — один из самых ярких эпизодов во всей небывалой эпопее эвакуации части нашей промышленности в далекий тыл. Вспоминая об этом, директор завода А. Н. Кузьмин писал впоследствии: «Никто в мире не верил, что можно вывезти и привезти назад такие станы. Мне пришлось беседовать с крупнейшими металлургами Америки. Они спрашивали, верно ли, что Запорожский завод с его станами был вывезен. Когда я ответил, что это действительно так, они не поверили, считая, что это практически невозможно, что даже при наличии американских дорог это сделать нельзя»⁴³.

Красная Армия освободила Запорожье 14 октября 1943 года. «Запорожсталь», краса и гордость первых патилеток, была фашистами разрушена и превращена в груды искореженного металла, бетона, кирпича. Доменные печи повалены, взорваны все мартены, производственные корпуса разбиты. Ущерб, нанесенный оккупантами «Запорожстали», оценивался в сотни миллионов рублей⁴⁴. Между тем Родина после тяжких военных невзгод испытывала острую нужду в стальном листе для многих отраслей промышленности. Этот дефицитный стальной лист должна была дать «Запорожсталь». Поэтому встал вопрос о срочном ее восстановлении. Уже в 1946 г. Запорожский об-

³⁹ «Днепропетровский металлург», 10.1 и 12.1.1941. «Запорожский индустриальный комплекс». Днепропетровск. 1975, стр. 62.

⁴⁰ «Большевик Запорожья», 1.VII.1947.

⁴¹ В. Дымшиц. Указ. соч., стр. 309—310.

⁴² А. Г. Шереметьев. 45 дней, 45 ночей. «Гвардия тыла». М. 1962, стр. 29.

⁴³ «Труды» Центрального музея революции СССР. Вып. 4. М. 1973, стр. 218.

⁴⁴ Н. П. Моисеенко. Коммунисты в авангарде восстановления завода «Запорожсталь». «Коммунистическая партия — организатор освобождения Советской Украины от фашистских захватчиков». Киев. 1975, стр. 353.

ком ВКП (б), первым секретарем которого стал тогда Л. И. Брежнев, принял с этой целью необходимые меры. Инженер-металлург по образованию, Л. И. Брежнев еще в предвоенные годы трудился на Днепродзержинском металлургическом заводе и имел также большой опыт советской и партийной работы, а в годы Великой Отечественной войны стал видным военно-политическим руководителем. Бережное отношение к кадрам сочеталось у него с высокой деловой требовательностью⁴⁵. В ответственные дни пуска первых объектов «Запорожстали» Л. И. Брежнев перенес свой рабочий кабинет на стройплощадку завода. В те напряженные недели проявились его организаторский талант и незаурядные способности крупного руководителя. Партия и правительство высоко оценили заслуги Леонида Ильича по восстановлению первой очереди завода, наградив его орденом Ленина⁴⁶.

Что касается темпов возрождения «Запорожстали», то она была объявлена всенародной ударной стройкой. В марте 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по обеспечению восстановления производства холоднокатаного листа на заводе «Запорожсталь»⁴⁷, а пуск первой очереди наметили на III квартал 1947 года. ЦК партии и Советское правительство приняли решение укрепить руководящими кадрами трест «Запорожстрой», выполнявший восстановительные работы на «Запорожстали». Управляющим треста был назначен опытейший строитель, инженер, возглавлявший ранее «Магнитострой», В. Э. Дымшиц (ныне заместитель Председателя Совета Министров СССР). В 1947 г. «Запорожсталь» была в стране одной из самых важных строек. Десятки крупнейших предприятий поставляли на «Запорожсталь» необходимое оборудование. Непрерывным потоком шли грузы: станки — из Москвы, кабель — из Ленинграда, металлоконструкции — из Днепропетровска, рельсы — из Кузнецка, оборудование для листопрокатных станов — из Краматорска, пиломатериалы — из Белоруссии, электромоторы — из Ярославля. Отовсюду прибывали на «Запорожсталь» квалифицированные кадры строителей, рабочих, инженеров. В начале 1946 г. директором «Запорожстали» был назначен А. Н. Кузьмин, который возглавлял коллектив завода еще в довоенные годы. В сентябре 1946 г. секретарем парткома завода стал участник Великой Отечественной войны, бывший парторг ЦК ВКП(б) на заводе «Днепроспецсталь» И. И. Староселец.

Невиданные по масштабам темпы восстановления не имели себе равных даже в практике нашего времени. Его одновременно вели 35 строительных и монтажных управлений. Работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Энтузиазм на стройке был необычайным. Коллективу строителей предстояло разобрать более 1 млн. куб. м завалов и земли, уложить 85 тыс. куб. м бетона, 60 млн. штук кирпичей, проложить 75 км железнодорожных путей, 567 км кабеля, разобрать 35 тыс. т разрушенных и смонтировать вновь 62 тыс. т металлоконструкций и 29 тыс. т оборудования, установить 2,6 тыс. электромоторов⁴⁸. Для достижения ритмичности в работе были внедрены суточные графики, распределявшие задания всем участникам строительства. Это позволяло совмещать ведение работ на одном и том же объекте строителям, монтажникам, механикам, электрикам. Графики имелись у всех рабочих, партийных и профсоюзных руководителей, помогали контролировать выполнение работ и следить за ходом соревнования отдельных бригад.

Разрушения, причиненные фашистскими захватчиками «Запорожстали», были особенно болезненны, поскольку она как уникальное предприятие лишь одна производила в СССР стальной лист. Многим казалось, что проще и дешевле было бы добавить еще тола и подорвать уцелевшие конструкции, разобрать все подчистую, а затем уже строить. Так и рекомендовали поступить специалисты из ЮНРРА — международной организации, которая занималась помощью странам, пострадавшим от фашистского нашествия. Побывав в Запорожье, они в один голос заявили, что восстановить разрушенное вообще невозможно, а если кто и решится на подобный эксперимент, то потратит на это больше средств, чем на строительство нового завода⁴⁹. Однако советские люди за четыре месяца восстановили домну, теплоцентраль, тонколистовой стан и цех холодной прокатки листа, опрокинув все прогнозы и предсказания.

⁴⁵ «Днепровские огни». Киев. 1976, стр. 63—64.

⁴⁶ Там же, стр. 157.

⁴⁷ «Запорожсталь», стр. 106—107.

⁴⁸ «Правда», 3.X.1947.

⁴⁹ «Днепровские огни», стр. 113—114.

Начальники строительных и монтажных управлений различных министерств, ответственные за восстановление «Запорожстали», были подчинены управляющему трестом «Запорожстрой». Принцип единоначалия стал одной из гарантий успеха. «Мастер точного стратегического расчета и конкретного оперативного руководства, В. Э. Дымщиц стремился всячески создавать условия для того, чтобы командиры стройки всегда были там, где они нужнее всего. Он решительно сокращал продолжительность различных трестовских заседаний и совещаний. Оперативки были в полном смысле этого слова оперативками: на них затрачивалось менее четверти часа. Будучи сам постоянно пунктуален и предельно краток, управляющий требовал этого и от подчиненных, прежде всего от руководителей»⁵⁰. Большую помощь строителям «Запорожстроя» оказывал первый секретарь Запорожского обкома партии Л. И. Брежнев. Работники обкома и горкома КП(б)У были рекомендованы на посты секретарей первичных строительных парторганизаций. Бюро обкома партии жило повседневными заботами стройки, находя способы быстрого решения материально-технических проблем, занимаясь политическим воспитанием людей и их бытовым устройством⁵¹.

В первую очередь необходимо было восстановить третью дому (как относительно меньше пострадавшую), слябинг, листопрокатные станы, трубовоздуховки и теплоцентраль. Стране столь срочно нужен был тонкий стальной лист, что вопрос стоял даже острее, чем в 30-е годы. В процессе восстановления первой очереди завода решались технические задачи, не имевшие ранее примеров в мировой практике. Здесь с блеском проявились творческая инициатива и талант строителей. Всей стране стало известно имя бригадира монтажников И. А. Румянцева, инициатора скоростных методов крупноблочной сварки трубопроводов. Печать неоднократно отмечала выдающиеся успехи его бригады⁵². Партийная организация и руководство стройки широко освещали и пропагандировали метод И. А. Румянцева. У него появились сотни последователей на всех крупных стройках страны. Впоследствии И. А. Румянцев делился своим опытом также со строителями братской Болгарии и дружественной Индии⁵³. При восстановлении домы № 3 отличился инженер А. В. Шегал, предложивший без демонтажа выправить кожу доменной печи, что дало большой выигрыш во времени. За осуществление этой небывалой по сложности задачи ему была присуждена Государственная премия. 29 июня 1947 г. на «Запорожстали» задули восстановленную доменную печь № 3 объемом 1300 куб. м, а на следующий день она выдала первый послевоенный чугуно. Отмечая это знаменательное событие, «Правда» писала: «Первая плавка запорожского чугуна особенно дорога стране, ибо Запорожский завод играет огромную роль в экономике Советского государства. Это одно из крупнейших в Европе предприятий по производству высококачественного металла и особенно первоклассных сортов листовой стали. В свое время постройка Запорожского завода послужила важным средством укрепления технико-экономической независимости СССР. Теперь восстановление завода является делом жизненной важности для нашей страны»⁵⁴.

В целом восстановление завода шло по графику, установленному правительством. В июле был пущен слябинг, в августе — тонколистовой стан, а в сентябре — цех холодной прокатки листа. Восстановление первой очереди «Запорожстали» обошлось государству в 658 млн. рублей⁵⁵. 28 сентября 1947 г. состоялся торжественный митинг многотысячного коллектива завода по случаю отправки первого железнодорожного состава с высококачественным стальным листом в адрес Московского автомобильного завода. За успешное выполнение задания партии и правительства по возрождению и пуску первой очереди завода около 2 тыс. рабочих, строителей, инженеров и руководящих работников были награждены орденами и медалями. Высоко оценивая самоотверженный труд всего коллектива, Президиум Верховного Совета СССР наградил «Запорожсталь» имени С. Орджоникидзе орденом Ленина⁵⁶.

Строителям треста «Запорожстрой» в 1948 г. предстояло восстановить мартенов-

⁵⁰ Там же, стр. 122.

⁵¹ С. Гершберг. Как восстанавливали «Запорожсталь». «Знамя», 1973, № 6, стр. 189.

⁵² «Правда», 16.II, 13.III, 14.III. 1947.

⁵³ «Днепровские огни», стр. 126.

⁵⁴ «Правда», 1.VII.1947.

⁵⁵ «Запорожсталь», стр. 114.

⁵⁶ Там же, стр. 5.

ский цех. И они сделали все, чтобы страна получила запорожскую сталь. 11 апреля 185-тонная мартеновская печь № 1 выдала первую послевоенную плавку, а до конца года варили сталь уже шесть мартенов. В том же году на «Запорожстали» была задута первая в Союзе полностью автоматизированная цельносварная домна № 4. Изготовление ее кожуха было осуществлено методом сварки, разработанным в Институте электросварки АН УССР. Коллектив завода освоил производство стального широкополосного автомобильного листа. Выпуск отечественного легкового автомобиля «Победа» связан, между прочим, и с успешным освоением прокатки такого листа на «Запорожстали».

Невиданными темпами продолжалось наращивание производственных мощностей на заводе и в 1949 году. Вступили в строй действующих еще четыре мартена. В том же году знатный сталевар Ф. Пискарев первым сварил скоростную плавку за 6 час. 5 минут⁵⁷. Затем строители треста «Запорожстрой» закончили восстановление остальных двух доменных печей (обе были цельносварными). Самоотверженный труд рабочих завода завершился выдающейся победой: «Запорожсталь» в 1949 г. была полностью восстановлена и достигла довоенного уровня производства, а в 1950 г. этот уровень был превзойден по всему металлургическому циклу в 1,6 раза⁵⁸.

В начале 50-х годов между коллективами «Запорожстали» и «Азовстали» возобновились традиционные соревнования, имевшие место еще в довоенные годы. Они положили начало движению за скоростные плавки в нашей стране. В результате освоения скоростных плавков родилась идея комплексного соревнования, в котором принимали участие все, от кого зависела плавка. Поддержанная и одобренная партийной организацией, эта инициатива нашла широкий отклик среди сталеваров завода. Инициатором такого соревнования на «Запорожстали» стал С. С. Якименко. Трудовая деятельность знатного сталевара началась задолго до войны. Крестьянский сын из села Васильевки Запорожской области он поступил слесарем на запорожский завод «Коммунар», затем трудился на заводе «Днепроспецсталь», участник Великой Отечественной войны. С 1949 г. С. С. Якименко — сталевар мартеновского цеха «Запорожстали»⁵⁹.

В 50-е годы на «Запорожстали» продолжались строительство и ввод в действие крупнейших объектов: были сданы в эксплуатацию доменная печь № 5 объемом 1410 куб. м, два крупнейших мартена, аглофабрика, отделение трансформаторной стали в цехе холодной прокатки. Вступили в строй новые цехи: жестекатальный, по производству консервной жести в рулонах и высокоэкономичных холодногнутых профилей, заготовки из которых поступают на тракторные, вагоностроительные заводы и предприятия сельскохозяйственного машиностроения⁶⁰. В 1952 г. на «Запорожстали» начали осваивать технологию применения кислорода в сталеварении. То были еще первые опыты. Серьезную помощь по внедрению кислорода в производство оказал известный металлург акад. И. П. Бардин. Опытным мастерам Ф. Пискареву, М. Пугачеву, П. Дорошенко, Н. Волжану, Г. Кожухову, П. Селезневу, сталеварам Н. Степаненко, С. Якименко, П. Залошу, А. Яковлеву, И. Каеле была оказана честь первыми начать плавки в мартенах на кислороде. А в 1953 г. последовало применение кислорода также и в доменном производстве. Наконец, в 1958 г. металлурги «Запорожстали» освоили применение природного газа. За счет интенсификации металлургических процессов выпуск чугуна, стали и проката увеличился в 1,5—2 раза. В середине 50-х годов на «Запорожстали» в условиях непрерывно действующего производства приступили к небывалой по сложности постепенной реконструкции доменных, мартеновских и прокатных цехов с целью увеличения их мощности⁶¹. Так, расширение полезного объема доменных печей позволило увеличить годовую производительность цеха на 750 тыс. т чугуна.

В 1959 г. запорожстальцы выступили инициаторами Всесоюзного соревнования металлургов за досрочное выполнение плана первого года семилетки, а в конце декабря коллектив завода рапортовал о своей победе: были выданы сверх плана десятки тысяч тонн агломерата, чугуна, стали, проката⁶². Из года в год рабочие «Запорожстали»

⁵⁷ «Запорожский индустриальный комплекс», стр. 124.

⁵⁸ «Запорожсталь», стр. 249.

⁵⁹ Там же, стр. 180.

⁶⁰ Л. Д. Юрко. Грани трудных побед. Днепропетровск. 1974, стр. 22.

⁶¹ «Запорожсталь», стр. 145.

⁶² Там же, стр. 151.

перевыполняли производственный план за счет усовершенствования действующего оборудования, интенсификации технологических процессов, лучшего использования агрегатов, внедрения новой техники и передового опыта других предприятий. Успехи коллектива были грандиозны: запланированный на 1965 г. уровень производства проката был достигнут в 1961 г., по выплавке стали — в 1962 г., а по выпуску чугуна — в 1963 году⁶³. В 1962 г. в ЦК КПСС заслушали доклад партийной организации «Запорожстали» о достижениях коллектива по внедрению в производство новейших достижений науки, техники и передовых методов труда. В постановлении директивных органов отмечались большие успехи запорожстальцев по эффективному использованию резервов производства и ускорению технического прогресса, как важнейших факторов успешного выполнения заданий семилетки. Положительный опыт коллектива «Запорожстали» был рекомендован для тщательного изучения и распространения на других металлургических предприятиях страны⁶⁴.

Большого размаха достигло на заводе движение за коммунистическое отношение к труду. Партийная организация провела широкую разъяснительную работу в коллективе. Соревнование за право называться бригадами коммунистического труда развернулось во всех цехах. Борьба шла не только за увеличение выплавки чугуна, стали и производства проката, но и за качество выпускаемого металла, за снижение себестоимости продукции, ликвидацию брака, уменьшение простоев агрегатов. Тысячам передовиков производства было присвоено звание «Ударник коммунистического труда». В 1967 г. среди металлургов развернулось социалистическое соревнование за право дать юбилейную плавку к 50-летию Великого Октября в счет выпуска 100-миллионной тонны стали. По итогам соревнования коллегия Министерства черной металлургии и Президиум ЦК профсоюза предоставили такое право 21 бригаде сталеваров страны, в их числе запорожстальской бригаде Героя Социалистического Труда М. Т. Кинебаса.

Эта честь была завоевана знаменитым сталеваром благодаря большим успехам. Вся трудовая жизнь этого выдающегося мастера скоростных плавков и многих мировых производственных рекордов связана с «Запорожсталью». 17-летним юношей пришел сын кузнеца из с. Волочанское Запорожской области на завод в суровом 1944 г. и поступил на работу подручным сталевара. С 1958 г. он сталевар в мартеновском цехе на 185-тонном мартене. В конце 50-х годов годовая производительность таких мартенов на заводе не превышала 225 тыс. т стали (по тем временам самая высокая). Включившись в социалистическое соревнование под лозунгом «Семилетка — в пять», сталевары мартеновского цеха из года в год добивались значительных успехов по повышению производительности малых мартенов. Запевалой в этом почине стал коллектив восьмого мартена. Совершенствуя технологию, сокращая длительность плавков, увеличивая их вес, бригады сталеваров пятой мартеновской печи М. Кинебаса, П. Кийко, В. Стана и А. Лободы выплавили в 1960 г. 251 тыс. т, а в 1966 г. — уже 466 тыс. т стали. 24 декабря 1967 г. началась юбилейная плавка в счет 100-миллионной тонны стали. Бригада М. Т. Кинебаса установила сразу три рекорда: по продолжительности — 1 час. 40 мин., по съему стали с единицы площади — 50, 67 т, по часовой производительности агрегата — 139,4 тонны⁶⁵. Мировая практика сталеварения не знала подобных примеров.

С 1965 г. на заводе работают международные курсы ООН для инженеров-металлургов из освободившихся стран. За истекшие годы 400 инженеров из 37 стран прошли обучение в запорожском семинаре-практикуме⁶⁶. Широки связи металлургов «Запорожстали» со странами социалистического содружества, а также с Ираном и Индией. Рабочие завода оказывали непосредственную помощь в строительстве металлургического комбината имени К. Готвальда (Чехословакия), комбината имени В. И. Ленина в Новой Гуте (Польша), металлургического завода в Бхилаи (Индия). В 1971—1974 гг. среди советских специалистов, работавших на металлургическом заводе в Иране, был старший горновой «Запорожстали» Герой Социалистического Труда И. И. Смишко, участвовавший в пуске первой в истории Ирана доменной печи⁶⁷. В конце 1975 г. в Киеве состоялась встреча представителей «Запорожстали», комбината «ОСТ»

⁶³ Там же, стр. 158.

⁶⁴ «Экономическая газета», № 8, II.1974.

⁶⁵ «Днепропетровский металлург», 26.XII.1967.

⁶⁶ «Днепропетровский металлург», 17.XII.1975.

⁶⁷ «Днепропетровский металлург», 30.IV.1976.

из Франкфурта-на-Одере (ГДР), остравского комбината имени К. Готвальда и Восточно-словацкого завода в Кошице (Чехословакия). Был подписан договор о социалистическом соревновании коллективов этих предприятий на 1976—1980 годы⁶⁸.

Большой популярностью на «Запорожстали» пользуются «плавки дружбы». Не одну такую плавку провели заслуженный металлург УССР делегат XXIV и XXV съездов КПСС Е. П. Проскурин и Герой Социалистического Труда конверторщик Карагандинского металлургического завода А. Дарибаев. Такие плавки проходили на «Запорожстали» с участием представителей череповецких металлургов, сталеваров московских заводов «Электросталь» и «Серп и молот», Руставского металлургического завода, «Азовстали».

В восьмой пятилетке коллектив завода продолжал успешно выполнять производственные задания. Особенно отличался политическим и трудовым подъемом 1970 год. В январе работники цехов «Запорожстали» включились в 100-дневную юбилейную трудовую вахту в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Комсомольцы первого марта взяли на себя обязательство сварить 100 скоростных плавок и дать свыше 1 тыс. т сверхпланового металла. Их почин поддерживали доменщики, сталевары и прокатчики. В течение вахты завод дал тысячи тонн сверхпланового металла. В апреле 1970 г. в торжественной обстановке состоялось награждение завода юбилейной Почетной грамотой ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. 3300 запорожстальцев были награждены Ленинской юбилейной медалью «За доблестный труд». Было принято решение продолжить ленинскую трудовую вахту до конца года, а пятилетний план завершить досрочно. И коллектив завода сдержал свое слово: к 25 декабря восьмая пятилетка была выполнена по всему металлургическому циклу. Дополнительно к пятилетнему плану металлурги «Запорожстали» выплавляли 53 тыс. т чугуна, 96,6 тыс. т стали, дали 203 тыс. т проката⁶⁹. За успехи в годы восьмой пятилетки Президиум Верховного Совета СССР в марте 1971 г. награждал «Запорожсталь» орденом Октябрьской Революции⁷⁰.

Трудовые достижения многотысячного коллектива ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции завода «Запорожсталь» неразрывно связаны с именами таких командиров производства, как А. Н. Кузьмин, А. Л. Боборыкин, Л. Д. Юпко. А. Н. Кузьмин участвовал в строительстве и освоении производственных мощностей завода в довоенные годы, руководил демонтажем заводского оборудования, когда немцы рвались к Запорожью в 1941 г., и эвакуацией завода на восток. Первые годы восстановления и пуск первой очереди восстановленной «Запорожстали» также осуществлялись под его руководством. После назначения А. Н. Кузьмина заместителем министра, а затем министром черной металлургии СССР завод возглавил главный прокатчик «Запорожстали» инженер А. Л. Боборыкин. С ним запорожстальцы успешно завершили восстановление металлургического завода и преодолевали технические трудности, связанные с наращиванием производственных мощностей возрожденного гиганта. С 1956 г., когда директором завода назначили Л. Д. Юпко, началась поэтапная реконструкция основных производственных цехов «Запорожстали». Л. Д. Юпко содействовал применению природного газа в доменном производстве. Партия и правительство высоко оценили его заслуги: он Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии.

«Запорожсталь» 70-х годов в отличие от завода времени первых пятилеток — качественно новое предприятие и по ассортименту выпускаемой продукции, и по производственной мощности, и по техническому оснащению. В настоящее время там работают пять крупных доменных печей с годовой производительностью свыше 4 млн. т чугуна, 12 большегрузных мартенов, в том числе два сталеплавильных агрегата, новые листопрокатные станы. По-прежнему завод является основным поставщиком высококачественного стального листа для автотракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Он изготавливает также высокоэкономичные гнутые профили, белую жель, шлифовальные и полированные пластины, металлопласт. Высококачественная продукция завода отправляется во все союзные республики и в 50 стран мира⁷¹. Марка запорожского чугуна пользуется на мировом рынке большим спросом. В свою очередь,

⁶⁸ «Днепропетровский металлург», 14.1.1976.

⁶⁹ «Запорожсталь», стр. 196.

⁷⁰ Там же, стр. 5.

⁷¹ Л. Д. Юпко. Грани трудных побед, стр. 91.

завод получал продукцию из стран СЭВ: из Польши — токарные станки, автомашины и краску; из Чехословакии — оборудование для цеха полированных пластин; из ГДР — рудно-грейферные краны для доменного цеха, разливные краны, завалочные машины, кондиционеры; из Венгрии — машины для разгрузки огнеупоров; из Румынии — теплофикационные котлы для теплоцентрали, контрольно-измерительные приборы, оборудование для отдела рабочего снабжения⁷².

Девятая пятилетка началась для «Запорожстали» с досрочного выполнения производственного плана первых ее месяцев по всему металлургическому циклу. Высокий трудовой подъем царил в цехах завода в дни работы XXIV съезда КПСС. Запорожстальцы брали на себя индивидуальные обязательства, а партком, дирекция и профсоюзная организация учредили штаб по подведению итогов работы за каждый день, отмечая передовиков специальными грамотами. Было организовано соревнование за звание «Лучший начальник смены», «Лучший мастер», «Лучший отдел». Для победителей социалистического соревнования учредили почетные дипломы и денежные премии. В девятой пятилетке на «Запорожстали» успешно решили проблему увеличения производственных мощностей мартенов на тех же площадях, перенимая опыт металлургов Мариитки и Череповца. Первая мартеновская печь была реконструирована в двухвальный сталеплавильный агрегат с годовой производительностью 1 млн. т стали.

В 1973 г. коллектив завода выступил инициатором Всесоюзного соцсоревнования за досрочное выполнение плана третьего, решающего года пятилетки. Борясь за успешное осуществление народнохозяйственных задач, рабочие «Запорожстали» с честью выполнили взятые на себя обязательства. По объему производства стали, проката, по росту производительности труда коллектив завода уже тогда вышел на уровень контрольных цифр 1975 года. За пять месяцев 1973 г. на заводе было выплавлено сверх плана 28 400 т чугуна, 15 400 т стали, произведено 25 400 т проката⁷³. За производственные успехи и досрочное выполнение полугодичного плана по всему металлургическому циклу «Запорожстали» первой среди металлургических заводов Союза было присвоено почетное звание Предприятия коммунистического труда.

В 1974 г. коллектив завода принял встречный план, по которому обязался по основным технико-экономическим показателям превзойти уровень, предусмотренный контрольными цифрами на 1975 г., за счет механизации и автоматизации, внедрения научной организации труда; повысить производительность труда против плана на 0,5%; добиться присвоения государственного Знака качества четырем видам продукции⁷⁴.

В 1975 г. труженики «Запорожстали» включились в социалистическое соревнование за достойную встречу предстоявшего съезда партии под лозунгом «XXV съезду КПСС — 25 ударных декад». Соревнование проходило во всех бригадах, сменах, производственных участках, службах, отделах и цехах завода вплоть до 24 февраля 1976 года. Коллективы-победители награждались почетными грамотами и премировались денежными премиями. ЦБ КП Украины, Совет Министров УССР и ЦБ профсоюза за достижение наилучших показателей в предсъездовском социалистическом соревновании присвоили звание «Коллектив имени XXV съезда КПСС» с вручением диплома мартеновской печи № 1 завода «Запорожсталь». Имя знатного сталевара завода Е. П. Проскурина было занесено на областную Доску почета⁷⁵.

Труженики «Запорожстали» досрочно выполнили задания девятой пятилетки по всему металлургическому циклу к 26 декабря 1975 г.: выплавляли сверх плана 38 тыс. т чугуна, 89 тыс. т стали, отгрузили потребителям 236 тыс. т проката⁷⁶. То был достойный подарок XXV съезду партии. Запорожье — истинный город металлургов. Из незначительного уездного городка Александровска, основанного в 1770 г. и переименованного в 1921 г., он в советское время стал центром индустриального комплекса⁷⁷. Город раскинулся по обе стороны Днепра, растянувшись на 35 км по меридиану и на 25 км по параллели. В пяти его районах проживало к 1975 г. более

⁷² «Днепровский металлург», 29.III.1974.

⁷³ «Правда», 30. VI.1973.

⁷⁴ «Днепровский металлург», 4.I.1974.

⁷⁵ «Индустриальное Запорожье», 20.II.1976.

⁷⁶ «Днепровский металлург», 24.II.1976.

⁷⁷ «Запорожский индустриальный комплекс», стр. 233.

740 тыс. человек. Годом ранее жилой фонд составлял около 9 млн. кв. метров⁷⁸. За годы лишь девятой пятилетки для трудящихся завода было построено 60 тыс. кв. м жилой площади, 2878 семей получили новые квартиры⁷⁹. «Запорожсталь» располагает благоустроенной базой отдыха и санаторием-профилакторием на о. Хортица, имеет пансионаты «Мисхор» в Крыму и в Кирилловке на Азовском море, санаторный корпус в Миргороде⁸⁰. В десятой пятилетке перед металлургами «Запорожстали» стоят новые большие задачи.

В трудовом коллективе «Запорожстали» за более чем 40-летнюю историю ее существования выросла плеяда замечательных мастеров своего дела — доменщиков, сталеваров, прокатчиков⁸¹. В настоящее время на заводе трудятся девять Героев Социалистического Труда, восемь лауреатов Ленинской и Государственной премий, 156 почетных металлургов СССР, 13 заслуженных металлургов УССР, 13 кандидатов технических наук⁸². Славные трудовые победы коллектива, весь пройденный им героический путь служат гарантией его успехов в выполнении плана десятой пятилетки, в рамках которого «Запорожсталь» должна внести свою важную лепту в дело созидания материально-технической базы коммунизма.

⁷⁸ Там же, стр. 229.

⁷⁹ «Днепропетровский металлург», 30.IV.1976.

⁸⁰ «Запорожский индустриальный комплекс», стр. 231.

⁸¹ См. подробнее: А. А. Герасименко. Во главе трудового коллектива. Днепропетровск, 1976.

⁸² «Днепропетровский металлург», 30.IV.1976.

СВАДЕБНЫЕ ДЕЛА XVI ВЕКА

Отнюдь не все документы средневековой Руси, и не только в количественном (до этого еще далеко), но даже в видовом отношении, стали достоянием науки и были опубликованы. Среди других попали в разряд «обиженных» материалы, касавшиеся брачных дел и фиксировавшие многое из того, что относилось к свадьбам и другим брачным церемониям. Этот весьма любопытный и к тому же нестандартный источник содержит ряд ценных сведений о той эпохе. Естественно, что наиболее полно дошли до нас такого рода документы о брачных празднествах высокопоставленных лиц.

Брачные празднества членов правящей династии в России, прежде всего великих князей и царей, являлись общественно важными церемониями и отличались сугубой пышностью. Особенно большую политическую значимость и торжественность свадебный ритуал приобретает с конца XV века. Участие в бракосочетании принимали многочисленные члены «государева двора» — социально-политического института, объединявшего верхушку господствующего класса, рядовые феодалы, обслуживавшие разнообразные потребности дворцового хозяйства. Назначения на почетные службы в ходе свадебных торжеств были свидетельством личной близости к главе государства и поэтому высоко ценились.

Разряды свадеб, то есть росписи придворных и их функций в дни бракосочетания, попали на страницы разрядных книг (в них фиксировались наиболее важные назначения административного и военного характера) гораздо раньше, чем записи о других дворцовых церемониях. Сама документация свадеб — так называемые свадебные дела — хранилась в государственном архиве¹. Вместе с другими материалами царского хранилища и эти источники претерпели все злоключения, выпавшие на долю архивов в XVI—XVIII вв.: московские пожары (1547, 1571, 1626 гг.)², петербургские наводнения, небрежность хранения и многочисленные реорганизации архивохранилищ в XVIII—XIX веках³. Документы гибли даже в XIX веке⁴. Итоги печальны для историков. Во-первых, утрачена подавляющая часть документации, относящейся к интересующему нас времени. Во-вторых, сохранившиеся материалы оказались в значительной мере перепутанными. «Вина» здесь, конечно, архивистов XVII—XVIII веков. Дошедшие до нас источники являются в основном подлинными приказными черновиками, в которых нередко отсутствуют даты и названия документов. Приказным деятелям уже в XVII в. было трудно точно разделить уцелевшие росписи, «памяти» и грамоты свадеб Василия III в 1526 г., Ивана IV в феврале 1547 г. и его младшего брата Юрия в ноябре того же года. Поэтому в дело свадьбы Василия III включено пять документов бракосочетания Ивана IV⁵, а в дело свадьбы последнего попали две «памяти» из документации свадебных торжеств его отца и две грамоты из свадебного дела его брата Юрия⁶.

¹ «Опись царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.». М. 1960, стр. 32, 41, 44, 48, 60, 61.

² На оборотной стороне некоторых публикуемых ниже документов отчетливо заметны следы пожарной копоти.

³ Документация свадеб (по крайней мере 1547 г.) хранилась до середины XIX в. главным образом в фонде, который ныне составляет ф. 156 ЦГАДА. С организацией в 1851 г. «Древлехранилища» (сейчас это ф. 135 ЦГАДА) в нем оказалась подавляющая часть свадебных дел.

⁴ Изданный в начале XIX в. чин свадьбы Лжедмитрия I («Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел». Ч. 2. М. 1819, № 138, стр. 289—293 (далее — СГГид)) больше по объему текста документа (по нему он и печатался), хранящегося ныне в архиве (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 12).

⁵ См. документы №№ 4, 12, 15—17 настоящей публикации.

⁶ См. документы №№ 1—2, 19 настоящей публикации, а также Н. П. Лихачев.

Удивительно другое. И прежние и современные исследователи странным образом проходили мимо этих пусть фрагментарных, но важных источников по политической истории страны. Что послужило тому причиной, сказать трудно. Может быть, отсутствие до последнего времени печатного описания ф. 135 ЦГАДА⁷. Возможно, осуществленная давно публикация свадебных разрядов за XVI — XVII вв. ввела историков в заблуждение: ученые могли полагать, что именно подлинники изданных разрядов находятся в архиве⁸. Так, например, считал В. Н. Шумилов. Но это неверно. В конце XVIII в. был напечатан (и притом неудовлетворительно) текст свадебных разрядов, помещенный в одной из редакций разрядных книг. В «Древлехранилище» же находятся в подлинниках и списках первоначальные и промежуточные варианты свадебных назначений и окончательные их тексты (в частности свадьбы Ивана IV)⁹.

Выборочное издание некоторых приводимых ниже грамот в публикациях XIX — начала XX в. также, видимо, способствовало невниманию учёных к этим архивным материалам¹⁰. Указанные публикации не удовлетворяют современным требованиям археографии. Не говоря об ошибках в датировке некоторых документов, издатели не указали, по какому принципу отбирались материалы, не оговорили зачеркнутые места текста, правку, пометы на обороте, не дали палеографического описания. В результате важнейшие свидетельства оказались вне поля зрения исследователей политической борьбы в России середины XVI века¹¹. Все это объясняет научную актуальность предлагаемой публикации (включая переиздание некоторых грамот)¹².

Итак, по какому признаку отбирались источники для данной публикации? Свадебные дела состояли из документации трех типов: свадебного чина (то есть описания хода брачной церемонии и подготовительных к нему материалов), свадебного разряда (предварительные и окончательные его варианты, первичные выписи из текущих «боярских списков» участников свадебного поезда¹³ и т. п.) и, наконец, документов в узком смысле слова — грамот, росписей, «памятей» и отписок, составившихся в связи с выбором невесты, с подготовкой необходимых нарядов, предметов обряда, с назначением караулов на дни свадебных торжеств и т. п. В силу случайных обстоятельств отрывки источников последнего рода дошли до нас только от трех свадеб XVI в. — Василия III, Ивана IV, князя Юрия. Именно они и приводятся ниже¹⁴.

Пенязи великокняжеских и царских свадеб. «Труды» Московского нумизматического общества. Т. I. М. 1898, стр. 107—108.

⁷ Оно вышло только в 1971 г. («Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135». М. 1971).

⁸ Свадебные разряды были изданы в «Древней российской вивлиофике». Ч. 13. М. 1790 (далее — ДРВ).

⁹ «Государственное древлехранилище хартий и рукописей», стр. 90—91, 95 и др.; ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, лл. 32—42, 18—31, 43—54.

¹⁰ Документ №№ 5, 10, 14, 16 настоящей публикации см. СГГид. Ч. 2, №№ 34, 35, стр. 43; «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1905, кн. III, смесь, стр. 24—25; «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею». Т. I. СПб. 1846, № 24, стр. 21—22. В последней публикации «Роспись лиц, назначенных в караулы в Кремле во время свадебных торжеств» (док. № 16) издателями (вслед за архивистами) ошибочно приурочена к 1526 г. (подробнее об этом см. ниже).

¹¹ Единственное исключение — статья А. А. Зимина «Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в.» («Исторические записки». Т. 87) и «Намесническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в.» («Исторические записки». Т. 94). К сожалению, в первой из них документы свадьбы Ивана IV отнесены (вслед за указанием описи) к 1526 г., во второй неточно указан год наместничества кн. И. И. Пронского в Пскове.

¹² Не переиздается только «память» от 19 октября 1547 г. казначаем в связи с подготовкой к свадьбе кн. Юрия Васильевича. Текст ее в указанной статье Н. П. Лихачева передан безукоризненно.

¹³ Подобная выписка из свадебного дела кн. Юрия Васильевича опубликована (В. Д. Назаров. О структуре «государева двора» в середине XVI в. «Общество и государство феодальной России». М. 1975, стр. 53—54).

¹⁴ Кроме «памяти» от 19 октября 1547 г., не публикуются также два документа из свадебного дела Ивана IV: опись шкатулы с драгоценностями (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 9) и речь митрополита Макария к царю на его бракосочетании (там же, л. 10). Первая не включена в публикацию потому, что, по палеографическим данным, она относится ко времени после 1547 г., поздравление же Макария вошло в чин свадьбы Ивана IV, который издан.

Прежде чем перейти к характеристике значения публикуемых материалов, следует обосновать предполагаемую датировку. Она устанавливается в необходимых случаях в соответствии с палеографическими признаками документов и показаниями их текста. Датирующее значение для документа № 1 имеет упоминание дьяка Тимофея Клобукова. Он умер не позднее 1539 г.¹⁵, а в качестве дьяка великого князя впервые упоминается в купчей И. Г. Морозова не позднее 1525/1526 года¹⁶. В этот промежуток времени известны три свадьбы правящей фамилии: Василия III в 1526 г., кн. М. Л. Глинского (дяди второй жены Василия III) в 1527 г. и младшего брата великого князя кн. Андрея Старицкого в феврале 1533 года. Публикуемая здесь «память» (док. № 1) не может быть отнесена к двум последним, и вот почему. Единственным окolicным в 20-е—30-е годы XVI в., носившим имя Ивана Васильевича, был И. В. Ляцкий. Летом 1534 г. он бежал в Литву, но закат его карьеры начался за несколько лет до того. В разряде свадьбы кн. Андрея он не упомянут, поэтому неправомерно предполагать, что ему поручили ответственное дело выбора невесты. Отпадает и свадьба кн. М. Л. Глинского. По мнению А. А. Зимина, она состоялась вскоре после его освобождения из тюрьмы в конце февраля 1527 г., а в это время И. В. Ляцкий как глава русского посольства был в Литве (вернулся он оттуда только 27 апреля 1527 г.)¹⁷. Итак, «память» является частью свадебного дела Василия III. Показательной в этой связи, что на свадьбе великого князя Ляцкий исполнял ответственную и почетную службу — «сбирал и ведал» детей боярских¹⁸. О том, что речь идет о свадьбе Василия III, свидетельствуют и палеографические данные: бумага документа однотипна с бумагой отрывка приказного черновика свадебного чина 1526 г., а его почерк идентичен основному почерку того же черновика¹⁹.

В «памяти», издаваемой под № 2, среди других лиц, назначенных в караулы, назван подьячий Шемет Воробьев (Г. А. Воробьев-Мотякин). Дьяком он стал не позднее марта 1532 года²⁰. Этот документ тоже не имеет отношения к браку М. Л. Глинского. В кн. Иване Васильевиче (адресате «памяти») надо видеть князя И. В. Немого Телепня Оболенского, что и зафиксировано пометой на обороте грамоты, где указано его фамильное прозвище (Телепнев). Кн. Глинского женили на дочери И. В. Немого, а потому он на свадьбе 1527 г. не мог получать каких-либо разрядных назначений. В грамоте князь Иван упомянут без боярского звания, а в свадебном разряде 1526 г. оно приведено. Поскольку «память» составлена за какое-то время до брачных церемоний, то это понятно: боярство кн. И. В. Немой Оболенский скорее всего получил буквально в канун свадьбы Василия III, на которой он выполнял ответственные функции (он назван первым среди бояр «у постели», первым в числе «мовников» с великим князем, «стелил постель» великому князю и его невесте и пр.)²¹. Наше предположение не опровергается и другими данными: бумага «памяти» однотипна с бумагой документа № 1 и отрывком черновика чина свадьбы 1526 г., схожи и почерки²². Для более точной датировки упомянутых источников следует учесть хронологию событий. Развод Василия III с первой женой, Соломонией, произошел в ноябре 1525 г., а свадебные торжества начались 21 января 1526 года²³. Смотр невест надо отделить от брачной церемонии несколькими неделями и приурочить к середине декабря 1525 г. — началу января 1526 года. Составление же «памяти» о караулах можно отнести к середине января, так как оно не должно быть слишком удалено от дня свадьбы.

Источников от свадебного дела Ивана IV 1547 г. сохранилось больше. Половина документов (№№ 3, 6—11, 13) датируется указаниями в тексте. Известные сложности возникают с материалами, которые оказались включенными в свадебное дело Васи-

¹⁵ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси. М.-Л. 1966, стр. 243 (указатель имен).

¹⁶ «Акты Русского государства 1505—1526 гг.». М. 1975, № 268, стр. 270—271

¹⁷ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М. 1972, стр. 313, «Сборник Русского исторического общества». Т. 35. СПб. 1882, стр. 755 (далее — РИО).

¹⁸ ДРВ. Ч. 13, стр. 15.

¹⁹ Ср. ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 58; № 2, лл. 1—5. За консультацией при отождествлении почерков прошу глубокую благодарность Б. М. Клоссу.

²⁰ РИО. Т. 35, стр. 850; А. А. Зимин. Дьяческий аппарат., стр. 230.

²¹ ДРВ. Ч. 13, стр. 16—17.

²² Ср. ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, лл. 17, 58; № 2, лл. 1—5.

²³ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени, стр. 297.

лия Ш (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 2, лл. 6—15; в публикации документы №№ 4, 12, 15—17). Однако и палеографические показания и текстуальные сопоставления полностью убеждают в том, что это документы свадебного дела Ивана IV. В основной части грамот и росписей последнего прослеживаются два почерка. Первым написаны указные грамоты в связи с организацией и проведением смотра невест (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, лл. 1, 2 (вторая половина), 4—6; см. публикуемые документы №№ 3, 5, 9—11) и окончательный вариант свадебного разряда (там же, лл. 43—54). Второй почерк принадлежит человеку, начертавшему два первоначальных варианта разряда свадьбы (там же, лл. 32—42, 18—31), а также ряд вставок и исправлений в тех документах, которые писал первый писец (там же, лл. 1, 5, 6)²⁴. Эти же почерки мы встречаем на лл. 6—15 из свадебного дела 1526 г. (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 2): росписи лиц, посланных для осмотра невест (лл. 6—8, см. документы публикации №№ 4, 12), исполнены первым писцом, а правка и дополнения в них принадлежат руке второго. Последний писал и вторую половину текста в перечне дьяков (там же, л. 14; см. док. № 15). Небольшая правка в нем осуществлена писцом склеек 9—13 из этого дела (его почерк схож с почерками указанных выше писцов, но не тождествен им). Возможно, что им же писан и лист 15 (см. док. № 17). Совпадают и филигранны. На указанных склейках встречаются два или три водяных знака: одноручный кувшинчик небольших размеров с инициалами «ИМ» на тулове и завершием в виде четырехлепестковой розетки²⁵ и маленькая рука с трехлепестковой розеткой над средним пальцем²⁶. Отдельные части первой из указанных филиграней обнаруживаются на многих склейках дела 1547 г. (ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, лл. 11, 19, 20, 24—27, 29, 34, 35, 40—42 и др.).

Теперь о текстуальных доказательствах. Имена, фигурирующие в росписи лиц, посланных для смотра невест по городам (см. док. №№ 4, 12), совпадают с теми, которые упоминаются в точно датированных грамотах свадебного дела Ивана IV (ср. док. №№ 6, 7, 9, 11)²⁷. Принадлежность списка дьяков (см. док. № 15) к документации свадьбы Ивана Грозного доказывается наличием в нем ряда лиц, встречающихся с дьяческим званием не ранее 40-х годов XVI века. Так, Чура Руделев еще в марте 1546 г. был толмачом и только в публикуемом перечне (док. № 15) упоминается впервые как дьяк. По активным источникам, В. Б. Колзаков известен как дьяк не ранее 1544/1545 г., а Б. А. Щекин — в 1547—1549 годах²⁸. Показательно, что в перечне нет Д. Т. Скрипицына и И. И. Бухарина, которые были в 1546—1548 гг. дьяками в Новгороде²⁹, а также дьяков, получивших назначения на почетные службы в ходе бракосочетания³⁰. Сопоставление этого списка с лицами, указанными в росписи караулов (док. № 16), показывает взаимную зависимость данных источников: все лица, перечисленные в документе № 15 (за исключением зачеркнутых Д. Мишурина и Д. Дурова), фигурируют и в документе № 16³¹. Принадлежность документов №№ 14, 17 к свадебному делу Ивана IV ясно видна из совпадения упомянутых в них лиц с лицами по разряду свадьбы³².

Содержание публикуемых источников позволяет обосновать более точную дату возникновения некоторых из них. Документы №№ 4, 5, связанные с рассылкой по го-

²⁴ Кроме того, еще три-четыре писца участвовали в правке документов.

²⁵ Может быть, на этих склейках имеются два варианта этой филигранны (ср. ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 2, лл. 6, 9, 10, 14).

²⁶ Не вполне ясно, является ли филигрань на л. 15 нижней частью данной филигранны.

²⁷ По данным росписей и датированных грамот, в Коломну были посланы окольничий И. И. Беззубцев и дьяк П. Путятин, в Ростов — кн. Ф. С. Мезецкий и дьяк Д. Горин, в Вязьму — кн. И. С. Мезецкий и дьяк Г. Белый.

²⁸ ЦГАДА ф. 123, кн. 9, л. 51; ф. 281, № 6/604 и др.

²⁹ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб. 1888, стр. 248—249.

³⁰ И. Курицын, И. Циплятев, Б. Суккин, В. Г. и Я. Г. Захарыны-Гильевские, Б. М. Карачаров, П. Губин, Н. А. Курцев (ДРВ. Ч. 13, стр. 31—32).

³¹ Трудно допустить составление перечня в связи с рассылкой лиц по городам для смотра невест, так как в нем (см. док. № 15) фигурируют 33 человека, а в росписи (см. док. № 4) — только 18 дьяков.

³² Ср. док. №№ 14, 17 и ДРВ. Ч. 13, стр. 30—31 и далее; см. также первоначальные варианты разряда — ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, лл. 32—42, 18—31.

родам уполномоченных для смотра невест и «первых грамот», не могли появиться ранее 12 декабря: именно в этот день после поездки в Новгород и Псков Иван IV вернулся в Москву³³. Другая крайняя дата определяется как благодаря указанию грамоты — документа № 3, так и содержанием отписки кн. Ф. С. Мезецкого (см. док. № 6). Отпись, полученная в Москве 31 декабря, была отправлена из Ростова Великого 29 или 30 декабря, через 9—11 дней пребывания в нем лиц, посланных для осмотра невест³⁴. Выезд их из Москвы и время составления отправленных с ними указных грамот придутся, таким образом, на 16—19 декабря. Документы №№ 14—17, связанные с непосредственной подготовкой к свадьбе (она началась 3 февраля), условно можно отнести к концу января 1547 года³⁵. Наконец, «память» с приглашением на пир в первый день брачных торжеств (док. № 18, 3 февраля 1547 г. приходилось на четверг) была составлена скорее всего накануне. Последняя из публикуемых грамот явно связана с подготовкой к свадьбе кн. Юрия: Иван IV именуется в отписи царем, а Дмитриев день, как известно, отмечался 26 октября.

Информация, заключенная в публикуемых ниже источниках, важна. Прежде всего они содержат ценные сведения по истории «государева двора». Это касается и его личного состава и биографических данных о дворовых (немало лиц упоминается впервые). Существенны немногочисленные, а поэтому особенно ценные упоминания о структурных подразделениях «государева двора» (см. док. №№ 10, 17). Уникальна информация о дьяках и приказном делопроизводстве. Перечень дьяков (док. № 15) — вообще первый из аналогичных документов. Для выяснения истории приказного управления показательны формулировки о подьячих (см. док. №№ 11, 12): они именуются подьячими тех или иных дьяков (позднее назывались по тому ведомству, в котором они служили). Приемы ведения делопроизводства выясняются из помет на оборотах грамот (док. №№ 3, 5, 6 и др.).

Интересные подробности сообщают публикуемые документы о самом свадебном обряде, хотя наиболее полно эти сюжеты отразились в свадебных чинах и разрядах³⁶. Укажем в данной связи на «память» казначеям (док. № 13) и на докладную «память», из которой следует, что образцом при подготовке свадьбы Ивана IV служило бракосочетание его отца (док. № 14). Теперь мы знаем, каким образом осуществлялось приглашение на свадебный пир (док. № 18). По приводимым ниже материалам можно детально проследить подготовку и осуществление смотра невест. Существовало два варианта: при одном невесты доставлялись в Москву (это были по преимуществу дочери членов двора). Так, видимо, обстояло дело при подготовке свадьбы кн. Юрия. Требуемый приезд княгини А. Пенковой с «дочерью-девкой» в Москву к 16 октября (док. № 19) надо связывать со смотром невест кн. Юрия, иначе непонятен вызов матери именно с дочерью. О смотре невест по городам в данном случае нет никаких сведений. Отметим попутно, что болезнь дочери Пенковой, видимо, носила дипломатический характер. Как известно, кн. Юрий был слабоумным и, несмотря на свое происхождение, вряд ли представлял собой завидную партию. При втором варианте смотр в Москве дополнялся смотринами невест в городах. По сообщению повести о втором браке Василия III, венценосный жених послал «во вся грады и веси» своих бояр и «знатных вельмож» для выбора девицы «лепой, и доброзачной, и разумной»³⁷. Был ли И. В. Ляцкий отправлен в какой-то город, или же осуществлял просмотр невест в Москве, сказать определенно трудно: док. № 1 не дает для этого прямых данных. Все же, учитывая близость И. В. Ляцкого к Василию III именно в 1525—1526 гг. и отсутствие адреса в «памяти», предположение о смотре невест в Москве более вероятно.

³³ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч. 1. СПб. 1904, стр. 149.

³⁴ Дорога от Ростова Великого до Москвы не могла занять менее двух дней. После приезда в Ростов кн. Ф. С. Мезецкий отправил рассыльщиков по станам с грамотами, дождался их возвращения и после этого пробыл там еще неделю.

³⁵ Не имеет датирующего значения именование Ивана IV великим князем (см. док. № 14). Хотя венчание его на царство и произошло 16 января, титул царя не сразу утвердился в документации (ср. док. № 13).

³⁶ См. А. И. Козаченко. К истории великорусского свадебного обряда. «Советская этнография», 1957, № 1.

³⁷ Ю. К. Бегунов. Повесть о втором браке Василия III. «Труды» Отдела древнерусской литературы. Т. XXV. М.-Л. 1970, стр. 117.

Аналогично обстояло дело при подготовке свадьбы Ивана IV. На места рассылались комиссии, состоявшие из членов двора и дьяков с их подьячими (см. док. №№ 4, 12). Состав дворовых был весьма представительен: в комиссии включались думные чины (окольничие И. И. Беззубцев, И. Д. Шеин), титулованные аристократы, давно занимавшие высшие должности в государственном и военном аппарате (князья Ф. А. и П. А. Куракины, С. Ф. Алабышев, И. С. и Ф. С. Мезецкие)³⁸, относительно молодые лица из тех старомосковских боярских родов, чье положение укрепилось после казней и опал лета 1546 г. (блестящая карьера В. В. Морозова и Б. И. Салтыкова началась в это время). В отдельных случаях комиссия пополнялась представителями администрации на местах — в Великом Новгороде ее составляли наместники бояре кн. Ю. М. Булгаков и В. Д. Шеин, а также присланный из Москвы окольничий И. Д. Шеин. Смотру подлежали «дочери-девки» князей и детей боярских (как дворовых, так и городских), феодалов, служивших церковным иерархам (док. №№ 5—7, 10). Большинство членов двора, надо думать, представляли своих дочерей на смотр в Москву, и в первую очередь те, которые несли во время смотра придворную службу. На местах же комиссии осматривали «девок» тех дворовых, которые находились в своих вотчинах и поместьях или же на «городовых службах». Но таких, судя по отпискам (док. №№ 6, 7), было немного. Возможно, что смотру подлежали и дочери горожан (конечно, из верхушки). Они, быть может, подразумевались в словах «городские люди» (док. №№ 6, 7), хотя не исключено, что этот термин мог иметь в виду феодалов, постоянно проживавших в городах.

Из отписок видно, что сие мероприятие не пользовалось успехом. И это понятно: шансы попасть в избранницы были невелики, а демонстрировать членам комиссии лишний раз достоинства и недостатки своих дочерей (учитывая затворнический образ жизни женщин в то время) вряд ли кто стремился. Надо учесть при этом и различные житейские факты, затруднявшие смотр невест в городах, — болезнь родителей (прежде всего отца), отсутствие их в момент смотра в вотчине, трудности дорог и быстрых сборов (для приезда в уездный город) и т. п. К тому же большинство заинтересованных лиц (а ими были в первую очередь члены «государева двора») скорее всего направлялись со своими дочерьми в Москву. Из переписки членов комиссий и центральных московских ведомств видно, что не воздействовали даже угрозы царской опалы на ослушников. Объяснение этому можно дать только предположительное. Во-первых, членам комиссий — при их немногочисленности и спешности смотра — практически сложно было установить всех тех феодалов, которые действительно имели дочерей брачного возраста и находились во время работы комиссии в своих владениях. Во-вторых, ослушавшиеся правительственных распоряжений и даже подвергшиеся опале могли рассчитывать на скорое прощение. Ведь все «царские радости» (то есть свадьбы и рождения детей в правящей фамилии) обычно сопровождались широкой раздачей чинов, наград и амнистий (в том числе опальным).

Любопытны условия отбора невест. Принимались во внимание возраст, внешние данные претенденток, состояние здоровья (и невест и их родителей), их происхождение. В отписи (док. № 8) члены комиссии подробно описали фигуру (княжна А. Гундорова была «телом равна, ни тонка, ни толста»), лицо (форма носа, цвет глаз и волос) и историю болезней претендентки. Тщательно учитывалось ее родство (происхождение матери и мачехи; брачные связи ее родных сестер и братьев). Собирались сведения о здоровье родителей. Какое значение придавалось родственным связям кандидатов, видно из «памяти» И. В. Ляцкому (док. № 1). Ему предписывалось «беречи накрепко» и «пытати тайно» о возможном родстве претенденток с Щенятевыми и Плещеевыми. Исключение допускалось, видимо, только в одном случае, когда «девка... добра» и «далече от того роду». Подобные сведения вводят в закулисный мир ожесточенной политической борьбы различных группировок «государева двора» в середине 20-х годов XVI века. Почему государева немилость была столь сильна в отношении этих двух фамилий, сказать при нынешней степени изученности политических

³⁸ Видные воеводские назначения кн. И. С. Мезецкий начал получать с 1515 г. («Разрядная книга 1475—1598 г.г.». М. 1966, стр. 56; далее—РК), князья С. Ф. Алабышев и Ф. С. Мезецкий — с 1515/1516 г. (РК, стр. 59), кн. Ф. А. Куракин — с 1535/1536 г. (РК, стр. 90), кн. П. А. Куракин — с 1539/1540 г. (РК, стр. 98).

коллизий того времени не представляется возможным. А. А. Зимин связывает опалу М. А. Плещеева с событиями 1525 г. и службой некоторых членов этой фамилии удельному дмитровскому князю Юрию Ивановичу³⁹. С данным наблюдением пока трудно согласиться хотя бы потому, что М. А. Плещеев в последний раз упомянут в разрядах в 1522 г. (а не в 1533 г., как пишет А. А. Зимин), а это слишком удалено от перипетий дворцовой борьбы в 1525 году. Еще раньше исчезают упоминания о других Плещеевых в официальной документации. К тому же служба рода Плещеевых во дворе дмитровского князя началась, по-видимому, еще во втором десятилетии XVI века. Должно быть, не случайно, что и кн. М. Д. Щенятев фигурирует в разряде в последний раз перед опалой в 1522 году. Надо полагать, был один момент, который можно связать с явно выраженным недоверием великого князя к названным фамилиям: видные представители и той и другой к 1526 г. оказались в Литве. На рубеже 1510/1511 г. туда бежал И. Т. Юрлов-Плещеев, получивший там значительные пожалования, а после известной битвы под Оршей 8 сентября 1514 г. в литовском плену оказались Д. А. Басман-Плещеев (родной брат М. А. Плещеева) и князя М. И. и Д. И. Булгаковы (двоюродные братья кн. М. Д. Щенятева)⁴⁰.

Публикуемые источники (в сопоставлении со свадебными разрядами) позволяют также точнее представить динамику дворцовой борьбы в 1525—1526 гг. и в 1546—1547 гг., состав соперничавших «партий», их преобладающее значение в определенное время. Но это задача особого исследования.

Документы публикуются по правилам издания источников XVI—XVII веков. Зачеркнутые места актов приведены в примечаниях за одним исключением: зачеркнутые фамилии тех или иных лиц оставлены в основном тексте и оговорены особо. В примечаниях к текстам приказные пометы и сокращения не указаны. Так, в док. №№ 16—17 часто употребляется сокращение «ч» в кружке для обозначения слова «человек». В перечнях лиц, посланных для осмотра невест, находятся приказные пометы следующих видов: над большинством названий городов (док. №№ 4, 12) — «пис[ано]»; над абзацами в док. № 4 — «дана запись и грамоты» и пока не расшифрованные «под» и «от». В публикуемых документах слова, зачеркнутые в строке, даны полужирным шрифтом и вразрядку; слова, вписанные над строкой, — вразрядку; слова или текст, позднее вписанные в строку, — полужирным шрифтом; слова или текст, вписанные над строкой, а затем зачеркнутые, — курсивом.

В. Д. Назаров

³⁹ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени, стр. 276—277.

⁴⁰ РК, стр. 68, 69; «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции». Кн. 21. М. 1915. стр. 99. № 131 (ср. стр. 95. № 99); стр. 221, № 353; стр. 296, № 488; стр. 307, № 610; стр. 308, № 612; ЦГАДА, ф. 389, кн. № 7, лл. 1277, 1278.

№ 1

ПАМЯТЬ ОКОЛЬНИЧЕМУ И. В. ЛЯЦКОМУ О СЫСКЕ РОДСТВА НЕВЕСТ

[Декабрь 1525 — начало января 1526 г.]

Да память окольничему Ивану Васильевичу да дянку Тимофею Клубову. Беречи ему¹ того накрепко и пытати о том собе тайно, чтоб которой девке не было в племяни Щенятевых и Плещеевых. Того Ивану и Тимофею беречи накрепко. А хоти будет девка и добра, а будет хоти мало в племяни Щенятевым и Плещеевым — и Ивану и Тимофею тое девки смотрити, да отписати к великому князю, какова девка рожаем, и в колько лет, и какова ростом, и сколь далече от того роду, и по отцу ли племя или по матери.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 58.

Приказной черновик.

¹ «Ему» исправлено из «ним».

№ 2

ПАМЯТЬ КН. И. В. НЕМОМУ ТЕЛЕПНЕВУ ОБОЛЕНСКОМУ С РОСПИСЬЮ ЛИЦ,
НАЗНАЧЕННЫХ В КАРАУЛЫ НА ВРЕМЯ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

[Середина января 1526 г.]

Память князю Ивану Васильевичу. У дверей у Западные полаты, что от Постельные избы брусяные быти Борису Ступишину. А промеж полат на крыльце у дверей быти Левке Давыдову да Бакаке Митрофанову. А у дверей Западные полаты, что от Средние полаты быти Михалю Ступишину да Ивашку Горбатову. А у лесницы, мимо Западную полату, быти Ивашку Семенову сыну Ступишину да подьячему Шемету Воробьеву. А к леснице, к Лазарю святому от сенника быти Данилу да Тимофею Клобуковым.

На обороте вверху: Телепневу.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 17.
Приказной черновик.

№ 3

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV ПСКОВСКОМУ НАМЕСТНИКУ
КН. И. И. ПРОНСКОМУ С ВЫЗОВОМ В МОСКВУ

18 декабря 1546 г.

От великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в нашу отчину во Псков наместнику нашему князю Ивану Ивановичю Пронскому. Как тебе ся грамота придет — и ты б часа того поехал к Москве и со княгинею. А в которой день изо Пскова поедешь, и в которой день начашся к Москве быти — и ты б о том к нам отписал с сем же гонцом. Писана на Москве лета 7055 декабря 18.

На обороте: Сякову грамоту взял князь Михайло Васильевич Глинской, а послал ее, сказывал, с своим человеком с Неверком декаб[р]я 18 ж[е].

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 2.
Приказной черновик.

№ 4

РОСПИСЬ ЛИЦ, ПОСЛАННЫХ В ГОРОДА ДЛЯ СМОТРА НЕВЕСТ
(отрывок)

[12—18 декабря 1546 г.]

На Коломну, и на Коширу, и в Серпухов, и в Торусу окольных Иван Иванович Беззубцов да дьяк Иван Выродков, Дмитрий Горин, Василий Беречинской, да подьячий, да дьяк Посник Путятин.

В Боровеск, и в Колугу, и в Козелеск, и в Воротынеск князь Федор Андреевич Куракин да дьяк Чюдин Митрофанов, Шершень Билибин.

В Можаяск и на Волок князь Семен Федорович Алабышев да дьяк Истома Чертовской.

В Вязьму и в Дорогобуж князь Иван Семенович Мезецкой да дьяк Федор Огарев, Гаврило Щенок.

Во Тферь и в Торжек Борис Иванович Салтыков да дьяк Федора Левонтьев, Гаврило Северицын.

На Кострому князь Борис Дмитриевич Щепин да дьяк Невежа Копнин.

В Переславль князь Дмитрий Дмитриевич Щепин да дьяк Василий Колзиков, Дмитрий Горин, Поспел Лебедев.

В Ростов и в Ярославль князь Федор Семенович Мезецкой да дьяк Посник Путятин, Дмитрий Горин.

В Володимир, в Суздаль, в Юрьев князь Петр Андреевич Куракин да дьяк Гаврило Тыров.

В Муром, в Новгород в Нижней князь Петр Семенович Янов Ростовской да Иван Кузьмин.

На Углич и в Бежитцкой Верх Володимир Васильевич Морозов да дьяк Дурак Мишури, да Степан Скрыпов.

А в Новгород в Великой окольничей Иван Дмитриевич Шеин.
В Торопец...¹.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 2,
лл. 6—7.
Приказной черновик.

¹ Здесь документ обрывается.

№ 5

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV КНЯЗЬЯМ И ДЕТЯМ БОЯРСКИМ
БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИНЫ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ ОБ ИХ ПРИЕЗДЕ В НОВГОРОД
С ДОЧЕРЬМИ ДЛЯ СМОТРА НЕВЕСТ

[12—18 декабря 1546 г.]

От великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в нашу отчину в Великий Новгород в Бежитцкую пятину от Новагорода верст за сто и за полтора с[та] и за двести князем и детем боярским. Послал еси в свою отчину в Великий Новгород окольничево своего Ивана Дмитриевича Шеина, а велел еси бояром своим и намесником князю Юрию Михайловичю Булгакову да Василью Дмитриевичю да окольничему своему Ивану¹ смотрити у вас дочерей девок нам невесты. И как к вам ся наша грамота придет, и у которых у вас будут дочери девки — и вы б с ними часа того ехали² в Великий Новгород, а дочерей бы есте у себя девок однолично не таили, повезли бы есте в Великий Новгород часа того не мотчая. А которой вас дочь девку у себя утайт и к бояром нашим и к намесником ко князю Юрию Михайловичю и к Василию Дмитриевичю и к окольничему нашему к Ивану не повезет — и тому от меня быть в великой опале и в казни. А грамоту посылали меж себя сами не издержав ни часу.

На обороте вверху: Положити в свадебной ящик; внизу — пис[ано] в Бежитцкую пятину — 3, в Обонежскую — 3, в Вотцкую — 3, в Шелонскую³, в Деревскую — 3.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 1.
Приказной черновик.

¹ Далее зачеркнуто: «розослати свои грамоты от Новагорода верст за полтораста и за двесте, а велел им у вас девок дочерей ваших смотрити».

² Далее зачеркнуто: «в нашу отчину».

³ Здесь пропуск числа грамот.

№ 6

ОТПИСЬ КН. Ф. С. МЕЗЕЦКОГО И ДЬЯКА Д. ГОРИНА ИВАНУ IV
С ИЗЛОЖЕНИЕМ ХОДА СМОТРА НЕВЕСТ В РОСТОВЕ И
РОСТОВСКОМ УЕЗДЕ

Около 31 декабря 1546 г.

Государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии [холопи] твои Федорец Мезецкой да Митька Горин челом быют. Ве[лено], государь, нам, приехав в Ростов свои¹ государевы грамоты роз[ослать] в Ростовской уезд ко князем и к детем боярским, [а на]завтее, государь, велел еси розослати нам свои грамоты в Ростовской уезд. И мы, государь, по твоему государеву наказу твои государевы грамоты в Ростовской уезд ко князем и к детем боярским розослали, а назавтее, государь, в Ростовской ж уезд розослали есмя свои грамоты по твоему ж государеву наказу. И которых есмя, государь, розсылщиков с твоими государевыми грамотами и своими грамотами посылали, и те, государь, розсылщики все к нам в Ростов съехались. И после того есмя, государь, жили в Ростове неделю, и к нам, государь, из Ростовского уезду не бывал никаков человек. А сказали, государь, нам — у князя у Петра да у князя у Ивана у Яновых их дочери. И у тех есмя, государь, смотрили. Да и у владычных есмя, государь, детей боярских и у городцких людей смотрили ж. И велел еси, государь, из Ростова мне, холопу своему Федорцу, отпустить к себе на Москву диака своего Дмитрея Горина. И мне, государь, холопу твоему государеву, диака твое-

¹ Ошибка, надо — «твон».

го из Ростова отпустить было к тебе, ко государю не с чем. А нынеча есмя, государь, по твоему государеву наказу поехали в Ярославль.

На обороте вверху: — [Г]рамоты присыльные о девах; в середине — Государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии; Лета 7055 декабря 31 д[ень] з Доможиром с Витовтовым.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 3, л. 55.
Подлинник.

№ 7

ОТПИСЬ КН. И. С. МЕЗЕЦКОГО И ДЬЯКА Г. ЩЕНКА БЕЛОГО О ХОДЕ
СМОТРА НЕВЕСТ В ВЯЗЬМЕ И ВЯЗЕМСКОМ УЕЗДЕ

Около 2 января 1547 г.

Государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии холопи твои Иванец Мезецкой да Щенок челом бьют. Послал еси, государь, нас в Вязьму, и мы, государь, приехав в Вязьму, твою государеву грамоту послали в Вяземской уезд князем и детем боярским в станы и в волости, да и свои есмя, государь, грамоты по твоему государеву слову послали во все станы и в волости ко князем и детем боярским. И мы, государь, живем в Вязьме две недели, а ни один князь или сын боярской сами у нас не бывали и дочерей своих к нам не везут. А у городцких, государь, людей дочерей таковских нет, люди все молоды, не дородны. А смотрили есмя, государь, дочери у князя Василья у княж Иванова сына Гундорова. И какова, государь, княжна рожеем и леты — и мы, государь, к тебе послали тому список за своими печатями с подьячим с Устюгом. А сами есмя, государь, поехали в Дорогобуж генваря в 2 день. На обороте: Государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 56.
Подлинник.

№ 8

ОТПИСЬ О СМОТРЕ КНЯЖНЫ А. В. ГУНДОРОВОЙ,
ДОЧЕРИ КН. В. И. ГУНДОРОВА

Около 2 января 1547 г.

По государя великого князя Ивана Васильевича всеа Русии приказу в Вязьме князь Иван Мезецкой да дворцовой дьяк Щенок смотрили у князя Василья у княж Иванова сына Гундорова дочь его. Княжна Овдотья, а лет ей 12, телом ровна, ни тонка, ни толста, очи находили на черно, нос по лицу не долог, волосы темнорусы. А про болезнь князь Василей сказал, что дочь его Овдотья была в робячестве огновою больна, а нынече дал бог болезни нет.

А мать ее была княгини Фетинья Григорьева дочь Полуехтовича Бутурлина. А сестры ее родные Стефанида за Горяином за Прокофьевым сыном Деметьева. А другая сестра ее Огрофена за Офонасьем за Ондреевым сыном Годунова. А братья ее — князь Иван, князь Давыд, князь Федор. А мачеха у ней княгини Орина княж Семенова дочь Звенигородского. А братья у мачехи — князь Иван, да князь Федор, да князь Голова княж Семеновы дети Звенигородцкого.

А сам князь Василей ношкой болен от Николина дни от осеннего от нынешнего. А инога недугу и болезни в отце и в матери не бывало.

На обороте: Сесь список дати государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 57.
Подлинник.

№ 9

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV ОКОЛЬНИЧЕМУ И. И. БЕЗЗУБЦЕВУ
С РАСПОРЯЖЕНИЕМ О ВЫПОЛНЕНИИ ПОРУЧЕННОГО ДЕЛА
ОДНОМУ ИЗ-ЗА БОЛЕЗНИ ДЬЯКА П. ПУТЯТИНА

3 января 1547 г.

От великого князя Ивана Васильевича всеа Русии окольникову нашему Ивану Ивановичу Беззубцову. Писал еси к нам, что послан с тобою для нашего дела дьяк наш Посник Путятин. И ныне Посник Путятин рознемогся и с тобою нашего дела де-

лати некому¹. И ты бы наше дело делал один по нашему наказу. Писана на Москве лета 7055 генваря 3² день.

На обороте: С Ывановым человеком с Старым.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 4.
Приказной черновик.

¹ Далее зачеркнуто: «и будет Посник болен».

² Цифра 3 исправлена из 2.

№ 10

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV В ВЯЗЬМУ И ДОРОГОбУЖ КНЯЗЬЯМ И ДЕТЯМ БОЯРСКИМ ДВОРОВЫМ И ГОРОДОВЫМ С ПОВТОРНЫМ РАСПОРЯЖЕНИЕМ ОБ ИХ ПРИЕЗДЕ С ДОЧЕРЬМИ ДЛЯ СМОТРА НЕВЕСТ, ПОД УГРОЗОЙ ОПАЛЫ

4 января 1547 г.

От великого князя Ивана Васильевича [ча] всеа Русии в Вязьму и в ДорогОбуж князем и д[е]тем боярским дворовым и городовым. Писал к нам князь Иван Семенов [ич] Мезецкой да дворцовой дьяк Гаврил [о] Щенок, что к вам послали наши грамо [ты] да и свои грамоты к вам посылали по нашем [у слову], что [бы] есте к ним ехали з дочерьми своими, а велел есми им смотрити у вас дочерей себе невесты¹. И вы дей к ним не едете и дочерей своих не везете, а наших грамот не слушаете. И вы то чините не гораздо, что наших грамот не слушаете. И вы б однолично часа того поехали з дочерьми своими ко князю Ивану Семеновичю Мезецкому да к дворцовому дьяку к Гаврилу к Щенку. А которой вас к ним з дочерьми своими часа того не поедет — и тому от меня быти в великой опале и в казни. А грамоту посылайте меж себя сами, не издержав ни часу. Писана на Москве лета 7055 генваря 4.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 5.
Приказной черновик.

¹ Далее вписано над строкой и зачеркнуто: «и вы дей наших грамот не слушае [те]».

№ 11

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ИВАНА IV КН. И. С. МЕЗЕЦКОМУ И ДЬЯКУ Г. БЕЛОМУ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ О РАССЫЛКЕ «ДРУГИХ» ГРАМОТ КНЯЗЬЯМ И ДЕТЯМ БОЯРСКИМ С ТРЕБОВАНИЕМ ИХ ПРИЕЗДА С ДОЧЕРЬМИ ДЛЯ СМОТРА НЕВЕСТ, ПОД УГРОЗОЙ ОПАЛЫ

4 января 1547 г.

От великого князя Ивана Васильевича всеа Русии князю Ивану Семеновичю Мезецкому да дво [р]цовому дьяку Гаврилу Васильеву. Писали есте к нам, что есте наши грамоты в Вязьмѣ и в Дорого [б]уже ко князем и к детям боярским розослали да и свои грамоты к ним по нашему слову посылали, чтобы к вам з дочерьми своими ехали. И князи и дети боярские к вам з дочерьми своими не едут, а наших грамот не слушают. И мы к ним послали другие свои грамоты с [опа]люю, а велели им и з дочерьми своими к вам ехати часа того. И вы б к ним наши грамоты розослали часа того, да и от себя грамоты п [о]слали по нашему слову часа того, а велел [и] им к себе¹ ехати и дело б есте наше делали по нашему наказу. Писана на Москве лета 7055 генваря 4.

На обороте вверху: Генваря 4 з Гавриловым подьячим с Устѣюгом] с Архимпом.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 6.
Приказной черновик.

¹ Далее зачеркнуто: «з дочерми своими».

№ 12

РОСПИСЬ ЛИЦ, ПОСЛАННЫХ В ГОРОДА ДЛЯ СМОТРА НЕВЕСТ,
И ГОНЦОВ, ОТПРАВЛЕННЫХ К НИМ (отрывок)

[Около 9 января 1547 г.]

...шко Микитин сы[н] Шопко[в]. [Шоп]ов взя[л] грамоту к себе.

В Переславль князь Дмитрий Дмитриев Щепин да Поспел Лебедев — по них послан Горина подьячей Онтипа Гридин.

В Ростов и в Ярославль князь Федор Семенович Мезецкой да дьяк Дмитрий Горин — и по них послан Горина подьячей Онтипа Гридин.

В Володимер, в Суздаль, в Юрьев князь Петр Андреевич Булгаков да дьяк Гаврило Тыртов — а по них послан подьячей Гаврилов Василий Нечаев.

В Муром, в Новгород в Нижней князь Петр Семенович Янов Ростовский да Иван Кузьмин — а по них послан москвитин Арбуз Трескин.

На Углич и в Бежитцкой Верх Володимер Васильевич Морозов да Степан Скрыпов — а по них послан москвитин Молчан Судокон.

А в Великий Новгород окольников Иван Дмитриевич Шеин — послан по него Оврам¹ Качабаров сын Погожево генвар[я] 9.ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 2, л. 8.
Приказной черновик.¹ Можно прочитать: «Орап».

№ 13

ПАМЯТЬ КАЗНАЧЕЯМ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ О ПОДГОТОВКЕ СОБОЛЕЙ
И СОБОЛЬИХ ШУБ К СВАДЕБНЫМ ТОРЖЕСТВАМ

29 января 1547 г.

Лета 7055 генваря 29 дня память великого князя казначеем. Готовити им на место сто два сорока¹ соболей да сорок, которым опахывать, да сорок, на котором венчати, да шестью десятей соболей на осыпало, да к постеле в сенник по углам по соболю, да по одному подложить, да две шубы соболий нагольные, которым быть на свахе у постели.

ЦГАДА, ф. 156, оп. I, № 2, л. 3.
Список третьей четверти XVIII в.¹ Ошибка, надо: два сорока.

№ 14

ПАМЯТЬ С ДОКЛАДОМ ИВАНУ IV ПО ВОПРОСАМ НАЗНАЧЕНИЯ
НА РЯД СЛУЖБ ВО ВРЕМЯ СВАДЕБНЫХ ТОРЖЕСТВ И С ЗАПИСЬЮ РЕШЕНИЯ
ПО ПЕРВОМУ ИЗ НИХ

[Конец января 1547 г.]

Доложити государя великого князя — комку¹ камка нести за князем Дмитрием Бельским и кому другая камка нести за Шуйским, на которых венчати?Х короваем дьячи жены — Федора Огарева, Василья Колзакова, Федур^ы Леонтьева — которым ис тех государь укажет? А были две.

А сидел у короваев дворцовой дьяк Семен Бурмасов — и ныне Федура пригоже ли? Как государь велит?

Вь друшках быти во княж Иваново место быти князь Ивану Турунтаю. А камки носити Шемякич сын князь Иван за Бельским. А за Пронским камка носити князь Семе[ну] княж Данилову сыну Пронскому.

ЦГАДА, ф. 156, оп. I, № 106.
Приказной черновик.¹ Ошибка, надо: кому.

№ 15

СПИСОК ДЬЯКОВ

[Конец января 1547 г.]

Дьяки.

Чюдин Митрофанов⁺; Офонасей Морин; Дмитрий Горин; Дурак Мишури⁺н; Одионец;
Невежа Копнин; Василей Колзаков; Шершень Бил[и]бин; Посник Путятин; Федор

¹ Здесь и далее в подлиннике над некоторыми именами поставлен знак +.

Огарев; Третьяк Левонтьев; Иван Выродков; Юрьи Сидоров; Истома Чертовской; Пух Тетерин; Чура Руделев; Федор Баграков; Гаврило Тыртов; Угрим Львов²; Щонок; Гаврило Северицын; Иван Кузьмин; Борис Шекин; Некл[ю]д Коширской; Григорей Мельников; Лева Брянцов; Черныш; Поспел; Степан Скрыпов; Игнатей Дюпин; Изгорода Билибин; Иван Бурцов; **Давыд Дуров.**

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 2, л. 14.
Приказной черновик.

² Далее оставлены чистыми две с половиной строки, перечень же продолжен другим писцом.

№ 16

РОСПИСЬ ЛИЦ, НАЗНАЧЕННЫХ В КАРАУЛЫ В КРЕМЛЕ
НА ВРЕМЯ СВАДЕБНЫХ ТОРЖЕСТВ

[Конец января 1547 г.]

Розпись, кому где быти по крыльцом и в дверех.

В Каменных сенех у дверей Средние полаты 2 человека — Чюдин Митрофанов, да Микита Малой, Иван Клобуков. Да в Каменных же сенех в дверех к Столовой избе 2 человека — Шершень Билибин да Тимофей Горышкин, Василей Калзаков, Тимофей Горышкин. А в других дверех в тех же сенех против Средние лесницы на площадь 2 человека — Дмитрией Горин, Истома Чертовской. К дверем из сеней в Западную полату 2 человека — Офонасей Морин, да Ива[н] Выродков; да Пух Тетерин.

А у дверей из Западные полаты на Постельное крыльцо и у других дверей с Постельнаго крыльца на передние переходы 2 человека — Федор Огарев да Иван Клобуков, Микита Казаринов. У сенных дверей перед Постельною избюю быти и у дверей нижние лесницы и по Постельному крыльцу смотрити 2 человека — Петр Федчишов да Третьяк Левонтьев, да Офонасей Сатин.

А у дверей сквозе полату к великой княине хоромам к обоим дверем¹ — дети боарские великие княгини. А у задних сенных дверей Михайло Цыплятев да с ним 2 человека. А у великие княгини у других хором быти и по крыльцу великие княгини смотрити к Рождеству Пречистые² — дети боарские великие ж княгини.

А у решетки с Повареннаго дворца к великой княгини хоромам быти да на заднее крыльцо великие княгини 3 человека³ — дети боарские великие ж княгини.

А у решетки, что с Постельного крыльца на дворец быти и к нижней решетки под переходы 2 человека — Дмитрией Горин да Микифор Хвоцынской, Василей Семенов сын Ступишин да Щенок Белого.

А у другие решетки, что к Рождеству Пречистой з дворца от Спаса 2 человека — Василей Калзаков да Володимер Ларивонов, Пух Тетерин, Василей Ступишын да Щенок Белого, Дмитрией Горин да Никифор Хвоцынской. У Спаса сидеть, не пропускать мимо сенник 2 человека — Невежа Копнин. А у Рождества Пречистые на земле⁴ стеречи к сеннику ж 2 ж человека — Федор Баграков.

У ворот, которые под переходы з дворца на площадь 2 человека — Иван Кузьмин да Черныш.

А на переходных переходах на Красном крыльце быти и к средней леснице и к Благовещенью смотрити по крыльцу 2 человека — Гаврило Тыртов, да Северицын, да Матфей Козодавлев, да Салтанец Засецкой.

А от Столовой избы по крыльцу к Набережной полате и у дверей к чердаком

¹ Далее зачеркнуто: «2 человека — Тимофей Горышкин да с ним два сына боарских великие княгини».

² Далее зачеркнуто: «2 человека — Ондрей Языков да Федор Марков да с ними 2 сына боарских».

³ Далее зачеркнуто: «Дятел Мошков да с ним два сына боарских».

⁴ Далее зачеркнуто: «а по конец погребя малого».

2 человека — Яков Щелкалов да Северицын. У решетки з дворца мимо Столовую избу
2 человека — Василей Калзаков, Ищеа Кузминской да Бориско Щекин.

А с площади у решетки быти мимо полату 2 человека — Постник Путятин да
Юрьи Морин, Тферитин Низовцов. А у средней лесницы у решетки быти 2 чело-
векам — Степан Скрыпов да Изгорода Билибин. А у дверей, что к Благовещенью с
площади в паперть быти 2 человека — Чюра Руделев да Юрьи Сидоров, Ва-
силей Беренчинской, Иван Низовцов да Лева Брянцов. А у других дверей
в паперти на крыльцо и х Казенным дверем 2 человека — Чюра да Юрьи Сидоров.

А у Архангела быти и смотрити по площади по всей⁵ 4 человека — Борис По-
гожево, Семен Васильчиков, Василей Беренчинской да Щенок, Мякхой
Битяговской. К трои воротам, ко Фроловским, к Ризположенским, к Нижним, к двум
по 2 человека, а к нижним — 4 человека. Ко Фроловским — Никифор Дубенской да
Гридя Мельников, Неклюда Коширск[о]й, Игнат Дюпин, Митя Ковезин. А
к Ризположенским — Григорей Головленков да Поспел Лебедев да Митя
Онанын. А к Нижним воротом — Угрим Львов, Кочерга, Гридя Мельников, Иван
Бурцов.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 2, лл. 9—13.
Приказной черновик.

⁵ Далее зачеркнуто: «и по воротам надзирати».

№ 17

ПЕРЕЧНИ ЛИЦ, ПОЛУЧИВШИХ РАЗЛИЧНЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ НА ВРЕМЯ СВАДЕБНЫХ ТОРЖЕСТВ

[Конец января 1547 г.]

У дела — князь Юрьи Шемякин, Олексей Скрыбин, Степан Морозов, князь Оп-
тон Ромодановского, Иван Яковль сын Чеботова, князь Федор Сисеев.

Со князь Юрьем — Иван Колычев, Семен Васильев сын Яковля, князь Алек-
сандр Прозоровского, князь Федор Сисеев, Иван Иванов сын Чюлков, Степан Морозов.
На обороте: Столников всех 28¹ человек, из них² написано к великого князя
слово 6³ человек, а со князем Юрьем ездят 7⁴ человек.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 2, л. 15,
Приказной черновик.

¹ Цифра исправлялась, возможно, из 22.

² Далее зачеркнуто: «вышло».

³ Цифра неоднократно исправлялась.

⁴ Видимо, описка, правильно — 6.

№ 18

ПАМЯТЬ НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ С ТЕКСТОМ ПРИГЛАШЕНИЯ НА СВАДЕБНЫЙ ПИР КНЯГИНИ М. БЕЛЬСКОЙ

[Около 3 февраля 1547 г.]

Память. Звати ему от великого князя на свадьбу на четверг хлеба ести княж
Дмитреву Федоровичя Бельского княгиню Марфу. А молвити — царь и государь и ве-
ликий князь Иван Васильевич всея Руси велел тебе говорити, чтобы еси у нас на
нашей радости на свадьбе в четверг хлеба ела.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 8.
Приказной черновик.

№ 19

ЧЕЛОБИТНАЯ КНЯГИНИ А. ПЕНКОВОЙ ИВАНУ IV О НЕВОЗМОЖНОСТИ ПРИЕЗДА В МОСКВУ С ДОЧЕРЬЮ ИЗ-ЗА БОЛЕЗНИ ПОСЛЕДНЕЙ

[Октябрь 1547 г.]

Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси княж Василье-
ва жена Пенкова Анна челом бьет. Велел еси, государь, мне быти на Москву з до-
черью з девкою за десять день до Дмитреева дни. И по грехом, государь, по моим до-
чи моя больна, весть е[е], государь, не мочно.

На обороте: Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси.

ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. II, № 5, л. 3.
Подлинник.

СТРАНИЦЫ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО ЕГИПТА *

И. П. Беляев

На первом этапе египетской революции осуществленные ею преобразования — аграрная реформа, начавшаяся индустриализация, перестройка системы начального и среднего образования, ликвидация монархии, запрет деятельности помещичье-буржуазных политических партий, разгон старого парламента, в течение многих лет бывшего ширмой, прикрывавшей хозяйничанье англичан, заключение нового англо-египетского соглашения об эвакуации зоны Суэцкого канала — все эти и другие меры служили интересам всей египетской нации. Новой власти рукоплескали как трудящиеся, так и имущие классы, что позволяло Насеру использовать поддержку, по существу, всего народа. По признанию некоторых инициаторов июльской революции, период 1952—1956 гг. был самым успешным из всего, что за свою непродолжительную жизнь пережил Насер. В этом суждении, конечно, много субъективного. Представляется, однако, что опора Насера на весь народ Египта в первые годы египетской революции была очевидной. Авторитет его как лидера крупнейшей арабской страны неизменно рос.

Возможно, именно это обстоятельство послужило причиной того, что в тот исторический период Насер не сумел оторваться от своих ошибочных представлений о египетском обществе, отрицал существование классов и классовой борьбы.

Наивно? Но закономерно. Ведь революция в первые годы после военного переворота 23 июля 1952 г. действительно защищала интересы всего народа Египта. Правда, рабочий или феллах получали от нее куда меньше, чем египетский буржуа. Однако уход англичан из зоны Суэцкого канала, ожидавшийся тогда с нетерпением, приветствовался всеми и служил интересам египетской нации. Это-то и питало ошибочные представления египетского революционного лидера о египетском обществе. Ему еще предстояло пережить не одну схватку с империализмом и внутренней реакцией, «своей» буржуазией, чтобы сама жизнь внесла поправки в эти представления. Сказывалось и его социальное происхождение. Насер, сын мелкого почтового чиновника, разумеется, никогда не чувствовал себя пролетарием, хотя с первых дней революции все чаще задумывался о положении простого народа Египта. Причем совершенно искренне. Но каждый раз, когда ему приходилось сталкиваться с империалистическими происками на Ближнем Востоке, он, возможно, говорил себе, что время для решения внутренних проблем страны еще не пришло. Столь же возможно, что Насер рассуждал и несколько иначе. Однако его конкретные действия в те годы свидетельствуют о тщательном учете внутривнутриполитической обстановки. Начавшаяся схватка с «Братьями мусульманами» означала, что с частью египетской внутренней реакции молодой глава Египта уже разошелся. Но битва с египетской буржуазией была еще впереди. Также далеко впереди было и понимание Насером таких элементарных с точки зрения марксистов истин, как классы и классовая борьба. Хотя уже в середине 50-х годов тот же Насер все чаще прибегая к сотрудничеству с некоторыми египетскими левыми для того, чтобы уравновесить баланс сил, выступавших «за» и «против» новой власти по тем или иным соображениям.

К началу 1956 г. Насер стал признанным египетским национальным лидером, действовавшим с антифеодалных и антиимпериалистических позиций. Причем его антиимпериализм был настолько твердым и последовательным, что таким деятелям, как Иден и Даллес, приходилось лихорадочно искать выход из создавшегося для Англии и

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1976, № 9.

США трудного положения на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты явно не спешили со вступлением в Багдадский пакт, так как рассматривали его прежде всего как инструмент английской политики на Ближнем Востоке, несмотря на соблазн использовать пакт в качестве связующего звена между НАТО и СЕАТО. Луис Джерсон, автор монографии о Джоне Ф. Даллесе из серии «Американские государственные секретари и их дипломатия», замечает: «Англия присоединилась к Багдадскому пакту 5 апреля 1955 года. Несколько позднее, в том же году, то же самое сделали Пакистан и Иран. Все члены пакта настаивали на присоединении Соединенных Штатов к пакту. Даллес посылал наблюдателей на заседания Совета пакта и согласился на оказание пакту военной помощи, но отказался сделать Соединенные Штаты его полным членом. Для него присоединение Англии к Багдадскому пакту явилось сюрпризом; он, возможно, не хотел, чтобы Лондон становился членом пакта. Совершенно очевидно, что Даллес не желал превращать Насера в антагониста США, отчуждать Израиль и способствовать росту антиколониалистских протестов на Ближнем Востоке. Когда событие произошло, отказ Америки присоединиться к пакту не успокоил египтян; поддержка Вашингтон Багдадского пакта оказалась вполне достаточной, чтобы усилить враждебность Насера»¹.

Американцы намеревались предпринять против Насера некую впечатляющую акцию, но с ограниченной целью — заставить его пересмотреть соглашение о поставках советского оружия, а еще лучше — отказаться от них. В случае, если бы США добились своего, они становились арбитром в определении баланса сил на Ближнем Востоке и захватывали возможности решающим образом влиять как на Египет, так и на Израиль. Разумеется, только к собственной выгоде. Началом этой акции была посылка в Каир с особой миссией помощника государственного секретаря Джорджа Аллена, а перед ним Кермита Рузвельта, на которого возлагалась задача оценить обстановку на месте². Обе миссии не достигли цели. Насер стоял на своем; Египет имеет право на защиту своей независимости! Даллесу пришлось отказаться от бесперспективных уговоров. Государственный секретарь США начал использовать против Египта более впечатляющее средство — экономическое давление.

8 мая 1956 г. египетский посол в Вашингтоне Ахмед Хусейн сообщил Насеру, что американцы начинают почти вслух реагировать на некоторые новые шаги Египта. «Даллес заметил мне, — пишет он Насеру, — что Генри Люс³ сказал ему, что Черчилль высказал следующую мысль: если Насер намеревается лишить Англию ближневосточной нефти, он должен уйти. Даллес добавил, — продолжал посол, — что Англия предпринимает максимум возможного для того, чтобы убедить США в опасности политики Насера в отношении Запада и его друзей». Ахмед Хусейн подчеркнул, что, по его мнению, слова Даллеса соответствовали действительности: «Холл, советник британского посольства в Вашингтоне, выступая с публичной лекцией, назвал Насера «врагом Запада номер один!» Что можно было предположить, читая процитированную депешу египетского посла в Вашингтоне? Насер наверняка подумал о заговоре США против него, что с его стороны было вполне естественным⁴. Он воспитывался в стране, в которой британские колонизаторы правили на протяжении 70 лет, приводя к власти одни правительства и низвергая другие. Ныне же происходило острейшее столкновение империализма — английского, французского, американского с национально-освободительным движением арабских народов. В Египте завершался первый, общенациональный этап революции. Старые политические партии были распущены, монархия упразднена; традиционная парламентская демократия, на которую делали ставку англичане, а вместе с ними генерал Нагиб, отвергнута. Только что созданное министерство промышленности Египта разрабатывало план индустриализации, который бы «устроил» все классы египетского общества, в том числе национальную буржуазию. Началась работа по созданию боеспособных вооруженных сил. Ни Насер, ни его ближайшее окружение не предполагали, насколько она сложна, сколь много времени она

¹ L. L. Gerson. John Foster Dulles. N. Y. 1967, pp. 258—259.

² T. Hoopes. The Devil and John Foster Dulles. Boston—Toronto. 1973, pp. 326—327.

³ Генри Люс — издатель широко распространенных американских журналов «Тайм», «Лайф», «Форчун», по политическим убеждениям крайний реакционер.

⁴ Позднее Насер не раз говорил об этом советским журналистам.

может потребовать и какие осложнения вызовет. Однако тот факт, что такая работа началась, да еще с помощью Советского Союза, свидетельствовал, что антиимпериалистическая направленность революции усиливалась.

Против Насера начали открыто действовать не только активные проводники Багдадского пакта — Нури Саид и его сторонники в других арабских странах. Зашевелилась египетская эмиграция в Западной Европе. Вслух заговорили о возможности смены руководства в Египте. Даже называли возможного преемника Насера. Им мог стать либо М. Нахас, лидер Вафда, либо опальный генерал Нагиб. В стране появились листовки, призывавшие выступать против политики Насера. Утверждали, что в решающий момент в дело снова вступят «Братья мусульмане» со своей разветвленной подпольной организацией. У неопытного политического наблюдателя могло сложиться впечатление, что против Насера «восстал чуть ли не весь Египет», хотя положение было принципиально иным. Никогда еще военные в Египте не пользовались таким большим уважением, прежде всего со стороны широких народных масс, и теперь уже не только за изгнание Фарука, роспуск феодально-буржуазного парламента и старых политических партий. Полным ходом осуществлялась аграрная реформа, подорвавшая крупное землевладение. Была провозглашена индустриализация как единственная альтернатива экономической отсталости. Началась упорная битва против социальных болезней и невежества. В Египте, впервые за его послевоенную историю, открывалось по одной общеобразовательной школе ежедневно. Неграмотность, почти поголовная, на которую так рассчитывала внутренняя реакция как на своего естественного союзника, объявлялась врагом народа номер один. Появился лозунг о формировании в долине Нила нового человека, который должен сменить забитого феллаха, долго бывшего символом беспросветной нищеты, жертвы унижающего угнетения. В полный голос заговорили о восстановлении достоинства гражданина Египта.

Насер придавал особое значение этой большой и важной работе. Он не раз говорил о ней в своих речах. Иностранцы, оккупировавшие Египет, сначала французы, потом англичане, в течение многих десятилетий внушали египтянам мысль об их неполноценности, неспособности самим решать свои проблемы, управлять собственным государством. Слишком часто достоинство граждан Египта не воспринималось всерьез, его просто не замечали. Предстояло возродить его, вытравить из душ страх перед всемогущим империализмом. Сделать это было сложно. Только призывы к достоинству египтян явно не хватало. Ведь каждый из них по-своему реагировал на происходящее как в родной стране, так и во всем мире. Иногда самое важное пропусклось через сугубо личное. И здесь тоже речь шла о национальном достоинстве, переживавшем в Египте время возрождения. Необыкновенная сила дальновидной политической кампании Насера давала о себе знать в стране повсюду. Антифеодальная и антиимпериалистическая освободительная революция захватывала все новые и новые области жизни египетского народа.

Появились признаки невиданного ранее укрепления международных позиций Египта, особенно в Африке и Азии. Популярность Насера после Бандунгской конференции 29 афро-азиатских стран в апреле 1955 г. росла стремительно, и это приводило британское правительство в состояние, близкое к политическому отчаянию. Идену казалось, что единственным спасением могла стать только какая-то сокрушающая акция. Тревелиян признался впоследствии, что именно в то время Англия все больше склонялась к использованию насилия против Египта. «Новая страница» в англо-египетских отношениях, как видим, так и не была открыта. Там, где ничего не давала дипломатия, в ход пускались канонерки. Иден отдавал себе отчет в том, что любая акция против Насера могла стать не только английской. Он учитывал неудовольствие «странной политикой» Насера в Вашингтоне. Американцы с самого начала отвергали египетско-советское соглашение о поставках оружия, чем и решил воспользоваться британский премьер-министр. Насер же отдавал себе отчет в том, что против революционного Египта и режима, который он возглавлял, осуществлялась целая система мер, явно империалистических по своему характеру. Все действительно становилось похожим на форменный заговор, задуманный как назидательное возмездие за слишком «строптивую», а по существу независимую политику новых властей Египта. Речь практически шла о заговоре против только что обретенной подлинной политической независимости Египта, возможности для самой большой арабской страны действовать само-

стоятельно. Ведь арабских стран много. Идены очень хотелось, чтобы в Судане, Иордании, Ираке или аравийских княжествах пример Насера был бы воспринят как категорически неприемлемый для подражания⁵.

Насер оставался стратегом, даже перестав быть профессиональным военным. Еще в королевском Штабном колледже египетской армии он внимательно изучал различные военные кампании на Ближнем Востоке и осмысливал политические решения, с ними связанные. Его привлекала мысль ответить на вопрос, в чем состояло могущество англичан, всегда действовавших против своих противников малыми силами и, несмотря на это, одерживавших победы? По мнению Насера, слишком многое заключалось в неплохой стратегии Англии. У нее действительно никогда не было постоянных друзей, как говорил Пальмерстон, зато всегда были постоянные интересы. Для Насера становилось все более очевидным, что новую власть в Египте может упрочить только радикализация антифеодальных реформ внутри страны и подъем антиимпериалистической борьбы. Его сближение с Советским Союзом и другими социалистическими странами еще только начиналось. Он понимал, насколько велика сила мирового социалистического содружества. Насер решил укреплять египетско-советскую дружбу, арабо-советскую дружбу. Она все явственнее представлялась ему стратегической необходимостью для Египта, для всех арабов.

Борьба против империализма на Ближнем Востоке не была однопланова и кратковременна. Она включала в себя в качестве важнейшего элемента схватку с египетской и всей арабской реакцией. И в данном случае сказывалось своеобразие арабского мира. Наряду с египетским революционным режимом в нем существовали реакционные монархии и консервативные республики, что необходимо было учитывать. Насер не ставил перед собой в 1952 г. каких-то далеко идущих прогрессивных целей. Ему очень хотелось способствовать преодолению Египтом его отсталости, упрочению его авторитета в арабском мире. Уже в первые годы революции в своей стране он начал понимать, что решить эти две задачи возможно лишь на пути глубоких социально-экономических преобразований. Аграрная реформа и индустриализация Египта стали началом таких преобразований. Следующими шагами явились установление государственного контроля над развитием национальной экономики и введение плановых начал в это развитие. Уже в 1959 г. СРК принял решение о строительстве высотной плотины на Ниле в районе Асуана. Ее сооружение должно было привести к ликвидации в стране периодических засух и наводнений. Тогда же началось строительство новых культурных центров в египетских деревнях. Их появление способствовало успеху борьбы с неграмотностью в Египте и привитию феллахам интереса к современным методам ведения сельскохозяйственного производства.

Социально-экономические преобразования уже на первом этапе национально-освободительной революции затронули устои египетского общества. Однако, уничтожая пережитки феодализма, они коснулись и египетских капиталистов: от аграрной реформы пострадали крупные буржуа, выросшие на хлопке. И чем дальше Насер поддерживал проведение социальных преобразований, тем больше он убеждался в необходимости освобождения страны от всех форм и оттенков империалистической эксплуатации. Еще во время переговоров с Ллойдом в марте 1956 г. Насер уловил довольно своеобразную постановку вопроса о британских интересах на Ближнем Востоке. Гость из Лондона откровенно говорил, что Англия рассматривает Суэцкий канал как органическую часть ближневосточного «нефтяного комплекса». По каналу действительно перевозилась большая часть нефти, поставляющаяся в Западную Европу из различных стран района Персидского залива. У Насера немедленно появилось контрображение, суть которого была в том, что условия эксплуатации канала должны быть точно такими же, какие существуют в арабской нефтедобывающей промышленности: деление доходов в соотношении 50 % на 50 %.

В то время Международная компания Суэцкого канала уже приступила к переговорам с Египтом о продлении концессионного соглашения, истекавшего в 1968 году.

⁵ Кеннет Лав прямо пишет, что представители английской и американской разведывательных служб (МИ-6 и ЦРУ) после того, как Дж. Ф. Даллес проявил интерес к идее подготовки в Каире антinasеровского переворота (по примеру свержения премьер-министра Мосаддыка в Тегеране в 1953 г.), всевозможными способами рассматривали эту идею (K. L. o v e. Suez. The Twice Fought War. N. Y. 1969. p. 216).

Был создан специальный комитет, начавший изучать предложения обеих сторон. Среди них не было максимальных требований, хотя в конце 1952 г. 4 600 рабочих этой компании направили правительству Египта требование о ее национализации. Весной 1956 г. Насер не был готов принять столь ответственное и смелое решение. Оно появилось спустя несколько месяцев как ответ на явно империалистический шаг Дж. Ф. Даллеса — отмену обещания США предоставить Египту заем на строительство высотной Асуанской плотины⁶. Насер негодовал, когда узнал о демонстративном нежелании США и Англии, а вместе с ними и Международного банка реконструкции и развития предоставить обещанные займы на строительство плотины в Асуане. Речь шла о начале открытого наступления империалистических держав на египетскую революцию. Вопрос для президента стоял более чем определенно: либо Египет выстоит и защитит революцию, либо революция неизбежно будет сокрушена. А вместе с ней падут и сам Насер, и возглавляемая им новая власть.

Утром 20 июля 1956 г. журналист Хейкал позвонил Насеру по телефону и поинтересовался, что будет главным в его речи на предстоящем митинге?

— Строительство Асуанской плотины. Мы построим ее сами, даже если нам придется действовать только лопатами! — Насер не скрывал, что акция Даллеса и Идена его потрясла. Прежде всего своей направленностью заставить Египет отказаться от независимого политического курса, что било по достоинству страны. — Даллес и Иден всегда обманывали Египет. Они вынуждали нас на заключение мира с Израилем на невыгодных условиях, на продление концессии для компании Суэцкого канала и, тоже на явно невыгодных для нас условиях, на вступление в иностранные военные блоки. Единственное, к чему они всегда стремились, заключалось в усилении влияния США и Англии. Мы построим высотную плотину сами, предпримем для достижения этой цели все возможное.

Хейкал спросил президента, помнил ли он об идее разделения прибылей от эксплуатации канала в пропорции 50% на 50% и возможности использования этих прибылей для строительства плотины?

— Почему только половины? — ответил Насер...⁷. В тот же день президент попросил представить ему доклад о вооруженных силах Англии на Ближнем Востоке. Требуемая им оценка была быстро получена. У египтян к тому времени были неплохие отношения с патриотическими силами Кипра. И те сделали максимум, чтобы получить самую достоверную информацию о частях англичан на острове, которые могли бы быть использованы против Египта. То же самое египетская разведывательная служба проделала на Мальте. Для чего все делалось, никто не знал. Всю ночь на 21 июля 1956 г. Насер не спал. Он достал несколько листов белой бумаги и начертил на них нечто похожее на схему военных действий на случай национализации Суэцкого канала. О том, что Насер решился наконец на этот шаг, свидетельствовал и заголовок над схемой: «Если бы я был Иденом»⁸.

Насер записывал: «1. Иден прибегнет к насилию (Насер не ошибся. Замечания Тревелияна довольно точно отразило намерения главы британского правительства. Иден даже не представлял себе ничего другого. Консерваторы недаром слыли приверженцами самых традиционных в английской политике средств воздействия на партнеров, ставших слишком самостоятельными). 2. Насилие примет характер военной акции. Иден прибегнет к насилию потому, что его позиции слабы. Насилие — не признак силы. Что он предпримет? Всеобщее вторжение (в Египет)? Вряд ли. Возможно, Иден попытается ввести в зону канала свои военные силы и таким образом превратить канал в поле сражения. Я запланировал необходимые ответные действия на этот случай. Очень просто: введу в действие конвой судов, двигающихся в противоположном направлении, он встретит вражеские суда лицом к лицу и заблокирует канал. Предпримет ли он (Иден) налет с воздуха? 3. Возможность насилия — 80%. Оно зависит от того, сколько британских солдат готово к немедленной интервенции из района Средиземного моря, Адена, Кипра и Мальты. 4. Наиболее вероятно, что Иден попытается втянуть Фран-

⁶ Н. Hopkins. Egypt. The Unfinished Revolution of the Arab World. L. 1969, pp. 178—179.

⁷ М. Heikal. Nasser. The Cairo Documents. L. 1972, p. 89.

⁸ Ibid., p. 90.

цию в свои действия. Так же реально, что Франция со своей стороны попытается втянуть Идена в свои действия. Однако совершенно определенно, что Франция может участвовать в любых операциях против нас. 5. США будут сохранять молчание, благословляя (действия против нас) «из-под стола». В любом случае они будут ответственны за все действия против нас. Может ли кто-нибудь предсказать влияние возможных событий на предстоящие выборы в Америке? 6. Позиция России (так Насер называл Советский Союз. — И. Б.) будет иметь решающее значение. Скажем ли мы ей о предстоящей национализации Суэцкого канала? Может быть, мы преподнесем ей сюрприз?

(Как видно из схемы, президент Египта однозначно отвечал на вопрос, насколько важной будет позиция Советского Союза. Она будет решающей! Несмотря на то, что в то время империалистические политики стремились этого не замечать. Они продолжали еще мыслить категориями Тройственной декларации 1950 г., а она, как известно, полностью игнорировала роль Советского Союза на Ближнем Востоке. Насер же действовал, учитывая политические и военные реальности, тогда уже существовавшие в этом районе. Роль Советского Союза и других социалистических стран на Ближнем Востоке в середине 50-х годов была уже наиважнейшей. Насер ее признал первым из арабских лидеров. Президент Египта еще не имел достаточного опыта контактов с Советским Союзом. Он еще не предпринял своих поездок в Москву, не встречался с советскими руководителями, а посему не представлял ни политически, ни психологически их возможную реакцию на национализацию Суэцкого канала, хотя заранее могло быть совершенно ясно, что первая в мире социалистическая держава поддержит столь очевидную антиимпериалистическую акцию, исходя из принципов своей внешней политики.)

...Позиция Индии, Цейлона, Пакистана. Можем ли мы связаться с ними после принятия решения?.. Австралия? Безнадежно... Какой будет позиция остальных членов Британского содружества? Какое давление они могут оказать на британское правительство? 7. О О Н. (Проконсультироваться с доктором Фавзи.) 8. Возможность успеха интервенции. Очень трудное предприятие. Но, собственно, в чем же возможности успеха? Могут ли они (англичане) атаковать Александрию со стороны Ливии? Это потребует больших сил, которые должны будут дойти до Каира. Смогут ли они (англичане) обстрелять Александрию с моря, как это сделал адмирал Сеймур в 1881 г.? Наверняка нет. Мировое общественное мнение не допустит ничего похожего, и в любом случае подобная мера не приведет к какому-то результату. Высадка войск и оккупация канала?.. Возможны. Мы нуждаемся в укреплении Восточного командования. 9. Эвакуация Синая. (Переговорить с Хакимом (маршалом Амером. — И. Б.). Оставить там только необходимое число солдат). 10. Израиль. (Участие Израиля в этой операции должно быть исключено. Иден не согласится на него. Израиль может попытаться, но Иден откажется принять его услуги. Он предпочтет сохранить европейский характер операции.)

(Насер не предвидел возможного участия Израиля в интервенции против Египта. В принципе можно было ожидать, что в случае обращения Лондона к услугам израильтян реакция во всех арабских странах была бы негативной. Именно на подобного рода политический «тормоз» рассчитывал Насер, хотя всю свою жизнь считал, что Израильское государство настроено в отношении арабов агрессивно. Руководители Израиля этого не скрывали. Иден возглавлял консервативную партию Великобритании, гордящуюся своими традициями. На Ближнем Востоке их суть сводилась к тому, чтобы в борьбе за сохранение своих интересов в районе (от нефти до обеспечения возможности использовать международный путь из Европы в теплые моря Индийского океана, прежде всего за счет тесных связей с арабскими странами) поддерживать в этих странах реакционные элементы. Насер знал эти традиции, остро чувствовал их влияние на политику английского правительства. Однако он явно недооценивал особенности переживавшегося тогда момента. Имперская политика Великобритании на Ближнем Востоке беспрестанно наталкивалась на непреодолимое препятствие — подъем национально-освободительного движения арабских народов. В этих условиях Иден уже был готов обратиться за помощью к кому угодно. Израиль в его глазах становился наилучшим исполнителем заговора против Египта.)

...11. Национальная гвардия. Где она может быть сконцентрирована? Поставить этот вопрос перед Кемалем эд-Дином Хусейном — командующим Национальной гвардией (в данном случае интересна идея обращения к помощи Национальной гвардии. Насер не исключал, что борьба с происками империализма на Ближнем Востоке этого потребует. Однако это вовсе не означало, что его идея могла бы быть осуществлена, да еще под командованием Кемаля эд-Дина Хусейна). 12. Наиболее подходящее время для интервенции? Она может быть предпринята немедленно. Интервенция может стать прямой реакцией (на национализацию Суэцкого канала). Если Иден отсрочит интервенцию, давление на него возрастет. 13. Можем ли мы выиграть время? (Подготовить письма Тито, Неру и Сукарно.) 14. В состоянии ли Израиль испробовать шанс единолично атаковать Сирию или Иорданию? (Послания сирийцам или иорданцам... Лучше сохранять спокойствие. Мы нуждаемся в детальной оценке со стороны египетской разведывательной службы.) Заключение и резюме. Пик опасности... 80% за то, что интервенция разразится в начале августа. Опасность будет уменьшаться в результате политической активности. Как мы можем превратить политическую ситуацию в «плавающую»? Это может сделать Фавзи. Он эксперт по «текучим» делам. Вторая неделя августа — степень опасности 60%. Третья неделя — 50%, четвертая неделя — 40%. Конец сентября — степень опасности 20%. Можем ли мы выиграть два месяца с помощью политиков? Если преуспеем в этом, то будем спасены. Таким образом, слишком многое зависит от Фавзи».

Утром Насер позвонил Хейкалу. — Как ты находишь некоторые соображения в связи... — Насер изложил Хейкалу 14 пунктов своей схемы. Тот внимательно слушал, набрасывая мысли президента в свой блокнот, благодаря чему они в наше время известны не только посвященным. Конечно, в изложении Хейкала. — Теперь слишком многое зависит от наличных сил англичан, доклад о которых я еще не получил, — заметил Насер⁹. Президент ожидал данных разведки с нетерпением.

24 июля 1956 г. он присутствовал на открытии насосной станции «Мостород» нефтепровода Суэц — Каир. В небольшой речи, произнесенной по этому случаю, Насер подверг критике США за принятое решение о лишении Египта займов для строительства высотной Асуанской плотины. Египтяне сами построят это сооружение, сказал он, даже если им придется использовать только собственные гвозди¹⁰. Достоинство Египта ущемлено! Мысль об этом сквозила в каждом слове президента. Для слушавшей его огромной аудитории (речь транслировалась по радио) отныне было ясно, что их страна не намерена уступать империалистам, какими бы сильными они ни были. Только что, 13 июня 1956 г., из Порт-Саида отплыл последний транспорт с английскими солдатами, стоявшими в зоне Суэцкого канала. Добившись прекращения британской оккупации, народ Египта готовился к новым схваткам с империализмом.

В Англии и США, несмотря на то, что многие английские и американские дипломаты провели в Египте долгие годы и, казалось бы, представляли в деталях особенности этой арабской страны, слова Насера всерьез не воспринимались. Они казались не больше, чем излишним досады в связи с решением о лишении Египта займов. В Лондоне и Вашингтоне ожидали докладов о том, что Насер уступил. Только в этом случае, как казалось тем же англичанам и американцам, справедливость будет восстановлена. Какие-либо контрдействия со стороны Египта ими исключались.

Насер никому не сообщил о своем плане национализации Суэцкого канала. Однако в тот же день, 24 июля 1956 г., президент решил назначить начальника насосной станции, которую он открывал, инженера Махмуда Юнеса главой «группы национализации». После церемонии президент попросил его позвонить к нему в конце дня. Тогда же Насер поделился своим планом еще с двумя-тремя близкими ему людьми, членами СРК. Он попросил их представить ему свои соображения о возможных действиях Идена в случае национализации канала. Вечером Насер вызвал Юнеса к себе домой. Президент рассказал ему о сути своего плана и приказал инженеру разработать подробный проспект действий по захвату контроля над администрацией канала. Основной за-

⁹ Ibid., pp. 89—92.

¹⁰ Ibid.

дачей команды Юнеса он считал предотвращение каких-либо инцидентов. Канал должен функционировать после национализации.

— Представьте мне свои соображения завтра! — закончил Насер свой разговор с Юнесом. Буря на Ближнем Востоке, вызванная империалистическим нажимом на Египет, приближалась¹¹. Ночью президент получил ожидавшуюся им информацию. Она убедила Насера, что Великобритания не располагает в Восточном Средиземноморье достаточными силами для осуществления *немедленного* вторжения. Для того, чтобы подтянуть туда необходимые для такого вторжения войска и десантные средства, Англии потребуется два месяца. На следующий день Юнес появился в доме Насера со своими соображениями и подробно разработанным планом действий. Президент сообщил ему, что во время своей речи в Александрии, в связи с четвертой годовщиной отречения короля Фарука, он произнесет условный пароль — сигнал для начала всех необходимых действий, упомянув имя Фердинанда де Лессепа, французского инженера, строившего Суэцкий канал.

— Если я не упомяну его имени, то все отменяется. — Юнес вместе с тщательно отобранной группой военных и гражданских инженеров отправился в Исмаилию, где находилась штаб-квартира Всеобщей компании Суэцкого канала. Еще два специальных отряда были им направлены в Порт-Саид и Суэц. Они должны были вскрыть врученные их командирам запечатанные конверты точно в момент начала речи президента в Александрии. Внутри они должны были обнаружить еще по конверту. Свой конверт Юнес должен был вскрыть немедленно после упоминания имени Лессепа. За два часа перед тем, как произнести свою речь с балкона Хлопковой биржи в Александрии, Насер созвал экстренное заседание правительства и сообщил министрам о предстоящем объявлении им национализации Суэцкого канала. Многие из них не скрывали, что всерьез обеспокоены той опасностью, которая была связана с предстоящей акцией президента. Никакого формального решения не было принято, что демонстрировало растерянность членов правительства накануне явно рискованного, по их мнению, шага Египта. Насер принял на свои плечи всю политическую ответственность за смелое решение. Послушай он своих министров, Суэцкий канал остался бы тогда у прежних хозяев.

Последнее соображение представляется чрезвычайно важным для понимания события, происшедшего 26 июля 1956 года. Практически и риск национализации канала Насеру тоже пришлось взять на себя. Ведь она могла привести к непредвиденным последствиям. Формально поводом для предстоящей национализации президент объявил жизненную необходимость для Египта изыскать средства для строительства высотной Асуанской плотины. Фактически же речь шла о большем. Суэцкий канал на протяжении почти 90 лет был становым хребтом иностранного господства на Ближнем Востоке и неизбежности английского хозяйничанья в Египте. И то и другое предстояло ликвидировать. Национализация канала представлялась Насеру началом этого неизбежного процесса. Он не сомневался в поддержке предстоящей акции со стороны народа своей страны, всего мира, Советского Союза, международного социалистического сообщества, что укрепляло его уверенность в предстоящем успехе.

Президент Египта терпеливо объяснял министрам, что Англия не сможет предпринять в ответ на национализацию немедленного вторжения. Один из присутствовавших на заседании кабинета министров поставил вопрос о возможном использовании Израиля для достижения британских целей. — Это невозможно, — ответил Насер, — так как приведет к разрушению английских позиций на Ближнем Востоке. Иден знает этот регион очень хорошо, чтобы не совершить подобного рода ошибку. Обращение к Израилю — «табу». Его Англия не сумеет превозмочь.

Кто-то спросил президента о возможном участии Франции в интервенции против Египта.

— Франция настолько сильно занята сейчас в Алжире, — ответил Насер, — что подобная акция для нее сейчас невысказима. Если Англия нуждается в двух месяцах, чтобы собрать необходимые силы, то и Франция тоже нуждается в двух месяцах для подготовки к интервенции. — Насер, как ему показалось, убедил министров, что ему потребуется всего месяц для обеспечения успеха национализации. За это время он

¹¹ K. L o v e. Op. cit., p. 338.

предпримет эффективные политические меры, которые продемонстрируют добрые намерения Египта в отношении всего остального мира.

— Все сложится хорошо! — заключил Насер. Пока президент терпеливо убеждал министров, один из видных египетских юристов, запертый в соседней комнате, работал над окончательным вариантом текста его речи. Насер потребовал от него подготовить официальное заявление о национализации Суэцкого канала, которое он мог бы объявить в конце выступления. Юрист закончил свою работу буквально перед тем, как Насер направился на площадь Манчи, где должен был выступить¹². В жизни Насера наступил третий «поворотный пункт». Первый, как считал он, случился тогда, когда, еще ученик школы второй ступени, будущий президент участвовал в антианглийской демонстрации. Второй — после того, как выстрелы агента «Братьев мусульман» в сентябре 1954 г. не достигли цели, президент остался жив и стал самым популярным человеком в Египте. Третий предстоял сегодня — 26 июля 1956 года.

У Насера не было написанного текста речи. В те годы он часто выходил на трибуну и говорил экспромтом, что придавало его выступлениям необыкновенную эмоциональность. Президент Египта первым из государственных деятелей революционного Египта стал обращаться к слушателям на разговорном, а не на литературном, арабском языке, непонятном большинству египтян. Он всегда начинал свои речи размеренно, медленно. На этот раз на него нахлынули такие сильные чувства, что он изменил своим привычкам. Президент представлял себе, что начнется, когда мир услышит о национализации Суэцкого канала. Насер немного нервничал. Наконец, он упомянул Суэцкий канал и имя Лессепса! Насер боялся, что люди Юнеса пропустят условный сигнал. Президент повторил имя Лессепса 10 раз! Слушатели даже начали удивляться, почему он так много говорит о Лессепсе.

Едва Насер произнес имя Лессепса, как Юнес приступил к делу. Он слушал выступление президента в Исманили по радио, сидя в своей автомашине. Услышав долгожданный сигнал, инженер выключил приемник и вошел в штаб-квартиру Всеобщей компании Суэцкого канала. Губернатор Восточного района, согласно полученному им приказу, предоставил все свои силы в распоряжение Юнеса. Они быстро заняли предприятия и сооружения канала. В это же время специально подготовленные отряды полиции без труда заняли представительства компании в Каире. Насер кончал свою речь, когда операция по установлению контроля над Суэцким каналом благополучно завершилась¹³. Наконец, радио Каира и телеграфные агентства подтвердили вечером 26 июля 1956 г. новость, потрясшую весь мир: Египет национализировал Суэцкий канал! С каким восторгом приняли ее в арабских странах Азии и Африки! Советский Союз и другие социалистические государства поддержали законную и справедливую акцию лидера египетской революции.

Полярно противоположной была реакция в Англии, США, во всем так называемом «свободном мире». В нем заговорили об «узурпации чужих прав и не принадлежащего Египту имущества». Британский премьер-министр пустил в оборот явно неполитический термин — «кража». У империалистов украли Суэцкий канал! О том, что Иден оказался застигнутым врасплох сногшибательной новостью из Каира, написано достаточно. Однако представляет несомненный интерес описание переполоха на Даунинг-стрит, 10, теми, кто стал его невольным участником. Нури Саид, обедавший в тот вечер вместе с иракским королем Фейсалом II в резиденции британского премьер-министра, вспоминал впоследствии, как почти перед самым концом обеда секретарь Идена передал тому листок бумаги. Премьер-министр прочел, что было в нем написано, и побелел.

— Господа, — сказал он, обращаясь к гостям, — Насер объявил о национализации Суэцкого канала. — Потеряв самообладание, он машинально повторял: — Как он мог это сделать... Как он мог это сделать.

— Каким будет ваш совет, генерал? — спросил Иден у Нури Саида. Тот не замедлил с ответом: — Вы можете действовать только следующим образом: ударить, ударить открыто, ударить сейчас, ударить сильно. В противном случае будет слишком поздно!

¹² М. Heikal. Op. cit., pp. 93—94.

¹³ K. Lovc. Op. cit., pp. 341—353.

Генерал ненавидел Насера. В нем иракский премьер-министр видел смертельного врага. И все же Нури Саид не скрыл от Идена несомненной возможности огромного влияния национализации Суэцкого канала на всех арабов.

— Нам надо готовиться к тому, — заметил генерал, — что популярность Насера теперь наверняка взлетит высоко вверх. Если дать ему волю, он прикончит всех нас¹⁴. — Нури Саид был недалеко от истинного понимания обстановки в том смысле, что немедленно после национализации Суэцкого канала президент Египта стал самым популярным политиком и революционером в арабском мире. Третий «поворотный пункт» в его жизни, как и предыдущие два, оказался счастливым. Насер смело поднял руку на основы британского и всего иностранного господства в Египте.

Президент Египта быстрее других государственных и политических деятелей арабских стран понял, что соотношение сил в мире в середине 50-х годов XX в. складывалось далеко не в пользу империализма. Советский Союз, мировая система социализма вызывали восхищение народов, разворачивавших борьбу за достижение и упрочение политической независимости, экономической самостоятельности. Достижения социалистических стран во всех областях человеческой деятельности, их неуклонно возрастающая мощь, растущее год от года решающее воздействие на ход мировых событий, отстаивание дела мира во всем мире превратились уже тогда в фактор колоссального значения. Под его воздействием рушилась колониальная система империализма, в том числе и на Ближнем Востоке. Насер, опираясь на все большую политическую поддержку Советского Союза, других социалистических стран, смело противостоял давлению империалистических кругов Англии, Франции и США, отдавая себе отчет в том, что за его спиной — такая сильная и эффективная поддержка национально-освободительной борьбы его народа, с которой колонизаторы ничего поделать не могли. Время «дипломатии канонерок», в прошлом неизменно приводившей Англию к триумфу, безвозвратно прошло.

В этом секрет успехов Насера. Египет выигрывал битву с империалистическими кругами Англии и США, несмотря на лишение его займов на строительство высотной Асуанской плотины. Он принял их вызов и, несомненно, упрочил свою независимость. Египет доказал своими смелыми антиимпериалистическими действиями, что является подлинно суверенным государством...

Иден не скрывал от гостей, что надеется на неспособность египтян управлять национализированным Суэцким каналом. Несколько минут разговор гостей британского премьер-министра шел вокруг этой соблазнительной проблемы. Всем казалось, что Насер не ушел столь важного обстоятельства. Как раз в этот момент секретарь британского премьер-министра принес еще одну записку. Иден с опаской взял ее в руки. Его глаза буквально запрыгали по нескольким строчкам. Смысл записки дошел до премьер-министра быстрее, чем он кончил читать: египетские власти приказали всем иностранным специалистам, служившим в компании канала, продолжать исполнять свои обязанности. Решение Насера представилось Идену и его гостям чуть ли не золотым контршансом на успех в борьбе против национализации канала, которая началась с того момента, когда они узнали о ней. Им показалось, что президент Египта теперь окажется вынужденным силою заставить английских и французских граждан подчиниться египетским властям. Ну, а этого, по мнению Идена, было вполне достаточно для оправдания интервенции. В середине 50-х годов консерваторы мыслили еще категориями XIX века!

Гости продолжали сидеть за обеденным столом. Оцепенение от полученной из Каира новости не проходило. Иден, забыв о протоколе, распорядился созвать заседание «внутреннего кабинета». Ллойд, Солсбери, Хьюм были среди приглашенных на обед. Иден вызвал также других министров и высокопоставленных военных. Он пригласил и генерального директора Всеобщей компании Суэцкого канала Ж. Пино, оказавшегося в тот вечер в Лондоне. Обед явно расклеился. Настроение Идена безнадежно испортилось. Так и не дождавшись десерта, гости разошлись.

Иден считал Нури Саида, возглавлявшего одно из самых лояльных Англии арабских правительств, истинным единомышленником. Неудачи Багдадского пакта британский премьер-министр приписывал отнюдь не просчетам «черного генерала», как то-

¹⁴ М. Нейкал. *Op. cit.*, pp. 96—97.

го называли в Ираке, а слишком вызывающей политике Насера и проискам тех, кто его поддерживал. «Полковника надо не просто унять, — Иден возвращался к своей мысли все время, пока собирались вызванные министры и военные. — Насеру пора объявить войну. Нури Саид прав: если дать ему волю, он уничтожит британские интересы на Ближнем Востоке!»

Лорд Килмэр и начальники штабов присоединились к тем, кто уже находился в резиденции премьер-министра. Иден затем решил пригласить французского посла и американского поверенного в делах Э. Фостера. Лорд вспоминал: «Мизансцены той встречи навсегда сохраняются в моей памяти. Антони Иден, Селвин Ллойд, Солсбери и я были, конечно, в вечерних костюмах, с орденами, как и требовалось для обеда в честь короля. Антони и Боббети (Солсбери) с кушаком и лентой Гартера. Затем появился французский посол, мосье Шовель, очень способный и острый дипломат, за ним последовал Фостер из американского посольства, тоже одетый к обеду... Затем Гарольд Темплер, начальник имперского генерального штаба, и Дикки Маунтбеттен, очевидно, выгашенный с какого-то частного приема, вошли в вечерних пиджаках. Все собрались, чтобы обсудить один из самых серьезных вопросов после окончания второй мировой войны. Мы долго дискутировали, и я вернулся домой после двух часов пополудни»¹⁵. Едва заседание «внутреннего кабинета» началось, Иден сразу же высказался за немедленное вторжение в Египет. Его не смущали ни политические, ни моральные последствия требуемой военной акции. Британский премьер-министр руководствовался прежде всего классовым чувством. Темплер и Маунтбеттен как военные высказали сомнение. Они мотивировали свою позицию исключительно профессиональными соображениями. Темплер — ссылками на необходимость взаимодействия авиации и парашютистов в случае, если на Египет будет обрушен удар с воздуха: парашютисты не готовы. Фельдмаршал напомнил, что в распоряжении египтян находятся советские МИГи. Они наверняка будут введены в дело. Маунтбеттен ссылался на столь же очевидную необходимость тщательной подготовки десантной операции с кораблей королевского флота. Она требовала немало времени. Флот не готов к операции, заметил адмирал. Солдат на Кипре и Мальте не хватало для того, чтобы рискнуть на высадку десанта. Форин офис не без основания склонялся к тому, что в случае, если сейчас начать какую-либо военную операцию против Египта, Суэцкий канал окажется закрытым, и Англия останется без нефти. Ее запасов в стране хватит всего на три недели нормального расходования и только на одну неделю, если начнется какая-либо военная операция против Египта.

Жорж Пино, как выяснилось, послал телеграмму в Каир с указанием служащим компании, прежде всего англичанам и французам, оставаться на своих местах и работать на египтян. Одновременно им предписывалось ежедневно заявлять протест против того, что их «заставляют», «принуждают» работать силой. Канал будет работать, «как обычно», иностранные служащие заявят свой протест. Однако Иден лишился оправдания интервенции, о которой только что подумал. Пришлось согласиться на отсрочку операции, хотя ему уже грезило в ее финале падение Насера. — Он должен уйти, — без конца повторял Иден. — Нельзя допустить, чтобы Насер задушил Англию. — Другой участник экстренного чрезвычайного заседания у Идена, американский поверенный в делах Фостер, немедленно после заседания, в 5 часов утра 27 июля 1956 г., отправил свой доклад в госдепартамент. Он, в частности, писал: «Иден послал за мной около 11 вечера, спустя всего несколько минут после того, как новость из Каира пришла сюда. Я стал участником двухчасового экстренного заседания кабинета, в котором приняли участие начальники британских штабов и французский посол. Мы обсудили действия Насера по национализации Суэцкого канала. Кабинет посмотрел на складывавшуюся ситуацию с очень опасной точки зрения. Были выражены чрезвычайно сильные чувства, особенно Иденом. Смысл их свелся к тому, что Насеру не должна быть предоставлена возможность выйти из создавшейся ситуации...»¹⁶.

Иден действительно с самого начала настроился на осуществление военной акции против Египта. «Если помощь нам со стороны наших друзей не была бы оказана, — писал он в своих мемуарах, — мы должны были бы предпринять акцию одни». Наттинг,

¹⁵ K. L o v e. Op. cit., p. 354.

¹⁶ Ibid., p. 355.

как бы продолжая свои комментарии неверных с самого начала действий Идена на Ближнем Востоке, так оценил случившееся: то был вызов, которого Иден ждал. Теперь он наконец нашел оправдание начать всеобщую кампанию политического, экономического и военного давления на Египет во имя того, чтобы разрушить авторитет Насера. Но британскому премьер-министру не везло. Даже после того, как Пино отозвал всех иностранных служащих Всеобщей кампании Суэцкого канала, в том числе лоцманов, канал продолжал действовать.

Советский Союз решительно поддержал национализацию Суэцкого канала. Страна Советов считала этот акт президента Насера, за которым стоял весь египетский народ, справедливым. В результате столь важной для Египта политической поддержки проваливались одна за другой попытки запугать его, навязать крупнейшей арабской стране какие бы то ни было решения, выгодные империалистическим кругам США и Западной Европы. Повисла в воздухе экономическая блокада Египта, объявленная ему крупнейшими банками и монополиями капиталистического мира. Великая социалистическая держава стояла на том, что революционный режим в Каире был полновластным хозяином в стране. США и Западная Европа были не в праве навязывать ему свои решения. Откровенные диверсии американского государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса, предложившего на Лондонской конференции создать так называемую «Ассоциацию пользователей Суэцкого канала», в руки которой он должен был перейти (что в случае принятия означало бы торжество тех, кто домогался вмешательства во внутренние дела египетского народа), не достигли цели. Советская делегация на конференции твердо воспротивилась принятию подобного откровенно колонизаторского по своей сути предложения. Еще до того, как английские и французские лоцманы начали в середине сентября 1956 г. покидать канал, в Порт Саиде, Исмаилии и Суэце появились советские лоцманы. Они быстро освоились с новой обстановкой и приступили к работе. Канал продолжал функционировать нормально. Надежды Идена на «суэцкий хаос» не оправдались. Возможно, английский премьер-министр просто не предвидел ничего подобного. С помощью советских лоцманов по Суэцкому каналу в обе стороны шел поток самых различных судов. Насер снова убедился, насколько Советский Союз — надежный друг и партнер. Пойдя Египту навстречу в поставках оружия для египетской армии в 1955 г., наша страна теперь помогала ему противостоять натиску империалистических держав. Без твердой и последовательной поддержки со стороны СССР выстоять против этого натиска было бы невозможно.

Стоит сказать несколько слов и об отдельных лицах. Еще перед тем, как армия в ночь на 23 июля 1952 г. вышла из казарм и возвестила простому египтянину, что в долине Нила начинается новая эпоха — революционная, Насер с семьей занимал небольшой дом на улице Маншет аль-Бакри в каирском предместье Гелиополис. С того самого дня, когда его после ухода англичан в 1956 г. избрали первым президентом свободного Египта, он продолжал жить в этом весьма скромном доме. И никуда не уехал из него. Сразу после переворота в Каире семье президента был временно передан в пользование один из королевских дворцов, тот самый, в котором он встречался с Ллойдом. Насер, как и его семья, чувствовали себя в нем неуютно и вскоре переехали обратно в свой дом. — Я не создан ни для дворцовых интриг, ни для королевской жизни, — заметил президент одному из своих близких друзей.

Инициатором движения «Свободные офицеры» был Насер. Лишь всего за несколько дней до 23 июля 1952 г. на роль формального руководителя движением был приглашен генерал Мухаммед Нагиб. Мы уже упоминали о нем. По мере развития событий в Египте роль генерала все больше уподоблялась тормозу революции, и в конце концов его пути разошлись с путями других членов Совета революционного командования. С ноября 1954 г. Насер становится общепризнанным лидером египетской революции и государства. В июне 1956 г. он был избран первым президентом Египта. Всенародное голосование принесло ему национальный триумф, что, однако, не означало, что помимо Насера в стране не было заметных политических фигур. Долгие годы со страниц каирских газет не сходили такие имена, как маршал Амер, подполковник Абдель Латиф Богдади, майор Кемаль эд-Дин Хусейн, майор и подполковник Салах и Гамаль Салемы, подполковник Анвар Садат, подполковник Закария Мохи эд-Дин, его двоюродный брат «красный майор» Халед Мохи эд-Дин, майор Хасан Ибрагим, подполковник Хусейн

Шафи. Их человеческие и политические судьбы сложились по-разному. В 1954 г. после решительной победы Насера над генералом Нагибом уехал в Западную Европу с дипломатической миссией Халед Мохи эд-Дин. Он возвратился в страну спустя всего полтора года, занялся журналистикой. В настоящее время этот выдающийся египетский демократ — руководитель движения египетских сторонников мира. В 1955 г. разошелся с Насером майор Салах Салем (занимавший важный тогда пост министра национальной ориентации), в частности из-за Судана, где его миссия не была успешной (он не сумел воспользоваться сильными позициями проегипетских элементов для того, чтобы способствовать объединению двух арабских стран). Позднее он тоже занялся журналистикой. Салах Салем, а за ним и его брат Гамаль Салем, не принявшие политического курса Насера внутри страны, сошли с египетской политической авансцены. Не захотели поддержать революционные преобразования внутри Египта бывшие вице-президенты Абдель Латиф Богдади и Кемаль эд-Дин Хусейн. Они покинули правительство Египта после 1962 г., а в настоящее время выступают с антинасеровских позиций. Маршал Амер покончил с собой после поражения Египта в «шестидневной войне» на Синае в 1967 году. О Хасане Ибрагиме почти ничего не известно. Хусейн Шафи — вице-президент АРЕ — уволен в отставку. Анвар Садат в октябре 1970 г. после смерти Насера стал новым президентом Египта. А уже в мае 1971 г. появился лозунг так называемой «революции исправления», направленной на подрыв прогрессивных завоеваний египетского народа и на реставрацию в стране капиталистических порядков, очень устраивающую империалистические круги США.

Таковы некоторые страницы недавнего прошлого Египта. Они весьма поучительны, так как наглядно свидетельствуют, в чем заключается смысл наследства Гамаль Абдель Насера и кому служат нынешние противники насеровского курса.

В секции общественных наук Президиума АН СССР

В НАУЧНОМ СОВЕТЕ ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ

Научный совет по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР в своей деятельности исходит из того, что на современном уровне знаний о национальных процессах ни одна из сфер жизнедеятельности общества, в которых проявляет себя национальная специфика, не может быть достаточно глубоко изучена без комплексного подхода, без координации усилий специалистов различных отраслей науки. Идея комплексного рассмотрения национальных проблем доминирует, когда Научный совет выносит на обсуждение ту или иную проблему.

23 февраля 1976 г. под председательством акад. Е. М. Жукова состоялось заседание Научного совета, в котором приняли участие историки, философы, социологи, правоведы, языковеды, этнографы и представители других научных дисциплин. Была обсуждена тема «Русский язык в национальной школе». С основным докладом выступили заместитель директора Института преподавания русского языка в национальной школе Академии педагогических наук СССР И. Б. Баранников. Докладчик показал взаимодействие в школьном деле языков СССР и рассказал об основных проблемах, встающих перед теми школами, в которых или обучение ведется на языках народов СССР, а русский язык преподается как предмет, или учебный процесс начинается (в младших классах) на родном языке учащихся нерусской национальности, а завершается (в старших классах) на русском языке. Серьезное внимание в докладе было уделено вопросам подготовки высококвалифицированных преподавателей русского языка для национальных школ, созданию учебников, учебных пособий, разработке и совершенствованию школьных программ. Докладчик информировал о широкой программе мер по улучшению преподавания русского языка. Он особо остановился на состоявшейся в октябре 1975 г. в Ташкенте Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной опыту изучения и преподавания русского языка в школах, высших и средних специальных учебных заведениях.

Проблема русского языка в многонациональном советском обществе имеет ряд чрезвычайно важных аспектов (социологический, педагогический, экономический и многие другие). Об этом говорили в прениях чл.-корр. АН СССР В. А. Аврорин, С. И. Брук, И. И. Грошев, М. Н. Губогло, Ю. Д. Дешериев, М. С. Джунусов, Г. И. Литвинова. Во многих выступлениях подчеркивалось, что в современных условиях в национальных республиках дальнейшего улучшения требуют качество изучения русского языка в дошкольных учреждениях, в сельских начальных и восьмилетних школах; совершенствование учебников и учебно-методических пособий по русскому языку; укрепление учебно-материальной базы преподавания этого предмета; принятие дополнительных мер по подготовке и переподготовке учительских кадров; углубление научно-исследовательской работы в области содержания и методики преподавания русского языка и литературы.

Другой важной проблемой, обсужденной на заседании Научного совета 21 апреля 1976 г., был вопрос о путях создания примерно равных экономических условий развития колхозов и совхозов в различных районах страны. Доклад сделал руководитель

отдела Всесоюзного научно-исследовательского Института экономики сельского хозяйства Г. Г. Котов. В прениях по докладу выступили: Л. М. Дробижева, С. Т. Калтахчян, Г. И. Литвинова, Л. С. Сентебов. Итоги обсуждения были подведены чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлеем.

13 мая 1976 г. Президиум АН СССР утвердил председателем Научного совета по национальным проблемам чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлея.

7 июня 1976 г. на заседании Научного совета был заслушан обзор новейших документальных публикаций по проблемам развития наций и национальных отношений в СССР. Докладчик Е. А. Зайцева проанализировала основные публикации, увидевшие свет в 1971—1976 годах. Она отметила, что архивы и научно-исследовательские учреждения проделали большую работу по подготовке к публикации и изданию новых документальных сборников, раскрывающих разные аспекты национальной политики КПСС и развития наций и национальных отношений в СССР. Увидело свет около 200 новых документальных изданий. Важнейшее методологическое значение имеют недавно обнаруженные документы В. И. Ленина по национальному вопросу, опубликованные в XXXVII и XXXVIII «Ленинских сборниках». Вышли тематические сборники документов, показывающих борьбу В. И. Ленина, КПСС против буржуазного и мелкобуржуазного национализма, за интернациональное единство рабочего класса, всех трудящихся СССР и международного коммунистического движения. Продолжено издание докладов, речей и статей руководящих деятелей партии и Советского государства, в которых важное место занимают проблемы интернационального воспитания трудящихся, пропаганда ленинского теоретического наследия, политика КПСС в национальном вопросе. Особое внимание Е. А. Зайцева уделила анализу публикаций, посвященных 50-летию образования СССР, вопросам национально-государственного строительства. В Белоруссии, Закавказье, Молдавии, Северной Осетии, Татарской и Калмыцкой АССР, Узбекистане вышли в свет документальные издания, освещающие борьбу за победу Советской власти в этих районах, проблемы развития и взаимодействия культур народов СССР, однако структура изданий, их проблематика, хронологические периоды не всегда сопоставимы.

В докладе и выступлениях рассматривалась современная источниковая база изучения национальных проблем. Особое внимание было уделено четырехтомнику «Культура Молдавии за годы Советской власти» (отв. ред. акад. АН МССР А. М. Лазарев), представляющему наибольший интерес в научно-методологическом плане. Выступившие в прениях Ю. В. Арутюнян, С. И. Брук, И. С. Гурвич, М. И. Исаев, Р. Н. Исмагилова, В. И. Козлов, В. П. Шерстобитов единодушно отметили, что в истекшем пятилетии были достигнуты заметные успехи в деле расширения источниковой базы исследований по национальным проблемам. Однако разработка и совершенствование научной стороны дела, методика подобных публикаций как одна из актуальных задач советских обществоведов, предметом изучения которых являются национальные вопросы, все еще требуют к себе усиленного внимания.

Подводя итоги обсуждения, чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей подчеркнул, что работа, проделанная в связи с публикацией источников по национальным проблемам, еще не полностью соответствует запросам науки и практики коммунистического строительства. Настала пора представителям различных заинтересованных учреждений дать свои рекомендации, на основе которых мог бы быть составлен перспективный план комплексного издания источников по тематике межнациональных отношений.

М. Н. Губогло

Обзоры

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ
РОССИЙСКИХ СИНДИКАТОВ

Изучение истории монополий в России — составная часть исследования предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Как известно, в России наибольшее распространение получили монополистические объединения типа синдикатов — бытовые монополии, осуществлявшие через собственный аппарат концентрацию и распределение заказов и контроль за их исполнением. Изучение бытовых монополий сопряжено с анализом широкого круга разнообразных источников. С середины 50-х годов для исследования деятельности монополистических объединений стали широко использоваться делопроизводственные материалы. Это знаменовало начало качественно нового этапа в изучении темы.

В настоящее время дальнейшая разработка истории монополий связана с необходимостью решения ряда методических проблем, в первую очередь с анализом источниковой базы, основу которой составляют делопроизводственные материалы. Специфика источников этого вида определяет прежде всего необходимость их комплексного изучения и использования. В свое время Л. Е. Шепелевым были подведены итоги изучения делопроизводственных документов XIX — начала XX веков¹. За последние годы появился ряд работ, продолжающих это направление исследования². Недавно вышло в свет монографическое источниковедческое исследование С. В. Воронковой о материалах Особого совещания по обороне государства³. Опыт, накопленный в конкретных исследованиях, нашел отражение в ряде учебных пособий по источниковедению истории СССР⁴.

До сих пор не подвергались специальному источниковедческому анализу делопроизводственные материалы собственно монополистических объединений. Их документы анализировались лишь в той мере, в какой они подобны материалам акционерных обществ и товариществ. Между тем делопроизводственные документы бытовых монополий имеют особенности, связанные со специфическими функциями этих союзов.

Отсутствие специального синдикатского законодательства, которое предусматривало бы организационные формы монополий, их права и обязанности, толкало промышленников на путь легализации бытовых монополий при условии приспособления к нормам акционерного и торгового законодательства. Часть синдикатов так и не становилась юридическим лицом, отказываясь, таким образом, от непосредственных контактов с покупателями и сужая сферу своей деятельности до распределения заказов с последующим контролем за соблюдением долей участия. В вопросах организационного устройства и системы делопроизводства синдикатов практика к началу XX в. значительно опередила законодательство. Отечественные предприниматели успешно использовали опыт других стран, раньше России подошедших к необходимости выработки норм синдикатского законодательства. Персональная осведомленность, личные унии способствовали распространению рожденных практикой приемов.

Внешне синдикаты существенно отличались друг от друга, являясь акционерно-паевыми обществами и товариществами или бытовыми конторами на нелегальном

¹ См. Л. Е. Шепелев. Изучение делопроизводственных документов XIX — начала XX вв. «Вспомогательные исторические дисциплины». Сб. I. Л. 1968.

² С. В. Воронкова. Опыт классификации материалов Особого совещания по обороне [1915]. «Вестник» МГУ. История, 1969, № 3; е е же. Обзор материалов Особого совещания по обороне государства (1915—1917). «История СССР», 1970, № 3; А. Г. Голиков. Регулирование делопроизводства российских акционерно-паевых торгово-промышленных предприятий. «Вестник» МГУ. История, 1972, № 4; Л. Е. Шепелев. Законодательные акты акционерного учредительства. «Источниковедение отечественной истории». Вып. I. М. 1973, и др.

³ С. В. Воронкова. Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование. М. 1975.

⁴ В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.— 1917 г. М. 1962; «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX вв.». М. 1970; «Источниковедение истории СССР». М. 1973.

положении. Организационная структура синдикатов иногда полностью, ответственность их основным функциям и состояла из системы продажных и распределительных бюро (контор), расчетной конторы и высшего руководящего органа. Легальные монополии выполняли свои операции через местные филиальные отделения, осуществлявшие контакты с покупателями и, в некоторых обществах, — распределение заказов между участниками соглашения и через центральное управление, ведавшее общими вопросами: контролем за соблюдением долей участия и расчетами с контрагентами. При этом для центрального правления некоторых легальных синдикатов было характерным наличие специальных торговых, или коммерческих, и статистических отделов. На торговых отделах лежали обязанности по заключению контрагентских договоров, контакты с контрагентами по сбыту продукции, контроль продаж и долевых счетов, распределение рынков сбыта и т. д. Классический синдикат не мог существовать без регулярного общего статистического учета поступления заказов, их исполнения, прогнозирования и без контроля за соотношением долей участия контрагентов. Именно этими вопросами занимались служащие рабочего статистического отдела, обеспечивавшего функционирование торгового отдела и всего сбытового механизма в целом.

Порядок и стиль делопроизводства синдикатов вообще и отдельных звеньев их аппарата зафиксированы в специальных внутрисиндикатских нормативных документах: союзных или контрагентских договорах, инструкциях, циркулярных письмах. Легальные синдикаты, кроме того, подчинялись нормам общего акционерного и торгового законодательства и таких частных актов, как уставы. Анализ нормативов, лежавших в основе деятельности синдикатов, дает возможность выявить некоторые категории обязательных для монополий этого типа делопроизводственных документов: договоры, отдельные типы учетных документов и другие.

Современные архивные фонды синдикатов существенно отличаются от делопроизводственных комплексов, возникших в свое время в рамках делопроизводственных организаций монополий. Те немногие комплексы, которые сохранились, характеризуются несколько иным составом материалов и другими принципами взаимного расположения документов. Влияние исторической судьбы на состав фондов, основные группы текущих делопроизводственных документов синдикатов, являющиеся составными частями системы документирования деятельности монополий, будут анализироваться на примере фондов синдикатов «Продвагон», «Продпаровоз» (Совет представителей паровозостроительных заводов), «Продамета», «Кровля», «Гвоздь», «Проволока», «Медь», Русское товарищество торговли цементом (РТТЦ), Русское общество спичечной торговли (РОСТ)⁵. Восемь из них были легализованы как акционерные общества и товарищества. Синдикат «Продпаровоз» не был легализован, хотя организационно был готов к превращению в акционерное общество с сохранением всех свойств синдиката. Эти синдикаты представляют различные отрасли промышленности (паровозо- и вагоностроение, металлообработка, цветная металлургия, строительные материалы, спичечное производство). Фонды различаются по объему, хотя самый крупный из них — «Продвагона» — сравнительно невелик: 827 единиц хранения.

Историческая судьба фондов синдикатов неотделима от истории хранения и собирания делопроизводственных документов акционерно-паевых предприятий, частных банков и других частных учреждений, прекративших свою деятельность после Великой Октябрьской социалистической революции⁶. Часть документации синдикатов, имевшая практическое значение, попала после революции во вновь организованные ведомства, другие материалы остались лежать в непригодных для хранения помещениях. Бумаги синдикатов уничтожались, использовались для повторных записей. Весь период с момента поступления документов в архивы и до конца 50-х — начала 60-х годов следует оценить как период дальнейшей концентрации и формирования документальных комплексов синдикатов. Выявлялись новые группы

⁵ ЦГИА СССР, ф. 517, 120, 1581, 64, 1563, 1564, 70, 1460; Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 1608.

⁶ См. М. С. Семенова, Г. С. Хомякова. Комплектование ЦГИА СССР в Ленинграде документальными материалами по истории финансов, промышленности и торговли. «Информационный бюллетень Архивного управления МВД», 1958, № 10.

документов, в том числе в архивах государственных учреждений, находились материалы синдикатов, случайно попавшие в фонды различных акционерных компаний, извлекались из россыпи, перемещались между фондами синдикатов. В середине 50-х годов был поднят вопрос о передаче бумаг синдикатов из ЛГИА, где хранилась часть материалов монополий, в ЦГИА СССР. В 1956 г. были подписаны акты передачи материалов «Продвагона», «Продпаровоза», «Продаметры», «Гвоздя» и «Проволоки». Фонды «Меди», «Кровли» и РТТЦ с самого начала находились в ЦГИА СССР, а фонд РОСТ так и остался в ЛГИА. Сконцентрированные в ЦГИА СССР бумаги синдикатов были определены как фонды монополий.

Шесть фондов из восьми (за исключением фондов «Меди» и РТТЦ) ввиду их коллекционного характера прошли в 1959—1961 гг. научно-техническую обработку, которая выразилась в соединении всех поступивших в архив документов в единые фонды по одной описи; в изменении количества единиц хранения, составлявших фонды, их увеличении или уменьшении. Последнее было связано с передачей дел из одного фонда в другой, изъятием ряда бумаг, не имевших отношения к синдикатам, с пополнением фондов печатными материалами из коллекции печатных материалов библиотеки ЦГИА СССР, слиянием отдельных единиц хранения, изъятием бумаг из состава старых дел и формированием новых. В настоящее время переработанные фонды синдикатов имеют единообразную структуру. Но современное понятие «фонд синдиката» упрощает то положение вещей, которое действительно существовало в период функционирования монополий. Так, документация синдиката распределялась между несколькими делопроизводственными комплексами, соответствовавшими отдельным самостоятельным звеньям его аппарата (управление, продажные конторы, филиальные отделения, распределительные бюро). Надписи, пометы на делах синдикатов иллюстрируют тот факт, что структура реальных делопроизводственных комплексов в свое время соответствовала организационной схеме монополий⁷.

Дела, образовавшиеся в рамках делопроизводства советов синдикатов в результате обсуждения тех или иных проблем на уровне руководящих органов монополий, имеют сложный документальный состав. Наиболее характерными для делопроизводства совета были дела, объединявшие подготовительные материалы к его докладам, заседаниям, общим собраниям акционеров. Ведущим рабочим органом управления синдикатов был торговый отдел. Его дела в тех случаях, когда они связаны с общими вопросами деятельности союза — перезаключением или продлением контрагентских договоров, спорами между контрагентами, нарушением условий соглашений, уплатой штрафов, — разнообразны по составу. Но основная их масса содержала материалы о ходе выполнения заказов обществами-участниками, программы заказов, документы об обеспеченности заводов сырьем и учетные данные о переборах и недоборах по контрагентам и состоянии долей участия. Дела формировались либо по контрагентам и содержали переписку по заказам, обмену таблицами общего статистического учета, либо по принципу заказчика. В основе формирования ряда подборок документов лежал контроль за соблюдением участниками средних цен и выплатой по комиссионному вознаграждению. В этих делах особенно четко прослеживается роль статистического отдела в жизни синдикатов. Но в фондах есть и подборки черновых таблиц, служащие примером делопроизводства самого статистического отдела.

Нормативной основой деятельности любого синдиката был либо союзный, либо контрагентский договор. Именно в этом документе зафиксированы условия объединения обществ в монополистический союз по сбыту продукции. Договор определяет основные структурные подразделения синдикатов, порядок делопроизводства в монополистических союзах, обязательные контакты между центром и участниками, содержит информацию о долях участия союзников, районах их влияния, правах и обязанностях, ассортименте синдицированных изделий, сроках существования союзнических взаимоотношений. Однако он отражает положение вещей желательное, но не обязательное. И не только по вопросам делопроизводства. Договор не отражает колебание долей участия отдельных союзников, действительную картину соблюдения союзнических условий, сроки существования соглашения, реальный ассортимент продававшихся изделий и пр. Такие особенности синдикатских актов связаны с сущностью источников этого типа,

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1517, оп. 1, ед. хр. 62, 113, 318, 359, 376 и др.

заклучавших в себе прогноз на будущее, который, естественно, далеко не всегда соответствовал реальной действительности. А отсюда общий характер информации, заложенной в договорах, и необходимость мобилизации при изучении истории синдикатов материалов текущего делопроизводства. Особая ценность синдикатских актов заключается в том, что они выражают сам факт открытия действий союзов. Союзные и контрагентские договоры время от времени перезаключались, фиксируя изменение положения вещей в синдикатах. Заключение каждого следующего договора не всегда знаменовало собой начало качественно нового этапа в жизни монополий, но могло быть и наоборот⁸.

Специфическое назначение синдикатского акта, фиксировавшего факт открытия действий монополистического союза, придает особое значение подлинным контрагентским и союзным договорам. Только когда исследователь встречается с подлинными актами или заверенными копиями документа, он может быть уверен в самом факте соглашения и имеет все основания полностью доверять заключенной в нем информации. Типографские бланки контрагентских договоров при определенных условиях могут быть привлечены как источники информации об условиях соглашения, но они лишены индивидуальности, присущей подлинному акту; в частности, в них нет указаний на контрагента, дату подписания договора. Особую нагрузку несут дополнения к некоторым договорам — так называемые дополнительные, или особые, условия⁹. Проекты, черновики союзных и контрагентских договоров, материалы, отражающие работу над ними, следует рассматривать в связи с подлинными актами, но учитывая, что эти документы содержат специфическую информацию. Так, заключению первого договора, начинавшего функционирование монополистического союза, предшествовали переписка между обществами-участниками, заседания специальных комиссий, групп по выработке условий соглашения, проекты соглашений. В результате возникали справки и записки о будущем обществе, проекты договоров, уставов, протоколы заседаний и пр., сопровождавшиеся приглашениями в собрания учредителей, письмами.

Как правило, такие материалы входят в состав бумаг обществ-участников, но в ряде случаев они откладывались и в документах монополий, если синдикатскому соглашению легального типа предшествовало нелегальное или союз типа картеля. Перезаключение договора было связано либо с истечением условленного срока действия, либо с изменением содержания соглашения. Черновики и проекты синдикатских актов содержат промежуточные, не зафиксированные в заключительных документах данные о возможных изменениях долей участия, условий продаж, обработки окончательных условий, которые позволяют судить о мотивах изменений отдельных пунктов соглашений. О том, что договоры были подписаны, можно узнать, не только ознакомившись с подлинным актом, но и из циркулярных писем синдикатов участникам. Если же контрагентский договор не подвергался переработке, участники просто присылали в правление синдиката письмо о согласии участвовать в союзе на новый срок и на прежних основаниях. Наконец, обсуждение отдельных параграфов соглашений выносилось на заседания центральных органов синдикатов, о чем есть информация в соответствующих протоколах.

Синдикатские акты сравнительно с другим возможным для монополий нормативным актом-уставом, регулировавшим деятельность легальных союзов, отличались гибкостью. Изменение их отдельных параграфов зависело от пожеланий и потребностей самих участников, тогда как изменение уставов, их приспособление к потребностям обществ были сопряжены с дополнительными трудностями, определявшимися необходимостью утверждения соответствующего изменения в Министерстве торговли и промышленности. Уставы, материалы к их пересмотру отражают чисто внешние стороны эволюции обществ — изменение количественного состава руководящих органов монополистического союза, порядок представительства в них, увеличение или уменьшение основного капитала и пр.

Нормативные акты, сопутствующие им подготовительные материалы — это лишь

⁸ См., например, договор РОСТ от 1 августа 1911 г. (ЛГИА, ф. 1608, оп. 1, ед. хр. 14).

⁹ Например, дополнительные условия к соглашению «Гвоздь» — Этна 19 мая 1904 г. (сами условия добавлены к договору 9 марта 1906 г.) (ЦГИА СССР, ф. 1563, оп. 1, ед. хр. 87, л. 48) или дополнение к договору РОСТ с товариществом чудовской фабрики «Солнце» от 9 февраля 1909 г. (ЛГИА, ф. 1608, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 3—3об.).

небольшая часть документов текущего делопроизводства синдикатов. Другую важную его часть составляют протоколы заседаний руководящих органов монополий вместе с сопровождающими документами. В них по-особому преломляется уже известная по другим источникам информация. Сказывается та законодательная, командная роль, которую играли такие органы, как общие собрания акционеров, советы, технические совещания, временные и чрезвычайные комиссии и, наконец, совещания контрагентов. Содержание протоколов в каждом конкретном случае зависит от полномочий той или иной инстанции, от тех проблем, которые возникали в ходе деятельности обществ. Каждое заседание высшего органа синдиката специально готовилось. Но подготовительные материалы к общим собраниям и заседаниям советов можно встретить в отчасти сохранившем свою первоначальную делопроизводственную структуру фонде «Продвагона». Подготовка к собраниям и заседаниям сводилась к концентрации материалов по вопросам, которые предполагалось обсудить (таблицы, ходатайства в вышестоящие инстанции, заметки управляющего). На основании собранных документов управляющий составлял доклад к собранию или заседанию совета. К собраниям акционеров готовились и доклады совета. Документальные подтверждения докладов, сами доклады могли фигурировать в качестве приложений к протоколам собраний и заседаний. Характер приложений зависел от круга вопросов, обсуждавшихся на заседании. Протоколы, приложения к ним, доклады ответственных должностных лиц фокусируют самую важную информацию как о текущих, так и о чрезвычайных проблемах функционирования синдикатов, решение которых в рабочем консультативном порядке было невозможно и требовало специального постановления.

Неудовлетворительная сохранность делопроизводственных документов синдикатов выразилась, в частности, в отсутствии полных наборов подлинных протоколов заседаний руководящих инстанций синдикатов, докладов руководителей по тому или иному вопросу. Зачастую бесполезными оказываются указания и ссылки на приложения к протоколам. Такие приложения либо утрачены, либо подсоединены к однородным с ними материалам. Лишь по пометам на некоторых письмах, записках, справках можно узнать, что они обсуждались на соответствующих заседаниях или предназначались для них. Уграта подлинных протоколов частично компенсируется за счет копий, сделанных для внутреннего пользования. На протоколы ссылались при переписке с контрагентами, при решении каких-либо спорных вопросов. Поэтому они могут находиться среди материалов, не имеющих непосредственного отношения к заседаниям руководящих органов синдикатов. Информативное богатство протоколов, докладов, подготовительных материалов, по существу, предопределяется объективной функциональной ролью этих документов, выражающих факт деятельности высших и руководящих органов синдикатов, ответственных должностных лиц.

Связи между отдельными звеньями аппарата синдикатов, между продажными бюро, обществами-участниками, покупателями, поставщиками сырья, правительственными учреждениями, общественными организациями, банками и пр. осуществлялись путем переписки. В каждом конкретном случае письма имели различную форму, содержание. Это циркуляры покупателям и контрагентам, предписания, запросы и ходатайства в правительственные ведомства, препроводительные к пересылавшимся бумагам, заявления, развернутые ответы на запросы и т. д. Входящая корреспонденция и копии, или отпуски, отправленных писем, как правило, распределяются между делами архива синдикатов в зависимости от вопросов, бывших предметом переписки, или от корреспондента. Письма могут входить в остав различных единиц хранения, имевших делопроизводственное происхождение, и могут быть основой комплектования нового дела. В последнем случае письма также могут соседствовать с различными материалами, подчиненными программе переписки (с ведомостями, справками о производительности заводов, проектами контрагентских договоров и пр.). Это, как правило, является следствием «почтового» решения какого-либо вопроса¹⁰. Как по заказчикам, так и по видам продуктов формировались дела, связанные непосредственно с получением заказов. Вспомогательную роль играли письма при обмене статистическими данными общего учета, справочными документами, протоколами. Но и в этих случаях письма являются носителями определенной позитивной информации о несогласии контрагентов с выве-

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1517, оп. 1, ед. хр. 25, 37, 342, 451.

денными долями участия, внесении изменений в протоколы, нарушении сроков предоставления отчетных данных.

Подборки писем в фондах синдикатов носят, как правило, коллекционный характер. Коллекции сформированы по типовому, хронологическому, реже — корреспондентскому принципу. Письма объясняют происхождение многих документов, с одной стороны, а с другой — являются носителями сведений, которые не отражены в документах внутреннего делопроизводства, не фиксирующих будничные споры, разногласия, проблемы. Кроме того, корреспондентские связи, их характер позволяют судить о круге контактов синдикатов, что особенно важно.

Переписка была основным каналом, по которому осуществлялись контакты синдикатов с правительственными учреждениями, хотя информацию о них можно найти и в других материалах, например, письмах и справках для контрагентов. Документальные свидетельства обязательных, регламентированных законодательством и predeterminedных легальным положением ряда синдикатов связей имеются в фондах «Продвагона» и РТТЦ¹¹. Связи ведомств с синдикатами выходили далеко за рамки, предусмотренные законом для акционерно-паевых предприятий. Кроме деловых торговых связей, это контакты, обусловленные интересом правительственных учреждений к общим вопросам организации и деятельности синдикатов, интересом, вызванным разработкой законодательства о синдикатах и трестах, а также контакты по урегулированию общих вопросов состояния производства и быта¹². К предусмотренным законодательством относятся связи синдикатов с налоговыми органами. Прямым следствием этих контактов являются, например, переписка синдиката «Медь» с департаментом окладных сборов Министерства финансов о дополнительном обложении контрагентского договора гербовым сбором, переписка «Продвагона» с Петербургским губернским казначейством об уплате налогов (1906—1918 гг.)¹³, списки членов правлений и советов, служащих обществ на уплату личного промыслового налога¹⁴. Некоторые письма, справки, ходатайства заводов и синдикатов, адресованные в правительственные ведомства, выражая факт безусловной и откровенной заинтересованности синдикатов в сохранении распределительных органов правительства, учитывающих в своей практической деятельности пожелания и программы синдикатов, содержат разностороннюю информацию о роли этих органов в распределении заказов казенных железных дорог, отношениях близости и доверительности, существовавших между ними и союзами монополистов¹⁵. Как свидетельства информированности правительственных ведомств о внутренней жизни союзов представляют интерес документы внутреннего делопроизводства обществ, отсылавшиеся в министерства.

Переписка вместе с сопутствующими документами — материалами текущего делопроизводства синдикатов, справками, очерками, входящими документами — выражает связи монополистических союзов с внешним миром, отражает их характер и специфику. Переписка была основным средством общения между синдикатами и представительными организациями промышленников¹⁶. Контакты носили не только информативный характер. Монополии «поставляли» данные к собраниям и съездам о производительности вагоно- и паровозостроительных заводов, об обеспеченности заводов сырьем и др. Переписка свидетельствует о регулярности сношений между обществами и организациями промышленников и касается таких вопросов, как программы съездов и заседаний, положение в соответствующих отраслях промышленности, тарифы, их изменение, промысловые налоги, обеспеченность заводов рабочими руками в условиях мобилизации, ход выполнения казенных заказов и т. д. Эти материалы лишней раз

¹¹ Там же, ед. хр. 25; ф. 1460, оп. 1, ед. хр. 5, л. 53 и др.

¹² Там же, ф. 1517, оп. 1, ед. хр. 26, 78, 188.

¹³ Там же, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 98, лл. 1, 3; ед. хр. 801.

¹⁴ Там же, ф. 64, оп. 1, ед. хр. 46; ф. 70, оп. 1, ед. хр. 98.

¹⁵ Там же, ф. 1517, оп. 1, ед. хр. 308, л. 138; ф. 120, оп. 1, ед. хр. 10, 45.

¹⁶ Для «Продвагона» это, например, связи с Советом съездов представителей промышленности и торговли, Советом съездов горнопромышленников Юга России, Советом частных железных дорог, Центральным военно-промышленным комитетом (там же, ф. 1517, оп. 1, ед. хр. 822, 90, 70, 824 и др.), для «Продпаровоза» — с Советом съездов горнопромышленников Юга России, Постоянной совещательной конторой железнозаводчиков Советом частных железных дорог (там же, ф. 120, оп. 1, ед. хр. 12, 21, 54, 55 и др.).

подтверждают, что руководители синдикатов были самым подробным образом осведомлены о шагах и мнениях представительных организаций промышленников, касавшихся самых различных сторон экономической жизни страны и связанных с компетенцией и задачами соответствующих организаций.

Контрагентские договоры и другие нормативные акты предусматривали связи монополий с банками: с Государственным банком — взносы по акциям и с частными банками — хранение залога, вносимого контрагентами, и операции по расчетам с контрагентами по торговле. Сохранившиеся документы отражают контакты именно такого рода: векселя, удостоверения банков о переводе денег, письма по возврату залогов, залоговые квитанции, перечни временных свидетельств¹⁷.

Естественно, что в фондах синдикатов находятся некоторые текущие делопроизводственные документы обществ-участников: отчеты, протоколы общих собраний, руководящих органов, анкеты со сведениями о производительности заводов, очерки по их истории. Переписка с контрагентами, правительственными учреждениями, банками, представительными организациями промышленников, с другими монополиями, выходящая за рамки специальных торговых, обусловленных функциональным назначением синдикатов, связей и взятая в единстве с сопутствующими документами внутреннего делопроизводства синдикатов и входящими документами других фондообразователей, отражает довольно широкий круг внешних контактов сбытовых монополий. Документы показывают отношение синдикатов к распределительным органам ведомств, степень информированности монополистических союзов о мероприятиях правительства в отношении промышленности, о деятельности представительных организаций буржуазии и т. д. Особое значение имеет установление факта существования регулярных консультативных и торговых взаимоотношений между отдельными синдикатами.

Данные об ассортименте, сортаменте, себестоимости, ценах синдицированных изделий содержатся в таких материалах синдикатов, как таблицы общего статистического учета, коммерческая переписка, протокольные материалы, сопутствующие им документы, договоры. В концентрированном виде они отражены также в прейскурантах синдикатов. Прейскуранты имели только те общества, которые были ответственными юридическими лицами. Если же синдикат не был легализован, продажа изделий велась на основе прейскурантов каждого из контрагентов, при условии согласованности в номенклатуре и ценах монополизированной продукции. Есть в фондах синдикатов и такие материалы, которые непосредственно выражают стремление монополистических союзов через унификацию изделий соответствующих заводов, концентрацию всех вопросов о сортаменте и технологии продукции в руках синдикатов еще более ограничить свободу контрагентов. Это, например, сведения для альбомов чертежей, переписка с контрагентами о конструктивных изменениях паровозов, их технические характеристики, расценочные ведомости.

Особую, имеющую самостоятельное значение группу документов составляют исковые, судебные материалы. Наличие их в фондах синдикатов зависит, во-первых, от того, имели ли место такие конфликты, во-вторых, от сохранности документов. Спорные вопросы довольно часто решались в рабочем порядке. Так, в фонде «Продвагона» отложились документы, отражающие конфликт между синдикатом и Коломенским заводом, принявшим заказы незаконным порядком¹⁸. Поскольку спор был решен полюбовно, в деле нет материалов судебного разбирательства. Синдикаты во всех сложных случаях обращались за справками к юрисконсультам. Копии и подлинники мнений, записок юрисконсульта по оценке союзного договора, порядка уплаты налогов, решению споров между контрагентами сохранились, например, в архиве «Гвоздя»¹⁹. Среди бумаг юрисконсультов встречаются и материалы делопроизводства синдикатов, корректировавшиеся и просматривавшиеся юрисконсультами. Решение всех спорных вопросов между контрагентами в соответствии с предписаниями договоров должно было осуществляться путем третейского разбирательства. Материалы такого разбирательства имеются в фонде «Меди»²⁰. Они распадаются на документные доказательства и специфич-

¹⁷ Там же, ф. 1563, оп. 1, ед. хр. 90; ф. 120, оп. 1, ед. хр. 17; ф. 1460, оп. 1, ед. хр. 6, 13, 37, 40; ф. 1517, оп. 1, ед. хр. 108.

¹⁸ Там же, ф. 1517, оп. 1, ед. хр. 38.

¹⁹ Там же, ф. 1563, оп. 1, ед. хр. 107.

²⁰ Там же, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 70.

ческие бумаги. Эти два направления документирования вообще характерны для судебных дел.

Следующая, высшая форма судебной документации, отложившаяся в архиве монополий, — результат передачи дела в коммерческий суд, окружной суд или судебную палату. Ни в одном из анализируемых фондов такие материалы не сохранились в полном объеме. Но в архиве «Меди» есть документы, отражающие конфликт «Медь» — Богословское общество. В деле представлены документные доказательства и специфические материалы исковых дел (поручительства и письма юрисконсульта о согласии вести дело в подлинниках, проект условий обоснования иска и проект исковой записи общества «Медь» в Петербургский коммерческий суд)²¹. Дела исковые, судебные состоят из документов различного происхождения, в том числе писем, материалов внутреннего делопроизводства синдикатов — договоров, справок, протоколов, специфических материалов юрисконсультов, третейских разбирательств, судебных. Они являются прямым свидетельством непрерывающейся внутренней борьбы между контрагентами и союзным обществом, когда участники стремились обойти условия соглашения, действовать помимо него, а монополии пресекали такие попытки, пользуясь штрафами, опираясь на условия союзных и контрагентских договоров. Информация, заложенная в такого рода делах, касается не только сути споров, но и текста синдикатских договоров, типичных случаев их нарушения, содержания ходатайств синдикатов в правительственные ведомства.

Материалы по личному составу служащих, членов правлений, советов и других руководящих инстанций, составу акционеров представлены в фондах синдикатов списками, прилагавшимися к протоколам, списками на уплату налогов, материалами отделов личного состава²². Интерес представляют преимущественно данные по составу акционеров и руководящих органов союзов. Информация о персональном составе, жаловании руководителей синдикатов и ведущих функционеров дает возможность судить о личных связях между синдикатами, о формировании групп руководителей целых отраслей производства.

Легализованная форма существования накладывала на монополии, выступавшие под вывеской акционерных обществ и товариществ, определенные обязательства. Кроме уже отмечавшихся контактов с государственными ведомствами и налоговыми инстанциями, созывов общих собраний участников, а также порядка ликвидации дел обществ и обязательного ведения бухгалтерских книг, это — составление и публикация отчетов и балансов, информации об общих собраниях (в периодических изданиях), контроль за уплатой взносов по акциям. В фондах синдикатов иногда находятся проекты отчетов, выставлявшиеся на обсуждение общих собраний, приложения к отчетам, подготовительные материалы к ним. Отчет может сопровождаться докладом совета или правления по отчету и приложениями. Приложения, как правило, представляют особый интерес, поскольку касаются учета принятых обществами заказов, состояния долей участия контрагентов, счета комиссии, уплаченной контрагентами, общей продажи изделий²³. Приложения или дополнительные сведения при типографском воспроизведении отчета также прилагались к отчетам. Обязательной публикации подлежали объявления об открытии действий обществ, сроки и порядок распределения акций, изменения в составе правлений или советов, даты и повестки общих собраний, объявления о ликвидации дел обществ, заключительные балансы и извлечения из годовых отчетов. Письма в редакции газет о публикации объявлений за 1916—1918 гг. сохранились в фонде «Продвагона»²⁴.

В основе деятельности синдикатов лежали операции по концентрации заказов, их распределение. Эти операции, как отмечалось выше, осуществлялись торговым отделом. Учет операций синдикатов проводился во всех монополистических союзах по

²¹ Там же, ед. хр. 71, 72. Любопытно, что руководители синдиката опасались попытки Богословского общества поставить под сомнение действительность контрагентского договора. Юрисконсульт В. Р. Идельсон считал, правда, что такой иск удовлетворен не будет.

²² Там же, ед. хр. 22; ф. 120, оп. 1, ед. хр. 359; ф. 1563, оп. 1, ед. хр. 134, 137, 141; ф. 1564, оп. 1, ед. хр. 247, 248.

²³ Например, приложение к отчету общества «Проволока» (там же, ф. 1564, оп. 1, ед. хр. 4).

²⁴ Там же, ед. хр. 94.

статистическим сводкам, собиравшимся и суммировавшимся в рабочих статистических отделах. В легальных синдикатах велся специальный бухгалтерский учет. Соответствующая документация или ее остатки обнаруживаются во всех сохранившихся фондах. Документация по заказам включает переписку между заказчиками, контрагентами и синдикатами, договоры на поставку изделий, акты приемки заказов. Переписка касается цен, условий заказа, в том числе премий, приплат и сроков выполнения, качества заказываемых изделий, причин задержек в их исполнении. Непосредственный ход переписки синдикатов по заказам различался в деталях. Но содержание, суть переписки при этом были едины. Нелегальное общество «Продпаровоз» в вопросе контроля за сбором и выполнением заказов принципиально не отличается от легальных²⁵. Договоры на поставку изделий и акты приемки (копии) содержат информацию о технических условиях заказов, типе, весе, особенностях продукции. Синдикаты активно вмешивались в решение вопросов о качестве продукции, условиях ее приема заказчиком и в тех случаях, когда потребителями являлись государственные ведомства. Документация по заказам позволяет судить о роли бытовой конторы во взаимоотношениях с покупателями и участниками соглашения, содержит информацию о ценах, предлагавшихся синдикатами, размерах премий клиентам, сроках поставок.

Потребность контроля за соблюдением долей участия отдельных контрагентов определила такое направление в делопроизводстве бытовых монополий, как общий статистический учет полученных и исполненных заказов и переборов и недоборов по каждому участнику. В основе этого учета лежат первичные данные о полученных, исполненных и сданных контрагентами заказах за определенный отрезок времени (как правило, месяц). Суммированные данные по всем участникам вносились в общие ведомости заказов. Через сравнение реального исполнения заказов с долевым участием, зафиксированным в контрагентском договоре, выводились переборы и недоборы по каждому контрагенту, выяснялось положение долей участия каждого контрагента. Некоторыми особенностями отличаются учетные данные синдикатов «Медь» и «Кровля»²⁶.

Кроме ежемесячных, регулярных подведений итогов по продажам и долям, в синдикатах составлялись сводки за год и на определенные рубежи. Статистический учет не сводился только к выше названным показателям, являвшимся необходимым минимумом. Возникали дополнительные таблицы, промежуточные, ведомости неоконченных заказов, подлежащих получению, данные об отдельных заказчиках и др. На базе общего статистического учета продажи и долей участия велось планирование и прогнозирование будущих заказов с учетом заводов-исполнителей. Это характерно для двух синдикатов «Продпаровоза» и «Продвагона», монополизировавших продажу вагонов, паровозов и других изделий, требовавших длительного срока для изготовления. Крупнейшим покупателем продукции вагоно- и паровозостроительных заводов было управление железных дорог Министерства путей сообщения. При этом нелегальное положение «Продпаровоза» никак не сказывалось на отношении к нему заказчика. Для распределения казенных заказов составлялись особые программы распределения заказов, специальные таблицы типа «Учет переборов и недоборов отдельных заводов для руководства при распределении казенного заказа на 1910 год» или справки, например, «Сопоставление времени распределения заказов Комитета и фактической выдачей таковых хозяйственным отделом Управления железных дорог»²⁷.

Процесс статистического учета связан с накоплением черновых, подготовительных материалов. Поэтому, кроме таблиц, которыми обменивались синдикат и контрагенты, подлинных документов, особым образом заверенных и подписанных, в фондах монополий находятся черновые таблицы. Копировались и размножались также и отработанные чистовые материалы.

Резко возрастает роль распределительных функций синдикатов в годы первой

²⁵ Там же, ф. 120, оп. 1, ед. хр. 260.

²⁶ Синдикат «Медь» занимал особое положение на рынке, сбывая свою продукцию через торговый дом Voagu и К°. Наряду с учетом выплавки меди по контрагентам, безотносительно покупателя, фиксировались данные об остатке меди, велись регулярные расчеты с торговым домом. По синдикату «Кровля», кроме прочих, учитывались сведения о запасах железа на складах и о движении железа со складов.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1517, оп. 1, ед. хр. 330, л. 12; ед. хр. 353, л. 15.

мировой войны, когда ведомства прибегали к помощи монополий при распределении заказов между заводами. Если таблицы общего статистического учета сопровождаются комментариями и письмами обществ-участников о несогласии с распределением заказов, с включением в долю тех или иных особых поставок, приоткрывается картина внутрисиндикатской борьбы за клиентов, выгодные заказы.

В виде статистических сводок представлены данные по выводу средних цен, по комиссионному вознаграждению, о премиях, приплатах, удержаниях и пр. Относительно систематический характер носят ведомости вывода средних цен и комиссионного вознаграждения. Периодичность подведения итогов по комиссионным расчетам была у синдикатов различна. Содержание ведомостей комиссионных отчислений сводилось к выявлению продаж каждого участника и расчету процентного отчисления и вознаграждения синдикату.

Кроме регламентированных контрагентским договором, составлялись для внутреннего пользования и для справок и другие статистические сводки: сведения о производстве меди в России, данные о реализации меди, премии покупателям, расчеты премий, перечни обязательных к исполнению договоров с покупателями, таблиц размеров вознаграждения за переборы и недоборы и др. Выступавшие довольно часто совместно по таким вопросам, как казенные заказы, цены на вагоны и паровозы, синдикаты «Продвагон» и «Продпаровоз» составляли таблицы, предназначавшиеся для правительственных ведомств. Это, например, таблица общей производительности вагоно- и паровозостроительных отделов заводов, ведомости общей стоимости изделий, итоговые данные по фактическому производству вагонов и паровозов. Регулярно подводились итоги по поступлению заказов, позволявшие следить за состоянием и эволюцией рынка. В условиях военного сырьевого и топливного кризиса синдикаты «Продвагон» и «Продпаровоз» сконцентрировали в своих руках контроль за потребностью заводов в металлах и необходимых изделиях. Это нашло выражение в таблицах потребности заводов в соответствующем сырье, металлах²⁸.

В большинстве случаев при хорошей сохранности материалов таблицами сопровождаются протоколы заседаний центральных органов синдикатов, общих собраний, отчеты (дополнительные сведения к отчетам), ходатайства и справки, предназначавшиеся для ведомств и общественных организаций.

Данные статистического учета, содержащиеся в фондах отдельных монополий, имеют особенности, связанные со спецификой конкретных синдикатов, состоянием различных отраслей производства. Они дают общую картину положения промышленности в связи с деятельностью синдикатов, их господством на рынке, влиянием на производство.

К материалам общего статистического учета операций синдикатов, характерным для любой монополии этого типа, примыкают материалы специального бухгалтерского учета, обязательные только для легальных синдикатов, зависевших от норм акционерного и торгового законодательства. Специфическая статья учета — учет операций и расчетов с контрагентами — нашла отражение в книгах общества «Продвагон». Ряд бухгалтерских материалов связан с учетом счетов контрагентов, состояния долевого учета, расчетами по каждому контрагенту. Документы специального бухгалтерского учета носят, таким образом, двойной характер. Это материалы, традиционные, характерные и обязательные для любого акционерного общества или товарищества, и особые книги, в которых фиксировались связи и операции специфические, характерные именно для монополий. Данные бухгалтерского учета синдикатов отражают деятельность как центральных, так и местных звеньев их аппарата. В отдельных монополиях имело, по-видимому, место преимущественное развитие специального бухгалтерского учета за счет ведомостей общего статистического учета, когда в книгах фиксировались данные, характерные именно для ведомостей общего учета, поступивших и исполненных заказов, состояния долей участия и др.

К числу материалов фондов, требующих специальной характеристики ввиду особого набора и информативных возможностей документов, относятся дела по ликвидации синдикатов. Ликвидация дел — возможный завершающий этап существова-

²⁸ Таблицы находятся в ЦГИА СССР, ф. 1517, оп. 1, ед. хр. 62, 113, 318; ф. 120, оп. 1, ед. хр. 323.

ния, предусмотренный для легальных обществ уставом и общим законодательством. Нелегальный синдикат ограничивался при ликвидации возвращением участникам залога. Легальное общество после постановления общего собрания приступало к официальной ликвидации. Разбор дел общества, подготовка его к ликвидации лежали на плечах ликвидационной комиссии. Материалы по ликвидации синдикатов документируют заключительный этап деятельности монополий. Как уже отмечалось выше, инициаторами прекращения деятельности союзов были, как правило, сами участники соглашений. Собрание писем, отражающих этот первый шаг ликвидации синдикатов, сохранилось в фонде РОСТ²⁹. Ответы руководства синдикатов позволяют восстановить картину борьбы вокруг вопроса о прекращении деятельности союзов, когда заправили синдикатов хотели любой ценой сохранить соглашение. Документы по ликвидации обществ содержат информацию о составе кредиторов, дебиторов, личном составе служащих агентств и центральных контор, неисполненных договорах, размерах залогов, ходе работы ликвидационной комиссии, ее составе.

Единая сущность всех синдикатов как сбытовых монополий, осуществлявших торговые операции через специальные продажные бюро, предопределила идентичность документальных остатков их деятельности, независимо от различий в формах их организации. Несмотря на неудовлетворительную в целом сохранность архивов синдикатов, остатки их делопроизводственных комплексов оказываются достаточно представительными и позволяют составить суждение об организации делопроизводства монополистических союзов этого типа. Привлекая эти материалы для конкретно-исторических исследований, необходимо учитывать, что фонды монополий в том виде, в каком они хранятся сейчас в архивах, являются собраниями делопроизводственных документов, возникших во всех звеньях аппарата синдикатов: в центральных управлениях, распределительных конторах, филиалах и пр.

В настоящее время использованы далеко не все информативные возможности фондов синдикатов. Нет обобщающих работ о деятельности таких монополий, как «Продвагон», «Продпаровоз», РОСТ, РТТЦ. В фондах монополий внимание исследователей привлекают, как правило, наиболее выразительные по форме документы (договоры, протоколы заседаний руководящих органов, некоторые письма, сводные таблицы). Связано это и с тем, что протокольная распорядительная, отчасти отчетная документация синдикатов имеет много общего с аналогичными материалами других частных коммерческих предприятий. Специфическая же документация, непосредственно обслуживавшая сбытовые и контрольные операции монополистических союзов, состоит из особых видов документов, структура, формуляр которых уже сами по себе содержат информацию о деятельности и характерных чертах монополистических объединений этого типа. В делопроизводственном аппарате монополий рождалась первичная информация о деятельности союзов, о сбытовых и торговых операциях, о взаимоотношениях участников, экономической политике. Отсюда тянулись нити связей с частными коммерческими предприятиями, банками, различными правительственными учреждениями. Это определяет значение материалов фондов синдикатов для изучения процессов монополизации промышленности России.

Г. Р. Наумова

²⁹ ЛГИА, ф. 1608, оп. 3, ед. хр. 13.

Рецензии

«Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории». В семи томах. Том первый. *«Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса».* М. Изд-во «Мысль». 1976. Тираж 30 000. 668 стр. Цена 3 руб. 46 коп.

Воссоздать общую картину освободительной борьбы рабочего класса от истоков ее до наших дней — такова задача семитомного коллективного труда, подготавливаемого Институтом международного рабочего движения АН СССР¹. Со страниц этого издания должен предстать самый передовой класс современного общества, осуществляющий в союзе со всеми трудящимися под знаменем К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина коммунистическое преобразование мира. Предстоит раскрыть процесс становления, возмужания, роста рабочего класса, подготовки его к выполнению предназначенной ему историей революционно-преобразовательной миссии, этапы его борьбы за ее осуществление, его грандиозные свершения и те рубежи, которых он достиг в ходе этой борьбы. Создаваемый труд, как подчеркивается во введении к первому тому, написанном кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК КПСС акад. Б. Н. Пономаревым, призван с марксистско-ленинских позиций осветить героический и сложный путь, пройденный международным революционным движением рабочего класса, — «от первых боев с эксплуататорами до превращения в самую мощную общественную силу, которая оказывает возрастающее воздействие на мировое развитие в пользу мира и социализма, национального и социального освобождения народов» (стр. 7).

¹ Издание осуществляется под руководством главной редакционной комиссии: Б. Н. Пономарев (председатель), Т. Т. Тимофеев (зам. председателя), А. И. Соболев (зам. председателя), О. Т. Богомолов, В. В. Вольский, А. А. Галкин, Ю. М. Гарушянц, Б. Г. Гафуров, Г. Г. Дилигенский, Е. М. Жуков, В. В. Загладин, А. Л. Нарочницкий, А. П. Порываев, С. С. Салычев, М. И. Сладковский, В. Г. Солодовников, П. Н. Федосеев, С. С. Хромов, А. С. Черняев, А. Н. Шлепаков, Я. Б. Шмераль. Редакционная коллегия первого тома: А. С. Черняев (ответ. ред.), А. А. Галкин, М. А. Заборов, Т. Т. Тимофеев. Авторы: А. А. Галкин (рук. авт. кол.), Г. А. Багатурян, И. А. Бах, В. С. Выгодский, М. А. Заборов, Н. Ю. Колпинский, Ю. П. Мадор, Н. М. Мещерякова, В. Г. Мосолов, А. Б. Резников, Т. Т. Тимофеев.

Разработка истории освободительной борьбы рабочего класса, формирования и развития его научного мировоззрения, возникновения и деятельности его национальных и международных организаций, его боевого авангарда — пролетарских партий постоянно была одним из генеральных направлений советской исторической науки. В СССР опубликованы научные биографии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, монографии по истории рабочего движения разных стран, по истории Союза коммунистов, I и II Интернационалов, Коминтерна и современного международного коммунистического движения. Глубоко и всесторонне изучается в нашей стране история Парижской Коммуны, революции 1905—1907 гг. в России, Великой Октябрьской социалистической революции и ее международное влияние. Большим отрядом советских ученых, занимающихся исследованием истории нашей партии, создана обширная литература, раскрывающая этапы деятельности Коммунистической партии Советского Союза, роль ее основателя В. И. Ленина в творческом развитии марксистского учения и претворении его в жизнь, всемирно-историческое значение опыта ее победоносной борьбы за свержение царизма и капитализма, за построение коммунистического общества. Завершается публикация много томной «Истории КПСС», подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Осуществляемое в настоящее время многотомное издание по истории международного рабочего движения опирается на достижения в этой области советской, а также и зарубежной марксистско-ленинской историографии и в то же время вносит новый большой вклад в ее развитие. Этот труд, судя по первому тому, задуман как синтетическое исследование крупного масштаба, подводящее итоги многолетним усилиям историков-марксистов, которые занимались изучением отдельных сторон истории освободительного движения рабочего класса. Теперь же ставится задача отобразить ее в целом, охватив все ее важные стороны

и этапы, рассмотреть главнейшие события классовой борьбы пролетариата не изолированно и не в рамках истории отдельных стран, а как звенья единого всемирно-исторического процесса, превратившего рабочий класс в решающую силу общественного прогресса. К тому же в сферу анализа включаются не только вопросы истории, но и теории мирового рабочего и коммунистического движения, проблемы его стратегии и тактики. От предыдущих работ рассматриваемый труд отличается, таким образом, как поистине беспрецедентной широтой своих задач и более высоким уровнем обобщения, так и сочетанием исторического и теоретического подходов к изучаемому предмету. Создание такого труда отвечает указаниям XXV съезда КПСС, который ориентировал представителей общественных наук на то, чтобы «продолжить работу по научному обобщению всемирно-исторического опыта КПСС, международного коммунистического и рабочего движения»².

О широте замысла многотомной коллективной монографии говорит опубликованное в первом томе общее введение. В нем четко обрисованы главные задачи всего труда и методологические принципы подхода к разработке темы, намечены основные вехи общей периодизации истории освободительной борьбы рабочего класса и дана характеристика тех узловых проблем, освещению которых посвящен семитомник. Их раскрытие в первую очередь дает читателю представление о закономерностях развития рабочего движения и источниках всевозрастающей силы его воздействия на ход всемирной истории. Убедительно показано во введении не только научно-познавательное, но и актуальное политическое значение всестороннего изучения и усвоения огромного опыта классовой борьбы пролетариата, выяснения преемственности этой борьбы, цельного восприятия всего процесса его развития, каждый этап которого все больше приближает человечество к коммунизму.

Основное содержание первого тома посвящено возникновению пролетариата и становлению его как революционного класса. Хронологически том охватывает весьма обширную историческую полосу: от эпохи зарождения капитализма и ранних буржуазных революций до кануна Парижской Коммуны 1871 года. Формирование в 40-х годах XIX в. научной идеологии пролетариа-

та — марксизма рассматривается авторами как исторический рубеж, открывающий качественно новый этап пролетарской борьбы. В соответствии с этим том делится на две части. В первой исследуется домарковский этап классовой борьбы пролетариата, во второй — начало процесса соединения научного коммунизма с рабочим движением вплоть до образования и первых 6 лет деятельности Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала), заложившего, по словам В. И. Ленина, «фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм»³. В целом в основу структуры книги положена ленинская периодизация всемирной истории.

Главным достоинством труда является убедительный показ закономерного характера развития рабочего движения. В книге раскрыты объективные предпосылки и историческая обусловленность классовой борьбы пролетариата, типичные особенности ее проявления на разных ступенях, неизбежность смены форм сопротивления рабочих эксплуатации, стадийных изменений в освободительном процессе. Даже на самых ранних этапах, когда революционные выступления рабочих отличались стихийностью, распыленностью, локальной ограниченностью, сходные условия эксплуатации рабочего класса в разных странах порождали общие, характерные для всего рабочего движения черты. Выявление их на основе анализа обширного фактического материала многих стран и континентов является большой заслугой авторов. Эти общие закономерности, действие которых усиливалось по мере развития рабочего класса и его борьбы, подчеркиваются всем содержанием тома. Они обусловили интернациональное сплочение пролетариата, способствовали установлению уз классовой солидарности между рабочими разных стран.

Избранный авторами аспект исследования, несомненно, принес плодотворные результаты, придав тому во многих отношениях творческий, новаторский характер. Даже хорошо известные читателям из других работ и учебных пособий события и факты предстают на его страницах в нешаблонном виде, в более осмысленной и глубокой исторической связи.

В томе использован чрезвычайно большой документальный материал, почерпнутый как из последних советских и зарубежных работ, так и из первоисточников. В ряде случаев авторы вводят в оборот ра-

² «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 214.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 303.

нее неизвестные или еще недостаточно изученные документы. Так, в главе 7-й «Рабочий класс в европейских революциях 1848—1849 гг.» широко использована редчайшая коллекция афиш, листовок, рабочих газет и т. д. того времени, хранящаяся в фондах библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС (см. стр. 401—403, 411, 413, 421, 423, 426, 433, 452—453). В главах, посвященных возникновению марксизма и обобщению К. Марксом и Ф. Энгельсом опыта революции 1848 г. (6-я и 8-я), привлечены недавно открытые документы Союза коммунистов, излагается содержание не дошедших до нас писем К. Маркса в передаче одного из обвиняемых на Кёльнском процессе коммунистов П. Рёзера (стр. 381—382, 493—495). В главе о I Интернационале (9-я) приведены факты, проливающие дополнительный свет на связь К. Маркса с русскими революционерами (стр. 563—564).

Выделяя главные общие закономерности истории рабочего движения, авторы в то же время постоянно учитывают особенности отдельных национальных отрядов рабочего класса, специфику условий его освободительной борьбы в отдельных странах. В книге подчеркивается, что, хотя эта борьба в целом шла по восходящей линии, с нарастающей силой, ее развитие не было прямолинейным. Оно носило диалектический характер, было временами сопряжено с тяжелыми поражениями и спадами, сопровождалось преодолением внутренних противоречий, противоборством различных тенденций и течений.

В монографии показано выдающееся место рабочего движения в общем ходе истории уже в рассматриваемые периоды. На каждой новой исторической ступени возрастал удельный вес пролетариата в общественной жизни, все дальше продвигался процесс выделения его из общедемократического лагеря в самостоятельную классовую силу. Таким образом, уже к концу второй трети XIX в. были заложены основы превращения рабочего класса в ведущий фактор общественного развития, создана почва для повсеместного образования массовых самостоятельных политических партий пролетариата. Фазы этого процесса четко охарактеризованы в томе.

Первые три главы дают наглядное представление о происхождении пролетариата, об условиях его существования и сопротивлении гнету в мануфактурный период капитализма, о характере и последствиях промышленного переворота, формировании фаб-

рично-заводского рабочего класса, о тех изменениях, которые претерпела в связи с этим пролетарская борьба, о зарождении новых форм социального протеста и объединения рабочих. Здесь дана обстоятельная характеристика генезиса капитализма и перехода его от мануфактурной к индустриальной стадии. При этом показаны не только социально-экономические, но и социально-психологические стороны процесса складывания промышленного пролетариата. Авторами отмечены как общие черты, так и особенности этого процесса в разных странах Европы и Азии, в США, Канаде, Латинской Америке. В томе проводится различие между странами раннего и позднего генезиса капитализма, между формированием пролетариата в условиях свободного развития капиталистической системы и в обстановке, когда буржуазный уклад был оплетен сетью феодальных отношений. И в то же время с полным основанием сделан вывод о всемирно-историческом характере исследуемого процесса, несмотря на несовпадение хронологических рамок, темпов и интенсивности его в разных странах.

Вполне оправданно то серьезное внимание, которое уделено в книге промышленному перевороту, начавшемуся в последней трети XVIII в. в Англии, а в первой половине XIX в. и в других странах Европы и в США. На первое место при этом обособленно выдвигается не техническая сторона промышленной революции, достаточно полно освещенная в литературе, а ее социально-экономические аспекты, ее роль в ломке прежнего общественного строя, в складывании капиталистических отношений и прежде всего в формировании рабочего класса. «Именно крупная машинная индустрия создала категорию постоянных, потомственных рабочих, целиком и полностью связанных с фабрично-заводским производством» (стр. 116). Известно, какое значение придавали исследованию этой стадии развития капитализма К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Их классические труды — «Капитал», «Положение рабочего класса в Англии», «Развитие капитализма в России» и др. — свидетельствуют, что в анализе этой стадии они видели путь к полному научному выяснению генезиса капитализма и происхождения рабочего класса, к осмыслению его места в общественном развитии, его всемирно-исторической миссии.

В томе, промышленная революция и ее социально-экономические последствия рас-

смотрены всесторонне, с учетом всей сложности этого исторического явления. Авторами отмечены неравномерность осуществления промышленного переворота не только в разных странах, но и в рамках каждой из них, в различных отраслях народного хозяйства, его влияние на коренные изменения в структуре, социальном положении и социальной психологии трудящихся масс, вызванные им демографические сдвиги, миграция населения, процесс урбанизации и т. д. Нарисованная картина изобилует наглядными примерами. Убедительны обобщающие выводы, в частности подчеркивание того обстоятельства, что, хотя на ранней стадии капиталистической индустриализации складывавшийся промышленный пролетариат количественно еще не преобладал среди наемных рабочих, сосуществуя с мануфактурно-ремесленными мастеровыми, работниками домашней промышленности, крестьянами, уходившими на сезонный промысел, и т. д., промышленная революция оказалась сильнее воздействии и на доиндустриальные формы наемного труда. Она подчинила их доминирующей в экономике фабричной системе. Качественно иной сделалась, в частности, безработица трудящихся, приобретя характер постоянной резервной армии труда для фабрично-заводской промышленности (стр. 126—127, 129).

Трактовка проблем промышленной революции в новом труде направлена против тенденции представителей буржуазной историографии объяснять ряд ее теневых последствий чисто техническими причинами, снимая ответственность за них с капиталистической системы (французские историки Э. Доллеан, Ж. Деов), или, как это проявляется в работах американских авторов М. Т. Коупленда, Дж. Шефера и др., вообще апологетически приукрашивать положение рабочих на капиталистической фабрике (стр. 132—133, 144). В книге это положение обрисовано весьма реалистическими красками. Здесь отчетливо показано, что капиталистическая индустриализация принесла неисчислимые бедствия трудящимся, и в то же время в ней проявилось бурное развитие производительных сил, революционизировавшее саму основу буржуазного общества. На примере промышленной революции конца XVIII — первой половины XIX в. ярко выявлена глубокая противоречивость общественного прогресса при капитализме. В книге, в частности, отмечается, что, как ни тяжелы были условия труда и жизни промышленного пролета-

риата, сама концентрация его на крупных промышленных предприятиях и в промышленных центрах способствовала его классовому сплочению и революционному воспитанию. Создавались материальные предпосылки и соответствующая духовная атмосфера для развертывания освободительной борьбы, для перехода к ее новым фазам, более высоким, чем революционное движение наемных рабочих и предпролетариата до индустриальной эпохи. Разумеется, революционные традиции и этой эпохи не исчезли бесследно, передаваясь от поколения к поколению, но они модифицировались и обогащались опытом новых классовых боев.

Пролетариат, подчеркивается в томе, проявил себя как революционный класс с момента своего зарождения, что нашло свое выражение и в первоначальных формах его сопротивления эксплуатации, и прежде всего в активном участии в антифеодальных движениях. Авторами нарисована впечатляющая картина революционных действий пролетариатуемых плебейских масс в ранних буржуазных революциях, подтверждающая мысль Ф. Энгельса о том, что именно благодаря этим действиям ломка феодального строя осуществлялась более радикально, чем этого хотела даже сама буржуазия⁴. Весьма высоко следует оценить включение в рассматриваемые главы материала, характеризующего участие рабочих людей России в крестьянских восстаниях XVII—XVIII вв., особенно в Крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева (стр. 91—95), а также ранние формы борьбы формирующегося российского промышленного пролетариата первой половины XIX в. (стр. 200—204).

Убедительна характеристика, которая дается в книге первоначальным формам проявления классовой активности пролетариата, порожденной промышленной революцией, в частности движению «разрушителей машин» (луддизму). В противовес буржуазной историографии, склонной изображать это движение бесплодным проявлением отчаяния и ретроградного отношения к технике, в работе оно с полным основанием толкуется как выступление не против технического прогресса, а против капиталистического применения машин. При всей стихийности, незрелости и т. д. этого движе-

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 308—309.

ния оно дало толчок развёртыванию экономической борьбы рабочего класса и являлось переходной ступенью к ее более эффективным и организованным формам: стачкам, созданию профессиональных союзов и т. д. (стр. 191—195). Всестороннему анализу этих форм отведены многие страницы тома.

Большое внимание в монографии уделено идеологической стороне развития рабочего движения. Специальная, 4-я глава посвящена утопическому социализму. Здесь дана обобщающая характеристика домарксовской социалистической мысли — одного из теоретических источников марксизма; показана историческая роль утопического социализма, особенно учения его корифеев А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна, как идеологического отражения развивавшегося, но не достигшего еще достаточной зрелости антагонизма между рабочим классом и буржуазией, стихийного стремления пролетариата к коренному преобразованию существующего общества. В то же время отмечены и исторические обусловленные слабости и ограниченность взглядов социалистов-утопистов, фантастические черты их доктрин, их оторванность от реальных потребностей классовой борьбы.

Богатым фактическим материалом насыщена 5-я глава. Она знакомит читателя с первыми революционными выступлениями рабочего класса на политической арене в качестве самостоятельной классовой силы — восстаниями 1831 и 1834 гг. в Лионе, 1839 г. в Ньюпорте (Уэльс), 1844 г. в Силезии, с возникновением первых политических организаций пролетариата — французских тайных обществ периода Июльской монархии, объединения немецких рабочих и ремесленников — Союза справедливых, первых рабочих партий в США. Подробно рассмотрено первое массовое, политически оформленное пролетарское революционное движение — чартизм, который, по характеристике В. И. Ленина, «во многих отношениях был подготовкой марксизма, «предпоследним словом» к марксизму»⁵. Создание в 1840 г. Национальной чартистской ассоциации, широкие кампании за проведение Народной хартии, организованные чартистами, массовые революционные выступления осенью 1842 г. справедливо оцениваются авторами как «значительный шаг вперед в истории классовой борьбы пролетариата» (стр. 311).

Большим достоинством 5-й главы является

ся анализ форм пролетарской идеологии, соответствовавших этой ступени рабочего движения, — «рабочего коммунизма» Э. Кабе, Т. Дезами, О. Бланки, В. Вейтлинга, воззрений революционных чартистов. Не впадая в идеализацию представителей этого пролетарского крыла критически-утопического социализма и коммунизма, а также идеологов чартизма, показывая незрелые стороны их мировоззрения, авторы в то же время воздают им должное как первым теоретикам рабочего класса, способствовавшим пробуждению его к самостоятельной политической деятельности. Сами попытки на этих ранних ступенях пролетарской борьбы теоретически осмыслить ее задачи при всем утопизме этих попыток свидетельствовали о появлении насущной потребности в создании подлинно научной теоретической основы рабочего движения.

Этой основой явилось великое учение К. Маркса и Ф. Энгельса. Его формированию и развитию в 40—60-е годы XIX в., плодотворному воздействию марксизма на международное рабочее движение, практической революционной деятельности основоположников научного социализма посвящены стержневые главы второй части тома. В главе 6-й освещается процесс генезиса марксистского учения, превращения социализма из утопии в науку. Под этим углом зрения проанализировано содержание важнейших работ К. Маркса и Ф. Энгельса, начиная от статей в «Рейнской газете» и вплоть до «Немецкой идеологии» и «Манифеста Коммунистической партии». Особенно обстоятельно раскрыто теоретическое богатство этого первого программного документа научного социализма.

В главе показано, что созданием К. Марксом и Ф. Энгельсом первой международной коммунистической организации пролетариата — Союза коммунистов было положено начало соединению научного социализма с практической борьбой рабочего класса против капиталистического строя и качественно новой стадии во всем международном рабочем движении, которое отныне стало развиваться под девизом «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Пролетарский интернационализм, теоретически обоснованный К. Марксом и Ф. Энгельсом, отныне становится ведущим принципом идеологии и борьбы рабочего класса. Как основание, так и вся деятельность Союза коммунистов, подчеркивается в главе, протекала в условиях острой идейной борьбы К. Маркса, Ф. Энгельса и их сто-

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 290.

ронников с различными течениями мелкобуржуазного социализма. Приходилось преодолевать и груз заблуждений «рабочего коммунизма», присущие ему уравнилельские утопические тенденции, обусловившие, в частности, вырождение вейтлингианства в мелкобуржуазную ремесленническую секту.

Первой исторической проверкой марксизма явились европейские буржуазно-демократические революции 1848—1849 гг., подтвердившие глубокую правильность его теоретических выводов и тактических установок. Однако марксизм в это время был идейным знаменем лишь небольшого авангарда пролетариата, который не мог оказывать решающего влияния на ход событий. Основная масса рабочих действовала в революции еще под влиянием классового инстинкта. И вместе с тем, как ярко показано в главе 7-й, в огне революции раскрылись могучие революционные потенции, заложенные в пролетариате, его способность к невиданным героическим подвигам в борьбе за свободу. События 1848—1849 гг., отмечается в книге, показали, что рабочий класс «впервые в истории сконцентрировал в себе основную революционную энергию общества» (стр. 485). Они продемонстрировали, как далеко зашел процесс поляризации классовых сил, углубления противоречий между пролетариатом и буржуазией даже там, где последней еще противостояли феодально-аристократические круги (Австрия, Пруссия и другие германские государства). Во Франции обострившийся антагонизм привел к открытому столкновению, к июньскому восстанию парижского пролетариата. В. И. Ленин указывал, что это была «первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией»⁴. Июньские события 1848 г. в Париже справедливо рассматриваются в главе как кульминационный пункт всей европейской революции.

Убедительно раскрыто в томе значение уроков революции 1848—1849 гг. для развития рабочего движения. Несмотря на поражение революционных сил, тот мощный рывок, который совершил в этот период пролетариат Франции к классовой политической самостоятельности, не пропал даром. Углубилось понимание коренной противоположности интересов буржуазии и пролетариата, были изжиты многие иллюзии «социального братства», потерпел банкротство ряд реформистских школ мелкобуржуазного социализма. Немалую пользу

принес опыт деятельности рабочих организаций, созданных в период революции. Глубокий след в сознании передовых рабочих оставила издававшаяся в это время пролетарская периодическая печать, особенно «Новая Рейнская газета» К. Маркса и Ф. Энгельса. В целом 1848—1849 годы явились одним из переломных моментов в истории европейского пролетариата.

Широкие перспективы для рабочего движения, как отмечается в главе 8-й о развитии марксизма в 50-х — начале 60-х годов, открыло теоретическое обобщение К. Марксом и Ф. Энгельсом опыта революций 1848—1849 годов. Этот этап развития марксизма характеризуется значительным обогащением всех трех его составных частей. Особенно выдающимся научным достижением были завершение создания марксистской политической экономии, разработка К. Марксом теории прибавочной стоимости. Этим было дано экономическое обоснование всемирно-исторической роли рабочего класса как творца нового, коммунистического общества и углублены теоретические основы его освободительной борьбы.

Глава 9-я посвящена I Интернационалу. В ней охарактеризованы предпосылки его основания в 1864 г. и его разносторонняя деятельность по сплочению различных национальных отрядов рабочего класса. Яркими штрихами показан рост влияния Интернационала среди рабочих, освещены его усилия, направленные на мобилизацию масс на борьбу за классовые требования рабочих, укрепление их международной солидарности, демократические преобразования, в защиту мира, в поддержку национально-освободительных движений. В главе не только подчеркнута руководящая роль К. Маркса и Ф. Энгельса в Интернационале, но и раскрыты методы их руководства этой первой массовой международной пролетарской организацией, существенные черты их деятельности в качестве ее подлинных основателей и вождей, авторов ее программных документов и тактических платформ. Международному Товариществу Рабочих приходилось постоянно бороться за преодоление влияния реформистских и сектантских элементов (прудонистов, мадзинистов, лассальянцев, либеральных тредюнионистов, бакунистов). В оценку этих непролетарских течений авторы вносят много нового, оригинального.

Авторам удалось отойти от традиционно-го изложения истории I Интернационала от конгресса к конгрессу и дать обобщающую

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 305.

характеристику его деятельности в целом, а тем самым и лучше осветить его роль в развитии различных форм организации рабочего класса: профсоюзов, рабочих кооперативов, просветительных обществ и т. д. в рабочей печати. Сильнейший импульс дал Интернационал процессу консолидации рабочего класса в национальных масштабах и подготовке условий для возникновения в ряде стран самостоятельных политических партий рабочего класса. Большое значение в этом смысле имело создание в 1869 г. на съезде в Эйзенахе Социал-демократической рабочей партии Германии, образование которой рассматривается в книге как знаменательное событие, как крупная победа идей научного социализма (стр. 585—586).

Содержание тома заострено против буржуазных и реформистских фальсификаций истории рабочего движения. В критико-историографических отступлениях авторы дают отпор пропагандистам различных антимарксистских концепций, в которых принижается и искажается роль рабочего класса в общественном развитии. Несостоятельность этих концепций доказывается и самим позитивным изложением материала. Боевую направленность книги усиливает и глава 10-я «Об идейной борьбе вокруг оценки исторической роли пролетариата». Она специально посвящена критическому разбору точек зрения различных школ и направлений в социологии и историографии XIX и XX вв. (а также представителей современного ревизионизма), противопоставляемых марксистско-ленинскому толкованию истории международной освободительной борьбы пролетариата.

Заключительная, 11-я глава подводит итоги исследования и, несомненно, поможет читателю глубже осмыслить содержание тома.

Разумеется, при создании такого многопланового издания трудно осветить все проблемы с одинаковой полнотой. Авторскому коллективу удалось в целом преодолеть эти трудности. Однако кое-какие упущения в томе все же имеются. Так, досадным пробелом является отсутствие в 1-й главе даже упоминания о восстаниях пролетарских и плебейских масс Парижа против термидорианского режима 12 жерминаля (1 апреля) и 1—4 прернала (20—24 мая) 1795 года. Между тем эти яркие эпизоды классовой борьбы были детально изучены именно советской историографией⁷. На от-

дельных страницах тома говорится о крахе реформистских проектов Луи Блана, о разочаровании в них рабочих (стр. 405, 408, 526), однако нигде не разъясняется сущность лублановского социализма. Недостаточно раскрыта в томе борьба течений в чартистском движении — показатель его идейной неоднородности. Далеко не всеми чартистами были восприняты социалистические доктрины Оуэна, как об этом говорится на стр. 381.

Ряд положений сформулирован авторами с излишней категоричностью. Так, вряд ли можно утверждать, что после подавления июньского восстания 1848 г. во Франции «начинается контрреволюционный период» (стр. 441). Буржуазно-демократическая революция в этой стране не закончилась июньскими событиями, хотя и развивалась по нисходящей линии. Нельзя сказать, что в 1848 г. целиком отсутствовала революционная ситуация в Англии (стр. 484). Подъем чартистского движения, попытка некоторых чартистов поднять восстание в августе 1848 г., отмеченные Ф. Энгельсом⁸, резкое обострение национально-освободительной борьбы в Ирландии не укладываются в рамки этого тезиса. Спорным является утверждение о том, что в учредительных документах I Интернационала К. Маркс «не счит нужным выступить с идеей диктатуры пролетариата» (стр. 543). Ведь авторы тут же приводят мысль «Учредительного Манифеста» о необходимости завоевания рабочим классом политической власти (стр. 544). Разве эта мысль не заключала в себе в приемлемой для тогдашнего уровня рабочего движения форме идею диктатуры пролетариата?

Можно указать и на некоторые неудачные с точки зрения логики и хронологии места. На стр. 213 говорится, что революционные тенденции, проявившиеся в ряде выступлений рабочих, в том числе в 1839 и 1841 гг., получили свое «дальнейшее развитие» в лионских восстаниях, то есть в событиях, которые произошли раньше! Принятие в Англии в 1847 г. закона о 10-часовом рабочем дне для женщин и подростков на стр. 281 изображено как результат усилий Оуэна и его последователей, а на стр. 317 отмечается, что это завоевание дал рабочему классу чартизм. В 1859 г. не могла наметиться капитуляция прусской либеральной буржуазии перед Бисмарком, как

⁷ См. Е. В. Тарле. Жерминаль и Прернал. Сочинения. Т. VI. М. 1959.

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 45, стр. 462.

сказано на стр. 589, по той простой причине, что последний стал во главе правительства Пруссии лишь в сентябре 1862 года.

Отмеченные упущения касаются частных и ни в коей степени не могут отразиться на признании правильности и убедительности общей концепции, высокой на-

учной ценности и актуального значения рецензируемого труда. Выпуском его в свет положено начало осуществлению фундаментального издания по истории и теории международного рабочего движения.

Л. И. Гольман

Н. И. МАТЮШКИН. *Патриотизм и интернационализм советского народа (Исторический опыт и современная деятельность КПСС)*. Изд-во МГУ. 1975. 416 стр. Тираж 4 820. Цена 2 руб. 10 коп.

Сочетание интернационального и национального, интернационализма и патриотизма — коренные проблемы развитого социализма в СССР, социалистического содружества, всего современного мирового революционного процесса. Они всегда занимали видное место в нашей литературе. Появились по этой проблематике и специальные работы, однако в большей части они носят социологический и философский характер; в них слабо отражен исторический аспект проблемы.

Монография кандидата исторических наук доцента МГУ Н. И. Матюшкина в значительной мере восполняет этот пробел. В ней обобщаются исторический опыт и современная деятельность КПСС по развитию патриотизма и интернационализма, патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся. Автором на широком документальном материале рассмотрена теоретическая разработка В. И. Лениным этих кардинальных проблем, проанализирована и обобщена идейно-теоретическая, организаторская и практически-политическая деятельность партии в этой области на различных этапах ее истории.

В центре внимания автора — освещение роли ленинизма как идейно-теоретической основы патриотизма и интернационализма трудящихся, всесторонняя разработка В. И. Лениным идеологии и политики пролетарского интернационализма, дружбы народов и патриотизма. Из этого сложного и многогранного комплекса проблем особо выделяется и тщательно рассматривается Н. И. Матюшкиным интернациональный характер методологических принципов, содержание и значение теории, программы и политики КПСС в национальном вопросе и национальных отношениях на различных

этапах развития партии, роль пролетарского интернационализма и патриотизма, их противоположность шовинизму, национализму и космополитизму, антинациональный характер и родство национализма, правого и «левого» оппортунизма.

Первостепенное место в книге отводится анализу единства и нераздельности пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма. Автор обращается к идейному наследию В. И. Ленина, партийным документам, освещает последовательную и решительную борьбу партии против буржуазного национализма, разоблачение ею демагогических попыток буржуазии противопоставлять национальные интересы и задачи трудящихся их социальным интересам и задачам, патриотизм и национальную гордость — интернациональным интересам и задачам. В книге глубоко раскрываются положения В. И. Ленина о революционной борьбе пролетариата как высшем выражении патриотизма в антагонистическом обществе. Значительное место в книге занимает научная разработка этой важной теоретической и политической проблемы, помогающей яснее видеть величие революционного патриотического и интернационального подвига нашей партии и руководимых ею трудящихся масс, равно как и марксистско-ленинских партий и пролетариев всего мира. Правильная постановка и решение этого вопроса имеют большое значение для разоблачения антикоммунистических фальсификаций, касающихся патриотизма революционного пролетариата. Интересны высказанные автором соображения об отношении ленинизма к национальным традициям, а также об ответственности исследователей за правильное освещение этих вопросов. Н. И. Матюшкин

показывает методологическую и политическую роль открытых В. И. Лениным двух тенденций в национальном вопросе при капитализме, их учета в программе, политике и практической деятельности партии в дооктябрьский период, и прежде всего в ее работе по интернациональному воспитанию трудящихся.

Большое внимание автор уделяет проблемам формирования советского патриотизма, социалистического интернационализма и дружбы народов, превращения их в мощные движущие силы нового общества. Он рассматривает такие кардинальные проблемы, как Великая Октябрьская социалистическая революция и становление национальных отношений нового типа, победа социализма в нашей стране как общенародное завоевание трудящихся, строительство коммунизма в СССР как высший патриотический и интернациональный подвиг советского народа, международное значение опыта КПСС по интернациональному и патриотическому воспитанию населения.

Обстоятельно характеризует Н. И. Матюшкин советский патриотизм как патриотизм высшего, социалистического типа, воплощение в нем основных черт революционного патриотизма рабочего класса, его принципиальное отличие от патриотизма прошлых эпох и противоположность буржуазному патриотизму. Разработка этих вопросов имеет как теоретическое, так и политическое значение и служит действенным средством для разоблачения антикоммунистических фальсификаций, стремящихся представить патриотизм советских людей как некую извечную и неизменную категорию, полученную в наследство от старого строя.

Актуально исследование автором вопросов становления социалистического интернационализма и зарождения дружбы народов СССР, которые рассматриваются в книге в прямой связи с природой социалистического строя.

На основе анализа ленинского идейного наследия и документов КПСС Н. И. Матюшкин, касаясь проблемы формирования и развития социалистического интернационализма, обращается к вопросу о сочетании общих закономерностей и национальных особенностей в строительстве социализма в СССР. Он подчеркивает, что глубокое раскрытие исторического пути народов СССР чрезвычайно важно и для правильного освещения прошлого, и для лучшего понимания современных отношений, и для разо-

блечения буржуазных фальсификаций ленинской национальной политики партии.

Монография тесным образом связана с современностью, с практикой коммунистического строительства. Под этим углом зрения автор исследует такие вопросы, как советский патриотизм и коммунистическая убежденность трудящихся СССР, патриотизм и трудовое воспитание, укрепление единства патриотизма и интернационализма советского народа и социалистических наций в процессе коммунистического строительства в СССР. Раскрывая первостепенное значение марксистско-ленинского мировоззрения в формировании человека коммунистического общества, Н. И. Матюшкин показывает, что воспитание коммунистическое отвечает задаче укрепления позиций и жизненной силы советского патриотизма и дружбы народов СССР, задаче дальнейшего воспитания социалистического интернационализма.

Серьезное внимание в монографии уделяется действительности патриотизма и интернационализма советского народа. Автор характеризует деятельность партии и народа на главном, магистральном направлении борьбы за коммунизм — создании экономического фундамента нового общества, связь между трудом и трудовым воспитанием как частью патриотического и интернационального воспитания. В книге отмечается важная роль патриотизма и интернационализма в трудовом воспитании.

При рассмотрении проблемы дальнейшего развития патриотизма и интернационализма в современных условиях Н. И. Матюшкин анализирует тенденции расцвета и сближения социалистических наций, четко определяет соотношение между этими диалектически единными сторонами процесса их развития. В этих суждениях автора, опирающегося на документы КПСС и компартий союзных республик, подчеркивается значение сближения наций как одинаково важного фактора и для наций внутри отдельных стран социализма и для всего содружества социалистических государств. Н. И. Матюшкин показывает связь расцвета и сближения наций с формированием и развитием советского народа как новой исторической общности людей. Общенародный характер советского патриотизма, отчетливо проявившийся уже в момент его зарождения, с возникновением советского народа как новой исторической общности людей стал одной из его наиболее значительных

черт. В книге обращено внимание на то, что кульминационным пунктом проявления общенародности советского патриотизма явилось возникновение общенациональной гордости советских людей, существо которой также предопределено характером новой исторической общности людей.

Освещая современную деятельность Коммунистической партии по воспитанию социалистического патриотизма и интернационализма, по преодолению проявлений и пережитков шовинизма и национализма, автор выявляет ее актуальность, теоретическую и практически-политическую значимость. Большой интерес представляют содержащиеся в книге теоретические соображения и фактический материал о деятельности партийных организаций в данной области.

Характеризуя международное значение опыта КПСС по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся, Н. И. Матюшкин на основе анализа документов и материалов КПСС и братских марксистско-ленинских партий рассматривает эту проблему в трех основных направлениях: сочетание интернационализма и патриотизма в становлении и развитии социалистического содружества, в его политических и экономических связях и особенно в согласованных действиях в борьбе за мир; проявление интернационализма в росте сил, влияния и сплочения мирового коммунистического и рабочего движения; воплощение идей интернационализма в активной поддержке социалистическими странами

национально-освободительного движения и в их бескорыстной помощи народам освободившихся стран. При этом освещается творческое использование братскими партиями опыта КПСС и, в свою очередь, нашей партией их опыта, также имеющего большое интернациональное значение.

Монография — ценное исследование исторического опыта и современной деятельности КПСС по развитию социалистического патриотизма и интернационализма советского народа, по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся. Не претендуя на исчерпывающее раскрытие избранной темы, автор поставил и осветил ряд важных и актуальных проблем, имеющих первостепенное значение. Однако не все аспекты проблемы разработаны в книге с достаточной глубиной и полнотой, например, роль патриотического и интернационального воспитания в нравственном формировании личности. Специального рассмотрения заслуживают нравственно-патриотические и нравственно-интернациональные аспекты коммунистического воспитания. Более углубленного исследования требует вопрос об общенациональной гордости советских людей. Интересные положения, высказанные автором по данному вопросу, нуждаются в подкреплении их фактическим материалом.

В целом книга способствует дальнейшей разработке важной и актуальной темы.

А. Л. Угрюмов

«Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917—1973)».

М. Политиздат. 1975. 576 стр. Тираж 50 000. Цена 1 руб. 23 коп.

История советского рабочего класса отражена в десятках монографий, сотнях научных статей и документальных публикациях. В данном издании предпринята попытка отразить его славную биографию в целом — от победы диктатуры пролетариата до наших дней. Книга подготовлена группой ученых¹. По сравнению с прежним

изданием² она обновлена почти наполовину, ряд разделов существенно дополнен, переработан или написан заново. Популярная форма изложения, рассчитанная на массового читателя, сочетается со строго научным содержанием книги.

Авторы не ставили перед собой задачу ввести в текст какие-либо ранее неизвестные цифры и сведения. Посредством систематизации и научного обобщения накопленного огромного материала они пытались охарактеризовать основные этапы развития советского рабочего класса в их хро-

¹ Авторский коллектив: Е. Э. Бейлина, Ю. С. Борисов, В. Я. Горюв, А. Я. Грунт, В. З. Дробижев, Г. А. Куманев, В. С. Лельчук, В. Е. Полетаев, Л. С. Рогачевская, С. Л. Сенявский, В. Б. Тельпуховский. Под редакцией Ю. С. Борисова, Л. С. Гапоненко, А. И. Котеленца, В. С. Лельчука.

² «Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967». М. 1968.

пологической последовательности. В новых разделах раскрывается его решающая роль в построении развитого социалистического общества, осуществлении курса партии на создание материально-технической базы коммунизма, массовом соревновании за утверждение коммунистического отношения к труду, в социальном прогрессе.

Как ни странно, во многих трудах само понятие «советский рабочий класс» не раскрывается. В данной же книге авторы не только исходят из традиционных представлений о советском рабочем классе, но и пытаются выяснить, как на разных этапах истории обогащается само это понятие. Вопрос о рабочем классе с особой остротой поднимается на переломных рубежах его исторической деятельности. Так, к концу переходного периода от капитализма к социализму имело место мнение, что рабочий класс уже не существует, что все трудящиеся становятся тружениками социалистического производства, что можно ставить знак равенства между завершением нэпа и ликвидацией классов вообще. Это мнение появилось в результате недостаточной разработанности ряда важных теоретических вопросов, в том числе вопроса о характере существенных различий между двумя формами социалистической собственности — общенародной и колхозно-кооперативной. Анализируя документы и материалы того периода, авторы показывают, как именно тогда партия сформулировала тезис о возрастании роли рабочего класса в борьбе за построение коммунистического общества. С новой силой эта проблема стала обсуждаться в условиях развертывания научно-технической революции, и жизнь вновь подтвердила правоту тезиса партии о ведущей роли рабочего класса на современном этапе коммунистического строительства. Обращение авторов к этим сюжетам тем более важно, что книга рассчитана на широкие круги читателей. >

Ведущая и возрастающая роль рабочего класса в революционном преобразовании нашей страны, в строительстве социализма и коммунизма является главной идеей книги. В основу авторского подхода к проблемам, освещаемым в ней, положена мысль о том, что всякое дело, за которое борется рабочий класс в процессе своей созидательной деятельности, становится подлинно всенародным делом. Составляя примерно 10% населения страны, российский пролетариат под руководством большевистской партии стал главной силой отечественного

освободительного движения. В классовых битвах с царизмом и буржуазией он сумел повести за собой широкие массы трудящихся. В книге обоснован вывод, что сплоченность рабочего класса, высокий уровень его концентрации, его экономического и социального развития обеспечили успех социалистической революции.

Пolemически остро авторы разоблачают несостоятельность «меньшевистской» оценки российского пролетариата, исходившей из представления о нем как о некоем «переходном классе», «полурабочем-полукрестьянине» и в силу этого якобы неспособном овладеть государственной властью, повести за собой миллионные массы трудящихся (стр. 63, 64). На материалах промышленной и профессиональной переписи 1918 г. в книге обрисован облик российского рабочего в первый год Советской власти. На основе анализа данных переписи авторы приходят к заключению, что в этот период ведущие отряды рабочих в подавляющей своей массе были пролетариями в подлинном значении этого слова (стр. 64—67).

На конкретных фактах, наиболее полно отражающих сущность событий, в книге раскрывается коренной вопрос революции — о способности рабочего класса и его партии построить социалистическое государство, организовать управление страной. Авторы показывают, как рабочий класс, преодолевая неимоверные трудности, учился управлять, совершенствовал органы народной власти, проявлял коммунистическое отношение к труду, проводил первые социалистические преобразования, защищал революцию от внутренних и внешних врагов. Подробно освещается в книге комплекс сложных проблем, которые впервые в истории решали рабочий класс и его партия в процессе строительства социализма и коммунизма. Особую трудность при этом представляли проблема кадров, отсутствие опыта управления страной и производством. Творческая энергия и инициатива рабочего класса, всех трудящихся стали величайшей опорой Коммунистической партии в создании нового государства. Не было ни одного учреждения, ни одного звена управления; ни одной организации, отмечают авторы, где бы главенствующую роль не играли выходцы из рабочего класса, его выдвиженцы (стр. 181). В середине 20-х годов в составе руководителей высших органов промышленности более половины были выходцами из рядов пролетариата, 75% всех директоров фабрик и заводов в прошлом работали

у станка (стр. 196). В высшем законодательном органе страны — ЦИК СССР и в городских Советах рабочему классу принадлежало около 50% всех мест (стр. 197). Партия использовала разнообразные формы привлечения рабочего класса к управлению страной.

Не только данные статистики, но и анализ авторами сведений о судьбах многих передовых рабочих и батраков опровергают беспочвенные утверждения противников большевизма, которые, выступая против диктатуры пролетариата, кричали о незрелости рабочего класса нашей страны, его некультурности. Сначала, уверяли они, надо цивилизоваться, а потом уже брать власть и строить новую жизнь. В книге показано, что в процессе строительства социализма и коммунизма изменяется и социальный облик самого рабочего класса. Рабочие повышают свою производственную квалификацию, овладевают высотами науки, техники и культуры. Приведенные авторами данные подтверждают высокие темпы роста образовательного уровня труженников социалистического производства. В современных условиях отдельные группы рабочих по общеобразовательному уровню уже вплотную приблизились к инженерно-техническому персоналу. Этот вывод подтверждается статистическими данными, касающимися прежде всего характера выполняемого труда, участия рабочих в техническом прогрессе. Рост общеобразовательного и квалификационного уровня позволил на технологически сложных участках все чаще совмещать труд рабочих с трудом инженерно-технических работников. В ходе создания материально-технической базы социализма и коммунизма быстро росла численность рабочего класса, существенные изменения происходили в его составе (образование, квалификация, культура, распределение по отраслям промышленности). Этот процесс рассмотрен в книге на большом фактическом материале.

В соответствии с национальной политикой Коммунистической партии происходила ликвидация фактического неравенства ранее отсталых народов. Выравнивание уровня индустриального развития различных районов страны, отмечается в книге, способствовало росту рядов рабочего класса в национальных республиках, причем в ряде республик и национальных областей рабочий класс формировался сразу как класс социалистического общества.

Уже к началу 30-х годов в СССР была

уничтожена безработица. Авторы рассматривают это достижение Советской власти как событие всемирно-исторического значения.

Много внимания уделяется в книге усилению роли рабочего класса в общественно-политической жизни страны. Эта проблема освещается в неразрывной связи с показом роста активности рабочего класса в жизни и деятельности КПСС, социально-экономической политики партии, развития и дальнейшего укрепления союза рабочего класса с крестьянством, процесса сближения этих дружественных классов и социалистической интеллигенции. Ведущую роль рабочего класса и возрастание руководящей роли его авангарда — Коммунистической партии в ходе строительства социализма и коммунизма авторы рассматривают как процесс взаимообусловленный, объективный. В социалистическом общенародном государстве, подчеркивается в книге, рабочий класс остается самой передовой, самой организованной и численно растущей силой общества. Эта мысль особенно важна, поскольку некоторые ученые высказывали мнение, будто в ходе научно-технической революции принципиальная разница между рабочим классом и инженерно-технической интеллигенцией, между различными группами работников государственного сектора исчезла.

Творческая, созидательная роль рабочего класса решающим образом сказалась в процессе построения материально-технической базы социализма, а ныне проявляется в строительстве коммунизма. Раскрывая эту важнейшую проблему, авторы характеризуют участие рабочего класса в социалистическом соревновании, где наиболее полно отразились высокосознательное отношение к труду, творческая активность масс, рост уровня их культуры и деловой квалификации. Из поля зрения авторов не выпала ни одна сколько-нибудь значимая форма соревнования на всех этапах его развития. В книге названы десятки имен, с которыми связаны веки и целые этапы развития социалистического соревнования.

Рабочий класс прокладывает путь к коммунистическим, бесклассовым отношениям, оказывает могучее влияние на социальный прогресс советского общества. Раскрывая эту идею, авторы анализируют не только количественный, но и качественный рост рабочего класса — ведущей общественно-политической и социально-экономической силы развитого социализма. Под воздействи-

ем научно-технической революции возникают совершенно новые профессии, специальности, отрасли экономики, а вместе с тем и новые отряды рабочего класса. Ныне на Западе появились теории о сужении границ рабочего класса или его ликвидации в условиях научно-технической революции. Эти буржуазные концепции, цель которых — принизить творческую, созидательную роль рабочего класса, отрицать его историческую миссию, разоблачаются авторами аргументированно, на основе статистических и других документальных материалов.

В заключение несколько замечаний и пожеланий. Авторы отошли от традиционно рассмотренного только индустриальных отрядов рабочего класса, но все же мало внимания уделили рабочим новых профессий, возникших в условиях научно-технического прогресса. Почти ничего не говорится в книге о рабочих сферы обслуживания. Такое упущение тем более досадно, что в настоящее время заметно увеличивается роль рабочих, занятых в этих отраслях экономики.

За годы Советской власти произошли коренные изменения в условиях труда и быта рабочего класса, в образе его жизни. Однако не все эти проблемы достаточно раскрыты в книге. Полнее авторы освещают пе-

ремены в условиях труда, уделяя неоправданно мало внимания изменениям в быту и совсем не касаясь в этом плане образа жизни советского рабочего класса. О том, насколько актуальна данная тема, свидетельствуют материалы XXV съезда партии, в которых изучение социалистического образа жизни определяется как одно из важнейших направлений научных исследований.

Книга изобилует цифровым материалом, что более уместно в специальных исследованиях, нежели в сводных, обобщающих трудах. Наиболее важные цифры целесообразно было суммировать в таблицах (таковые почти полностью отсутствуют в книге).

Современные источники и литература позволяют более углубленно подойти к освещению ряда этапов истории рабочего класса, в частности периода Великой Отечественной войны, который изложен в книге излишне популярно.

Авторский коллектив на основе новейших научных данных создал интересный труд, освещающий весь комплекс проблем истории советского рабочего класса. Это позволяет отнести рецензируемую книгу к серьезным достижениям советской историографии.

Н. А. Кирсанов

К. В. ГУСЕВ. *Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции*. Исторический очерк. М. Изд-во «Мысль». 1975. 384 стр. Тираж 9 000. Цена 1 руб. 45 коп.

Монография доктора исторических наук К. В. Гусева является итогом многолетнего изучения автором истории одной из наиболее массовых мелкобуржуазных партий России¹. Книга представляет собой пока что единственное в отечественной историографии исследование, в котором рассматривается весь извилистый и противоречивый путь партии эсеров — с момента ее зарождения до полного распада под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции.

История социалистов-революционеров, подчеркивает К. В. Гусев во введении, — «это история эволюции и банкротства мелкобуржуазного социализма, теории и практики социал-реформизма и мелкобуржуазного революционаризма в России» (стр. 5). Изучение ее позволяет более полно и предметно обрисовать классовых врагов пролетариата в период Октябрьской революции и гражданской войны. Вместе с тем обобщение опыта классовой борьбы в России имеет и международное значение, ибо «поскольку промежуточные слои, которые по своему экономическому положению находятся между буржуазией и пролетариатом, имеются во всех капиталистических странах, постольку и мелкобуржуазные партии, подобные эсерам, — явление, свойственное не только России» (стр. 6). Раскрытие

¹ К. В. Гусев. Крах партии левых эсеров. М. 1963; его же. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М. 1966; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М. 1968, и др.

эволюции эсеров помогает сегодня вести идеологическую борьбу с мелкобуржуазным революционаризмом, современными теориями «чистой демократии», разоблачать домыслы буржуазных историков о взаимоотношениях большевиков и эсеров, рассеивать внушаемые буржуазными пропагандистами демократическим партиям сомнения в возможности сотрудничества с коммунистами.

По сравнению с предшествующими работами автора и исследованиями других историков в книге шире показаны позиции и деятельность всей партии эсеров в трех российских революциях, тактика большевиков по отношению к ним на разных этапах борьбы против царизма и капитала, влияние эсеров на крестьян, внутренне процессы развития этой партии, ее разложение и раскол, место и роль правых и левых эсеров в гражданской войне, бесславный уход партии мелкобуржуазного революционаризма с политической арены.

В работе использован обширный конкретно-исторический материал, как ранее публиковавшийся (иногда уже преданный забвению), так и почерпнутый в архивах. Большая часть документального материала впервые вводится автором в научный оборот. Что же касается привлечения уже известных источников, то они, как правило, переосмыслены, проанализированы и обобщены с учетом достижений современной науки.

На основе работ историков, занимавшихся вопросами борьбы большевиков с эсерами на местах, К. В. Гусев обстоятельно анализирует деятельность эсеров не только в городах, но и в уездах. Широта охвата фактов и событий сочетается в монографии с научной глубиной исследования. В отличие от ранее вышедших работ в ней более тщательно проанализированы теоретические и социальные истоки мировоззрения эсеров, специфика народнического мелкобуржуазного социализма, попытка социалистов-революционеров примирить народничество и анархизм с марксизмом, причины и суть политического авантюризма эсеров. В книге дано теоретическое обоснование разногласий между правыми и левыми эсерами, рассмотрены их связи и взаимоотношения, их тактика по отношению к другим партиям.

Автор по-новому подходит к вопросу о соглашательстве эсеров с буржуазией, с

кадетами. В отличие от установившейся в исторической науке точки зрения К. В. Гусев справедливо относит начало соглашения мелкобуржуазных политических партий с кадетами к первому этапу мировой войны. В июле 1915 г., пишет он, были проведены в Москве совещания с целью объединения эсеров-оборонцев и в Петрограде — съезд по объединению народнических течений (эсеров, трудовиков и народных социалистов); активную роль в созыве которого сыграл Керенский. «Прибывшие на съезд 30 представителей народнических групп одиннадцати городов признали неизбежность участия в обороне страны от внешнего насилия, необходимость демократизации страны и создания правительства, способного обеспечить победу» (стр. 88).

Мы присоединяемся к мнению автора и в вопросе о численности партии эсеров. В последние годы по мере повышения интереса к изучению истории непролетарских партий некоторые исследователи упорно пытаются установить точные данные о количественном составе этих партий, особенно в 1917 году. К. В. Гусев относится к этим цифрам очень осторожно. В одном из подстрочных примечаний он пишет: «Эсеры не вели учета членов партии в современном смысле слова, поэтому они сами не знали ее точной численности. Кроме того, был не совсем ясен и вопрос о том, кого считать членом партии» (стр. 99). Автор, безусловно, прав. Организационные основы эсеро-вской партии во многом были predeterminedены политической неустойчивостью, подверженной различным настроениям, переменчивой и аморфной мелкобуржуазной массой. Поэтому выяснить точно количественный состав мелкобуржуазных партий зачастую не только трудно, но и невозможно.

Монография имеет и другие достоинства. Композиционно стройная, написанная хорошим языком, она с интересом читается и побуждает к размышлениям, поискам вместе с автором ответов на поставленные в ней вопросы.

В книге содержится и некоторый материал об эсерах, после победы Советской власти в России оказавшихся в эмиграции. Думается, однако, что эти вопросы следовало бы рассмотреть полнее. Работа от этого выиграла бы, и история партии эсеров приобрела бы еще большую законченность.

В. В. Комин

«Революция 1905—1907 гг. в России». М. Изд-во «Мысль». 1975. 432 стр. Тираж 40 000. Цена 1 руб. 05 коп.

За последние годы появились монографические исследования о классах и партиях в первой русской революции, крестьянском движении, революционном движении в армии и на флоте, Советах, вооруженных восстаниях, думской тактике большевиков. Трудно назвать проблему, которой не были бы посвящены книги или статьи. Все это дало возможность глубоко раскрыть на фактическом материале ленинскую концепцию истории революции 1905—1907 гг., на ее основе воссоздать панораму борьбы тех лет, использовать литературу о 1905 г. в пропаганде революционных традиций. И все же до сих пор явно мало исследований по истории первой народной революции в целом. Речь идет о научно-популярных изданиях типа книги А. М. Панкратовой,¹ получившей в свое время широкое признание научной общественности. Она выдержала два издания и стала уже давно библиографической редкостью. К ней можно присоединить еще четыре работы, вышедшие небольшими тиражами за последние 10 лет². Изданиям такого рода принадлежит важная и незаменимая роль в распространении исторических знаний, в воспитании трудящихся на революционных традициях.

Ценным пополнением литературы научно-популярного плана по истории революции 1905—1907 гг. является книга, подготовленная группой научных сотрудников Института истории СССР АН СССР³. Как отмечается в предисловии, авторы стремились, опираясь на труды В. И. Ленина, документы, обширную литературу, рассказать о предпосылках и целях первой русской революции, расстановке в ней борющихся сил, показать в действии гегемонию пролетариата, руководимого партией большевиков, героическую борьбу рабочих, крестьян,

солдат и матросов, революционное творчество народных масс, раскрыть международное значение революции, ее исторические уроки (стр. 7). Эту весьма сложную при сравнительно небольшом объеме книги задачу авторский коллектив решил успешно. Работу характеризуют высокий научный уровень, четкая структура, систематическое изложение событий революции, в ней приведен большой фактический материал. Достоинством ее является выразительный язык. Авторы стремятся не «излагать» события, а живо рассказывать, привлекая интересные документальные и мемуарные материалы, опираясь на современное научное состояние исследования проблем первой русской революции.

В книге содержится глубокий анализ ленинской концепции предпосылок революции 1905—1907 гг., ее характера и особенностей. Оценивая социально-экономическое и политическое развитие России накануне революции, авторы показывают наличие в стране основных противоречий тогдашней эпохи: между трудом и капиталом, между развивающимся капитализмом и феодальными пережитками, между высокоразвитыми районами и отсталыми окраинами. Первая народная революция эпохи империализма произошла в России потому, что именно она на рубеже XX в. была страной, где социальные и политические противоречия достигли наибольшей остроты и накала, где переплетение всех видов гнета делало положение народных масс невыносимым. В начале 1900-х годов Россия становится узловым пунктом основных противоречий мирового империализма, его слабым звеном, показателем чего был невиданный размах классовой борьбы, в центре которой стоял рабочий класс.

Анализ новой расстановки классовых сил в стране как характерной особенности буржуазно-демократической революции дается в книге на основе ленинского положения о трех лагерях на политической арене страны накануне и в период революции: демократическом, либерально-буржуазном и правительственном. Авторы последовательно характеризуют борьбу этих трех лагерей, начиная от кануна революции и до ее поражения. Раскрытие народного характера революции, в которой пролетариат решал общенародные задачи и привлекал к участию в ней широчайшие массы,

¹ А. М. Панкратова. Первая русская революция 1905—1907 гг. М. 1953.

² В. И. Бовыкин. Революция 1905—1907 гг. М. 1965; Н. Н. Яковлев. Народ и партия в первой русской революции. М. 1965; Н. Н. Демочкин, Л. К. Ерман, Е. Д. Черменский. Революция 1905—1907 гг. в России. М. 1966; А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в России. М. 1966.

³ Авторский коллектив: Г. М. Деренковский, В. А. Емец, Н. А. Иванова, Д. А. Колесниченко, Ю. И. Кораблев (отв. ред.), И. М. Пушкарева, М. С. Симонова, С. В. Тютюкин, К. Ф. Шаццло.

является одной из сильнейших сторон работы.

В книге содержится значительный систематизированный материал о политике царизма, поведении в революции российской буржуазии, предательстве ею интересов народа.

В отличие от некоторых ранее опубликованных работ⁴ авторы правильно осветили вопросы, связанные с борьбой за гегемонию пролетариата, показали ее в действии на всем протяжении революции. В ходе нараставшей стачечной борьбы, в массовых политических кампаниях, проводимых большевиками, в вооруженных выступлениях все с большей силой проявлялись воспитанные ленинской партией замечательные качества российского пролетариата — политическая сознательность, огромная революционная энергия, стойкость, готовность к любым жертвам во имя свободы народа. В период подъема революции применялись наступательные формы борьбы, в период же ее отступления, когда пролетариат вел арьергардные бои, он приобретал опыт борьбы на поприще «парламентской» деятельности.

В ходе революции впервые в истории начал складываться союз пролетариата со всеми трудящимися, и прежде всего с крестьянством. Цифрами и фактами авторы подтверждают прямое воздействие стачечной борьбы рабочего класса на движение крестьянства, все более широкое распространение среди батраков и крестьян пролетарских методов борьбы с помещиками, рост большевистского влияния в деревне. Интересны малозвестные данные о крестьянских комитетах, действовавших в ряде мест как органы революционной власти. В целом создается правильное и полное представление о движущих силах революции.

Материалы о выступлениях рабочих и крестьян Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья и других национальных районов помогают понять, как в огне борьбы с общим классовым врагом создавался единый многонациональный фронт угнетенных народов России во главе с русским пролетариатом. Революция 1905—1907 гг., подчеркивают авторы, полностью подтвердила ленинское учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической рево-

люции, его способности сплачивать вокруг себя большинство народа и опрокинула порочные догмы оппортунистов II Интернационала и меньшевиков, которые стремились идейно-политически подчинить пролетариат буржуазии.

«Воплощением руководящей роли пролетариата в революции была большевистская партия во главе с В. И. Лениным», — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России». Это положение широко раскрывается на фактическом материале во всех главах книги. В частности, в разделах о III, IV и V съездах РСДРП содержатся яркие характеристики видных деятелей партии, отражена напряженная борьба В. И. Ленина и его соратников с меньшевиками, пытавшимися навязать партии оппортунистическую линию. Анализируя итоги деятельности партии в годы революции, авторы приводят слова В. И. Ленина о том, что большевистская партия оказалась идейным передовым отрядом рабочего класса, что руководимый ею пролетариат «на деле шел все время во главе революции»⁵.

Большое внимание уделено в книге двум самым выдающимся событиям революции — Всеобщей октябрьской политической стачке и Декабрьскому вооруженному восстанию 1905 года. Авторы подчеркивают, что Октябрьская стачка во всей полноте выявила народный характер революции 1905—1907 гг. не только по движущим силам, задачам, но и по средствам борьбы. Рисуя огромный размах и мощь стачки, авторы разъясняют, почему она не могла свалить самодержавие. Самый ход событий убеждал массы в том, что разрушить твердые основы царизма, опиравшегося на пятимиллионную армию, полицию, жандармерию, тюрьмы, можно было лишь путем всенародного вооруженного восстания. Излагая решения III съезда РСДРП, ленинские положения по этому вопросу, авторы подчеркивают конкретно-исторический подход В. И. Ленина, партии к выбору форм борьбы в зависимости от степени сопротивления отживающих классов и применяемых ими средств. Партия сама училась и учила пролетариат овладевать как мирными, так и немирными формами борьбы. В книге отводится большое место (в чем она также выгодно отличается от многих имеющихся работ) военной деятельности большевиков, истории создания и обучения боевых дру-

⁴ «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». М. 1970, стр. 21; «Ленинизм и диалектика общественного развития». М. 1970, стр. 27.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 119.

жин, революционной работе в армии, вопросам практической подготовки вооруженного восстания. Ярко написаны страницы о героической борьбе московских рабочих, в декабре 1905 г. поднявших знамя вооруженного восстания против царизма. Уточняя известные в литературе факты, авторы пишут о мерах помощи революционной Москве со стороны В. И. Ленина, Центрального Комитета партии. В книге анализируются причины, в силу которых петербургский пролетариат не мог действительно поддержать московских рабочих. С большим интересом читаются разделы, посвященные вооруженным восстаниям в других городах и районах страны.

В научно-популярных изданиях по истории первой российской революции обычно в самом общем виде говорится о периоде отступления революции. Нередко все сводится лишь к характеристике думской тактики большевиков. В книге обстоятельно рассматриваются стачечное движение, военные и крестьянские восстания, партизанская борьба в 1906—1907 годах. Раскрыты авторами такие вопросы, как применение большевиками тактики «левого блока» во время избирательных кампаний, использование думской трибуны в интересах революции. Большевики, «нисколько не переоценивая более чем скромного значения пар-

ламентских форм борьбы в таком самодержавном государстве, как Россия», «приняли самое активное участие в избирательной кампании, обогатившей рабочий класс опытом борьбы за гегемонию пролетариата в новых политических условиях — с избирательным бюллетенем в руках» (стр. 340—341).

Объем книги не позволил авторам с должной полнотой осветить все, о чем хотелось бы прочесть в обобщающем историческом очерке. Недостаёт конкретного материала о формах участия в революции разных слоев демократической интеллигенции, мелкой городской буржуазии. Мало сказано о революционных событиях на территории Казахстана и Средней Азии. Недостаточно раскрыта тактика партизанской борьбы, получившая широкое распространение в период отступления революции. Авторы не использовали новейших исследований по истории Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов, которые уточняют и расширяют имеющиеся в литературе сведения. В заключительных главах книги следовало бы уделить внимание разоблачению антинаучных концепций буржуазной историографии по истории первой народной революции эпохи империализма.

В. И. Тропин

«Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории». М. 1975. Изд-во «Наука». 320 стр. Тираж 2 100.

Цена 1 руб. 24 коп.

В 1972 г. Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях Отделения истории АН СССР выпустила в свет сборник статей, посвященных проблемам¹ применения количественных методов в исторической науке¹. Рецензируемое издание² как бы продолжает его и отражает успехи, достигнутые в области применения количественных методов в последние годы. Авторы сборника

уделяют внимание прежде всего теоретико-методологическим вопросам, связанным с применением этих методов.

Сборник открывается статьей А. Р. Корсунского, ставшей ряд важных методологических проблем. Под измерением социальных явлений автор понимает количественную конкретизацию, квантификацию и ранжирование исторических явлений и процессов (стр. 8). Известно, что трудности, связанные с измерением общественных явлений, нередко приводят к выводу о невозможности использования количественных методов в общественных науках вообще, к заключению, что в общественной практике не всегда можно пользоваться метрической шкалой измерений, что социальные и пси-

¹ «Математические методы в исторических исследованиях». М. 1972.

² Редколлегия: чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко (отв. ред.), Ю. Л. Бессмертный, Л. М. Брагина, Б. М. Кюсс, Л. В. Милов.

хические явления и процессы значительно более трудно измеримы, чем физические.

Приведя ряд примеров удачного использования данных источников для измерения социальных явлений и процессов, автор вместе с тем приходит к выводу, что историка докапиталистических формаций «до сих пор применяют количественный анализ эпизодически, и важнейшие исторические явления либо вовсе не измеряются, либо количественные оценки носят слишком приблизительный характер» (стр. 20). При изучении исторических явлений и институтов, отмечает автор, нередко игнорируется тот факт, что речь идет о переменных величинах. Исследователи не используют всех возможностей для уточнения количественных оценок, употребляют научно необоснованные формы измерения. Сопоставляя исторические явления, они часто пользуются формулами «больше — меньше», «сильнее — слабее» и т. д., которые часто не дают возможности раскрыть суть исследуемых явлений, сравнить их между собой (стр. 21—22).

Вывод А. Р. Корсунского о том, что «градуирование уровня достоверности количественной и качественной оценки исторических явлений и процессов представляется осуществимым и необходимым» (стр. 27), кажется нам совершенно правильным. Решение проблемы измерения требует, во-первых, четкого определения объекта исследования, уточнения терминов и дефиниций. Операции по определению объекта и его измерению на практике тесно связаны, так как измерение и есть путь к определению, а определение включает в себя элементы измерения. Во-вторых, измерение тесно связано с системным подходом к анализу общественных явлений и процессов. Выявление функциональных связей элементов, по мнению А. Р. Корсунского, является специфической формой измерения. Нам представляется, что связь измерения с системным анализом является более глубокой и разносторонней, так как измерение вообще неотделимо от определения параметров системы.

А. Р. Корсунский указывает, что при исследовании процессов социального развития возможно применение не прямого, а косвенного измерения, то есть когда измеряется не сама изучаемая величина, а несколько других определенным образом связанных величин. Это объясняется сложностью процессов и систем, характеризующих общественное развитие. Автор пытается

обосновать возможность такого подхода на материалах древней и средневековой истории. Интересна его попытка ранжировать некоторые важнейшие факторы развития феодализма в средневековой Европе. Весьма перспективным с точки зрения методики исторического исследования является тезис А. Р. Корсунского о необходимости усовершенствования связанного с проблемой измерения историко-сравнительного метода, который служит важнейшим орудием исторического познания.

По-видимому, нельзя согласиться с тенденцией автора разграничить сферу применения количественных методов в экономической истории и при изучении социальных, политических и культурных отношений (стр. 6—7). Природа применения количественных методов в истории всегда одинакова. В этой связи, нам кажется, следовало бы обратиться к теории исторического знания, к проблемам измерения массовых и индивидуальных исторических явлений и процессов, статистического метода в истории.

Определенный интерес вызывает статья В. В. Бровара, который справедливо отмечает, что количественные характеристики сами по себе недостаточны для полного описания развития общества, но они могут помочь анализу, а в некоторых случаях и стать основой для качественных выводов исторического характера. Перемены в обществе, как правило, сопровождаются какими-то количественными изменениями. Определяя систему классов как базисную при анализе формаций, автор делает попытку дать формализованное описание построения матриц, показывающих количественные изменения каких-либо признаков классов. Однако выявление самой системы классов и выбор признаков, отмечает он, лежит вне количественного анализа и составляет одну из задач (на наш взгляд, главную) качественного исторического анализа. В то же время метод, предложенный автором, позволяет выделить наиболее существенные характеристики развития общества и проследить их динамику.

К. В. Хвостова, отталкиваясь от методов современного экономического анализа степени неравенства в обществе (такой анализ, основанный на аналитическом выражении так называемой кривой Лоренца, в частности, принят в зарубежной экономике), делает вывод об ограниченности их применения для исторического исследования. Использование методов такого анализа ве-

дет к нежелательному для историков отходу от исторического принципа изучения прошлого, не дает возможности полностью оценить социальную структуру изучаемых исторических совокупностей, обеспечить историко-сравнительный метод при анализе социального неравенства. В отличие от экономистов историки имеют дело с ретроспективной исторической информацией, с анализом социальных структур, четко определенных по времени.

К. В. Хвостова пытается найти методы измерения неравенства, учитывающего сравнительный анализ исторических совокупностей, разницу между максимальным и минимальным размерами богатства и в то же время способного выразить специфику социального поведения групп, составляющих историческую совокупность. Основываясь на методе энтропийного анализа, взятого из теории информации, автор выводит ряд коэффициентов, позволяющих проследить сравнительную степень дифференциации или интеграции на определенных этапах исторического развития. К. В. Хвостова дает пример подготовки данных и особенностей содержательной интерпретации указанных коэффициентов на материалах поимущественных налоговых описей Византийской империи. Она убедительно показывает огромные возможности расширения ценности исторических источников и исторической интерпретации благодаря использованию количественных методов.

К статье К. В. Хвостовой примыкают работы Б. М. Клосса (о формализации понятия неравенства) и В. В. Чуклова (о сравнении распределений и функциях неравенства). Эти две статьи имеют прикладное значение и демонстрируют заметные успехи в изучении проблемы социально-экономического неравенства.

Основное место в сборнике занимают статьи конкретно-исторического характера, написанные с применением количественных методов. Обращает на себя внимание большое количество статей по аграрной истории России. В. П. Пушков рассматривает хозяйство беглых крестьян Алатырского и Арзамасского уездов в середине 60-х годов XVII в. по материалам сысного делопроизводства. В. А. Обожда и Н. Г. Миняйло на основе анализа данных бюджетных обследований крестьянских хозяйств начала XX в. изучают взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства и характеризуют особенности социально-экономического строя русской деревни. Н. Б. Селунская на

основании данных о помещичьих хозяйствах конца XIX—начала XX в. (оценочные описания помещичьих имений, заложенных в Дворянском банке) пытается смоделировать социальную структуру помещичьего хозяйства. Все эти статьи базируются на методах корреляционного анализа. Нам представляется, что применение их в каждом случае нуждается в дополнительном обосновании. Более четко должна быть изложена и методика обработки данных.

В комплексе работ по аграрной истории России привлекает внимание статья Б. Н. Миронова. Важность проблемы динамики хлебных цен для отечественной истории XIX—начала XX в. не подлежит сомнению. За внешне скупой и лаконичной формой изложения стоит большая работа. Особенно это касается весьма трудоемких усилий по сбору статистической информации и операций по ее обработке. Выбору значимых факторов динамики цен у Б. Н. Миронова предшествует их конкретно-исторический анализ, как правило, подкрепленный количественной оценкой степени взаимосвязи факторов. Используя для этой цели приемы корреляционного и регрессионного анализа, автор приходит к выводу о том, что на динамику хлебных цен в целом наибольшее влияние оказывали такие факторы, как объем находящейся в обращении денежной массы, мировые цены и экспорт хлеба, тогда как кратковременные и циклические колебания вызывались такими факторами, как размер урожая, экспорт хлеба и состояние валютного курса (стр. 217). К сожалению, из-за недостатка данных в сфере изучаемых факторов не вошла стоимость провоза хлеба, на важное значение которой указывает сам автор. Представляется, что отсутствие указанного фактора не было учтено при формулировке главных выводов работы. В известной степени для Б. Н. Миронова характерен формальный подход к анализу взаимосвязей факторов. Так, в один ряд ставятся им факторы различного порядка, находящиеся к динамике хлебных цен не в прямом, а в весьма опосредованном отношении. Это, например, относится к влиянию роста населения на динамику хлебных цен и т. д.

В сборнике представлены материалы по археологии и этнографии. В области этнографических исследований интересную попытку расчета хозяйственных ареалов предприняли Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков. Они дают пример построения модели, математически выражающей возможность су-

существования первобытных поселений в пределах определенной биосферы. Главную свою задачу авторы видят в том, чтобы показать возможности оперирования отдельными элементами хозяйственных комплексов вне зависимости от взятых за основу конкретных данных. Статья в целом отвечает этой задаче. Однако в ней имеются неоправданные ограничения и, наоборот, произвольные допущения. Весьма сомнительными, например, являются используемые для расчетов нормы среднесуточного потребления органических веществ. Требуется доказательство утверждение о постоянном снижении природной производительности неземледельческих угодий и др. Подобный подход в конкретно-историческом исследовании может привести к существенному искажению реально существовавших социально-экономических отношений.

Большой интерес представляют включенные в сборник историографические обзоры. И. А. Ковалева освещает вопрос о применении статистико-математических методов в социально-экономических исследованиях 20-х годов. К сожалению, для ее работы характерно некоторое смещение акцентов исследования. Источниковедческая оценка материалов советских статистиков 20-х годов в статье отсутствует. И. А. Ковалева почему-то прямо связывает обращение историков к статистико-математическим методам в 60—70-х годах с работами статистиков 20-х годов, хотя последние отнюдь не были историками. Отсюда следует неверный вывод о том, что в промежутке между работами статистиков 20-х и историков 60-х годов математико-статистические методы существенно не развивались (стр. 281—282). Как раз, напротив, указанное время характеризовалось интенсивным ростом статисти-

ческой науки и практики, и в их развитии подчас принимали участие те же статистики 20-х годов, о которых идет речь в работе И. А. Ковалевой. Именно достижения этих лет легли в основу распространения статистико-математических методов в различных общественных науках на современном этапе.

Анализу количественных методов исследования в работах представителей «новой экономической истории» в США посвящена работа И. М. Промахиной. Критикуя некоторые методологические посылки представителей «новой экономической истории», автор делает вывод о возможности использования в социально-экономических исследованиях конкретной методики, которую они предлагают. Статья содержит подробное изложение методики, используемой в работах Р. Фогеля — крупнейшего представителя данного направления.

В отличие от первого сборника, который в основном концентрировал внимание на возможности применения количественных методов, в рецензируемом издании показываются практические результаты работы, проводимой под руководством Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Одной из важнейших положительных сторон сборника является то, что все его статьи написаны профессионально, причем в них нет попыток преувеличения роли и места математических методов. В то же время сборник со всей очевидностью демонстрирует необходимость подготовки обобщающего труда, в котором бы наглядно были отражены достижения советской исторической науки в области применения количественных методов и ЭВМ.

В. З. Дробижев, А. К. Соколов

Б. И. ЖЕЛИЦКИ *Социалистическое рабочее движение в Венгрии (1873—1890)*. М. Изд-во «Наука». 1975. 263 стр. Тираж 1150. Цена 1 руб. 02 коп.

Книга научного сотрудника Института славяноведения и балканистики АН СССР Б. И. Желицки, написанная на основе защищенной им кандидатской диссертации, является первым в советской историографии монографическим исследованием по истории рабочего движения Венгрии дооктябрьского

периода. В нем рассмотрен период от создания так называемой Рабочей партии и до Учредительного съезда Венгерской социал-демократической партии в декабре 1890 года. Хронологические рамки книги в основном совпадают с периодом между I и II Интернационалом, являвшимся, по определе-

нию В. И. Ленина, временем роста рабочего движения вишьрь, «создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств»¹.

Раскрывая особенности капиталистического развития Венгрии в 70—80-х годах XIX в., автор отмечает, что завершившийся в ведущих отраслях экономики промышленный переворот ознаменовался значительным ростом производительных сил, в первую очередь промышленного производства, а также переходом сельского хозяйства на буржуазные рельсы. Основные наблюдения и выводы автора правомерны, однако мы полагаем, что исходным моментом при рассмотрении экономики страны следовало бы считать не 1873 год (отмеченный, кстати, началом глубокого экономического кризиса), а установление дуалистической системы в результате австро-венгерского соглашения 1867 года.

Для понимания особенностей венгерского рабочего движения представляется ценным приводимый в книге материал, раскрывающий источники и пути формирования промышленного пролетариата, количественные и качественные изменения его состава, отраслевое и территориальное его распределение. Сохранившиеся крупные латифундии, «пруссский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве обуславливали массовое разорение крестьянства, создание многочисленной армии аграрного пролетариата, представлявшей собой важный источник формирования пролетариата. Тем не менее в силу ряда причин (неразвитость мануфактур и др.) возникли серьезные трудности в пополнении промышленности квалифицированной рабочей силой. Отсюда высокий процент иностранных (прежде всего немецких) рабочих, составлявших в столице примерно 1/4 занятых в промышленности рабочих. Этническая пестрота пролетариата усугублялась многонациональным составом населения страны, в силу которого невенгерский (особенно словацкий) элемент занимал значительное место в среде рабочего класса Венгрии.

В книге прослеживаются первые шаги рабочего движения, начиная с 1868 г., его связи с I Интернационалом и влияние на него Парижской коммуны. Автор показывает, что, несмотря на разгром в 1871 г. Всеобщего рабочего союза, в марте 1873 г. организация рабочего класса была воссоздана. И хотя Рабочая партия была вскоре запреще-

на, продолжавшая выходить «Рабочая еженедельная хроника» выполняла роль организующего и руководящего центра движения. Б. И. Желицки справедливо указывает на значение приезда в Венгрию бывшего коммунара, соратника К. Маркса Л. Франкеля, возвратившегося на родину в 1876 г. по указанию К. Маркса. Усилия Л. Франкеля по возрождению партии увенчались успехом в 1878 г., когда группирующиеся вокруг него социалисты основывают так называемую партию неизбирателей. Однако тогда же создается Рабочая партия Венгрии, возглавленная В. Кюльфельди.

В отличие от бытовавшей в некоторых прежних работах тенденции идеализировать первую партию и преувеличивать недостатки второй, Б. И. Желицки дает объективный анализ достоинств и слабостей программных документов и деятельности обеих рабочих партий. Он верно указывает, что, несмотря на организационную разобщенность и наличие противоречий между ними, наносивших вред делу пролетариата, обе партии объединяло тождество конечной цели, совпадение политических интересов и задач, единство взглядов по важнейшим идеологическим вопросам (стр. 147). Все это и позволило ликвидировать раскол, провести в январе 1880 г. объединительный съезд и создать Всеобщую рабочую партию Венгрии, деятельности которой посвящены многие страницы книги.

Тщательному анализу подвергает автор принятую на съезде программу Всеобщей рабочей партии. Отмечая наличие в ней недостатков, имеющихся в Готской программе, Б. И. Желицки указывает, что авторы венгерской программы сумели избежать многих лассальянских ошибок программы немецких социалистов. Несмотря на наличие слабых мест, программа Всеобщей рабочей партии «содержала все основные требования международного рабочего движения того времени, мобилизовала партию на воспитание пролетариата Венгрии в духе марксизма, на организацию его рядов в борьбе против капитала» (стр. 163). Обеспокоенные успехами рабочего движения, господствующие классы мишенью для своих нападок избирают возглавившего партию Л. Франкеля и в феврале 1881 г. бросают его в тюрьму.

Автор верно отмечает, что полоса оппортунизма в партии, начавшаяся со II съезда (август 1881 г.) и продолжавшаяся до лета 1889 г., объясняется не только тюремным заключением Франкеля и последующим его отъездом из страны. В книге раскрыты со-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 50.

циальные корни оппортунизма в венгерском рабочем движении изучаемого периода. Его носителями были мелкобуржуазные элементы, укрепившиеся в руководстве партии после ухода Франкеля и сдерживавшие революционный порыв масс.

Значительное внимание уделяется автором деятельности так называемых радикальных социалистов, организационно оформившихся еще до II съезда партии. Вполне можно согласиться с тем, что критика радикалами оппортунистической линии руководства партии имела положительное значение. Однако Б. И. Желицкий не до конца вскрывает теоретическую слабость и недостатки в деятельности этой группы. В книге отмечена ее связь с австрийскими радикалами, но следовало бы сказать, что террористические методы последних компрометировали и венгерских радикалов, хотя они не применяли такие методы. Нам кажется, что следовало упомянуть о контактах группы с исключенным из социал-демократической партии Германии И. Мостом и его газетой «Freiheit», в которой были опубликованы все документы венгерских радикалов, а также пространные корреспонденции об их деятельности. При оценке деятельности этой группы следует иметь в виду позицию К. Маркса, указавшего на объективные причины выступления И. Моста против руководителей германской социал-демократии, но вместе с тем резко критиковавшего его анархистские взгляды². В этом же контексте следовало бы раскрыть и отношение к радикалам Л. Франкеля, не одобрявшего их деятельность.

Правда, отдельные участники разгромленной в 1884 г. группы радикалов сыграли определенную положительную роль в борьбе с оппортунизмом внутри партии. Однако настоящая борьба с реформистской линией партийного руководства, как это показано в книге, связана с созданием II Интернационала. Сразу после Учредительного конгресса руководство II Интернационала, в которое входил находившийся в Париже Л. Франкель, поручило австрийским социал-

демократам оказать помощь рабочему движению Венгрии в преодолении оппортунизма и его возвращении на путь классовой борьбы. В этом отношении важную роль выполняла проведенная в Братиславе 15 сентября 1889 г. конференция с участием представителей австрийской и венгерской рабочих партий, в результате которой Всеобщую рабочую партию возглавил П. Энгельман, пользовавшийся доверием Ф. Энгельса. Автор подчеркивает значение этой конференции для подготовки к съезду в декабре 1890 г., ставшему учредительным съездом Социал-демократической партии Венгрии.

В работе Б. И. Желицкого, охватывающей довольно большой период, не все вопросы освещены с достаточной полнотой. В книге далеко не полностью раскрыты международные связи венгерского социалистического рабочего движения. О связях с революционным движением в России сказано всего несколько слов, несмотря на то, что в работах советских историков отдельные аспекты этих контактов (Л. Франкель и русские революционеры, связи с представителями группы М. И. Бруснева, отклики на деятельность Н. Г. Чернышевского и Г. В. Плеханова) уже получили освещение³. В ряде случаев автор ссылается на архивы, хотя соответствующий материал (переписка Л. Франкеля с К. Марксом, П. Энгельмана с Ф. Энгельсом) уже опубликован⁴.

Автором проделана большая и полезная работа. Рецензируемая книга раскрывает важные страницы в истории венгерского рабочего социалистического движения и, несомненно, будет содействовать более глубокому изучению прошлого братской социалистической страны.

Я. И. Штернберг

³ См.: «История СССР», 1964, № 4, стр. 98—102; «Русская литература», 1964, № 2, стр. 105—110; «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М. 1966, стр. 60—72; «Український історичний журнал», 1971, № 3, стр. 40—45 и др.

⁴ «Párttörténeti Közlemények», 1969, № 2, pp. 126—145; «Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae», 16, 1970, pp. 341—350.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 34, стр. 325.

НОВЫЕ КНИГИ

Приветствия и трудовые рапорты XXV съезду КПСС. Сборник. В 2-х кн. М. «Правда». 1976. 25 000 экз. Кн. 1. 500 стр. 92 коп.; кн. 2. 544 стр. 99 коп.

История СССР

Абдушукуров Т. *Социальные последствия современной научно-технической революции.* Ташкент. «Узбекистан». 1976. 391 стр. 3 000 экз. 2 руб. 24 коп.

Абросимов Г. Н. и др. *Гвардейский Николаевско-Будапештский. Боевой путь 2-го гвардейского механизированного корпуса.* М. Воениздат. 1976. 190 стр. с илл. 30 000 экз. 43 коп.

Аверичева С. *Дневник разведчицы.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Ярославль. Верхне-Волжское книжное изд-во. 1976. 349 стр. с илл. 50 000 экз. 72 коп.

Акаба Л. Х. *Из мифологии абхазов.* Сухуми. «Алашара». 1976. 103 стр. 2 000 экз. 34 коп.

Ашурков В. Н. *На поле Куликовом.* Изд. 3-е, доп. Тула. Приокское книжное изд-во. 1976. 104 стр. с илл. 50 000 экз. 14 коп.

Васильев И. И., Федоров Г. И., Чижова Т. К. *Вижу зеленый!* Очерки истории локомотивного депо Ленинград-сортировочный Московский. Л. Лениздат. 1976. 215 стр. с илл. (Серия «История фабрик и заводов»). 3 000 экз. 35 коп.

Вопросы истории КПСС. Некоторые вопросы организаторской и идеологической деятельности КПСС. Межвуз. сборник. Вып. 7. Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1976. 264 стр. 2 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Герои огненных лет. Кн. 2. М. «Московский рабочий». 1976. 518 стр. 40 000 экз. 1 руб. 49 коп.—Очерки о москвичах—Героях Советского Союза.

Глезерман Г. Е. и др. *Социалистический образ жизни и современная идеологическая борьба.* М. Политиздат. 1976. 350 стр. 45 000 экз. 1 руб. 41 коп.

Гришук И. Т. *Партия — организатор братского сотрудничества народов РСФСР. 1921—1925.* Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1976. 203 стр. 3 000 экз. 83 коп.

Гусейнов А. А. *Алигейдар Караев.* Баку. «Азернешр». 1976. 80 стр. с илл. 3 500 экз. 15 коп.—Биографический очерк о советском партийном и государственном деятеле.

Демочкин А., Макашов А. *Дорогами Славы.* Душанбе. «Ирфон». 1976. 173 стр. 3 000 экз. 40 коп.—Очерки о полных кавалерах ордена Славы из Таджикистана.

Дергачев А. Ф. *Декабристы-пензенцы.* Саратов. Приволжское книжное изд-во. Пензенское отд-ние. 1976. 128 стр. с илл. 30 000 экз. 24 коп.

Дерезянко А. П. *Приамурье.* I тысячелетие до нашей эры. Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1976. 384 стр. с илл. 1 500 экз. 2 руб. 57 коп.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 9. Январь

1946 г.—декабрь 1949 г. М. «Наука». 1976. 520 стр. 1 300 экз. 3 руб. 17 коп.

Документы ЦК ВЛКСМ. 1975. М. «Молодая гвардия». 1976. 318 стр. 30 000 экз. 74 коп.

Дэвлет М. А. *Большая Боярская писаница.* М. «Наука». 1976. 36 стр. с илл. 6 800 экз. 29 коп.—Текст на русск. и англ. яз.

Ерофеев Н. А. *Что такое история.* М. «Наука». 1976. 136 стр. (Серия «Проблемы науки и технического прогресса»). 10 000 экз. 46 коп.

Завьялов С. И. *Ижорский завод.* В 2-х ч. Ч. 1. Л. Лениздат. 1976. 277 стр. с илл. 14 000 экз. 92 коп.

Иосько М. И. *Николай Судзиковский-Руссель.* Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1976. 335 стр. с илл. 19 000 экз. 1 руб. 37 коп.

Исмаилов И. З. *Интернационалистические традиции трудящихся Кавказа.* Баку. «Азернешр». 1976. 146 стр. 3 000 экз. 30 коп.

Калтахчян С. Т. *Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей.* Изд. 2-е. М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 408 стр. 9 100 экз. 2 руб. 8 коп.

Карданов Ч. Э. *Страницы революционного прошлого Кабардино-Балкарии.* Нальчик. «Эльбрус». 1976. 120 стр. 1 000 экз. 21 коп.

Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв. Сост. С. Х. Иншанханов. Ташкент. «Фан». 1976. 40 стр. с илл. 2 200 экз. 17 коп.

Красовский С. А. *Жизнь в авиации.* Изд. 3-е, испр. и доп. Минск. «Беларусь». 1976. 318 стр. с илл. 75 000 экз. 91 коп.—Воспоминания маршала авиации.

Кутузов В. А. Н. П. *Комаров. Л.* Лениздат. 1976. 208 стр. с илл. 25 000 экз. 31 коп.—Очерк жизни и деятельности большевика, прошедшего путь от рабочего до наркома.

Лихолобова З. Г. *Поступь новаторов.* Донецк. «Донбасс». 1976. 160 стр. 9 000 экз. 38 коп.—Исторический очерк о рабочих Донбасса в предвоенные пятилетки, о зарождении и развитии стахановского движения.

Малеванов Н. А. *Ефремов.* Город на Красивой Мече. Историко-экономический очерк. Тула. Приокское книжное изд-во. 1976. 220 стр. с илл. 15 000 экз. 27 коп.

Марушкевич Н. Т. *Смысл его жизни.* О. В. И. Козлове. М. Политиздат. 1976. 110 стр. с илл. (Серия «Герои Советской Родины»). 200 000 экз. 15 коп.

Машин М. Д. *Из истории родного края. Оренбургское казачье войско.* Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1976. 192 стр. 1 000 экз. 1 руб. 17 коп.

Мукминова Р. Г. *Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке.* Ташкент. «Фан». 1976. 234 стр. с илл. 1 000 экз. 2 руб. 7 коп.

Окладников А. П. *Неолитические памятники Нижней Ангары.* От Серово до Братска. Новосибирск. «Наука», Сибирское

отд-ние. 1976. 328 стр. с илл. 1 550 экз. 2 руб. 7 коп.

Очерки истории Иркутской организации КПСС. Ч. 2. Кн. 1: 1920—1945 гг. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1976. 398 стр. 3 000 экз. 90 коп.

Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М. «Наука». 1976. 602 стр. 1 550 экз. 3 руб. 50 коп.

Помакин А. Г. *Когда боги были на земле...* Наскальная галерея Саймалы-Таша. Фрунзе. «Кыргызстан». 1976. 34 стр. 5 000 экз. 33 коп.

Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сборник статей. Вып. 3. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 240 стр. 1 685 экз. 1 руб. 15 коп.

Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Сборник статей. Алма-Ата. «Наука». КазССР. 1976. 235 стр. с илл. 2 500 экз. 2 руб. 15 коп.

Русская литература Сибири XVII в.—1970 г. Библиографический указатель. В 2-х ч. Ч. I. Сост. Д. П. Маслов и др. Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1976. 551 стр. 2 100 экз. 2 руб. 4 коп.

Скоробогатов Д. И. *Однополчане.* М. Воениздат. 1976. 239 стр. с илл. (Серия «Военные мемуары»). 65 000 экз. 69 коп.

Стрижков Ю. К. *Продотряды.* М. Политиздат. 1976. 111 стр. с илл. (Серия «Страницы истории Советской Родины»). 100 000 экз. 18 коп.

Ушаков В. М. *Православная церковь и современное общество.* Алма-Ата. «Казахстан». 1976. 93 стр. 4 000 экз. 13 коп.

Фомичев М. Г. *Путь начался с Урала.* М. Воениздат. 1976. 224 стр. с илл. (Серия «Военные мемуары»). 65 000 экз. 69 коп.

Хлобыстин Л. П. *Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье.* Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1976. 64 стр. с илл. 1 400 экз. 38 коп.

Холостяков Г. Н. *Вечный огонь.* М. Воениздат. 1976. 415 стр. с илл. (Серия «Военные мемуары»). 100 000 экз. 98 коп.

Хомич Л. В. *Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев.* Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1976. 189 стр. 1 250 экз. 1 руб. 38 коп.

Центральная большевистская печать об Азербайджане (1905—1907 гг.). Сборник материалов. Сост. А. А. Гусейнов, Н. Я. Макеев. Баку. «Азернешр». 1976. 200 стр. 1 800 экз. 76 коп.

Цховребов И. Н. *Генерал армии Исаа Плиев.* Тбилиси. «Мецниереба». 1976. 163 стр. с илл. (Серия «Герои Советской Родины»). 6 000 экз. 80 коп.

Элларян И. Б. *Памятники бессмертия.* Ереван. «Айастан». 1976. 164 стр. с илл. 10 000 экз. 1 руб. 39 коп.—Текст на русск. и арм. яз.

Всеобщая история

Александренков Э. Г. *Индейцы Антильских островов до европейского завоевания.* М. «Наука». 1976. 231 стр. 5 000 экз. 79 коп.

Батенин С. С. *Человек в его истории.* Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 295 стр. 10 900 экз. 1 руб. 61 коп.

Воробьев М. В., Соколова Г. А. *Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии.* М. «Наука». 1976. 231 стр. (Серия «Культура народов Востока»). 7 800 экз. 91 коп.

Государственный строй США. М. «Юридическая литература». 1976. 328 стр. 10 000 экз. 1 руб. 48 коп.

Григулевич И. Р. *Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки.* М. «Наука». 1976. 277 стр. с илл. 14 000 экз. 92 коп.

Деятели национально-освободительного движения (Азия, Африка, Латинская Америка) XIX—начало XX вв. Страницы биографий. Рекомендательный указатель литературы. Сост. М. И. Артемова и др. М. «Книга». 1976. 64 стр. 25 000 экз. 15 коп.

Ефремов А. Е. *Ядерное разрушение.* М. «Международные отношения». 1976. 302 стр. 11 000 экз. 1 руб. 29 коп.

История Кореи в буржуазной историографии. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 191 стр. 1 350 экз. 1 руб. 33 коп.

Казаков Г. В. *Сомали на современном этапе развития.* М. «Мысль». 1976. 144 стр. 10 000 экз. 31 коп.

Калиновская К. П. *Возрастные группы народов Восточной Африки.* Структура и функции. М. «Наука». 1976. 159 стр. 1 600 экз. 84 коп.

Канада. 1918—1945. Исторический очерк. М. «Наука». 1976. 504 стр. с илл. 4 700 экз. 2 руб. 37 коп.

Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение. К 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала. М. Политиздат. 1976. 366 стр. 11 000 экз. 1 руб. 52 коп.

Коростовцев М. А. *Религия древнего Египта.* М. «Наука». 1976. 336 стр. 10 000 экз. 1 руб. 57 коп.

Кочнев В. И. *Шри Ланка.* Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в. М. «Наука». 1976. 364 стр. с илл. 3 500 экз. 1 руб. 39 коп.

Липшиц Е. Э. *Право и суд в Византии в IV—VIII вв.* Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1976. 230 стр. 4 500 экз. 1 руб. 35 коп.

Михайлов М. И. *Борьба против бакунизма в I Интернационале.* М. «Наука». 1976. 351 стр. 3 000 экз. 1 руб. 38 коп.

Научно-техническая революция. Общетеоретические проблемы. М. «Наука». 1976. 207 стр. 6 450 экз. 83 коп.

Общественность и проблемы войны и мира. М. «Международные отношения». 1976. 319 стр. 15 000 экз. 1 руб. 48 коп.

Орел В. Н. *Всемирный Совет Мира.* М. Политиздат. 1976. 79 стр. 100 000 экз. 19 коп.

Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Вып. 6. М. «Наука». 1976. 335 стр. 3 350 экз. 1 руб. 63 коп.

Рашковский Е. Б. *Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби.* Опыт критического анализа. М. «Наука». 1976. 199 стр. 1 700 экз. 1 руб. 12 коп.

Саульченко В. М. *Идеологические диверсии империализма*. Минск. «Беларусь». 1976. 175 стр. 7 000 экз. 32 коп.

Федорова Е. В. *Латинские надписи*. М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 280 стр. 6 100 экз. 75 коп.

Фролова И. И. *Иностранные справочники по истории зарубежных стран*. Европа, Америка, Австралия. Аннотированный указатель литературы. М. «Книга». 1976. 144 стр. 4 500 экз. 46 коп.

Яковлев Н. *Вашингтон*. Изд. 2-е, испр. М. «Молодая гвардия». 1976. 415 стр. с илл. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 15 (534)). 100 000 экз. 98 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Ле Рамей Ж., Воттеро П. *Восстание на Черном море*. Воспоминания и документы. Пер. с франц. Вступит. статья и ред. Л. М. Зак. М. «Прогресс». 1976. 268 стр. 36 000 экз. 41 коп.

Равера К. *Воспоминания*. Сокр. пер. с итал. Послел. Г. П. Смирнова. М. Политиздат. 1976. 271 стр. 70 000 экз. 85 коп.— Мемуары старейшей деятельницы Итальянской компартии, охватывающие 1913—1930 годы.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«История СССР» № 4, 1976. А. Л. Нарочницкий, А. Е. Иоффе, В. Я. Сиполс. Итоги и перспективы изучения истории внешней политики СССР; И. Е. Зеленин. Из истории общественно-политической жизни советской деревни в 50-е годы; Л. Г. Захарова. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 года; В. Г. Сироткин. Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках как исторический источник; К. В. Гусев. ВАК: организация, задачи; А. Д. Зайцев. Герои воздушных таранов; С. М. Сидельников. Земельно-крестьянская политика самодержавия в преддумский период; А. Л. Станиславский. Книга задачи денежного жалования 1573 года; Р. Г. Петрова. Крестьяне Бежецкой пятины во второй половине XV века; А. А. Зимин. К изучению реформ «Избранной рады»; В. Л. Янин. Заметки о берестяных грамотах; М. М. Кольская, А. М. Филитов. Новейшая западногерманская буржуазная историография внешней политики СССР.

«Советские архивы» № 4, 1976. Ф. И. Долгих. Итоги работы архивных учреждений СССР в девятой пятилетке и задачи в свете решений XXV съезда КПСС; А. С. Малитников. Содружество архивистов социалистических стран; А. С. Прокопенко. Центральный государственный архив научно-технической документации СССР; А. Н. Сокова. К вопросу о документной систематике; В. А. Кондратьев. Газетные источники о революционных событиях в октябре 1917 года в Москве; Е. Ф. Шорохов. О некоторых вопросах теории советской археографии; Документ о строительстве магистрали Тайшет-Лена (1952—1959 годы). (Публикацию подготовили И. Г. Новопашин, Б. М. Садовников, Л. М. Шалагинова); Вторая Особая армия республики на восстановление железнодорожного транспорта (1920 г.). (Публикацию подготовила А. А. Ходак); В. Г. Топорков. Документы Советской секции МОПР о помощи жертвам фашиз-

ма и реакции (1933—1935 годы); В. В. Корнев. Документы о борьбе с кадетами при выборах в Государственную думу в период первой русской революции.

«Украинский исторический журнал» № 7, 1976. В. И. Юрчук. Задачи историко-партийной науки в республике в свете решений XXV съезда КПСС; М. Е. Голубков. Единство партии и народа — нерушимый ленинский принцип деятельности КПСС; Г. И. Ковальчак. Развитие социалистической промышленности в западных областях УССР; Н. А. Якименко. Крах переселенческой политики царизма в 1906—1913 гг.; М. Т. Шепета. О некоторых формах связей рабочих коллективов Украины с трудящимися социалистических стран (1951—1958 гг.); Л. А. Черченко. Профессионально-техническое обучение рабочих в годы восьмой пятилетки; В. Е. Король. Коммунистическая партия — организатор помощи интеллигенции братских республик трудящимся Украины в восстановлении народного хозяйства (1943—1945 гг.); П. М. Калениченко, Г. С. Кручкович. Формирование польских революционных частей Красной Армии на территории Страны Советов в годы гражданской войны; Р. П. Иванов. Прокламации революционной демократии 60-х годов XIX в.; В. М. Чумаков. К вопросу об экономическом положении незаможного крестьянства юга Украины в 1921—1925 гг.; Ю. А. Калинин. Разоблачение В. И. Лениным стремлений эсеров подчинить своему влиянию студенческое движение накануне первой русской революции; М. М. Кучинко. Древнерусское население Побужья и Понанья в свете археологических источников; Г. Я. Пономаренко, Е. А. Зайцева. Воспитание студенческой молодежи в духе социалистического интернационализма; А. А. Силин. Прошлое и будущее киевского Подола.

«Рабочий класс и современный мир» № 4, 1976. Ю. С. Оганьян. XXV съезд КПСС о пролетарском интернационализме и борьбе идей в современном мире; З. Я.

Мирский. Разрядка международной напряженности и идеологическая борьба; В. И. Валевская. Совершенствование деятельности профсоюзов стран — членов СЭВ; Л. Хети, Ч. Мако. Производственная демократия на социалистическом предприятии Венгрии; П. М. Шастытко. Ленинское учение об эпохе и современные национально-освободительные революции; И. Н. Ундасынов. Единый рабочий фронт: исторический опыт и сегодняшний день; И. Е. Городецкая. Дискриминация британских рабочих в системе образования; Ю. С. Жилев. Коммунисты Коста-Рики в борьбе за интересы трудящихся; С. А. Ершов. Важнейшие тенденции в динамике численности забастовщиков; Забастовочное движение в ведущих капиталистических странах. (Обзор за 1975 — начало 1976 гг.); Э. Л. Белый, В. М. Живилов, Е. А. Косарев. Экономическая хроника чилийской революции.

«Советская этнография» № 4, 1976. А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. 50 лет журнала «Советская этнография»; Л. Н. Чижикова. Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации; С. И. Вайштейн. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии; Г. В. Лебединская. Пластическая реконструкция лица по черепу и пути ее развития; А. И. Шаскольский. Негритянские гетто — «внутренняя колония» Америки; Б. Б. Парникель. Межэтнические отношения в Малайзии и их отражение в современном малайском рассказе; С. М. Абрамзон. «Советская этнография» в начале 30-х годов (из воспоминаний этнографа); Ю. И. Семенов. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества; В. И. Васильев. Открытие самодийского мира (История одного научного поиска).

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 4, 1976. Л. Е. Геворкян. XXV съезд КПСС и вопросы коммунистического воспитания трудящихся; М. Г. Дилбарян. Переподготовка и подготовка учительских кадров в Советской Армении (1920—1925 гг.); М. А. Мхитарян. Ежедневник «Арат»; Г. А. Карагулян. Экономическое положение народных масс Ливана в 1939—1945 гг.

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 5, 1976. О. О. Карагезян. Локализация урартского царского города Арцатку; Ж. Д. Хачатрян, Р. М. Моросян. Материалы из северо-восточного некрополя Вагаршапата.

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 6, 1976. Л. Погосян. История основания Армавира; М. Тер-Григорян. Возникновение и развитие прессы этнических меньшинств в США; О. Баликян. Обзор материалов по истории аграрного движения в Восточной Армении в 1910—1914 гг.; А. Шагинян. Армянские надписи, хранящиеся в Бакинском городском музее; Л. Шагинян. Основатель царства армянских Аршакидов по Ананун и Мовсесу Хоренаци.

«Известия» Академии наук Белорусской ССР. Серия общественных наук № 3, 1976. М. М. Смольянинов. Солдаты Западного фронта в борьбе за установление Советской власти; П. К. Башко. К вопросу о социальном и партийном составе Советов Белоруссии в марте — июне 1917 г.; А. Ф. Хацкевич, Н. В. Кузнецов. Научная и педагогическая деятельность В. Г. Кнорина.

«Известия» Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук № 3, 1976. Т. С. Сарбаканов. XXV съезд КПСС о коммунистическом воспитании молодежи; М. И. Ерзин. Возникновение и развитие рабселькорского движения в уйгурской советской печати; А. Сабырханов. К истории географического изучения Казахстана в России в XVII — первой трети XVIII века.

«Труды» Академии наук Литовской ССР. Серия «А» №1 (54), 1976. И. Ю. Аничас. Использование религиозного культа в целях клерикального антикоммунизма литовской буржуазной эмиграцией в 1945—1974 гг.; Н. С. Кайрюкштите. Промышленность и рабочие Клайпеда в 1945—1958 гг.; П. Арлаускас. Рост трудовой активности колхозников Литовской ССР в 1952—1958 гг.; Е. А. Григалавичене. Костяные изделия из городища Литвы I тыс. до н. э.; В. В. Даугудис. Древнейшие деревянные постройки и сооружения в Литве; Ю. П. Антанавичюс. Стремения X—XIV вв. в Литве; А. Ю. Андрияшкявичюс. Типы стульев литовских крестьян в XIX в. — в первой половине XX в.

«Известия» Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук № 1, 1976. Д. Давлатъёров. Из истории подготовки педагогических кадров в Горно-Бадахшанской автономной области в годы завершения строительства социализма (1946—1958 гг.); А. Н. Секретов. Воины Таджикистана — кавалеры ордена Красного Знамени; Ю. Якубов. Подземные склепы в Орджоникидзебаде; Б. Г. Балан, А. А. Самадов. Научно-технический прогресс и межотраслевые связи в народном хозяйстве Таджикской ССР.

«Известия» Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук № 3, 1976. К. А. Багдасаров. Идеологическая борьба по вопросу о праве наций на самоопределение и социалистической государственности в СССР; Ф. А. Маслакова. Использование воспоминаний как источников по истории Компартии Туркменистана; А. Язбердиев. Центральная научная библиотека. (К 35-летию со дня основания); М. Е. Массон. О датировке северного минарета в шахрестане городища Мешхед и Мисриан; В. Пилипко, Т. Ходжанязов. Археологические и нумизматические материалы с двух средневековых поселений в окрестностях Туркмен-Калы.

«Византийский временник». Т. 37, 1976. Институт всеобщей истории Академии наук СССР. Д. Ангелов. О некоторых характерных чертах развития византийского общества на путях феодализма; Э. Вернер. Византийский город в эпоху феодализма;

типология и специфика; И. Ирмшер. Трансформация идеи государственности в последний период истории Византии; Г. Г. Литаврин. Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака); Е. П. Наумов. Проблемы аграрной истории Южной Далмации и торговых связей ее с Византией (конец XII—середина XIV в.); М. В. Кривов. «Архонт Криворахис» и Григорий Мамиконян; П. И. Жаборовков. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг.; И. С. Чичуров. Феофан Исповедник — компилятор Проккопия; З. В. Удальцова. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского; Я. Н. Любарский. Песел в отношениях с современниками. (Опыт характеристики личности); С. В. Полякова. К вопросу о византино-французских литературных связях. («Повесть об Исмине и Исминии» Евмафия Макремволита и «Роман о розе» Гийома де Лоррис); Я. Н. Щапов. Рецепция сборников византийского права в средневековых балканских государствах; И. П. Медведев. Лев Аллейон византийских хронографах; Б. Л. Фонкич. Николай Караджа и ленинградский сборник византийских документов. (Из истории византийской дипломатики); Р. А. Наследова. Владельческая запись греческой рукописи № 348 Исторического музея в Москве; Э. В. Ртвеладзе, А. П. Рунич. Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска; А. И. Романчук. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса; В. В. Бычков. Из истории византийской эстетики; А. Л. Якобсон. Армения и Сирия. Архитектурные сопоставления; В. Н. Залесская. Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа; А. Я. Каквин. Элементы западной иконографии в армянских памятниках художественного серебра XIII—XVI вв.; Дьердь Ружа. К иконографии Георгия Угрина; Е. С. Овчинникова. вновь открытый памятник станковой живописи из собрания Государственного исторического музея; Е. О. Ваганова. Византийские художественные традиции в творчестве Эль Греко. (Обзор литературы и постановка проблемы); Е. К. Пиотровская. Краткий археографический обзор рукописей, в состав которых входит текст «Летописца вскоре» Константинопольского патриарха Никифора; С. Б. Аврунина. Русские археологические съезды и становление византиноведения в России.

«Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба». Сборник статей Института всеобщей истории Академии наук СССР. 1976. А. О. Чубарьян. Проблемы истории международных отношений и некоторые вопросы современной идеологической борьбы; Г. А. Трофименко. Сквозь призму «баланса сил». (Критика советологических концепций советско-американских отношений); А. И. Уткин. Взаимоотношения США и Западной Европы в американской исторической литературе; А. И. Мартынов. Американская ис-

ториография международных отношений на Тихом океане после второй мировой войны; Б. И. Марушкин. Мирное сосуществование и эволюция американской историографии; А. М. Филитов. Основные тенденции развития буржуазной историографии Потсдамского соглашения; С. И. Висков. Оценка советско-американских отношений в 1945—1949 гг. в исторических работах США; И. С. Кремер, П. П. Шапошников. Историки и политики Запада и проблемы внешнеполитической ориентации ФРГ (конец 60—начало 70-х годов); И. Г. Тюлин. Некоторые вопросы теории международных отношений в работах П. Ренувена и Ж.-Б. Дюрозеля; С. Р. Сухорук. Советско-германские отношения и локарнская политика Германии в исторической литературе ФРГ.

«Вестник Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина № 1, 1976. Серия III. История, философия, научный коммунизм, экономика, право. Л. Р. Кисель. Из опыта КПБ по упорядочению стиля партийно-организационной работы в 1946—1950 гг.; З. И. Зуева. Атеистическая пропаганда в периодической печати Белоруссии в годы первой пятилетки; И. В. Марченко. Военно-патриотическое воспитание студенческой молодежи в Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина; М. Ф. Чудаев. Из истории рабочего факультета БГУ им. В. И. Ленина; П. А. Шупляк. Положение и борьба безработных Германии в период мирового экономического кризиса 1929—1932 гг.

«Вопросы истории Урала». Сборник 13 Уральского государственного университета им. А. М. Горького. 1975. А. В. Черноухов. Некоторые вопросы развития медной промышленности Урала во второй половине XVIII в.; В. А. Чудиновских. Комплектование рабочей силы на Богословских заводах во второй половине XVIII в. А. М. Сафронова. К истории народных училищ Урала второй половины XVIII в.; Г. В. Яровой. Негорнозаводская промышленность Пермской губернии и крестьянские промыслы в дореформенный период; Б. З. Ставицкая. Динамика и размещение фабрично-заводской промышленности Урала в 1895—1904 гг.; Л. В. Ольховая. Из истории экономической политики царского правительства на Урале в 1907—1912 гг.; Ю. А. Буранов, С. Я. Бугаева. К истории акционирования горнозаводской промышленности на Урале (на примере Нижнетагильского горного округа); Т. М. Баженова. Реорганизация городского самоуправления на Урале от Февраля к Октябрю 1917 г. (по материалам Пермской губернии).

«Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века». Сборник трудов Московского педагогического института им. В. И. Ленина. 1975; И. Н. Осиновский. Научно-педагогическая деятельность профессора В. Ф. Семенова; Н. Ф. Мурыгина. К вопросу о социальной структуре фракийского города I—III вв. н. э.; Г. Т. Залюбовина. Характер второго Афин-

ского морского союза; А. А. Кириллова. Организация внецехового ремесла в английских городах XVI в.; И. А. Дворецкая. Оценка характера и значения лангобардского завоевания Италии в буржуазной историографии XIX — первой половины XX в.; Ю. К. Некрасов. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в.; В. И. Кулагин. Структура английского внецехового ремесла XV—XVI вв.; О. Н.

Филимонова. Переписка Пастонов как источник по аграрной истории Англии XV в. (к характеристике источника); Е. В. Колчинская. Становление раннебуржуазной историографии в Англии XVI в.; В. М. Кириллова. Р. Хаклюйт как идеолог английского колониализма конца XVI — начала XVII в.; О. Н. Филимонова. К социально-психологической характеристике английского нового дворянства XV в. (На основе семейной переписки Пастонов).

Хроникальные заметки

◆ В июне 1976 г. в Ереване состоялось совещание ученых Москвы, Ленинграда, Азербайджана, Армении, Грузии, на котором был обсужден проспект фундаментального труда по истории народов Закавказья. Совещание одобрило проспект и обсудило программу дальнейшей работы над многотомником. В работе совещания участвовали секретарь ЦК КП Армении К. Л. Далакян, заведующий сектором истории Отдела науки ЦК КПСС С. С. Хромов, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КП Армении Я. И. Хачикян. Издание труда «История народов Закавказья с древнейших времен до наших дней» (в четырех томах) имеет целью показать общность исторических судеб народов СССР, их совместные действия против иностранных завоевателей, роль русского народа в их жизни, борьбу грудящихся России против самодержавия, помещиков и капиталистов, за социальное и национальное освобождение под руководством Коммунистической партии. Подготовка таких обобщающих региональных трудов стала возможной лишь на том этапе развития советской исторической науки, когда уже изданы многотомные история народов СССР и истории отдельных народов, а также сборники документов и материалов, монографические исследования по различным проблемам. Труд по истории народов Закавказья будет создан научными сотрудниками отделений общественных наук академии наук Азербайджана, Армении и Грузии, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, институтами истории СССР (головное учреждение), востоковедения, археологии, этнографии АН СССР. На совещании выступили академики Б. Г. Гафуров, И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков, академики АН АрмССР Ц. П. Агаян, А. Р. Иоаннисян, чл.-корр. АН АрмССР Г. А. Галоян и др.

◆ В Институте истории партии при ЦК Компартии Узбекистана 4 июня состоялось расширенное заседание республиканского совета по координации научных исследований в области истории КПСС и партийного строительства. В нем участвовали ученые-историки, заведующие кафедрами истории

КПСС вузов республики, ответственные работники ЦК Компартии Узбекистана, министерств высшего и среднего специального образования, просвещения. С докладом о состоянии и задачах историко-партийной науки в Узбекистане в свете решений XXV съезда КПСС выступил директор Института истории партии при ЦК Компартии Узбекистана чл.-корр. АН республики Э. Юсупов. Заведующий отделом филиалов и координации научно-исследовательской работы ИМЛ при ЦК КПСС М. В. Искров остановился в своем докладе на вопросах улучшения идейно-теоретического уровня научных исследований по истории КПСС.

◆ 12 июня в Вильнюсе, в Институте истории партии при ЦК КП Литвы, состоялось расширенное заседание Литовского республиканского совета по координированию научных исследований по истории КПСС. Обсуждались вопросы развития историко-партийной науки в Советской Литве и задачи историков в свете решений XXV съезда КПСС и XVII съезда КП Литвы. С докладом выступил директор института чл.-корр. АН Литовской ССР Р. Я. Шамайтис.

◆ «КПСС в условиях развитого социализма» — такова тема научно-теоретической конференции, которую провели в июне Минский горком КПБ, Институт истории партии при ЦК КПБ и Минская Высшая партийная школа. В ее работе приняли участие партийные и научные работники, преподаватели. Вступительным словом конференцию открыла секретарь Минского горкома КПБ Т. Т. Дмитриева. На конференции был обсужден широкий круг вопросов. С докладом «КПСС — политический вождь советского народа» выступил акад. АН БССР И. М. Игнатенко. Об экономической стратегии партии в современных условиях говорилось в докладе Е. В. Рыженкова. Проблемам партийного строительства в свете решений XXV съезда КПСС был посвящен доклад В. А. Бобкова. «XXV съезд КПСС об идейно-воспитательной работе партии» — такой была тема доклада В. К. Ракашевича. Вопросы совершенствования партийного руководства государствен-

ными и общественными организациями осветил Г. И. Наливайко.

◆ 15 июня в Таллине состоялось республиканское совещание историков партии. Его открыл секретарь ЦК Компартии Эстонии В. И. Вяляс. Доклад «Некоторые итоги работы историков партии республики и их задачи в свете решений XXV съезда КПСС» представил директор Института истории партии при ЦК Компартии Эстонии А. К. Панксеев. На совещании выступили заместитель заведующего отделом филиалов и координации научно-исследовательской работы ИМЛ при ЦК КПСС Л. М. Спирин, директор Института истории АН ЭССР К. К. Сийливаск, заведующий кафедрой истории КПСС Тартуского университета И. Калитс, главный редактор журнала «Коммунист Эстонии» К. Ю. Таммисту и заведующий кафедрой истории КПСС Таллинского пединститута имени Эд. Вильде О. Х. Куули. Были приняты рекомендации по дальнейшей работе историков партии в республике.

◆ Конференция «История коллектива, опыт и задачи» работала в июне в Вильносе. Она была организована отделом пропаганды и агитации Вильнюсского горкома КП Литвы совместно с городским отделением республиканского общества краеведения и охраны памятников. Доклад о направлениях и методике составления истории коллектива сделал К. З. Сурблис. С сообщениями выступили представители Белорусского общества истории и охраны памятников культуры.

◆ В Риге в июле прошло совещание представителей институтов истории академий наук прибалтийских республик, а также Института истории СССР АН СССР. Был обсужден совместно подготовленный специалистами этих институтов проспект многотомного труда по истории Прибалтики. Предусмотрено, что капитальный труд «История народов прибалтийских республик СССР с древнейших времен до наших дней» будет четырехтомным. Работа над ним начнется в нынешнем году.

◆ В Институте этнографии АН СССР в мае состоялась конференция, посвященная этнографическому изучению Северо-Запада СССР. В ней приняли участие этнографы, фольклористы, историки, социологи, археологи научных учреждений Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Таллина, Тарту, Сыктывкара.

◆ В Астрахани в мае проходила конференция историков Поволжья, Урала и Северного Кавказа. Тема конференции — «Революционное движение солдатских масс тыловых округов и военная работа партии большевиков в 1917 году». Цель ее — обобщение материала, собранного по теме историками этих регионов, и определение направления дальнейших изысканий в этой области. Организатором конференции являлся Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» Отделения истории АН СССР. На конференции присутствовали представители вузов Москвы, Свердловска, Казани, Тамбова, Ростова, Эли-

сты, Йошкар-Олы и других городов. Был заслушан ряд сообщений, в частности, Ю. И. Кораблева, И. М. Ионенко (Казань), Г. К. Долунца (Краснодар), Л. Н. Протасова (Тамбов), В. В. Васькина (Саратов), М. М. Попова (Свердловск), Х. Х. Гакаева (Грозный), И. Р. Тагирова (Казань), Н. Я. Ратнер (Куйбышев), В. Н. Шапошника (Ростов).

◆ В июне в Мурманске проходил зональный научно-методический совет работников архивных учреждений Северо-Запада нашей страны. В нем приняли участие представители Москвы и Ленинграда, Коми АССР, Карелии, Вологодской, Новгородской, Псковской, Архангельской и других областей, а также сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института документо-ведения и архивного дела, работники Главархива СССР и Главархива РСФСР. Они обменялись мнениями по различным проблемам архивного дела, приняли рекомендации.

◆ В Академгородке под Новосибирском в мае состоялась конференция, посвященная десятилетию экспедиционной работы в Сибири по сбору древнерусских книг и рукописей. Свыше 1200 памятников древнерусской культуры обнаружено в результате экспедиций учеными Новосибирского университета, Института истории, филологии и философии и Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения АН СССР. Многие из них имеют большое историческое значение. Нет области или края Сибири, где не побывали бы за эти годы новосибирские археографы в поисках древних памятников. В течение недели специалисты из Новосибирска, Москвы, Ленинграда, других городов обсуждали проблемы сибирской истории, распространения на территории Сибири произведений древнерусской литературы и искусства.

◆ В июне в Хабаровске работал зональный научно-методический совет архивных учреждений Дальнего Востока. До этого здесь уже прошли научно-практическая конференция по обеспечению сохранности документов и семинар инспекторов архивных отделов краевых и областных исполкомов Советов депутатов трудящихся. На научно-практической конференции совета заслушаны доклады о задачах архивных учреждений РСФСР по коренному улучшению обеспечения сохранности документов Государственного архивного фонда СССР и о совершенствовании их учета; на совете — о выполнении плана научно-исследовательской работы и результатах внедрения научных исследований, обсуждены проекты координационных планов, рассмотрены вопросы подготовки межархивных путеводителей и межфондовых указателей, а также первого тома документов «История культурного строительства на Дальнем Востоке».

◆ Проблемам истории философии, истории науки и культуры и истории медицины были посвящены Авциеновские чтения, состоявшиеся 22 июня в АН Таджикской ССР.

Их открыл академик-секретарь Отделения общественных наук АН Таджикской ССР С. А. Раджабов. На пленарном заседании были заслушаны доклады по различным аспектам богатейшего научного наследия Абу Али ибн Сины, а также его современников и предшественников, с которыми выступили Н. Кулматов, С. И. Исхаков, А. Ахмаджонзода, Н. Н. Негматов и другие. Затем работа продолжалась в трех тематических секциях. Всего было заслушано и обсуждено около 30 докладов и сообщений. Авиценновские чтения были организованы Отделом философии АН Таджикской ССР и Таджикским отделением Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники.

◆ 25-летию юбилею АН Туркменской ССР была посвящена состоявшаяся в июне в Ашхабаде конференция молодых ученых. Президент АН ТуркмССР А. Г. Бабаев в докладе «Некоторые вопросы развития науки в Туркменистане в свете решений XXV съезда КПСС и XXI съезда КП Туркменистана» охарактеризовал основные итоги и направления научных исследований, проводимых в АН республики. На конференции было заслушано более 100 докладов (34 из них — на секции общественных наук). В докладах молодых ученых были широко представлены вопросы, характеризующие степень развития науки в Туркменской ССР.

◆ В связи со 175-летием присоединения Грузии к России в Тбилиси в мае состоялась теоретическая конференция «Расцвет и сближение наций и народностей — закономерность коммунистического строительства». С докладами выступили чл.-корр. АН Грузинской ССР А. Н. Сургуладзе — «Историческое значение присоединения Грузии к России», И. И. Мирцхулава — «Революционное движение в Закавказье и распространение марксистской идеологии в Грузии», Н. Ф. Шошншвили — «Становление социалистической грузинской нации и основа ее развития». Ю. М. Качарава посвятил свое выступление вопросам укрепления экономического, идейно-политического и культурного единства народов в десятой пятилетке.

◆ В Тбилиси, в Институте востоковедения имени Г. В. Церетели АН Грузинской ССР, в мае проходила научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика И. А. Джавахишвили. Выступая на сессии, директор института академик АН Грузинской ССР Т. В. Гамкрелидзе говорил о больших заслугах И. А. Джавахишвили перед грузинской историографией, охарактеризовал его как одного из крупнейших советских историков. Особо были отмечены его заслуги в создании Тбилисского университета. С воспоминаниями выступили ученики и соратники И. А. Джавахишвили академики АН Грузинской ССР А. Г. Шанидзе и С. Г. Каухчишвили. На сессии были заслушаны доклады акад. АН Грузинской ССР Т. В. Гамкрелидзе, а также Т. Д. Чхеидзе, Дж. Ш. Гиунашвили, В. Г. Ахвледиани,

А. А. Гвахария, В. А. Гвахария, М. А. Годуа, Н. Ю. Ломоури, О. И. Гигинейшвили и других.

◆ На совместном заседании Коллегии МВД СССР и Ученого совета Академии МВД СССР, состоявшемся в Москве в июне, обсуждались макеты I и II томов и план-проспект III тома «Истории советской милиции». В обсуждении приняли участие историки, сотрудники академии и других учебных заведений МВД СССР. Заседание открыл вступительным словом заместитель министра внутренних дел СССР Б. А. Викторов. Сообщение о работе над созданием «Истории советской милиции» сделал руководитель авторского коллектива начальник Академии МВД СССР С. М. Крылов. Чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин высоко оценил подготовленную авторским коллективом работу. К. В. Гусев (ВАК при Совете Министров СССР) остановился в своем выступлении на сложностях разработки истории советской милиции, которую нельзя рассматривать вне истории классово-борьбы в нашей стране, вне истории становления социалистической законности и органов, призванных ее осуществлять. Чл.-корр. АН СССР М. П. Ким высказался по вопросам совершенствования правовой культуры советского человека, являющейся важнейшим элементом советского образа жизни, и о необходимости раскрывать эти вопросы при разработке истории советской милиции. А. Ф. Юденков (Академия общественных наук при ЦК КПСС) обратил внимание на необходимость внесения уточнений в изложение истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны. Первый заместитель начальника Академии МВД СССР К. И. Варламов остановился на значении многоотомника для дальнейшего совершенствования деятельности органов МВД. Председатель совета ветеранов МВД СССР А. М. Овчинников рассказал об участии этого совета в обсуждении макетов I и II томов «Истории советской милиции». Профессор кафедры истории органов внутренних дел Академии МВД СССР А. П. Косицын предложил предослать многоотомнику теоретическое введение, в котором объяснить содержание понятия «милиция» в условиях социалистического государства. Кроме того, он высказался за дальнейшую разработку вопросов периодизации истории советской милиции. Итоги дискуссии подвел Б. А. Викторов.

◆ В книге Ю. П. Шарапова «Ленин как читатель» (М. Политиздат. 1976) показано, как изучал В. И. Ленин труды основоположников научного коммунизма, какие читал газеты, что привлекало его в художественной литературе. Значительное место уделено автором анализу многочисленных ленинских пометок на полях прочитанных им книг и того, какое развитие нашли эти пометки в трудах В. И. Ленина. В работе рассказано также о библиотеках разных стран, в которых работал Владимир Ильич.

◆ Вышедшая в Политиздате книга П. И. Симуша «Социальный портрет советского крестьянства» (М. 1976) представляет собой

комплексное исследование социального облика крестьянства СССР: внутриклассовой структуры, социальных институтов, образа жизни. Анализ этих проблем позволил автору всесторонне осветить различные сферы трудовой деятельности колхозников, социальную эволюцию сельского расселения, семейно-бытовые отношения, социалистический тип личности крестьянина. В работе дан также критический разбор буржуазных концепций развития советского крестьянства.

◆ В Политиздате (М. 1976) в серии «Страницы истории Советской Родины» вышла книга Т. С. Донгарова «Чрезвычайные органы партии» (о политотделах МТС). В ней рассказывается о создании по решению январского Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. политотделов МТС, об их борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в 1933—1934 годах.

◆ Автор книги «На стремне века. Записки секретаря обкома» А. С. Чуянов — партийный работник, в годы Великой Отечественной войны — первый секретарь Сталинградского обкома и горкома партии. Основная часть записок посвящена периоду обороны Сталинграда и разгрома фашистских войск на Волге. Повествуя об этом великом сражении, А. С. Чуянов показывает ведущую роль партийной организации, коммунистов в мобилизации всех сил для победы над врагом. В последней главе речь идет о возрождении Сталинграда. Автор широко использовал свои дневниковые записки.

◆ Вторым, дополненным и переработанным изданием вышла книга М. Мещерякова «Вся жизнь — борьба» (о Хосе Диасе) (М. Политиздат. 1976). Это политическая биография Хосе Диаса (1895—1942 гг.), Генерального секретаря Коммунистической партии Испании, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения. В издание включен ряд материалов, публикуемых впервые.

◆ О деятельности Российского телеграфного агентства, подготовившего условия для организации и плодотворной работы крупнейшего в мире Телеграфного агентства Советского Союза — ТАСС, рассказывает книга Н. А. Брылякова «Российское телеграфное...» (М. «Мысль». 1976).

◆ В книге М. К. Бункиной «США — Западная Европа: новые тенденции в соперничестве» (М. «Мысль». 1976) рассматриваются новые тенденции в соперничестве главных империалистических центров — США и Западной Европы в области общеэкономического и научно-технического развития.

◆ «Проблемы окружающей среды в мировой экономике и международных отношениях» (М. «Мысль». 1976) — работа, посвященная проблеме окружающей среды, месту этой проблемы и значению ее в мировой экономике, мировых хозяйственных связях, в деятельности международных организаций, в первую очередь ООН.

◆ «Критика идеологии неофашизма» (М. «Мысль». 1976) — монография, написанная учеными СССР, ГДР и прогрессивными

деятелями капиталистических стран. В ней раскрывается классовая сущность неофашизма, подвергаются критическому анализу основные его концепции, методы пропаганды, рассматривается его отличие от фашизма периода второй мировой войны. Обстоятельно анализируются в книге идеология неофашизма в ФРГ, Италии, основные концепции неофашистского расизма и национализма в США, ЮАР, Чили и других странах.

◆ Издательство «Мысль» опубликовало книгу Н. Г. Зяблук «США: лоббизм и политика» (М. 1976). Основываясь на документальных материалах, автор исследует классовую сущность лоббизма, формы его проявления и методы воздействия на органы буржуазной государственной власти в интересах монополий.

◆ «Свет над заставой» (изд. 2-е, доп. М. «Московский рабочий». 1976) — это история московского ордена Ленина и Трудового Красного Знамени металлургического завода «Серп и молот», которому недавно исполнилось 90 лет. В книге рассказывается о том, как в старых цехах бывшего завода Гужона в 1917 г. началась новая жизнь, как коллектив завода, возглавленный коммунистами, растил своих людей и воспитывал в них социалистические черты, как самоотверженный труд металлургов дал стране миллионы тонн металла и новые марки стали.

◆ В книге «Ставропольский край в истории СССР» (Ставрополь. 1975) повествуется об истории этого края с эпохи каменного века до наших дней. Главное внимание уделено советскому Ставрополю: годам социалистической революции, гражданской войны, восстановительному периоду, социалистическому строительству, периоду перехода к коммунизму и участию ставропольцев в созидательном труде советских людей.

◆ Издательство «Дониш» (Душанбе. 1976) выпустило в свет монографию Б. И. Искандарова «Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана». Автором характеризуются экономика долинных и горных районов Таджикистана, его экономические связи с центральными районами России, показаны специфические условия проникновения капиталистических отношений в хозяйство дореволюционного Таджикистана.

◆ Издательство «Узбекистан» выпустило монографию М. Хайруллаева «Фараби, эпоха и учение» (Ташкент. 1975). Идея ученого-энциклопедиста Абу-Наср аль-Фараби оказали сильное влияние на развитие общественной мысли Востока, в частности на мировоззрение Ибн Сины, Низами и других ученых. Фараби принадлежит около 100 работ по истории естественных наук и философии, среди них трактат «Жемчужина премудрости» и «Книга воззрений жителей идеального города».

◆ «Во имя победы» (Центрально-Черноземное книжное издательство. 1975) — сборник архивных документов и материалов о Воронежской областной партийной орга-

низации в годы Великой Отечественной войны. В нем представлен 261 документ, из них 167 публикуются впервые. Составители сборника — Г. И. Васильева и С. В. Аброськин.

◆ В результате раскопок в селе Велье Пушкино-Горского района Псковской области открыты остатки древнерусского города XIV—XV веков. Древнее городище занимает холм, расположенный между двумя озерами — Черным и Чадо. Холм частично обнесен земляным валом. Именно здесь обнаружена нижняя часть внушительной каменной крепостной стены, которая, как считают специалисты, была сооружена в первой половине XV века. Сложена она из известняковых плит, ее ширина — около 4 метров.

◆ Первая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в Краснодарской области (Туркменская ССР) проводила разведочные, географические и археологические исследования стоянок людей каменного века, живших в окрестностях нынешних городов Небит-Дага и Краснодарска. Обнаружено несколько стоянок, подтверждающих, что территория Краснодарской области была заселена человеком со времен глубокой древности — не менее 100 тыс. лет назад.

◆ Клад из 133 монет, чеканенных 1,5 тысячи лет назад в средневековом Ширване, обнаружила Шергахская археологическая экспедиция Института истории АН Азербайджанской ССР. Он оказался ценен потому, что благодаря «шергахским» деньгам,

на которых указан год их чеканки, стало возможным уточнить возраст найденных ранее оружия, гончарных изделий, домашней утвари. Клад свидетельствует об интенсивных торгово-экономических связях Азербайджана с Ираном в эпоху раннего средневековья.

◆ На правом берегу р. Сумбар, недалеко от поселка Кара-Кала, на юге Туркменистана, археологи обнаружили древние захоронения. Здесь были найдены кинжалы, стрелы, копья, веретена, вязальные спицы, иглы и украшения. Все эти вещи, по мнению ученых, принадлежат предкам древних гирканцев — народности, чьим именем назывался в глубокой древности обширный край Юго-Западной Туркмении. Люди бронзового века занимались в основном земледелием и разведением домашнего скота, а также торговлей с соседями.

◆ Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция ведет раскопки в поселении Алтын-Депе. Установлено, что 4 тыс. лет назад Алтын-Депе был населенным пунктом городского типа, в котором проживало не менее 5 тыс. человек. Вскрыты кварталы ремесленников и знати. Обследовано 380 погребений. Удалось установить средний возраст жителей поселения: для мужчин он составлял около 36, а для женщин — около 35 лет. В одном из захоронений найдена печать из алебаstra. На ней выведены два иероглифических знака, начинающие слог или целое слово. На тыльной стороне печать имеет петлеобразное ушко для подвешивания.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

XXV КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ГДР

7—8 апреля 1976 г. в Лейпциге состоялась очередная, XXV конференция Комиссии историков СССР и ГДР, посвященная 30-летию образования Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), истории становления и развития отношений братского единства и содружества между КПСС и СЕПГ.

В состав советской делегации входили: чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин (глава делегации), акад. И. И. Минц, Д. С. Давидович, Н. Е. Овчаренко, Б. М. Туполев, А. М. Филитов, В. Т. Фомин и В. И. Цапанов.

Пленарное заседание конференции открылось вступительными речами сопредседателей Комиссии — акад. АН ГДР Х. Бартеля и чл.-корр. АН СССР П. А. Жилина, который затем выступил с основным докладом на тему «XXV съезд КПСС — выдающийся вклад в развитие марксизма-ленинизма». На пленарном заседании с советской стороны выступили также акад. И. И. Минц с докладом «Международное значение XXV съезда КПСС и современные проблемы пролетарского интернационализма» и В. И. Цапанов с докладом «Руководящая роль марксистско-ленинской партии в строительстве социализма — главный объект нападок буржуазной историографии». С немецкой стороны с докладами на пленарном заседании выступили Г. Хайцер, осветивший исторический путь, пройденный СЕПГ за 30 лет ее существования в тесном содружестве с КПСС С. Дёрнберг, охарактеризовавший основные этапы, результаты и перспективы совместной борьбы КПСС и СЕПГ за европейскую безопасность и разрядку, и Г. Россман, который остановился на основных моментах современного этапа развития сотрудничества между СЕПГ и КПСС (в период после VIII съезда СЕПГ и XXIV съезда КПСС).

Доклады и выступления в первой секции охватывали период с конца XIX в. до

1945 г. и группировались вокруг трех больших проблем: 1) развитие германского рабочего и социалистического движения в его взаимодействии с российской социал-демократией, складывание традиций братского единения и союза революционных сил обеих стран в период до Великой Октябрьской социалистической революции; 2) борьба прогрессивных сил Веймарской республики, в первую очередь КПГ, за установление дружественных отношений с СССР, за объективную оценку советского опыта, достижений советского строя; 3) традиции совместной антифашистской борьбы в годы нацизма. Всего в первой секции было заслушано 23 доклада и выступления.

В докладе Н. Е. Овчаренко «Революционное наследие СДПГ в конце XIX и начале XX в. в современной борьбе научных и политических идей» были разоблачены антинаучные концепции буржуазных и ревизионистских идеологов. В ряде выступлений был ярко воссоздан исторический облик выдающихся деятелей рабочего движения России и Германии: В. И. Ленина и В. Либкнехта (В. Шредер, ГДР), Г. В. Плеханова (Ю. Зайдель, ГДР), Р. Люксембург и вождей германских левых (З. Вегнер и А. Лашица, обе ГДР), их вклад в развитие интернационального сотрудничества рабочих партий обеих стран. Борьба выдающихся марксистов-ленинцев Э. Тельмана и В. Пика за единство рабочего класса, за дружбу с Советским Союзом в веймарский период и в условиях фашистской диктатуры была освещена в докладах Д. С. Давидовича, В. Бартеля и Л. Бертольда (оба ГДР). Активную деятельность КПГ в годы Веймарской республики по пропаганде советской литературы, изучению истории большевистской партии и истории Великой Октябрьской социалистической революции раскрыли в своих выступлениях историки ГДР Х. Флиге, К. Киннер, У. Хесс. В сообщении

Э. Василевич (ГДР) было показано участие немецких рабочих в социалистическом строительстве в СССР; Г. Йен (ГДР) сделала сообщение о разработке Коминтерном вопроса о национальных и интернациональных задачах Советской России, Х. Карл (ГДР) — о борьбе КПГ с троцкизмом. Отношению к Советскому Союзу немецких пацифистов в веймарский период и левых социал-демократов в 1933—1939 гг. были посвящены выступления Р. Шуман и Г. Ю. Фридрици (оба ГДР). Различные аспекты совместной борьбы советских граждан и немецких антифашистов против гитлеровской диктатуры в период Великой Отечественной войны были раскрыты в выступлениях историков ГДР К. Дробиша, К.-Х. Пеха, П. Хайдера и О. Грелера. Б. М. Туполев выступил с докладом, в котором содержался анализ работ советских историков по проблеме образования и развития СЕПГ.

Работа второй секции, где рассматривались непосредственные предпосылки, а также история создания и развития интернационалистского содружества КПСС и СЕПГ, открылась докладом В. Т. Фомина «Углубление сотрудничества социалистических стран и его значение для международных отношений». Антикommунистические версии о якобы «насильственном» пути образования СЕПГ, характерные как для апологетически-буржуазной, так и для псевдолоевой историографии ФРГ и Западного Берлина, были подвергнуты критике А. М. Филитовым. Выступления историков ГДР (всего их было заслушано 21) группировались в основном вокруг трех больших проблем: борьба немецких коммунистов и СЕПГ против идеологии антисоветизма, за воспитание населения ГДР в духе интернационализма и дружбы с СССР; помощь Советского Союза населению ГДР в преодолении последствий нацизма и строительстве новой жизни; дальнейшее развитие сотрудничества между КПСС и СЕПГ, СССР и ГДР.

По первой проблеме привлекли внимание выступления Х. Беднарека о разработке правильной оценки советской политики в процессе борьбы за объединение КПГ и СДПГ в 1945—1946 гг., А. Берендта — об участии в этом процессе Объединения свободных немецких профсоюзов (ОСНП), Г. Дитриха — о коренном повороте в отношении населения ГДР к Советскому Союзу в 1949 году. По второй проблеме начало обсуждению положил Г. Бензер до-

кладом «Интернационалистская помощь КПСС Социалистической единой партии Германии в борьбе за антифашистско-демократический строй». В других выступлениях были подробно охарактеризованы конкретные аспекты этой проблемы: экономическая помощь, оказанная через органы Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в 1945 г. (П. Кирсте), передача и восприятие опыта КПСС организациями СЕПГ в период начала строительства социализма в ГДР (Г. Мёшнер), роль Договора об отношениях между СССР и ГДР 1955 г. в укреплении суверенитета ГДР (З. Прокоп), помощь со стороны СССР и советских ученых в создании марксистской исторической науки и новой, освободенной от духа расизма и шовинизма славистики в ГДР (Э. Хексельшнайдер, Л.-Д. Берендт). Тесное взаимодействие СВАГ с рабочими и партийными организациями советской зоны оккупации было раскрыто Г. Фюксель в связи с историей возникновения приказа № 234 СВАГ от 9 октября 1947 г. «О мерах по повышению производительности труда и дальнейшему улучшению материального положения рабочих и служащих промышленности и транспорта».

Различные этапы и формы сотрудничества ГДР и СССР, СЕПГ и КПСС были затронуты в выступлениях: Х. Мардека — об актуальных проблемах координированной политики стран социализма в отношении развивающихся стран, Х. Буттлера — о деятельности Правительственной комиссии ГДР — СССР, В. Мюнцинера — о научно-техническом сотрудничестве между обеими странами, К. Шютцле — о братстве по оружию между Советскими Вооруженными Силами и Национальной народной армией ГДР. Ряд выступлений касался развития сотрудничества между СЕПГ и КПСС в идеологической области: в процессе подготовки к международному Совещанию коммунистических и рабочих партий 1957 г. (Ф. Зумпф), в разработке теории развитого социализма в конце 60-х — начале 70-х годов (В. Петер). Д. Келлер проследил основные этапы сотрудничества между обеими странами в области высшего образования, К.-Х. ГрEFE проанализировал сотрудничество между ОСНП и советскими профсоюзами в период установления антифашистско-демократического строя в ГДР (до 1952 г.), С. Лик остановился на такой форме сотрудничества, как обмен делегациями производственных коллективов, Х. Ве-

нер — на истории дружественных связей между округом Дрезден и Ленинградской областью, Х. Мельс — на эффективности производственной кооперации между СССР и ГДР.

Конференция показала возросший уровень исследований историков СССР и ГДР по проблемам истории взаимоотношений обеих стран и братских партий — КПСС и СЕПГ.

В ходе конференции состоялось чествование почетного председателя Немецкой секции Комиссии акад. Л. Штерна в связи с его 75-летием. Л. Штерн получил поздравления от руководителей ГДР: Э. Хонеккера, В. Штофа и Х. Зиндермана, от вице-президента АН СССР акад. П. Н. Федосеева, академика-секретаря Отделения истории АН СССР акад. Е. М. Жукова и других.

После закрытия конференции состоялось заседание Комиссии, на котором были обсуждены итоги прошедшей конференции и перспективный план дальнейшей работы Комиссии. Председатели секций конференции Д. С. Давидович, В. Шмидт (ГДР), В. Т. Фомин, Г. Россман высоко оценили доклады и сообщения, основанные на значительном количестве новых источников, отметили полезность имевшей место дискуссии относительно важных вопросов истории револю-

ционных связей рабочего движения обеих стран. Сопредседатели Комиссии П. А. Жилин и Х. Бартель, а также И. И. Миц, В. И. Цапанов и другие выступавшие отмечали, что конференция прошла на высоком идейном и научном уровне и продемонстрировала полное единодушие ее участников в трактовке затронутых проблем, указали на необходимость дальнейшей совместной разработки вопросов истории интернациональной классовой солидарности.

Во время пребывания в Лейпциге делегация советских историков была принята первым секретарем Лейпцигской окружной организации СЕПГ Х. Шуманом и ректором Университета имени Карла Маркса акад. Л. Ратманом. Члены делегации выступили с докладами о решениях XXV съезда КПСС перед партактивом, пропагандистами, преподавателями и студентами университета, рабочими ряда предприятий Лейпцига.

Печать, радио и телевидение ГДР широко освещали ход конференции. 12 апреля члены советской делегации были приняты членом Политбюро и секретарем ЦК СЕПГ К. Хагером, который дал высокую оценку деятельности советских и немецких ученых в рамках Комиссии историков СССР и ГДР.

А. М. Филитов

VIII «НЕДЕЛЯ» МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В ПРАТО

С 3 по 9 мая 1976 г. в Прато (Италия) проходила очередная ежегодная VIII «неделя» по экономической истории¹. По сложившейся традиции ее организаторами и руководителями были Международный институт экономической истории «Ф. Датини» (председатель О. Маджистрали, Италия) и Международный научный комитет при этом институте (председатель Ф. Бродель, Франция).

В работе «недели» участвовали в общей сложности около 300 человек, преобладающую часть которых составляли итальянские историки и историки-экономисты, включая аспирантов и студентов старших курсов.

¹ О III «неделе» по экономической истории см.: «Вопросы истории», 1972, № 3; о VI «неделе» см. «Вопросы истории», 1975, № 2.

Зарубежные участники общим числом 50—60 человек приехали из 14 стран Европы и США. От СССР было два представителя. В качестве председателей заседаний и экспертов выступали в основном ученые западных стран. От социалистических государств экспертами были Б. Цветкова (Болгария, София) и А. Вычаньский (Польша, Варшава).

На открытии «недели» со вступительным словом выступил Ф. Бродель. К. Чиполла (Италия, Павия) сделал обзорный доклад, в котором давалась краткая характеристика основных проблем, подлежащих обсуждению и объединенных общей темой «Валовой продукт и государственные финансы (XIII—XIX вв.)».

В целом доклады, обсуждавшиеся в ходе «недели», можно распределить по трем ос-

новным группам: 1) проблемно-методологические и методические, 2) обобщенные исследования, взятые в общегосударственных или межгосударственных масштабах, с учетом общенсторического процесса, 3) локальные или узкие по тематике исследования, более или менее органично вписанные в ход общегосударственных и общенсторических процессов. Разумеется, подобная группировка условна, поскольку проблемы методологии и методики исследования вопросов, связанных с общей темой «недели», так или иначе затрагивались во всех докладах и сообщениях, а локальные исследования неизбежно связывались с проблемами общегосударственными, что предопределялось содержанием общей темы. Вместе с тем общеметодологические и методические обзоры чаще всего базировались на конкретном материале — локальном, общегосударственном или межгосударственном, но не общеевропейском.

К первой группе можно отнести доклады: М. Мориню (Франция, Клермон-Ферран) «Валовой продукт и государственные финансы: факторный и секториальный анализ их взаимоотношений»; М. Кутюрюе (Франция, Париж) «Изъятия и доходы»; П. Матаяс и П. К. О'Брайен (Англия, Оксфорд) «Сравнение национального продукта в Англии и во Франции (XVIII в.)». Во всех трех докладах ставились вопросы, связанные прежде всего с понятийным аппаратом: что такое валовой «национальный» продукт, включать ли в валовой продукт поступления, связанные с эксплуатацией колоний, как характеризовать баналитеты, сеньериальные повинности, санкционированные государством, а также муниципальные и прочие сборы и повинности, куда относить оплату по иностранным займам и процентам по ним.

К основному вопросу о соотношении налогов и валового продукта М. Мориню подошел достаточно реалистично: в рассматриваемый период государственное налогообложение и прочие изъятия шли, как правило, на непроеизводительные нужды и в целом не содействовали росту валового продукта. Налогообложение в лучшем случае способствовало перераспределению «прибавочной стоимости» (точнее было бы сказать, прибавочного продукта) между разными социальными группами в основном еще феодального общества. Если М. Мориню преимущественно ставил вопросы, то М. Кутюрюе пытался их решать, и довольно определенно, пока еще на весьма огра-

ниченном локальном материале, обработанном математическими методами. Докладчик призывал выйти «за рамки марксистской схемы» о налогах как основной форме изъятия добавочного продукта, а говорить об изъятиях в широком смысле, включая все виды сеньериальных, административно-юридических повинностей, церковную десятину и т. п. Научная обоснованность подобной концепции представляется весьма спорной, поскольку речь идет о разных финансово-экономических категориях. Большая же часть доклада была посвящена анализу, систематизации различных групп источников и методике их исследования. Конечный вывод совместного доклада П. Матаяса и П. К. О'Брайена звучал парадоксально — налоговая система Франции была менее обременительной, оставляла больше лазеек для укрывательства доходов, чем налоговая политика Англии, а в целом XVIII век не был для Франции периодом роста налогового бремени, что прямо противоречило точке зрения М. Мориню. В итоге докладчики пришли к заключению, что налоговая система в «прогрессивных» государствах была более «регрессивной», чем в государствах с феодальной экономикой и заторможенным экономическим развитием. В ходе дискуссии была подвергнута сомнению достоверность статистических материалов, использованных П. Матаясом и П. К. О'Брайеном, особенно в той части, которая касалась Франции, оспаривался их тезис о реальном снижении налогов во Франции во второй половине XVIII в., говорилось о необходимости учитывать другие факторы, кроме экономики и налогообложения. Решение этого интересного спора, видимо, можно найти не просто на пути уточнения статистических данных, но с обязательным учетом базы и динамики роста валового продукта в обществе феодальном (Франция) и буржуазном (Англия).

Во второй группе докладов выделялся богатством обобщенного статистического материала доклад П. Диксона (Англия, Оксфорд) «Финансовые потребности и национальный доход (благополучие) Австрии в XVIII веке». Главным препятствием развитию экономики этой страны в то время, по мнению докладчика, было засилье крепостничества и реакционной феодальной аристократии. Попытки правительства ограничить произвольную барщину, оказывать содействие развитию отдельных секторов экономики имели место, но оставались малоэффективными. Отмечался рост

налогов, но он не был очень быстрым, и главной его причиной докладчик считает войны. Крестьянство имущественно уже значительно расслоилось, и это сказывалось на характере крестьянских восстаний того времени. Объектом дискуссии при обсуждении концепции П. Диксона являлся вопрос о приложимости к феодальной экономике Австрии термина «национальный доход».

Соотношение «национального дохода» с налогами составляло основу доклада А. Моньчака (Польша, Варшава) «Государственные налоги и национальный доход: Польша в кризисе XVII века». Эта проблема рассматривалась докладчиком комплексно, с учетом расстановки и борьбы политических сил и ее последствий для экономики и государственного строя Польши в целом, включая и финансы. А. Моньчак подчеркнул тяжелые последствия «второго издания крепостничества» для всей страны и особенно для крестьянства. Но в докладе крестьянству было уделено больше внимания как объекту феодальной эксплуатации, нежели субъекту социально-политической борьбы того времени, в которой оно сыграло немалую роль. Ведь именно в середине XVII в. широко развернулась освободительная борьба украинского и белорусского народов, а также крестьянское движение в самой Польше.

Понятие «национальный доход» было широко использовано и в докладе Э. Стумпо (Италия, Рим) «Национальный доход и государственный долг. Государственные финансы в Пьемонте во второй половине XVIII века». При этом докладчик опирался на дефиницию польского историка А. Вычаньского, согласно которой под национальным доходом подразумевается годовой доход от чистого материального производства в его денежном выражении. Хозяйственная структура Пьемонта в XVII в. была близка к экономической структуре Австрии и отличалась господством грубых форм феодальной эксплуатации, аграрным характером экономики, преобладанием прямых налогов и большим размером государственного долга, более чем в 2 раза превышавшим годовой государственный доход. Тем не менее во второй половине XVII в. Пьемонт пережил экономический подъем и в очень слабой мере оказался затронутым «кризисом XVII века».

Определение термина «национальный доход» было одной из задач Дж. Феллони (Италия, Генуя), сделавшего доклад на тему «Территориальное распределение

богатства и налоги в республике Генуя в XVI—XVIII вв.», насыщенный (иногда в ущерб синтезу) обильным статистическим и фактическим материалом. Как показал докладчик, в Генуе в отличие от Пьемонта главной формой налогообложения были косвенные, а не прямые налоги, что соответствовало тому месту, которое в ее экономике занимали торговля, промышленность, ремесло и кредитно-банковское дело.

Потенциальные возможности экономики городских республик Италии были охарактеризованы в докладе А. Эша (ФРГ, Геттинген) «Финансы Папского государства и брутто-продукт крупных торговых компаний (XIV—XV вв.)». Он убедительно показал, что не только финансы, но и вся экономика Папского государства в Италии полностью находились в руках крупнейших флорентийских, а частично болонских торгово-финансовых фирм, в частности банкирского дома Медичи.

Два английских докладчика Э. Фрайд и Г. Роузвизер анализировали финансовую политику Англии в разные периоды ее истории и в различных ракурсах. Доклад первого — «Финансовая политика королевского правительства во Франции и Англии и сопротивление ей со стороны народных масс в 1290—1420 гг.» — привлек внимание как сравнительно-исторической постановкой вопроса, так и введением в программу «недели» материалов, связанных с классовой борьбой средневекового крестьянства, прежде всего французского, в условиях жестокого налогового гнета и Столетней войны. В докладе второго — «Финансовая политика правительства и денежный рынок в Англии в конце XVII в.» — был рассмотрен недостаточно еще изученный вопрос о характере, формах и источниках финансирования английских государственных займов 1665—1672 годов.

За рамки европейского ареала целиком или частично выходили Э. Д. Фергюсон (США, Нью-Йорк) и Б. Цветкова. Первый в докладе «Американский государственный долг и рост национальной экономики в 1750—1815 гг.» подчеркнул, что сначала колониальный статус с абсолютным превосходством аграрной сферы обусловил неразвитость финансово-денежной системы Северной Америки. В обращении находились бумажные деньги, обеспеченные лишь векселями, полностью обесценившиеся в годы войны за независимость США. Отсутствовали депозитные и эмиссионные банки. Затем последовало формирование

государственного «революционного долга» и введение регулярных государственных налогов, постепенный переход к устойчивой валюте и создание банковской системы. Такова, по мнению докладчика, в самых общих чертах эволюция американских финансов во второй половине XVIII—начале XIX века. В докладе Б. Цветковой «Финансовая политика Оттоманской империи конца XVI—второй половины XVII в.» было отмечено сочетание в финансовой системе этой страны государственных налогов с фиксированными государством земельными рентами, превращение чрезвычайных налогов в постоянные. Докладчик подчеркнула архаичность данной системы, наличие больших злоупотреблений со стороны сборщиков налогов. Отмечался также дискриминационный характер налогообложения завоеванного немусульманского населения — «райя». В докладе Б. Грохульской (Польша, Варшава) «Государственный бюджет и его роль в польской национальной экономике (конец XVIII—начало XIX в.)» было показано, что в Великом герцогстве Варшавском дворянство оставалось привилегированным классом, освобожденным от налогов, которые всей тяжестью ложились на крестьян.

Третья группа докладов в большинстве своем опиралась на тщательно разработанный фактический материал источников, как правило, сведенный в статистические таблицы и ряды. К ним относились доклады итальянских авторов² М. Каттини (Парма) «Экономическая конъюнктура и налоговый гнет в коммуне Нижнемоденской области (1560—1660 гг.)»; Ф. Пиро (Болонья) «Бюджеты палаты и общин в Болонье в 1564—1666 гг.»; К. Трасселли (Массина) «Источники для определения валового продукта в Сицилии в XVI в.: первые попытки создания бюджета королевства»; А. Кова (Милан) «Реформа поземельного обложения и сельскохозяйственное производство в Ломбардии во второй половине XVIII века». К этой же группе можно причислить доклады Ф. Ирзиглера (ФРГ, Билефельд) «Ремесленная продукция, торговля и муниципальные финансы в Кёльне в XIV—XV вв.» и Х. Л. Мартина (Испания, Саламанка) «Налоги, их сборщики и арендаторы в Испании (XIII—XVIII вв.)» и др. В этих докладах ставились также некоторые методологические вопросы. Ф. Пи-

ро отталкивался от положения К. Маркса о государственном долге и связанных с ним изменениях в финансовой системе³. Ф. Ирзиглер критиковал попытки западногерманского историка В. Шёнфельдера механически применять в локальных исследованиях категории макроэкономики — производство, распределение, потребление, которые выходят за локальные границы и не могут получить в рамках последних своего полного выражения. М. Каттини коснулся некоторых аспектов «моделирования» и т. п.

Члены советской делегации выступили с докладами на тему: А. Н. Чистозонов — «Валовой доход крестьянских хозяйств и государственные налоги в Голландии в начале XVI в.», С. М. Каштанов — «Финансовая политика Ивана Грозного». В первом на материале нидерландских источников показано, что налоговая система в Нидерландах приходила во все большее несоответствие с их изменявшейся в конце XV—начале XVI в. экономической структурой. Поэтому в деревне традиционный основной поземельный налог фактически взимался как поимущественный, а то и подоходный. В целом налогообложение содействовало разрушению существовавших форм сельской экономики, органически вписывалось в арсенал средств начавшегося «первоначального накопления» и экспроприации крестьянства. Во втором докладе по архивным документам был раскрыт процесс развития налоговой системы в России второй половины XVI в., на котором отчетливо сказались борьба царя с удельными князьями и сепаратистскими кругами боярства. Практика освобождения от налогов различных групп феодалов определялась в значительной мере политическими причинами. Вместе с тем экономическое развитие оказывало свое воздействие на объемы фактических налоговых поступлений в казну, что требовало внесения поправок в размеры налоговых квот.

Общая дискуссия по докладам затрагивала в основном следующие вопросы: 1) определение понятия «валовой продукт» и его компонентов, 2) соотношение «валового» и «национального дохода», 3) выявление места государственных налогов в общей системе «изъятий» из валового продукта, 4) определение понятий «нетто-» и «брутто-продукт», 5) группы источников, наиболее подходящие для исследований по-

² Резюме всех докладов, представленных на итальянском языке, сделаны Л. А. Котельниковой.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 766—767.

ставленной проблемы, 6) характер взаимоотношения производительных сфер экономики и налогов, 7) демографические, социальные, политические и военные факторы.

В ряде докладов наметилась тенденция идентифицировать понятия «валового» и «национального дохода» и тем превратить последний во внесторическую категорию. Одновременно проскальзывало стремление растворить понятие «налог» в аморфном и всеобъемлющем понятии «изъятие», представить феодальные поземельные повинности, церковные десятины и т. д. как идентичные государственным налогам. Вместе с тем некоторые участники «недели» предостерегали против применения в отношении экономики рассматриваемого периода понятия «национальный доход», смешения его с валовым продуктом. Высказывалось мнение о необходимости уточнения термина «нетто-продукт». Отмечалось пренебрежение некоторых западных историков к профессиональным познаниям в области политэкономии. К. Чиппола, М. Каттини, Ф. Пиро, А. Моньчак подчеркивали эффективность метода структурного анализа при исследовании поставленной в повестку дня «недели» темы. Много говорилось о необходимости критического отношения к употребляемым статистическим данным, используемым источникам.

Как в докладах (П. Диксон, Э. Фергюсон), так и в дискуссии заметно было преувеличение западными историками роли войн для развития налогово-финансовой системы. При этом войны характеризовались не в качестве органического для феодализма, как классового общества, стремления к военной экспансии, а как некое, внешнее по отношению к общественному строю, «стихийное» явление.

В заключительном слове Ф. Бродель подчеркнул, что из трех последних VIII «неделя» была наиболее результативной в научном отношении. Доклады в большинстве своем отличались исследовательской новаторственностью и солидностью постановки вопросов. Отметив дискуссионность понятия «валовой доход», Ф. Бродель отрицал возможность решения этого вопроса при помощи категорий политэкономии, ибо, по его мнению, «история шире и многообразнее последней». Он призывал решать научные проблемы с учетом четырех основных фак-

торов (экономики, социального строя, политики, культуры), не выделяя ни один из них как определяющий.

Необходимо заметить, что решение одной из основных дискуссионных проблем VIII «недели» — понятие и методика исчисления валового продукта, его соотношение с «национальным доходом» — предполагает строгое применение принципа историзма, а также выход за пределы сфер обмена и потребления. Эти компоненты, вероятно, могут рассматриваться как базовые лишь для исчисления «нетто-продукта». Национальный же доход представляет собой категорию такого общества, в котором определяющую роль играют капиталистические формы производства и существует нация. Сомнительно говорить о «национальном доходе» обществ с господствующей феодальной экономикой. Для выработки научного определения понятия «валовой доход», по-видимому, следует учитывать в качестве одного из основных его компонентов и те средства производства, при помощи которых производится общая масса продукта, потребляемая обществом, а также фонды, идущие на воспроизводство используемых для этого средств производства. Специальных исследований и дискуссий требует решение вопросов о том, куда и как отнести средства, получаемые от эксплуатации метрополиями колоний, иностранные займы и выплачиваемые по ним проценты и др.

5 мая состоялось заседание Международного научного комитета⁴ при институте «Ф. Датини». На нем рассматривались вопросы, связанные с публикацией работ института и научных «недель». Членам комитета была роздана предварительная программа запланированной на 1977 г. IX «недели», темой которой будет «Вложения и городская культура XII—XVIII веков». Утверждена и тема X «недели» 1978 г., которая состоится незадолго до VII Международного конгресса по экономической истории в Эдинбурге. Избранная для нее тема «Развитие и недоразвитие в доиндустриальный период в Европе и внеевропейской зоне» органически связана с кругом проблем, которые станут предметом обсуждения конгресса.

А. Н. Чистозвонов

⁴ В его состав от Советского Союза введен автор данного сообщения.

Рецензии

P. H. VIGOR. *The Soviet View of War, Peace and Neutrality*. Routledge and Kegan Paul. London—Boston. 1975. 245 p.

П. Х. ВИГОР. *Советский взгляд на войну, мир и нейтралитет*.

Рассматриваемая книга — одно из монографических изданий Королевской военной академии Сандхерст. Ее автор П. Вигор, сотрудник Центра советских исследований, является представителем той части буржуазных историков Великобритании, которые под маской внешней беспристрастности, объективности и научности изложения, по сути дела, пропагандируют антикоммунизм и антисоветизм.

В книге анализируется марксистско-ленинская точка зрения на такие проблемы, как война, мир и нейтралитет. Основная часть работы (около двух ее третей) посвящена проблеме войны. Вопрос о природе войн, их происхождении и сущности неоднократно привлекал внимание буржуазных философов, историков, политических и военных деятелей. Однако главная цель трудов, выходящих из-под их пера, в большинстве случаев сводится к тому, чтобы обосновать и оправдать внешнюю политику империалистических государств мнимой агрессивностью СССР. Не отличается оригинальностью и П. Вигор. Уже в самом начале книги он пытается воспользоваться избитым утверждением, будто ленинское определение войны является повторением мысли, высказанной Клаузевицем, что «война есть продолжение политики».

Ленинское определение войны не просто механическое повторение того, что было сказано Клаузевицем, а глубокое диалектическое проникновение в суть этого явления. Марксистско-ленинское понимание политической сущности войны отнюдь не тождественно точке зрения Клаузевица. Основное различие состоит в том, что тот рассматривал политику как «представительницу всех интересов общества в целом»¹, при этом

под политикой он понимал прежде всего внешнюю, а не внутреннюю политику, игнорируя то, что война есть продолжение в первую очередь внутренней политики. Более того, под этим он подразумевал государственную политику, то есть политику господствующего в данном государстве класса. Лишь в марксистском определении содержится ответ на вопрос о происхождении войн в человеческом обществе. Если война является продолжением и выражением политики классов, то, очевидно, своим происхождением она обязана разделению общества на антагонистические классы. Поэтому с точки зрения марксизма-ленинизма основным вопросом при анализе войн должен быть вопрос о том, какие классы ее вели и ради каких целей, какими классами она подготавливалась и направлялась². Только из этого определения можно сделать вывод о том, что с уничтожением классового антагонизма в обществе будет уничтожена материальная основа, порождающая войны, а следовательно, и сами войны.

Толкуя точку зрения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на войну как источник ускорения революционного процесса, автор пытается доказать, что неудачи России в войне с Германией являются «основной причиной последующей революции» (стр. 17). Однако определяющей причиной любой революции, в том числе и революции в России, является не война, а глубина социальных противоречий и острота классово-вой борьбы внутри страны. Война лишь усугубляет эти противоречия, активизирует массы и толкает их на путь решительного революционного выступления. Кроме того, между войной и революцией нет однозначной связи: не каждая война ведет к рево-

¹ К. Клаузевиц. О войне. М. 1934, стр. 562.

² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 77.

люци и не каждая революция связана с войной. Поэтому если социалистическая революция в России и выростала из мировой войны, то из этого нельзя еще сделать вывод о том, что война являлась ее основной причиной.

Для рассуждений автора о взглядах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на проблему войны характерно стремление исказить их или под маской научности дать им ложное толкование. Автор неоднократно пытается навести читателя на мысль о том, что основоположники марксизма-ленинизма подходили к проблеме войны лишь с утилитарной точки зрения; что их «как правило, мало интересовал вопрос, кто является агрессором» (стр. 31—33). К. Маркс и Ф. Энгельс, пишет он, «хорошо осознавали ужасные последствия войн; они также хорошо осознавали их огромное значение как средства ускорения социальных революций; однако их, видимо, практически никогда не интересовал вопрос о том, кто является агрессором» (стр. 64—65). Более того, П. Вигор пытается доказать, что и сегодня точка зрения советских историков на эту проблему не претерпела изменений.

Это неверно уже по самой сути. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин оценивали характер каждой войны не абстрактно-академически, а конкретно-исторически, исходя из интересов рабочего класса. Они не ограничивались общим определением социальной природы войны, а вникали в ее суть, определяли ее политическое содержание. Именно в этом конкретном отношении к каждой войне кроется принципиальное различие между марксизмом-ленинизмом и буржуазным пацифизмом, абстрактно осуждающим любую войну. Классики марксизма-ленинизма неоднократно выступали с осуждением реакционных и несправедливых целей воюющих сторон, призывая решительно бороться против захватнических, несправедливых, империалистических войн. Эта позиция нашла свое отражение и в последних документах КПСС. «Главным в нашей политике по отношению к капиталистическим государствам была и остается борьба за утверждение принципов мирного сосуществования, за прочный мир, за ослабление, а в перспективе и устранение опасности возникновения новой мировой войны»³, — говорил на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

П. Вигор навязывает читателю мысль о неизбежности дальнейших конфронтаций двух систем, в том числе и военной. Для этого им пропагандируется миф о «советской военной угрозе», об «экспансивности устремлений СССР». Делается это, чтобы оправдать «холодную войну», рост агрессивности империалистических государств мнимой «агрессивностью» СССР и других социалистических стран. В данном случае преследуется двоякая цель: с одной стороны, еще раз напомнить об «агрессивности» СССР, а с другой — выставить западные державы в роли бескорыстных миротворцев. «Предположение, — пишет автор, — что западный союз сделает попытку вторжения на территорию России, является столь нелепым для большинства людей Запада, что мы можем исключить его из настоящего анализа. Русские, конечно, могут иметь иную точку зрения, однако эта книга написана для читателей Запада, а не России...». «Война между Востоком и Западом, — продолжает он, — может возникнуть лишь в том случае, если Советский Союз начнет ее» (стр. 147).

Учитывая громадный международный авторитет и военную мощь СССР, правящие круги империалистических государств вынуждены отказываться от идеи военного уничтожения Советского государства и все чаще и чаще прибегать к попыткам идеологической диверсии против него. Обоснование и оправдание этой тактики стало одной из главных задач буржуазных историков. Только в большинстве случаев они выдают ее не за тактику «сдерживания коммунизма», а за тактику «сдерживания войны». Форма разная, однако суть — антикоммунизм и антисоветизм — прежняя.

Касаясь проблемы мира (этой проблеме в книге отведено лишь 17 страниц), автор пытается провести различие между отдельными понятиями мира: теологическим, негативным, под которым он понимает отсутствие вооруженного конфликта между народами и государствами, позитивным и т. д. С помощью софистических приемов он стремится доказать, что буржуазное понятие «холодной войны» как состояния «мира и недобрососедских отношений» якобы неправильно понято и переведено в СССР дословно. Это сделано, по мнению автора, с определенной целью: используя смысл, содержащийся в слове «война», мы тем самым возлагаем всю ответственность за ее появление на Запад (главным образом на

³ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1975, стр. 16.

американцев, так как именно они являются авторами этого определения) (стр. 161—162).

Здесь вновь налицо попытка ввести читателей в заблуждение, скрыть истинное значение этого определения. В действительности, понятие «холодная война» было введено в обиход буржуазными идеологами в конце 40-х годов для обозначения той крайне обостренной международной ситуации, которую после второй мировой войны создали правящие круги империалистических государств своей агрессивной политикой по отношению к Советскому Союзу, другим социалистическим странам и национально-освободительным движениям. Поэтому буржуазные историки видят свою главную задачу в том, чтобы оправдать или представить в лучшем свете проводимую в то время Западом политику.

Ссылаясь на марксистско-ленинское понимание проблемы взаимоотношений эксплуататорских и эксплуатируемых классов в рамках буржуазного государства, на отсутствие возможности установления мира между ними в силу антагонизма их классовых интересов, П. Вигар экстраполирует взаимоотношения этих двух классов в сферу международных отношений и пытается доказать невозможность мирного сосуществования государств с различным социальным строем (стр. 165). Той же задаче служат рассуждения о том, что «запрещение атомного оружия лишило бы западные силы ядерного щита и поставило бы их перед лицом русской армии, в десятикратном размере превышающей эти силы» (стр. 176—177). Это утверждение также не отличается новизной. Уже давно не секрет, что правящие круги империалистических государств пытаются с помощью ядерного оружия изменить в свою пользу соотношение сил на международной арене. То, что они до сих пор не воспользовались этим оружием, объясняется не их миролюбием, а страхом возмездия. На XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что «принятие дальнейших эффективных мер к недопущению расползания ядерного оружия по нашей планете остается одной из самых важных задач. СССР готов сотрудничать в ее решении с другими государствами»⁴. Лучший путь для достижения этой цели — всеобщее и полное разоружение. Это положение зафиксировано как в резолюции 1378 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г., которая была принята по

инициативе СССР, так и в ряде многосторонних соглашений (Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах от 5 августа 1963 г., Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. и др.).

В главе, посвященной нейтралитету, читатель не найдет упоминаний о грубых нарушениях империалистическими державами прав нейтральных государств или об оккупации Германией ряда нейтральных стран в ходе второй мировой войны. В этом нет ничего удивительного. Автор сам подчеркивает, что его книга предназначена для западных читателей. Зато в ней можно найти пространные рассуждения о позиции СССР по вопросу о нейтралитете. Причем объективности в данном случае вновь подменяется попытками доказать чисто утилитарный подход Советского Союза к проблеме нейтралитета и выдать желаемое за действительное. Так, автор старается подвести читателя к выводу о том, что «советский план нейтрализации Германии был выдвинут в 1952 г., когда на Западе начал обсуждаться вопрос о перевооружении ФРГ» (стр. 187).

Однако, если обратиться к реальным фактам, то окажется, что курс на демилитаризацию Западной Германии был намечен задолго до этой даты. Еще в 1949 г. правительства США, Англии и Франции путем создания сепаратного западногерманского государства предприняли первые шаги в этом направлении, а юридическое оформление перевооружения ФРГ было осуществлено на заседании министров иностранных дел США, Англии и Франции в Нью-Йорке в 1950 г., решение которого было в том же году одобрено советом НАТО. Перевооружение Западной Германии, восстановление ее военной экономики и создание тем самым потенциального очага новой военной угрозы П. Вигар старается представить как естественный ход событий, а последовательность и независимость политики СССР, направленной на упрочение мира и принятие коллективных мер по укреплению международной безопасности, как защиту узких классовых интересов и попытку расшатать и ослабить западный блок.

В наши дни буржуазные историки все реже прибегают к тактике прямой фальсификации и клеветы на социалистический строй и мировое коммунистическое движение. Все чаще они пытаются под маской беспристрастности и научности исказить и ложным образом интерпретировать марксистскую теорию о войне и мире, практические шаги,

⁴ Там же, стр. 23.

предпринимаемые Советским государством на международной арене. Этой задаче подчинено и содержание рецензируемой книги. Однако ее автору, как и всем фальсификаторам, становится все труднее исказить миролюбивую политику Советского Союза

и других стран социалистического содружества, которая пользуется уважением и поддержкой многомиллионных народных масс во всем мире.

В. И. Потапов

М. БЛАГОЈЕВИЋ. *Земљорадња у средњовјековној Србији*. Историјски институт. Посебна издања, књ. 15. Београд. 1973. 463 стр.

М. БЛАГОЕВИЧ. *Земледелие в средневековой Сербии*

Сербия — страна со сложным рельефом, и вопрос о том, сколько пашни удавалось в прошлом отвоевать у гор и лесов, сколько был в состоянии вспахать земледelec и каковы были численные показатели его труда, никогда не был безразличен для историков¹. Однако собственно сербские памятники достаточно ограничены и для раннего и для классического средневековья, поскольку вотчинные архивы в значительной степени были уничтожены турками.

М. Благоевич, научный сотрудник Исторического института Сербской академии наук и искусств, попытался преодолеть эту ограниченность, обратившись к фондам дубровницкого архива, а также к документам архива в Которе. Эта попытка привлечь далматинский городской материал для характеристики сербского сельскохозяйственного производства необычна, тем более что Дубровник никогда не входил в состав Сербского государства и лежал достаточно далеко от его центров. Но в одном отношении успех ожидал автора с самого начала — в его руках оказался материал настолько обильный, что можно говорить об открытии принципиально нового подхода к источниковедению средневековой сербской деревни. В распоряжении исследователя оказалось множество частных актов, в которых детально и массово отложилась повседневная сельская практика. Благодаря этому история сербской агрикультуры пополнилась многочисленными конкретными подробностями.

Исследование М. Благоевича опирается еще на один круг источников — на иконографические памятники, фрески из Дечан, Раваницы, Печской патриархии, миниатюры из Призренского евангелия, Мюнхенской псалтири, однако эта группа источников явно нуждается в специальном комментарии. Автор в курсе новейших достижений европейской медиевистики, в частности французской и польской, и хорошо знает советскую литературу (работы Е. П. Наумова, М. Л. Абрамсон, Е. В. Бернадской, Л. А. Котельниковой, Г. Е. Кочина).

Собрав массу ранее неизвестных свидетельств, М. Благоевич оказался перед необходимостью отыскать новые методы их обработки с тем, чтобы ввести меру и число в ту область, где до сих пор преобладали качественные характеристики. Правда, известные математические приемы использовались и в работе над прежним материалом — учитывались и сводились в таблицы данные македонских монастырских «практиков»², но вопросов собственно агротехники они касались незначительно. М. Благоевич же подсчитывает стоимость мотыги и сошника, нормы высева зерна, высоту арендной платы за вола, размер оброка, объем земельных наделов. В итоге у автора складываются средние цифры, своего рода эталоны, которые определяли деревенскую действительность Сербии XIII—XIV веков. Введение таких величин в сербскую аграрную историю — несомненная заслуга М.

¹ См.: Е. П. Наумов. Пути и тенденции экономического развития Сербии в XIII—XIV вв. «Советское славяноведение», 1970, № 3; его же. Проблемы экономического развития балканских стран в эпоху турецкой экспансии. «Балканика». Т. II. Београд. 1971.

² См. Н. Кондов. Селското занаятчийство в областта на Долна Струма през първата половина на XIV век. «Зборник радова Византолошког института». Књ. VIII.—2. Београд. 1964; «Demographische Notizen über die Landbevölkerung aus dem Gebiet des unteren Strymon in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts». «Etudes balkaniques». Тt. II—III. Sofia. 1965.

Благоевича. Чтобы обосновать комплексное использование математических методов, ему потребовалось применить и новый способ построения работы. Все, что он подверг изучению: проблемы использования лошади в земледелии и времени появления плуга, способов раскорчевки земли под пашню и поддержания плодородия почвы, существования трехполья, размеров крестьянской запашки и уровня отработочной ренты, — все это вовлечено в комплексный анализ. Эта взаимосвязь всех элементов исследования придает монографии целостный характер, позволяя говорить о системном подходе, положенном в основу работы. Перед нами безусловно оригинальное и яркое исследование.

Сельскохозяйственная жизнь Сербии XIII — XIV вв., согласно наблюдениям автора, выглядят следующим образом. Среди орудий сербского крестьянина особое место занимает мотыга. Она достаточно тяжела (до 3,5 кг) и дорого стоит. Долго преобладают рала и лишь с начала XV в. распространяются плуги, поэтому, кстати, и сохраняются мотыга — ею разбивают крупные комья земли. Кони не используются в упряжке, волю же местных пород мелки и слабосильны. За двухволную упряжку платили около 700 кг зерна, или почти 50% урожая среднего крестьянского надела. В стране идет активная раскорчевка и выжиг лесов в долинах и в горах (не выше, однако, 500 м над уровнем моря), хотя не существует огневой системы земледелия. Основная часть земель находится под пашнями. Преобладание же в монастырских описях виноградников объясняется тем, что это наиболее дорогие угодья. Вспашка двойная, с интервалом в несколько месяцев. Молотят ручным способом, скот на гумне, по мнению автора, еще не применяется.

XIII — XIV столетия — это время энергичного распространения виноградарства в Сербии, в конце XII в. виноградников мало даже в окрестностях Призрена, а в XIV в. они доходят до северных областей страны. Косвенно это свидетельствует о росте народонаселения: лоза всегда требует большего, чем злаки, числа рабочих рук. Свидетельство о технике виноградарства очень много, мы узнаем, сколько платят поденщикам (по 1,5 динара в день), каков их дневной урок (около 10 кв. м) и как удобряют землю под лозу. Но интенсивный труд применяется и на огородах, хотя до XIV в. их было немного.

Трудно судить о том, как удобрялись внутренние земли Сербского государства

(и нуждались ли они в этом), но неплодородные угодья в окрестностях Дубровника не могли обойтись без навоза — I «златица» (1680 кв. м) земли требовала его в год не менее 100 корзин, или 8 куб. метров. Это было дорого, и нередко землю просто оставляли отдыхать и удобряли только винограду и сады. Плодосмен чаще всего сводился к равномерному чередованию пшеницы, овса и проса и к засеву озимыми и яровыми одинаковых площадей. Пар упоминается регулярно, но ни одно свидетельство не доказывает существования трехполья в чистом виде.

Суммировав эти наблюдения, М. Благоевич приступает к решению основной задачи — выяснению того, какую площадь мог обработать и засеять пахарь в течение года, используя двухволную упряжку с ралом. Вначале он узнает норму ренты — и в приморских городах, Дубровнике и Которе, где она фигурирует как арендная плата, и во внутренних областях, где она выступает в качестве оброка. Эта норма колеблется, что отчетливо иллюстрируют таблицы, но можно установить величины в 5—6 стар зерна (или 350—420 кг, дубровницкий стар — 98 л, или 70 кг). Это, по мнению автора, и есть тот рентный эталон, который встречается чаще всего. Есть возможность определить, что эти 5—6 стар часто являются в Приморье одной четвертой частью урожая, недаром во множестве документов используется термин «четвертина» (*quarta pars*). Эта цифра проверяется по договорам аренды, но уже не земли, а упряжных вол, причем она повторяется и здесь: за одного вола взимают $\frac{1}{8}$, а за двоих — $\frac{1}{4}$ урожая, или те же 5—6 стар. И, наконец, договоры займа семян показывают ту же цифру — 4—6 стар, что, по мнению автора, доказывает, что семена составляли $\frac{1}{4}$ урожая, и приближает нас к решению вопроса об урожайности в средневековой Сербии. Везде и всегда ли эта норма урожайности была одинаковой — этот вопрос, естественно, интересует читателя, но у автора на этот счет не возникает сомнений. На семена, по его подсчетам, идет столько же зерна, сколько и на уплату ренты — четвертая доля урожая. Ориентируясь на современные нормы высева, автор приходит к выводу, что эти 5—6 стар, или по сербским мерам 22—27 «каблов», обычно высеваются на площади в 2—2,4 гектара. Это и есть средний размер крестьянского надела.

Затем автор предпринимает попытку проверить выводы, полученные с помощью дуб-

ровнических данных, на материале из внутренних сербских областей. В монастырских поместьях Сербии известны цифры в 7,5 или 8—9 «мьтей», которые должен был вспахать за год зависимый крестьянин. «Мьт» засевался одним «каблом» зерна и вспахивался обычно в течение дня. Таким образом, речь идет о 7—9-дневной пахоте, или о 7—9 «каблах» высева зерна в год. Это треть крестьянского надела. В тех же случаях, когда барщина являлась не поурочной, а повременной, мы встречаемся примерно с теми же показателями — 6 днями, и надо отдать должное настойчивости, с которой М. Благоевич стремится отыскать причину этого не столь значительного расхождения. Серьезное расхождение проявляется в другом. Душанов Законник (ст. 68) назначает для зависимых крестьян «меропхов» двухдневную барщину в неделю, и грамоты трех монастырей это подтверждают. Как преодолеть это расхождение между 8—9 днями пахоты в одних документах и 104 днями барщины в год — в других?

Фундаментальное исследование М. Благоевича порождает и ряд других вопросов. Один из них — в какой мере материал дубровнического архива представлен по отношению к внутренним сербским областям. По мере чтения книги у читателя рассеиваются многие из возникающих на этот счет сомнений: извлеченные из архива акты охватывают территорию, достаточно удаленную от Дубровника, на 40—50 км уходящую в глубь сербских земель; дубровнические жители находятся в самом тесном контакте с окрестным населением — сдают ему земли в аренду, скот — на выпас и т. д. Многочисленные казусы, нашедшие отражение в дубровнических документах, имеют параллели в источниках сербского и хорватского происхождения. Немало славянских терминов ядро с сербской и хорватской периферии пробиваются сквозь латинскую и итальянскую речь дубровнических актов: «mirqsina» (меропщина), «snobie» (снопы), «cetvertina», «soche», «uborach», «grasatnich». И, наконец, самое убедительное доказательство: данные Душанова Законника и монастырских грамот рисуют нормы земельных площадей, ренты, крестьянских наделов примерно в тех же объемах, что и частноправовые документы Дубровнической республики.

Однако смущает другое. Автор не скрывает, что изучаемые им сельскохозяйственные параметры колеблются, и иногда довольно значительно. И тем не менее он элиминирует эти колебания, сводя все ва-

риантах сельскохозяйственных работ к одному, хозяйственные показатели которого, по мысли автора, определяют границы производственных возможностей крестьянского двора. Перед нами, таким образом, развернутая и обоснованная модель сельскохозяйственной деятельности сербского земледельца. Но почему она должна считаться единственной?

Сомнению можно подвергнуть несколько составных этой модели. Во-первых, где уверенность в том, что урожайность всегда равнялась сам-4? Договоры о займе семян, на основе которых автор ее высчитывает, немногочисленны (их всего 8 за столетие) и не убеждают в том, что у крестьянина нет других семян, кроме взятых взаймы. Во-вторых, даже судя по приводимым автором таблицам, рента могла равняться не только 5—6, но и 7—8 и даже 15 старам (стр. 250, 255). В-третьих, в списке составных элементов, из которых складывались производственные мощности домохозяйства, автор лишь глухо упоминает численность крестьянской семьи и, во всяком случае, не учитывает ее в своих расчетах. А между тем, коли он сам так убедительно подчеркнул сохранение мотыги в сельскохозяйственном инструментарии, никак нельзя игнорировать и роль ручного труда, а поэтому и роль большеfamilialных коллективов — «задруг» в земледелии. Косвенное представление о таких больших домохозяйствах дают все те же таблицы, согласно которым крестьяне берут в аренду и по 1,25, и по 1,5, и по 2 надела. Поэтому нам кажется, что характеристику крестьянского хозяйства, столь тщательно разработанную М. Благоевичем, следовало бы оставить в качестве не единственной, а просто преобладающей его модели, дополнив ее другими, побочными вариантами.

Вызывает некоторые сомнения и мысль автора о происхождении двухдневной барщины в неделю в Сербии XIV века. По его мнению, вспахивая 8—9 «мьтей» барской запашки, равной третьей доле своего надела, крестьянин тем самым как бы пролагал дорогу к закреплению права вотчинника на одну треть его рабочего времени. И когда Душан своим Законником ввел упомянутые два дня барщины в неделю, он «не внес ничего нового в отработочные повинности земледельца, а только подтвердил существовавшее состояние» (стр. 394). Главное здесь заключается в том, что дни пахотной барщины не затрагивали того времени, которое крестьянин проводил в саду, на вино-

граднике или в огороде, по уходу за скотом, в то время как 104 дня решительно урезали его производственные возможности. Как показывает опыт аграрной истории Восточной Европы, двухдневная барщина — это очень высокая норма эксплуатации, серьезно затруднявшая ведение крестьянами своего хозяйства. Поэтому вряд ли убедительно предлагаемое М. Благоевичем объяснение — переход к ней с помощью простого перерасчета «трети» пашни на «треть» рабочего времени в году.

Однако, споря с автором, не забудем еще одно существенного достоинства книги. Для автора нет никаких сомнений в существовании феодальных производственных отношений в сербской деревне, существовании феодальной вотчины, ренты, системы зависимости и эксплуатации. Весь свой анализ производительных сил средневековой Сербии М. Благоевич строит, исходя из этой социальной характеристики.

« М. М. Фрейденберг

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Исторически преглед». София. 1976, № 3.

XI съезд БКП и болгарские историки; С. Арабаджиев. Творчество Д. Благоева и интернационалистские традиции БКП (1885—1917 гг.); Ст. Димитрова. Идеологическая борьба Д. Благоева против правого оппортунизма (1917—1924 гг.); Сообщения: З. Отчев. Д. Благоев, марксизм и исторический путь Болгарии; А. Веков. Г. В. Плеханов и партия трудных социалистов (1903—1914 гг.); События и личности. Й. Николов. Томас Мюнцер — великий мыслитель и революционер; Ст. Великов. Город Тырговиште в эпоху Возрождения.

«Párttörténeti közlemények». Budapest. 1976, № 2.

Д. Немеш. Экономические последствия первой мировой войны и контрреволюции в Венгрии; Д. Сирков, Н. Горненский. Политическая линия Болгарской рабочей партии в период второй мировой войны; И. Харшани. От победы Народного фронта в Испании на выборах в феврале 1936 г. до июльского мятежа; Д. Токоти. Опубликование Версальского договора и общественное мнение Германии (май — июнь 1919 г.); Е. Штандейски. Материалы к аграрной политике Коммунистической партии Венгрии (движение «Сабад Фёльд» — «зимние вечера»).

«Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin. 1976, № 3.

Г. Пицца. Политика солидарности СЕПГ с народами Азии, Африки и Латинской Америки (1946—1949 гг.); Д. Д. Дегтярь. Развитие экономического и

научно-технического сотрудничества СССР с развивающимися странами; Г. Бассарак, Г. Вирт. Вклад экуменического движения церкви в борьбу против расизма; Е. Шаллер. Конституция и социальный прогресс в Индии; Дискуссия о месте развивающихся стран в мировых экономических связях (В. Шпрёте, Г. Толе, Г. Фрейтаг, Г. Шаршмидт, Г. Й. Вингольди, Х. Цинн, Г. Бартель, З. Мюнх, Г. Фаульветтер, Г. Кюк).

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1976, № 6.

А. Лёздау. К вопросу о кризисе буржуазной историографии США; В. Шмидт. Вильгельм Вольф — соратник К. Маркса и Ф. Энгельса. К истории революционного марксистского партийного движения после роспуска Союза коммунистов (1853—1864 гг.); З. Хойер. Причины и проблемы Крестьянской войны в Германии. Публикация. В. Гутше. Германские монополии в горной и металлургической промышленности и ведущие банки и рудные месторождения Франции до первой мировой войны. К вопросу о взаимосвязи экономической экспансии и военных целей германского империализма; Обзор: Освобождение от фашизма и народно-демократическая революция в Венгрии в освещении венгерской историографии 1975 г. (А. Тиншмидт).

«Dzieje najnowsze». Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1975, № 4.

XXX годовщина победы над фашизмом. Вступление (А. Верблян); Я. В. Голэмбёвски. Левые

силы в Европе в момент окончания войны; Вл. Т. Ковальски. Переход союзников от военного сотрудничества к мирному сотрудничеству; Г. Рехович. Опыт польских левых сил и их практическая деятельность в первый период строительства народной Польши; Г. Слабэк. Общественные и государственные преобразования в Польше на рубеже военного и мирного времени; В. Маркевич. Отношение польского народа к проблеме западных земель; Я. Замойски. Участие поляков в движении Сопротивления на территории Северной Франции и департамента Падекале (1940—1944 гг.); Е. Мазурек. Польские школы и их ученики в Бытовском повяте в 1919—1975 гг.; Б. Снох. Люблинская земля в годы второй мировой войны.

«Przegląd historyczny». Warszawa, 1976, № 2.

Е. Колендо, Т. Котуля. Из проблематики развития городов в римской Африке; Т. Василевски. Дулебы-лендзяне-хорваты. К вопросу о племенных поселениях и политических отношениях между Бугом, Саном и Вислой в X в.; М. Эмечич. Попытки объединения христианской церкви в 1848 г. и их влияние на южных славян; Polemika. Б. Зентара. Перелом в развитии городов Центральной Европы в первой половине XIII в.; Материалы. С. Кеневич. Письма участника польского восстания 1863 г. З. Падлевского к родителям (1857—1862 гг.); Дискуссия. А. Хойновски, В. Владыка. О политических партиях второй Речи Посполитой (1918—1939 гг.) (в связи с книгой Е. Хольцера).

«Śląski kwartalnik historyczny Sobótka». Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. 1976, № 1.

Я. Драбина. Связи Вроцлава с Римом в период господства Ягеллонов в Силезии (1490—1526 гг.); Т. Марча. Пресса «Польского стронництва людового» о референдуме в июне 1946 г.; С. Окенци. Участие жителей Силезии в Словацком национальном восстании 1944 года.

«Revue Roumaine d'histoire». Bucarest. 1976, № 1.

Город и его структура на румынской территории. К. Скопран. Урбанистическая эволюция г. Томи; М. Филиппи. Cives Civitatis Brassoviensis. Исследования по социальной истории Брашова XIV—XV вв.; Р. Манолеску. Проблема городского патрициата Валахии и Молдавии (XV — начало XVI в.); Е. Гречану. Урбанистическая структура средневекового романского города; А. М. Орашану. Патрицианский дом г. Быстрицы в XV в.; Б. Маринеску. Великобритания и восстановление государственной независимости Румынии; Г. Максutowичи. К вопросу об изучении албанского культурно-просветительного движения в Румынии и румыно-албанских отношений;

Р. Дейч, Ф. Жуайо, М. Шнарка. Международные конгрессы исторических наук и развитие исследовательской кооперации; И. Капрошу. Некоторые замечания о прошлом румынских городов; В. Нетя. Исследования по истории городов Алба Юлия, Ораштия и Залаи.

«Revue Roumaine d'histoire». 1976, № 2.

Н. Фотино. Уважение принципа национальной независимости и суверенитета — основа внешней политики социалистической Румынии; Д. Бериндеи. Румыния и события 1875—1876 гг. на Балканах; А. Вяну. 200-летие Декларации независимости США; В. Нетя. Проблема единства румынского народа в период нейтралитета Румынии (1914—1916 гг.); А. Иордаше. Дипломатические отношения Румынии с Центральными державами в годы нейтралитета (1914—1916 гг.); К. Иордан-Сима. Вступление Италии в первую мировую войну и позиция нейтральных государств Юго-Восточной Европы (апрель — май 1915 г.); И. Станчу. Стэнли Уошбёрн — американский военный корреспондент на румынском фронте (сентябрь — ноябрь 1916 г.); Г. Нуссбехер. Новые данные о великом гуманисте Семиградья Иоганне Гонтерусе; А. Дучу. Антим Ивриану и современность; Р. Биндер. О связях саксонской евангелической церкви в Трансильвании с Женовой (XVI в.).

«Byzantinoslavica». Praha. T. XXXVI (1975). Fasc. 2.

Ю. К. Бегунов. Греко-славянская традиция почитания Дмитрия Солунского и русский духовный стих о нем; И. Дуйчев. Перстень-печатка болгарского царя Каюяна (1197—1207 гг.); Г. Литтен. Прокопий Кесарийский о германских племенах; А. П. Каждан. Византийская семья Дермокайтов.

«Slovanský přehled». Praha. 1976, № 1.

А. И. Недорезов. Изменения в социально-классовой структуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их влияние на развитие социалистического сотрудничества; М. Госноровски. Словацкое социалистическое движение в США и образование КПЧ; Ф. Шром. Ленинское решение крестьянского вопроса в СССР и некоторые вопросы борьбы против ревизионизма; Люди и время. Д. Копейткова. Некоторые аспекты развития чехословацко-советского экономического сотрудничества в 1945—1947 гг.; Я. Червинка. К 100-летию основания университета в Черновицах; С. Калашникова. Отклики в Чехословакии на смерть В. И. Ленина.

«Slovanský přehled». 1976, № 2.

К юбилею Чехословацко-советского института (ЧСИ) Чехословацкой Академии наук. Я. Вавра. ЧСИ в 1950—1954 гг.; К. Герман. ЧСИ в 1964—1976 гг.; И. Грозненчик.

ЧСИ Словацкой Академии наук; И. Колейка. Южные славяне и «восточный кризис» 1875—1878 гг. Европейские социалисты о восточном вопросе; Люди и время. Р. Гавранкова. 100-я годовщина национально-освободительного восстания болгарского народа; Ч. Аморт. Международные отклики на Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии.

«*Slovanský přehled*». 1976, № 3.

М. Шестак. «Идея государства австрийского» у Ф. Палацко; В. Штясны. О политической активности Ф. Палацко в период восстановления конституционных свобод в Австрии после революции 1848—1849 гг.; М. Шмерда. Ф. Палацкий и чешская национальная идеология в период национального возрождения; З. Шимечек. О методологии произведений Ф. Палацко; Л. Е. Гавлик. Концеп-

ция Ф. Палацко о начале чешской истории и истории славян в политической программе национального возрождения; Я. Микулка. Ф. Палацкий и польский вопрос.

«*Историјски записи*». Титоград. Кн. XXXII, № 3—4.

Д. Живкович. Организация Красного креста Черногории в период между двумя мировыми войнами. Часть II; Е. Имамич. К вопросу о месте рождения римского императора Диоклетиана; Ж. Аврамовски. Антисоветская позиция Югославии и западных держав в 1935 г.; Е. Мушович. Хоты Новопазарского санджака; В. Лукич. К истории первых черногорских газет «Црногорац» и «Глас Црногораца»; Д. Радович. Национально-освободительная война в Черногории в 1942—1943 гг.; О. Цицил. Партизан-подпольщик Черногории как личность.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

«Американская историография внешней политики США. 1945—1970». М. 1972. 403 стр. Рец.: Раковá S.—«*Československý časopis historický*». Praha. 1976, č 2, s. 295—297.

Аскаров А. А. Сапаллитена. Ташкент. 1973. 172 стр. Рец.: Brentjes B.—«*Bibliotheca orientalis*». Leiden. 1975, № 3—4, blz. 261.

Ауліх В. В. Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ. 1972. 124 стр. Рец.: Dostál V.—«*Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské university*», Rada archeologicko-klasická. 1973—1974, č. 18—19, s. 333—335.

Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ. 1972. 244 стр. Рец.: Dostál V.—«*Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské university*», Rada archeologicko-klasická. 1973—1974, č. 18—19, s. 338—341.

Беленицкий А. М. и др. Средневековый город Средней Азии. Л. 1973. 389 стр. Рец.: Brentjes B.—«*Bibliotheca orientalis*». Leiden. 1975, № 3—4, blz. 261—262.

Веймарн Б. В. Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII веков. М. 1974. 188 стр. Рец.: Brentjes B.—«*Bibliotheca orientalis*». Leiden. 1975, № 3—4, blz. 253—254.

Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. М. 1973. 160 стр. Рец.: Brentjes B.—«*Bibliotheca orientalis*». Leiden. 1975, № 3—4, blz. 271—272.

«Дипломатия социализма». М. 1973. 318 стр. Пер. на чешск. яз. Praha. 1975. Рец.: Busniak J.—«*Mezinárodní vztáhy*». Praha. 1976, № 1, s. 83—85.

«Древняя Бактрия». Предварит. сообщ. об археол. работах на юге Узбекистана. Л. 1974. 96 стр. Рец.: Brentjes B.—«*Bibliotheca orientalis*». Leiden. 1975, № 3—4, blz. 266.

«Из истории античной культуры Узбекистана». Ташкент. 1973. 135 стр. Рец.: Brentjes B.—«*Bibliotheca orientalis*». Leiden. 1975, № 3—4, blz. 271.

«Кавказ и Восточная Европа в древности». М. 1973. 264 стр. Рец.: Lazea G.—In: «*Studii și materiale de istorie medie*». Vol. 8. București. 1975, pp. 250—251.

Корневская Е. И. Становление высших органов советского государственного управления. Правовые основы организации и деятельности Советского правительства в 1917—1922 гг. М. 1975. 159 стр. Рец.: Morski F. A.—«*Państwo i prawo*». Warszawa. 1976, № 3, s. 176—177.

Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. (Конец XIX — начало XX в.). М. 1971. 288 стр. Рец.: Fojtík K.—«*Ceský lid*». Praha. 1976, № 1, s. 56—58.

Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л. 1973. 374 стр. Рец.: Синдик Н. Р.—«*Библиотекар*». Београд. 1975, бр. 3—4, с. 415—417.

Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.). Минск. 1975. 222 стр. Рец.: Данева-Михова X.—«*Векове*». София. 1975. кн. 5, с. 89—93.

«Мецамор». (Исследование по данным раскопок 1965—1966 гг.). Ереван. 1973. 214 стр. Рец.: Brentjes B.—«*Bibliotheca orientalis*». Leiden. 1975, № 3—4, blz. 262—263.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в июне 1976 года.

«Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти». Л. 1973. 363 стр. Рец.: Blank S. J.—«Kritika». Cambridge. 1976. № 1, pp. 42—49.

Слуховский М. И. Русская библиотека XVI—XVII вв. М. 1973. 252 стр. Рец.: Синдик Н. Р.—«Библиотекарь». Београд. 1975, бр. 1—2, с. 183—186.

Троицкий С. М. Русский абсолютизм

и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М. 1974. 395 стр. Рец.: Meshan-Waters B.—«Kritika». Cambridge. 1976, № 1, pp. 26—41.

Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. Избранные труды. М. 1973. 302 стр. Рец.: Puřš J.—«Československý časopis historický» Praha. 1976, č. 2, s. 293—295.

Хроникальные заметки

◆ К XIV Международному конгрессу исторических наук в Сан-Франциско Центральный институт древней истории и археологии (ГДР) выпустил как т. 7 своих «Сообщений» сборник «Роль народных масс в истории докапиталистических общественных формаций» под общей редакцией Й. Геррманна и И. Зелльнов. В сборник вошли 29 статей, посвященных роли народных масс в развитии производительных сил, в общественном прогрессе, в развитии литературы и искусства, классовым движениям древности и средневековья в Европе, Азии и Африке («Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen»). Berlin. «Akademie-Verlag». 1975. 322 S.).

◆ «Ганзейские исследования» — это серия, издаваемая Историческим обществом ГДР. Ее том XIV составила часть III исследований, касающихся истории сословия бюргеров, торгового капитала и городских союзов Ганзы. 16 статей охватывают данную тематику применительно к разным регионам Европы, с которыми Ганза поддерживала экономические контакты. Среди авторов — специалисты из ГДР, СССР, Польши и Чехословакии («Hansische Studien». III. Weimar. «Hermann Böhlhaus Nachfolger». 1975. 282 S.).

◆ В сборник статей сотрудников Венгерской АН, посвященный 30-летию освобождения Венгрии от фашизма, — «Исследования по истории венгерского рабочего движения (1867—1966 гг.)», включены 12 работ. Их тематика: борьба за создание социал-демократической партии Венгрии в 1868—1890 гг., ее деятельность в 1900—1910 гг., предпосылки зарождения Венгерской компартии, социальный аспект национальной проблемы в первые годы независимой Венгрии, Венгерская компартия в 1919—1933 гг., социал-демократическая партия Венгрии в 1919—1939 гг., Венгерская компартия в 1936—1945 гг., коммунистическое движение в Венгрии и ее национальные меньшинства в 1919—1945 гг., народная демократия 1944—1948 гг., венгерское общество 1949—1956 гг., социалистическая реорганизация сельского хозяйства в Венгрии, венгерское общество 1956—1966 гг. («Studies on the History of the Hungarian Working-Class Movement (1867—1966)». Ed. by H. Vass. Budapest, «Akadémiai Kiadó». 1975, 429 p.).

◆ Д. Шандру (Академия социальных и политических наук СРР) написал книгу «Аграрная реформа 1921 г. в Румынии». После историографического введения автор дал главы об аграрном законодательстве реформы, ее организации и проведении, ее последствиях для состояния и развития сельского хозяйства, товарно-денежных отношений и румынского общества («D. Sandru. Reforma agrară din 1921 în România. București. EARSR. 1975. 359 p.).

◆ В рамках серии «Историческая библиотека Румынии» (монографии, № XIV) Штефан Олтяну написал работу о Румынии в эпоху Михая Храброго. Ее основной сюжет — борьба этого валахского господаря с турками и объединение им приднестрских княжеств в 1600 году. Автор рассматривает экономику, общество, военное дело и дипломатическую службу в княжествах, формы османского сюзеренитета, дает биографию Михая, описывает сражения с султанскими войсками и ход объединения княжеств, оценивает деятельность господаря как «восстановителя Дакии» и освещает историографию проблемы (S. Olteanu. Les pays roumains à l'époque de Michel le Brave (l'union de 1600). București. EARSR. 1975. 159 p.).

◆ Выпуск 68-й в серии «Исторические исследования» Уппсальского университета (Швеция) представляет собой работу Джеймса Кавалли о финансовом обеспечении действий армии Карла XII на первом году Северной войны. Автор рассказывает о денежном хозяйстве Швеции в конце XVII в., составе королевской армии перед вторжением в Данию, государственной казне Швеции, финансовых мероприятиях 1699 г., расходах на военные действия, шведских контрибуциях в прибалтийских странах, установлении там господства шведской монеты, новых кредитах на войну, ослаблении шведских ресурсов, королевских «редукциях» помещичьих доходов, борьбе верхов с чрезмерными запросами Карла XII, состоянии финансов в Дании, Голштинии, Пруссии, Ливонии и Эстляндии, расходах на вспомогательные финские войска, затратах на новый шведский флот, на новых призывников и на защиту норвежской границы, о роли чиновничества в мобилизации средств на войну, отношениях между Карлом XII и его государственным аппаратом и о пере-

стройке всей шведской экономики в связи с затягиванием Северной войны (J. S a v a l l i e. Från fred till krig. Uppsala. «Almqvist and Wiksell». 1975. 319 s.).

◆ Парижский X-й университет издает под общей редакцией проф. Робера Мандру серию «История мысли». Очередной выпуск — книга Франсуа Ланглуа «Начальное платное обучение в Париже в конце старого режима». Охватывающая 1770—1790 годы, эта работа основана на документах из Национального архива. Изложение материала строится по следующим разделам: организация и функции начальных школ, преподаватели, формы и содержание обучения (F. L a n g l o i s. L'enseignement primaire payant à la fin de Paris à la fin de l'Ancien Régime. Paris. «Hachette». 1975. 114 p.).

◆ История известного французского банка «Лионский кредит» в 1870—1914 гг. — такова тема исследования, предпринятого преподавателем Парижского VIII-го университета Ж. Даньо. Автор использовал документацию банка, его агентств в Нисе и Марселе и провинциальных отделений. Он показывает, как это учреждение превратилось за полвека из банковского дома в руководящий центр разветвленной банковской сети, влиявшей на принятие важных государственных и экономических решений (J. D a g n e a u. De la maison de Banque au réseau bancaire. Paris. «Hachette». 1975. 485 p.).

◆ В Стокгольме увидел свет первый номер нового ежеквартального англоязычного журнала «Scandinavian Journal of History». Этот журнал издается историческими ассоциациями Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции. Издатели указывают, что его тематика будет в первую очередь северо-европейской, хотя проблемы всеобщей истории также найдут в нем место. Главный упор будет сделан на национальные особенности исторического развития отдельных стран с предпочтением для обобщающих или сравнительно-исторических статей с широким временным и территориальным охватом. Специальная рубрика будет отведена для дискуссий. Отделов критики, библиографии,

научной жизни в журнале нет. Главный редактор — шведский историк Рольф Турстендаль, занимающийся методологией истории. В редакционный совет входят также С. Юнгар (Финляндия), У. Ристе (Норвегия) и Н. Стеенсгор (Дания) — либеральные историки среднего поколения. Организует выпуск ежеквартального Отделение истории Уппсальского университета. До сих пор существовали общескандинавские журналы только по специальным отраслям исторической науки или ее вспомогательным дисциплинам (этнография, археология, экономическая история и т. д.).

◆ В результате раскопок вблизи Варны (Болгария), ведущихся с 1972 г., исследована территория в 2 тыс. кв. м, открыто 44 захоронения эпохи бронзы. Только в одной из могил глубиной 3 м скелеты лежали строго на боку, в прочих расположение погребений носит случайный характер. В 16 захоронениях содержатся богатые украшения, но вообще без костяков (так называемые «символические» могилы). В них представлена утварь, бронзовые ножи, топоры, стамески и гвозди, 2 тысячи золотых украшений общим весом в 4230 г 60 различных видов: браслеты, подвески, пластинки с изображениями быков и козлов, кольца, спирали. В некоторых могилах украшения были положены так, что изображали тело умершего: на месте головы лежала диадема, на месте глаз и рта — золотые пластинки. В иных погребениях имелись вырезанные из кости стилизованные изображения материнского божества.

◆ Третий год ведутся археологические изыскания и реставрационные работы на территории бывшего королевского дворца в Будапеште. До настоящего времени обнаружено 39 скульптур и 2 консоли, украшавшие приемные покои, домовую часовню и коридоры этого здания при Лайоше I (1342—1382 гг.). Фигуры, высеченные из местного известняка, были спрятаны в земле после битвы при Мохаче (1526 г.). Они, как и все здание, были выполнены в готическом стиле.

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Опубликовано немало работ, освещающих первые шаги Советской власти в области кинематографии¹. Детально изучен и вопрос о национализации кино. С весны 1918 г. Советское государство стало контролировать прокат фильмов, и ленинский декрет от 27 августа 1919 г. о национализации кинодела юридически закрепил ту часть работы, которая явилась «красногвардейской атакой на капитал» в киноискусстве.

О том, как выработывался этот декрет, рассказывают документы Малого Совнаркома. Обнаругованию декрета предшествовала серьезная предварительная работа. Инициатором разработки декрета выступил Наркомпрос. Он подготовил проект соответствующего документа, который был направлен в ВСНХ и обсужден на его Президиуме. После этого материал был возвращен в наркомат и 18 августа по предложению А. В. Луначарского передан в Малый Совнарком. «Народный комиссариат по просвещению,— говорилось в сопроводительном письме, подписанном А. В. Луначарским,— препровождает при сем на утверждение проект декрета о Всероссийском фото-кинематографическом отделе Наркомпроса (ВФКО.—А. Г.) и просит срочно рассмотреть данный вопрос»².

Первое его обсуждение в Малом Совете Народных Комиссаров состоялось 25 августа. На нем присутствовали члены Малого СНК: С. Е. Чуцкаев — заместитель наркомфина, В. П. Мялютин — заместитель председателя ВСНХ, М. Ю. Козловский — член коллегии Наркомюста и другие. Докладчиком от Наркомпроса был заведующий ВФКО Д. И. Лещенко. Стенограммы заседаний тогда не велось, составлялся лишь краткий протокол. В нем было предложено Наркомпросу переработать представленный проект в соответствии с заме-

чаниями и указаниями, высказанными при обсуждении, и повторно рассмотреть его 27 августа³. В тот же день (25 августа) В. И. Ленин ознакомился с протоколом заседания Малого Совнаркома и подписал его. Таким образом, в поле зрения В. И. Ленина материалы о национализации предприятий кинематографии находились не только 27 августа, в день утверждения и подписания окончательного текста декрета, но и при просмотре и подписании протокола заседания Малого Совнаркома⁴.

В архивах сохранился первоначальный вариант декрета, который служил предметом детального обсуждения в Малом Совнаркоме 25 августа 1919 года⁵. Текст его таков:

«Декрет о Всероссийском фото-кинематографическом отделе.

1. Для осуществления при посредстве фотографии, фототехники и кинематографии научно-учебных, культурно-просветительных и агитационно-пропагандистских задач, а также для организации фото-кино-торговли и промышленности, снабжения и распространения относящихся сюда технических средств и материалов,— в Народном комиссариате по просвещению учрежден Всероссийский фото-киноотдел, в исключительном ведении которого находится все фото- и кинодело в пределах РСФСР.

2. В своей научно-учебной, культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской деятельности Всероссийский фото-киноотдел руководствуется директивами Народного комиссариата по просвещению; в вопросах же производства, снабжения и распределения фото-кинопродуктов — об-

³ См. «Самое важное из всех искусств. Ленин о кино». М. 1973, стр. 186.

⁴ Выписка из этого протокола заседания Малого Совнаркома впервые была опубликована в 1973 г. (см. там же).

⁵ На представленном в Малый Совнарком проекте декрета рукой А. В. Луначарского написано: «Утверждаю. Народный комиссар по просвещению А. Луначарский» («Литературное наследство». Т. 80, стр. 117).

¹ См. «Искусство кино», 1969, № 3; 1970, №№ 4, 8; «Из истории кино». Вып. 7. М. 1968; вып. 8. М. 1971, и др.

² См. «Литературное наследство». Т. 80. М. 1971, стр. 116.

шей политикой экономических комиссариатов.

3. Для успешного выполнения своих задач Всероссийскому фото-киноотделу предоставляется право: национализации как отдельных предприятий, так и всей фотокинопромышленности; реквизиции фотокинопредприятий и товаров; установления твердых и предельных цен на фотокиносъёмку и фабрикат; производства учета и контроля фотокиноторговли и промышленности; регулирования всей фотокиноторговли и промышленности путем издания всякого рода постановлений, обязательных для всех предприятий и частных лиц, а равно и советских учреждений, поскольку они имеют отношение к фотокиноделу.

4. Всероссийский фотокиноотдел управляется заведующим и коллегией, назначаемой коллегией Народного комиссариата по просвещению.

5. Для выполнения своих задач на местах Всероссийский фотокиноотдел создает непосредственно подчиненные ему органы: а) окружные комитеты для руководства всем фотокиноделом в определенных районах и б) губернские фотокиносекции при губернских отделах народного образования. Все органы отдела на местах действуют на основании положений, вырабатываемых и утверждаемых отделом. Примечание: все дела, имущество, предприятия и учреждения Московского и Петроградского кинокомитетов передаются в распоряжение Всероссийского отдела.

6. Всероссийский фотокиноотдел существует на средства, отпускаемые по финансовой смете Народного комиссариата по просвещению на общих основаниях со всеми его отделами⁶.

А вот текст декрета Совнаркома, подписанного В. И. Лениным 27 августа 1919 г.:

«1. Вся фотографическая и кинематографическая торговля и промышленность как в отношении своей организации, так и для снабжения и распределения относящихся сюда технических средств и материалов, передается на всей территории РСФСР в ведение Народного комиссариата просвещения.

2. Для этой цели Народному комиссариату просвещения предоставляется право: а) национализации по соглашению с Высшим Советом Народного Хозяйства как отдельных фотокинопредприятий, так и всей фо-

токинопромышленности; б) реквизиции предприятий и фотокинотоваров, материалов и инструментов; в) установления твердых и предельных цен на фотокиносъёмку и фабрикат; г) производства учета и контроля фотокиноторговли и промышленности и д) регулирования всей фотокиноторговли и промышленности путем издания всякого рода постановлений, обязательных для предприятий и частных лиц, а равно и для советских учреждений, поскольку они имеют отношение к фотокиноделу»⁷.

Проект декрета, рассмотренный 25 августа, и его окончательный вариант существенно отличаются друг от друга. Эти различия состоят в первую очередь в целенаправленности, что ясно из формулировок заголовков («О Всероссийском фотокинематографическом отделе» и «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению»). Первоначальный вариант состоял из шести разделов, окончательный текст декрета включал лишь два. Почему же при обсуждении проекта декрета 25 августа члены Малого Совнаркома указали Наркомпросу на необходимость коренной переработки текста и это не вызвало возражений со стороны В. И. Ленина при просмотре и подписании декрета 27 августа?

Ответ на этот вопрос надо искать в том, что ВФКО в тот период уже функционировал⁸ и необходимости в декрете о его создании не было. Однако отдел еще находился в стадии становления, не обладал реальной материально-технической базой, оборотными средствами, а его руководители не имели еще достаточного опыта для правильной постановки кинодела в пределах РСФСР. Поэтому надо было сосредоточить внимание на самом главном — сохранить предприятия кинематографии в руках Советской власти. Гражданская война, бегство частных киноладельцев на юг, к белогвардейцам, вывоз ими фильмов, пленки и киноматериалов, расхищение оставшегося киноимущества спекулянтами и дельцами ставили отечественную кинематографию под угрозу полного исчезновения⁹. Если в других отраслях народного хозяйства, особенно в промышленности, процесс на-

⁷ См. «Самое важное из всех искусств. Ленин о кино», стр. 51.

⁸ Он был создан 27 января 1919 г. («Из истории кино». Вып. 1. М. 1958, стр. 64).

⁹ «Из истории кино». Вып. 8, стр. 22—46.

ционализации был закреплен уже юридически, то в кинематографии он, хотя и осуществлялся на практике, правовой основы еще не имел. Именно по этим причинам Малый Совнарком предложил Наркомпросу использовать из проекта декрета только один третий пункт, и он почти без изменений был включен в окончательный текст, представленный на утверждение 27 августа.

Из протокола заседания Малого Совнаркома в тот день видно, что данный вопрос рассматривался в порядке очередности вторым пунктом¹⁰. Докладчиком снова выступал Д. И. Лещенко. Переработанный декрет был принят единогласно, без поправки и, как отмечено в протоколе, «при согласии докладчика»¹¹. В тот же день текст декрета был представлен на утверждение В. И. Ленину и получил его полное одобрение. В. И. Ленин тогда подписал два документа о кинематографии — протокол заседания Малого Совнаркома и декрет Совета Народных Комиссаров. Это было сделано, по-видимому, одновременно. Так был принят декрет, ставший важной вехой в истории советского киноискусства¹².

Рабочий день В. И. Ленина в то время был насыщен до предела. 24 августа Владимир Ильич закончил работу над статьей «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», которая вскоре появилась в прессе¹³. 26 августа он председательствует на заседании Совнаркома, а 27 августа — на заседании Совета Обороны, где рассматривалось 28 вопросов¹⁴. Владимир Ильич не только руководил этим заседанием, но и выступал по многим важным проблемам, имевшим первостепенное военное и экономическое значение. В тот же день, и это очень показательное, Владимир Ильич подписал декрет Совнаркома о национализации кинематографа. Это свидетельствует о том, что даже в самые трудные моменты обороны Советского государства (21 и 22 августа «Правда» опубликовала сообщения о прорыве деникинской конницы Южного фронта) В. И. Ле-

нин не сомневался в победе Красной Армии над белогвардейцами и интервентами и поэтому одновременно решал вопросы культурного строительства, в том числе и создания отечественного киноискусства.

К осени 1919 г. была в основном декретирована и осуществлялась на практике национализация предприятий культуры¹⁵. Летом 1918 г. Советское правительство национализировало Третьяковскую галерею¹⁶, Московскую и Петроградскую консерватории¹⁷, музыкальные и нотные магазины и т. д. С 20 мая 1919 г. в ведение Госиздата перешло все издательское дело¹⁸. Государственное руководство искусством стало сосредоточиваться в Наркомпросе. Проведение национализации кинематографа теснейшим образом связано с осуществлением национализации предприятий театрального искусства. Декреты о национализации театра и кино были приняты Совнаркомом 26 и 27 августа 1919 года. Принятию декрета о национализации театра предшествовала огромная предварительная работа, занявшая в общей сложности около полугода¹⁹. При этом Малый и Большой Совнаркомы неоднократно рассматривали этот вопрос. Проблемами национализации театра занимался и В. И. Ленин²⁰. И когда вопрос о национализации театра был окончательно решен, не вызвало особых трудностей юридически оформить сходный по форме и практической деятельности декрет о национализации кинодела. В. И. Ленин интересовался фактическим осуществлением его, и спустя полгода, 9 марта 1920 г., в телеграмме, направленной 13 губернским исполкомам, он просил письменно сообщить, «проведена ли национализация кинематографии и каковы успехи»²¹.

Изучение протоколов Малого Совнаркома позволяет установить, что за 1918—1921 гг. в 14 из них, подписанных В. И. Лениным, содержались записи по вопросам, относящимся к кинематографии. Важное значение имеет, в частности, протокол заседания Малого Совнаркома от 16 мая 1921 года.

¹⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 19, оп. 2, д. 313, л. 1.

¹¹ Там же.

¹² Протоколы заседаний Кинокомитета, опубликованные в статье Л. Листовой «К истории названий декрета» («Из истории кино». Вып. 8, стр. 47—62), не имеют отношения к декрету Совнаркома от 27 августа 1919 года.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 151—159.

¹⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 19, оп. 3, д. 68.

¹⁵ И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. М. 1960, стр. 313—346.

¹⁶ «Декреты Советской власти». Т. 2. М. 1959, стр. 389—390.

¹⁷ «Декреты Советской власти». Т. 3. М. 1964, стр. 11—12.

¹⁸ «Декреты Советской власти». Т. 5. М. 1971, стр. 207.

¹⁹ См. «Советский театр. 1917—1921». Л. 1968, стр. 31—32.

²⁰ «Ленинский сборник» XXIV, стр. 162.

²¹ См. «Самое важное из всех искусств. Ленин о кино», стр. 52.

Один из его пунктов имеет формулировку: «О деятельности фото-киноотдела Наркомпроса»²². Материал по этому вопросу представил М. К. Ветошкин, член коллегии Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, проводившей тогда проверку работы ВФКО. В качестве докладчиков по тому же вопросу на заседании Совнаркома присутствовали представители РКИ, ВЧК, ВСНХ, ВЦСПС и от ВФКО — П. И. Воеводин. Такой разносторонний состав докладчиков определялся не только подведением итогов проверки ВФКО, но и особенно тем, что речь шла о коренной реорганизации кинодела, вызванной переходом страны к новой экономической политике. Официальное письменное распоряжение В. И. Ленина о создании комиссии для рассмотрения вопросов о реорганизации кинодела относится к 16 декабря 1921 года²³. Несколькими месяцами раньше В. И. Ленин уже имел в своем распоряжении различные данные о необходимости такой реорганизации. В при-

нятом Малым Совнаркомом постановлении Наркомпросу было предложено вместо коллегияльности ввести в ВФКО единоначалие и образовать при заведующем временную комиссию из представителей ЦК Всерабиса (Всероссийский профессиональный союз работников искусств), РКИ, ВСНХ и других организаций для рассмотрения вопроса о реорганизации кинодела. Наркомпрос должен был через месяц доложить Совнаркому о ходе реорганизации кинематографии²⁴.

Таким образом, декрет Совнаркома о национализации кинематографии от 27 августа 1919 г., подписанный В. И. Лениным, а также первые шаги по реорганизации киноискусства в связи с переходом страны к новой экономической политике свидетельствовали о пристальном внимании к кино Коммунистической партии и лично В. И. Ленина, закладывали прочную основу для дальнейшего развития «важнейшего из искусств» в период строительства социализма.

А. М. Гак

²² Там же, стр. 190.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54, стр. 75.

²⁴ «Самое важное из всех искусств. Ленин о кино», стр. 190.

КОГДА И КАК СКЛАДЫВАЛИСЬ СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Сейчас едва ли не каждый знает, что в наших населенных пунктах и в их окрестностях сохранилось немало памятников русской истории. На стенах древних зданий мы видим таблички с указанием, что это памятники архитектуры, охраняющиеся государством. В краеведческих музеях можно осмотреть оружие, украшения, сосуды, найденные при раскопках древних городов, курганов и городищ. Изображения предметов старины помещены в учебниках. Но так было не всегда. Еще 1,5 — 2 столетия назад вопрос о памятниках русской истории стоял иначе. Многие вообще сомневались в том, что такие памятники существуют. Другие, предполагая, что они есть, не могли сказать, где же именно они находятся. Остатки старины не были ни выявлены, ни учтены, ни описаны; раскопки еще не развернулись; реставрация древних зданий не проводилась; музеев не существовало.

В древнерусских летописях не раз говорится о курганах, насыпанных над могилами князей¹. В письменных источниках встречаются упоминания о городищах, наскальных рисунках, каменных изваяниях, следах древних горных разработок. Однако время создания, научная ценность этих древностей и их связь с событиями русской истории оставались для авторов неясными. Только с XVIII в экспедиции Академии наук занялись целеустремленным изучением России. При этом большое внимание уделялось памятникам старины. Начались раскопки. В книгах появились рисунки древностей — первые археологические публикации. Но все экспедиции работали на окраинах России — в Сибири, на Кавказе и т. д. Центральные же районы страны, где должны были сохраниться памятники, непо-

¹ См. М. К. Каргер. Древний Киев. Т. 1. М.-Л. 1958, стр. 12—14.

средственно связанным с прошлым русского народа, специально не изучались и не описывались². Показательно, что, когда в 1740 г. В. Н. Татищев решил подобрать иллюстрации к своей «Истории Российской», он смог назвать лишь «некоторых древних строений чертежи: города Болгар, Сарай и на Дону разоренные, где еще многие руины, памяти достойные находятся», столп в Бияльске, церкви во Владимире и Юрьеве³. Большинство этих памятников прямого отношения к русской истории не имеет.

Прошло три четверти столетия. В 1817 г. акад. Ф. П. Аделунг выступил с «предложением об учреждении русского национального музея». Состоять он должен был из «статуй татарских и монгольских, порубежных камней, надписей, печатей, утвари и пр.». В дальнейшем изложении упоминались греческие и римские скульптуры⁴. И здесь, следовательно, речь шла главным образом об остатках старины, найденных в пределах России, но не о русских памятниках в узком смысле слова. Начинания Татищева и Аделунга свидетельствуют о возникшей в XVIII—начале XIX в. потребности выявить памятники национальной истории. В 1783—1784 гг. был осуществлен выпуск «исторической серии медалей». На них изображены крепости Изборска и Ладоги, курганы Синеуса, Трувора, Олега, Игоря и Ярополка⁵. Эта работа не сопровождалась какими-либо изысканиями для проверки летописных известий либо местных легенд о том, что такой-то курган действительно насыпан над прахом такого-то князя. Но, хотя изображения на медалях и представляют собой плод фантазии художника, впервые русские исторические памятники были сочтены заслуживающими увековечения.

Наиболее серьезным и широким был план описания отечественных древностей, выдвинутый в 1775 г. Н. И. Новиковым. Вслед за «Русской исторической вивлиофикой» он хотел выпустить «Сокровище российских древностей» в восьми частях по 15 печатных листов каждая, содержащих описание «соборов, церквей, монастырей, что в них до-

стопримечательного», а также древних гербов, монет и т. д.⁶. Замысел осуществлен не был. Исторические издания Новикова не находили подписчиков. Кроме того, помешал Новикову запрет со стороны церкви⁷.

Что примечательного в замысле Новикова? Он явно обусловлен общими установками просветителя, борющегося с галломанией и выступавшего с патриотической проповедью. В 1784 г. Новиков писал: «Надо прежде узнать свое отечество. Россиянин должен вникнуть в древний вкус многих старинных кремлевских строений, прежде нежели рассматривать станет луврскую колоннаду... Не должно спрашивать у иностранцев об их достопамятностях, если не можем рассказать им о своей земле»⁸. За год до того, как был выдвинут проект «Сокровища российских древностей», в сатирическом журнале «Кошелек» Новиков поместил «Письмо к издателю» собственного сочинения. Автору письма претит интерес к русской старине: «Скажите мне, были ли в России науки и искусства, чем все просвещенные народы славятся?.. Во всех частях наук, искусств и просвещения были ли великие люди? Никак». Общее представление о русской истории этот корреспондент «Кошелька» получил из французских книг (узнав отсюда, в частности, что татарское иго сверг Иван Грозный!), хотя и слышал, что есть какой-то «Синописис», который читают купцы да уездные дворяне⁹. С такими-то людьми, как воображаемый сочинитель письма, — дворянами, бывавшими за границей, читавшими французские книги, но не знавшими ни своей страны, ни ее истории, и спорил Новиков, стремясь противопоставить им обстоятельный рассказ о прошлом России и ее культурном наследии.

В отличие от татищевского списка памятников центр тяжести у Новикова перенесен с археологических объектов на древности, сосредоточенные в церквях и монастырях. Как известно, именно там, в уцелевших от пожаров старинных каменных постройках, сохранялись фрески, иконы, произведения

² Подробнее см. А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М. 1961, стр. 31—39.

³ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л. 1961, стр. 230.

⁴ Ф. П. Аделунг. Предложение об учреждении русского национального музея. «Сын Отечества», 1817, ч. 37, № XIV, стр. 63.

⁵ В. П. Смирнов. Описание русских медалей. СПб. 1908, стр. 27—58.

⁶ Письма А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова к Г. В. Козицкому. «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым». Т. 4. 1862. «Смесь», стр. 46.

⁷ «Дневник И. М. Снегирева». Ч. 1. М. 1904, стр. 299.

⁸ «Общие примечания о путешествиях» («Покаяющийся трудолюбец, периодическое издание, служащее продолжением «Вечерней Зари». Ч. II. 1784, стр. 128).

⁹ «Сатирические журналы Н. И. Новикова». М.—Л. 1951, стр. 491—493.

прикладного искусства и рукописи. Это привлекало к монастырям внимание пытливых людей, интересовавшихся историей. Еще в 1722 г., когда Синод распорядился снять с икон привески и монеты и употребить эти не принятые в православном культе украшения на изготовление церковной утвари, Петр I повелел послать в те районы, «которые не были в московское разорение за поляки... знающих людей, дабы то пересмотрели, что гораздо старое и курioзное»¹⁰.

Проект Новикова по обследованию монастырей и описанию хранящихся там памятников старины предвосхищал археографическую экспедицию АН во главе с П. М. Строевым, проведенную в 1829—1832 гг., и предшествовавшие ей поездки П. М. Строева и К. Ф. Калайдовича 1817—1818 гг., но с тем отличием, что основное внимание обращалось не на письменные, а на вещественные памятники. Известно, что с Н. И. Новиковым и его кругом был связан В. И. Баженов, которому принадлежит одна из самых ранних характеристик старомосковской архитектуры¹¹. В 1773 г., то есть примерно тогда же, когда возник проект Новикова, в «Слове, говоренном перед народом... на день заложения императорского Кремлевского дворца», Баженов назвал выдающимися произведениями зодчества такие здания, как Меншикова башня, колокольня Новодевичьего монастыря, церкви Успения на Покровке, Никола Большая крест, Ивана Воина, Кадшевская и др. Эта речь была напечатана как раз Новиковым. Есть сведения, что Баженов хотел издать альбом, посвященный памятникам русской архитектуры, но осуществить этот замысел не удалось¹². Тот факт, что проекты Новикова и Баженова воплотились в жизнь лишь в XIX в., не случаен. Оба замечательных деятеля XVIII столетия определили свою эпоху. Нужно было, чтобы предварительно поднялось на новый уровень все русское общество.

Как на человека, проводившего в жизнь в первой трети XIX в. новиковский замысел изучения древностей, сосредоточенных в монастырях, можно указать на другого участника кружка Новикова, члена Российской академии Евгения (Ефима Алексеевича)

¹⁰ «Полное собрание законов Российской империи» (1 собр.). Т. VI, № 3975.

¹¹ Н. А. Яничук. Знаменитый зодчий Василий Иванович Баженов и его отношение к мостовству. «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1916, декабрь.

¹² А. И. Михайлов. Баженов. М. 1951, стр. 324, 334.

Болховитниова. Начиная свою деятельность с перевода «Описания жизни древних философов», Болховитниов стал впоследствии видным церковным деятелем, оставаясь в жизни человеком с сугубо светскими интересами, литературными и историческими¹³. На протяжении почти полувека он сменил несколько церковных кафедр (1804—1808 гг. в Новгороде, 1808—1813 гг. в Вологде, 1813—1816 гг. в Калуге, 1816—1822 гг. в Пскове, 1822—1837 гг. в Киеве), всюду кропотливо собирал сведения о древностях и публиковал статьи и книги о них¹⁴. В его работах нет глубоких идей, обобщений и исторической критики, это добросовестные описания памятников и каталоги древностей, хранившихся в церквях и монастырях. Составление подобных обзоров было тогда первоочередной задачей, поскольку прежде всего надо было показать читателям, что памятники русской истории существуют, а затем уже объяснять, где и как их искать.

В период пребывания в Киеве Болховитниов способствовал организации раскопок города, широко развернувшихся в 1820-е—1830-е годы. В 1824 г. были открыты остатки Десятинной церкви, в 1832—1834 гг. — руины Золотых ворот¹⁵. То был первый опыт раскопок средневекового города в России (позднее начались раскопки Херсонеса и Сарая). Руководил раскопками К. А. Лохвицкий, «чиновник 5-го класса» без какой-либо специальной подготовки, но в прошлом член новиковского кружка¹⁶. Раскопки дали ценные результаты. Руины Золотых ворот с тех пор охраняются в Киеве как одна из главных достопримечательностей города. Многочисленные вещевые находки в 1837 г. были собраны в Музее древностей при Киевском университете¹⁷. Ранее в России имелось лишь несколько археологических музеев. Они были посвящены античным памятникам Северного Причерноморья. Русские

¹³ См. Е. Ф. Шмурло. Митрополит Евгенский как ученый. СПб. 1888.

¹⁴ Евгений И. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М. 1808; его же. Описание Иоанно-Предтеченского монастыря. Дерпт. 1821; его же. Описание Киево-Софийского собора. Киев. 1822; его же. Описание Киево-Печерской лавры. Киев. 1826; его же. История княжества Псковского. Киев. 1831.

¹⁵ См. ЖМНП, 1836, ноябрь, стр. 261—279.

¹⁶ Ф. Терновский. Материалы для истории мистицизма в России (записки К. А. Лохвицкого). «Труды» Киевской духовной академии. Т. 3. 1863, № 10, стр. 172.

¹⁷ См. ЖМНП, 1838, апрель, стр. 77—89.

же древности выставлялись впервые, причем ход раскопок в Киеве ежегодно освещался в печати¹⁸.

В 1809—1810 гг. поездку по России для ознакомления с памятниками истории совершили почетный член АН К. М. Бороздин, художник Д. И. Иванов и археограф А. И. Ермолаев. Экспедиция посетила Ладогу, Тихвин, Устюжну, Череповец, Белозерск, Вологду, Киев, Чернигов, Любеч, Остер, Нежин, Елец, Курск, Боровск, Тулу. Было сделано много зарисовок древних зданий и предметов старины. Бороздин не раз сталкивался с полным непониманием задач экспедиции: «Его где принимали за шпиона, где за чудака... а где и за статского советника»¹⁹. В Кирилло-Белозерском монастыре Бороздин увидел груды рукописей, сваленные в башне и обреченные на сожжение. Из этой груды он вынул «Синодик Ивана Грозного». В другом монастыре он обратил внимание на старинные надгробия, снятые с могил и выложенные в виде дорожки к собору. Бороздин просил настоятеля перенести надгробия на первоначальные места, обещая богатый вклад от потомков погребенных. На обратном пути он не поленился заехать в обитель: надгробия лежали там же, но надписи на них были старательно выскоблены²⁰.

Для характеристики эпохи показательна судьба «Записки о достопамятностях Московских» Н. М. Карамзина. Составленная в 1817 г. для императрицы, она не предназначалась для широкого распространения. Но интерес к древним зданиям Москвы, только что оправившейся от наполеоновского нашествия, был столь велик, что сочинение распространялось в списках. Один из них без ведома автора был доставлен В. Н. Карамзиным в харьковский журнал, где и был напечатан²¹. Карамзин, тоже начинавший свою деятельность в кружке Новикова, сыграл большую роль в росте интереса широкой публики к национальному прошлому. Его «История государства Российского»

пользовалась колоссальным успехом. Если у Новикова исторические издания имели десятки подписчиков, то у Карамзина подписчиков были тысячи, притом не только в дворянской, но и в купеческой и даже крестьянской среде. Сам Карамзин вещественные памятники русского прошлого знал плохо, и в его «Истории» они упоминаются редко²². В «Записке о достопамятностях Московских» имелось немало ошибок, тогда же отмеченных М. Т. Каченовским²³. Но по дороге, проложенной Карамзиным, двинулись другие ученые, любители старины и популяризаторы.

Ученый следующего поколения Н. И. Надеждин в рецензии на книгу И. П. Сахарова «Достопамятности Венева монастыря» уже четко формулировал, что «для истории иногда целые свитки маловажнее одного простого кургана, говорящего часто звучнее и понятнее иной летописи»²⁴. Популярный историко-археологический журнал П. П. Свинына «Отечественные записки», вышедший в 1818—1830 гг., поместил очерки о памятниках Киева, Новгорода, Пскова, Владимира, Смоленска, Изборска, Чернигова, Вышгорода, Нижнего Новгорода. Рассказывалось здесь и об археологических находках: о раскопках К. А. Лохвицкого в Киеве, о кладах, обнаруженных в Старой Рязани в 1822 г., у Михайловского монастыря в Киеве и т. д. Журнал пользовался успехом у читателей. На те же годы падает упомянутое выше предложение Ф. П. Аделунга о создании национального музея. В 1830 г. по инициативе президента Академии художеств и почетного члена АН А. Н. Оленина началась подготовка монументального издания «Древности Российского государства», для которого в течение ряда лет художник Ф. Г. Солнцев рисовал в Москве, Киеве, Новгороде древнюю утварь, оружие и одежду. Увидело свет это издание в 1846—1853 годах.

Итак, в первой половине XIX в. начинания Новикова проводятся в жизнь. Но идеи иного рода были еще живы в полной мере. «Я за все русские древности не дам гроша. То ли дело Греция? То ли дело Италия?» — писал К. Н. Батюшков в 1810 г. в связи с

¹⁸ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 34—44.

¹⁹ К. Н. Батюшков. Соч., т. III. СПб. 1886, стр. 38.

²⁰ Д. В. Поленов. Описание бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с гг. Ермолаевым и Ивановым в 1809—1810 гг. «Труды I Археологического съезда». Т. I. 1871, стр. 72—73.

²¹ «Украинский вестник» (Харьков), 1818, ч. X, май, стр. 121—143; июнь, стр. 245—253.

²² Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. I. СПб. 1818, стр. 67, 68, 214; «Примечания», стр. 47, 119, 174, 175 (все это — упоминания об античных или сибирских древностях).

²³ «К господину издателю «Украинского вестника» («Вестник Европы», 1818, ч. С, № 13, стр. 39—51).

²⁴ «Телескоп», 1831, № 11, стр. 383.

работами К. М. Бороздина²⁵. «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство — вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного памятника, который говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно», — восклицал П. Я. Чаадаев в «Философических письмах»²⁶. «Никакое почитание, никакая реликвия не в состоянии остановить нас. Что же касается наших памятников, то их придумаем, основываясь на убеждении, что в порядочном государстве должны быть свои памятники»²⁷, — читаем у А. И. Герцена.

Однако эти взгляды с течением времени менялись. В ту пору, когда юный В. Г. Белинский сотрудничал в «Телескопе» Н. И. Надеждина, где были напечатаны «Философические письма» Чаадаева и сам издатель не раз выражал близкое к ним мнение, начинающий критик был с ними солидарен. В 1834 г. он написал, например, рецензию на книгу В. В. Пассека, который утверждал: «Уничтожьте у нас все письменное, что останется тогда от жизни предков? Нет. Одни немые наши памятники не передадут, не объяснят нам событий минувших! Они слишком бедны и новы: древняя Россия не завестила нам почти ничего зодчественного»²⁸. Весьма холодно отозвавшись о книге, Белинский в этом вопросе согласился с автором: «У нас до Петра Великого ничего не могло развиваться, как у народа, который сам не развивался, который мирно прозябал за своими столами дубовыми и скатертями бранными, на своих постелях пуховых»²⁹. Но прошло всего 4 года, и Белинский уже удивлялся тем, кто не замечал русских исторических памятников: «Не говорите, что у нас нет памятников, что знаменитейшие события нашей истории записаны только на сухих страницах летописей, но не переданы памяти потомков в произведениях искусства. Скорее можно сказать, что мы не там ищем этих памятников, где бы следовало искать; они рассеяны всюду, особенно в старинных городах наших, но не всякий хочет заметить их»³⁰.

Так, буквально на глазах менялось отно-

шение к проблеме русских исторических памятников в середине XIX века. Кому же обязательно общество этими переменами? Существует мнение, что рост интереса к памятникам истории был вызван «охранительной политикой» Николая I. С. А. Жебелев писал об этом даже в советское время³¹. Действительно, издание «Древностей Российского государства» рассматривалось царем как важное правительственное мероприятие (отсюда и слова Герцена — о выдуманных памятниках). Но есть и другие факты. Л. В. Дубельт доносил царю в 1845 г.: «Славянофилы наши, подражая ученым Западной Европы, заботятся о сохранности памятников древности... Не кроется ли под их патристическими возгласами целей, противных нашему правительству?»³². Царь и его окружение лишь демонстрировали свою любовь к национальным реликвиям, но отнюдь не одобряли интереса к ним со стороны общества. Но тогда, может быть, действительно интерес к русским памятникам был пробужден славянофилами? И это не так. В сочинениях славянофила И. В. Киреевского есть высказывания, почти тождественные со словами западника Чаадаева: культура на Руси была так мало развита, что и памятников искусства у нас нет³³. Характерен образ славянофила Ивана Васильевича в повести В. А. Соллогуба «Тарангас». Рассказывая о поисках своего жизненного пути, этот герой говорит: «Хватился я сперва за древности — древностей нет»³⁴.

Возросший интерес к памятникам русской истории связан с более широкими слоями общества, нежели кружок славянофилов, с общественным подъемом после Отечественной войны 1812 г., с движением декабристов. Показательны слова декабриста Н. А. Бестужева из его письма к брату в 1836 г.: «Жаль, что ты не сказал нам ничего о своих впечатлениях от Новгорода. Это замечательная столица древней северной Руси, и развалины ее не меньше пальмирских должны быть интересны для каждого русского, который любит свою историю»³⁵. В 1825 г. А. С. Грибоедов с восторгом писал о посе-

³¹ С. А. Жебелев. Введение в археологию. Ч. I. Пгтр. 1923, стр. 101—105.

³² М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1909, стр. 217.

³³ И. В. Киреевский. Полн. собр. соч. Т. 1. М. 1911, стр. 118, 215.

³⁴ В. А. Соллогуб. Повести и рассказы. М.-Л. 1962, стр. 199.

³⁵ Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М.-Л. 1933, стр. 253.

²⁵ К. Н. Батюшков. Соч. Т. III, стр. 87.

²⁶ «Сочинения и письма П. Я. Чаадаева». Т. II. М. 1914, стр. 111.

²⁷ А. И. Герцен. Собр. соч. Т. XX, кн. I. М. 1960, стр. 62.

²⁸ «Путевые записки Вадима». М. 1834, стр. 221.

²⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. I. М.-Л. 1953, стр. 152.

³⁰ Там же. Т. III. 1953, стр. 134, 135.

щении Киева, где он погрузился в изучение памятников старины³⁶ (в этот момент К. А. Лохвицкий уже вел раскопки в городе). Вспомним также строки пушкинского «Путешествия Онегина» (1830 г.):

Он видит Новгород Великий.
Смирнулись площади. Среди них
Мятежный колокол утих.
Не бродят тени великанов...³⁷

Не так-то просто было сразу отрешиться от старых взглядов на культурное наследие Руси. Предстояла еще огромная работа, прежде всего ученых: историков, археологов, исследователей средневековой архитектуры и живописи, реставраторов, чтобы очистить памятники русского зодчества от позднейших перестроек, освободить фрески и иконы от записей, скрывших их изначальные черты, вернуть им первоначальный вид. Но начало этой работе к середине XIX в. было уже положено, было признано, что у нас сохранилось много памятников русской истории, и делались их описания, совершались первые поездки для ознакомления с этими памятниками.

Если нелегко было распознать произведения зодчества и свидетелей былых веков в перестроенных древних церквях и монастырях, то с археологией дело обстояло еще сложнее. Казалось бы, всем ясно, что городища, сохранившиеся на береговых мысах рек, — это следы укрепленных поселков, а курганы — древние могилы. Но и это сперва надо было доказать. Первый, кто в 1820-е годы занялся сбором сведений о городищах, — Зориан Ходаковский (псевдоним Адама Чарноцкого). Он видел в них древние святилища³⁸. О курганах Южной России Ю. И. Венелин писал в 1830 г., что это «мнимые могилы», скорее всего жилища кочевников-татар и угров³⁹. Акад. П. И. Кеппен разбирал мнение о том, что курганы — это сторожевые вышки и насыпи, с которых караулы следили за передвижениями татар и казаков⁴⁰. Ходаковский и Кеппен проделали, каждый в своей области, примерно та-

кую же работу, какую провел в изучении памятников архитектуры, искусства и быта Е. Болховитинов. Так, Ходаковский составил каталог и карту городищ России, Кеппен опубликовал списки курганов.

Начало деятельности Ходаковского относится к 1810-м годам (в 1818 г. вышла его первая программная статья «О славянстве до христианства») и протекало в польской среде. Но наиболее плодотворными для него были 1820—1821 гг., когда он приехал в Петербург и смог совершить археологическую экспедицию в Новгородскую округу. Там он провел первые раскопки славянских курганов и городищ. То, что пионером в исследовании славянских древностей оказался польский ученый, не случайно. В тот период целая плеяда деятелей польской культуры вдохновлялась идеей, сформулированной в 1800-е годы Иоахимом Лелевелем, тогда еще студентом: «Наша родина лежит в могиле. Мы... должны трудиться над тем, чтобы сбросить наваленный над нею холм и извлечь лежащий под ним пепел Феникса — нашего отечества»⁴¹. Интересы польской культуры были тогда в немалой мере обращены в прошлое, русской же — прежде всего в будущее. Но русская интеллигенция пристально следила за открытиями и идеями польских ученых. Все основные труды Я. Потоцкого, И. Раковецкого, В. Суворецкого, И. Лелевеля вскоре после их выхода в свет переводились на русский язык. Сразу были изданы в России и статьи Ходаковского⁴². С другой стороны, существенно, что его мысль об исследовании городищ для объяснения древней русской истории нашла подготовленную почву. Выяснилось, что независимо от Ходаковского городищами интересовались многие русские любители старины: издатель журналов М. Н. Макаров, литератор А. Г. Глаголев, просвещенный магнат В. Н. Каразин, митрополит Евгений, никому не ведомый провинциальный дворянин А. Бояркин и другие. Их сообщения о городищах пополнили картотеку Ходаковского, и она должна рассматриваться как коллективный труд многих авторов, в основном русских⁴³. Необходимое уточнение в интерпретацию городищ внес русский историк член-корр. АН К. Ф. Калайдович. По-

³⁶ А. С. Грибоедов. Соч. Л. 1945, стр. 483.

³⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. VI. М.-Л. 1937, стр. 476—477.

³⁸ Z. Chodakowski. O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy. Warszawa. 1966, str. 50.

³⁹ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. III. СПб. 1890, стр. 137.

⁴⁰ П. И. Кеппен. О курганах. «Известия» Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. 1908, № 42, стр. 6.

⁴¹ С. Кеневич. Лелевель. М. 1970, стр. 10, 11.

⁴² В. А. Францев. Польское славяноведение конца XVIII — первой четверти XIX столетия. Прага. 1906, стр. 56, 60, 202, 290.

⁴³ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 62—64.

сле обследования Старой Рязани в 1822 г. он доказал, что городища — это остатки укрепленных поселков, а не руины древних святилищ⁴⁴.

Список курганов России был завершен П. И. Кеппенем в 1836 г., но начат, как и работа Ходаковского, в 1818 году. Впервые он обратил внимание на курганы при поездках по России по заданию канцлера Н. П. Румянцева. Кеппен не только составил список курганов, но и доказал, что это не следы жилищ и не сторожевые башни, а насыпи над могилами. Этот вывод был обоснован данными о немногих раскопанных к тому времени русских курганах, материалами о курганах за рубежом и, наконец, сведениями древних и средневековых авторов о сооружениях земляных надгробий⁴⁵. Помимо того, Кеппен выпустил брошюру, где дал обзор разнообразных объ-

ектов — археологических, эпиграфических и т. д.⁴⁶. Интересно, что и Ходаковский⁴⁷ и Кеппен⁴⁸ прибегали при своей работе к консультациям с Е. Болховитиновым. Ходаковский специально заехал в Псков по дороге из Польши в Петербург и обсудил с Болховитиновым замысел археологической экспедиции по России. Налицо определенная преемственность в развитии складывавшейся науки о русских древностях — от планов Новикова и участников его кружка до исследований ученых, вплотную занявшихся этими памятниками в 1810-е—1820-е годы.

Эти годы можно считать временем сложения славяно-русской археологии и науки о культурном наследии Руси. Тогда начались раскопки славянских курганов и городищ, появились исследования о них в печати, были составлены каталоги памятников, начат их учет.

А. А. Формозов

⁴⁴ К. Ф. Калайдович. Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М. 1823.

⁴⁵ «Список известнейшим курганам в России» («Северная пчела», 1837, №№ 1—3). Посмертно изданы дополнения: «О курганах». Предварительное разыскание Петра Кеппена. «Известия» Таврической ученой архивной комиссии, 1908, № 42; «Список курганов, составленный акад. П. И. Кеппенем». Там же.

⁴⁶ П. И. Кеппен. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. СПб. 1822.

⁴⁷ «Письма митрополита Киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу» («Русский архив», 1889, № 6, стр. 209); В. А. Францев. Указ. соч., стр. 351.

⁴⁸ См. «Записки» Одесского общества истории и древностей, 1872, т. VIII, стр. 404—411.

НАРОД ГАИТИ БОРЕТСЯ С ИНТЕРВЕНЦИЕЙ США (1918—1920 гг.)

26 ноября 1934 г. из городка Гранд-Ривьер-дю-Нор в Кап-Аитьен (второй по величине город Гаити) был торжественно перенесен прах национального героя страны Шарлеманя Перальта¹. Прошло всего три с небольшим месяца, как страна освободилась от американской оккупации, длившейся с 1915 по 1934 год. Имя Перальта являлось символом борьбы с иностранной интервенцией, беззаветного героизма и надежды на национальное освобождение.

Небольшое латиноамериканское государство, занимающее ключевое положение в районе Карибского моря, незадолго до первой мировой войны стало объектом прис-

тального внимания предпринимателей, правительственных и военных кругов США. На протяжении ряда лет, предшествовавших интервенции, Вашингтон стремился установить на Гаити свой финансовый и политический контроль. Поводом для непосредственного вооруженного вмешательства США послужило следующее обстоятельство. На севере Гаити бывший министр внутренних дел Р. Бобо поднял весной 1915 г. восстание против правительства генерала Вильбруна Гийома Сана. Репутация Р. Бобо как последовательного противника американского вмешательства в дела Гаити создала ему популярность в народе. В июне повстанцы овладели северной частью страны. Месяц спустя передовые отряды повстанческой армии подошли к столице рес-

¹ J. Verschuere. La République d'Haiti. Vol. 2. P. 1948, pp. 137—139.

публики Порт-о-Пренс и атаковали президентский дворец. Раненный во время перестрелки президент укрылся во французской дипломатической миссии. Когда стало ясно, что власть ускользает из его рук, он отдал приказ командующему столичным округом генералу О. Этьену о расстреле политических противников, арестованных за время его недолгого президентства. Известие о расправе над 173 заключенными (только шестеро из них остались в живых) вызвало взрыв возмущения жителей столицы. Этьен был убит, а огромная толпа собралась у французского посольства, требуя выдачи ненавистного диктатора. Получив отказ, группа гаитян проникла в здание миссии. Гийома Сана вытолкнули на улицу, где несколько человек разрядили в него свои пистолеты. Тело президента поволокли по центральным улицам города².

В то время как происходили эти события, в бухту Порт-о-Пренса вошел флагманский корабль «Вашингтон» под командованием контр-адмирала У. Капертона. 330 морских пехотинцев и военных моряков США, словив сопротивление малочисленных защитников морского арсенала в пригороде столицы Бизотон, легко овладели Порт-о-Пренсом³. Повстанцев в столице было немного: основные силы Р. Бобо находились на севере Гаити. Коллаборационистское поведение правящей верхушки страны позволило командованию экспедиционными войсками США приступить к разоружению солдат регулярной армии, а также повстанцев и гражданского населения. В Порт-о-Пренсе был введен комендантский час, улицы города патрулировались американскими солдатами.

Тем временем новые отряды повстанцев подходили к столице. 30 июля произошло открытое столкновение между ними и американской морской пехотой, во время которого интервенты потеряли несколько человек убитыми и ранеными⁴. У. Капертон срочно попросил подкреплений. 4 августа в гаитянскую столицу прибыло пять рот морской пехоты, а 15 августа на рейде Порт-о-

Пренса уже стоял военный корабль США «Теннесси» с еще одним полком на борту⁵. К концу месяца на Гаити находилась бригада морской пехоты США в составе 2029 солдат и офицеров.

Между тем 5 августа Р. Бобо во главе основных войск повстанцев вошел в Порт-о-Пренс. Созданный сторонниками Бобо «Революционный комитет» потребовал немедленного его избрания президентом страны. Национальная ассамблея была готова подчиниться, но под нажимом Капертона выборы были отложены⁶. Опрометчивое решение Бобо распустить отряды повстанцев, прибывших с ним в столицу, и дожидаться начала выборов дало возможность оккупационным властям быстро разоружить и выслать из Порт-о-Пренса более 1,5 тыс. человек. Под дулами американских орудий Национальная ассамблея избрала новым президентом Гаити ставленника США Филиппа С. Дартигенава. Теперь, когда Бобо был удален с политической арены и создано марionеточное правительство, командование США направило свои усилия на разгром повстанцев, которые, несмотря на внезапный отъезд Бобо из Гаити, объявили войну «Дартигенаву и американской оккупации»⁷.

Повстанческую армию составляли крестьяне из малодоступных горных районов северо-востока Гаити (их называли како)⁸, потомки беглых рабов — марронов. С середины XIX в. како использовались правящей верхушкой в непрерывных междоусобных войнах в качестве наемных солдат. Перед лицом иностранной интервенции впервые в истории страны вчерашние наемники возглавили национально-освободительное движение. 3 сентября У. Капертон ввел в Гаити осадное положение, учредил военные трибуналы, а морская пехота оккупировала города страны, расположенные на побережье. Теснимые американскими войсками, отряды како отступили во внутренние районы и сосредоточились в основном между городами Кап-Аитьеном и Гранд-Ривьер-дю-Нор. Тогда оккупацион-

² «United States Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1916». Washington. 1925, pp. 311—320 (далее — F. R.).

³ S. Castor. La ocupación norteamericana de Haití y sus consecuencias (1915—1934). México. 1971, p. 43; H. Schmidt. The United States Occupation of Haiti, 1915—1934. New Brunswick. 1971, p. 67.

⁴ J. McCrocklin. Garde d'Haiti, 1915—1934. Annapolis. 1956, p. 103.

⁵ «Hearings before a Select Committee on Haiti and Santo Domingo. United States Senate, 67th Cong., 1st and 2d Sess.». Washington. 1922, pp. 64—65 (далее — Hearings).

⁶ F. R., 1915, p. 477.

⁷ Ibid., pp. 494—495.

⁸ Слово «како» происходит от испанского названия местной хищной птицы (J. Verschueren. Op. cit., p. 118; T. Lowell. Old Gimlet Eye. The Adventures of Smedley D. Butler. N. Y. 1933, p. 183).

ные власти направили в Кап-Аитьен еще пять рот морской пехоты. Одновременно интервенты широко прибегали к подкупу лидеров како⁹. В Кап-Аитьене начались переговоры между представителями американского командования и генералами повстанцев Самором, Робеном и другими. Получив крупные взятки от американских властей, они согласились разоружиться и распустить свои отряды; за каждое сданное ружье американцы платили 5 долларов¹⁰. Деньги для этой операции были взяты из гаитянской казны¹¹.

Несмотря на предательство многих руководителей, далеко не все повстанцы согласились сложить оружие. Тогда оккупационные власти объявили како людьми, находящимися вне закона, и америйканская морская пехота начала беспощадно уничтожать их. Повстанцы были вытеснены из ряда городов (Гранд-Ривьер-дю-Нор, Квартье-Морен, Фор-Либерте, Баон и др.). Плохо вооруженные гаитяне несли большие потери. Овладев основными городами и укреплениями на северо-востоке Гаити, американские войска постепенно стягивали кольцо окружения вокруг оставшихся отрядов повстанцев. Их последним оплотом стала крепость Фор-Ривьер (в 15 км от г. Гранд-Ривьер-дю-Нор). Она стояла на холме и была обнесена невысокой каменной стеной. Како, не имевших современного оружия, этот форт казался неприступным. Однако ранним утром 18 ноября 1915 г. американские солдаты ворвались в крепость и перебили ее защитников — «в плен никто взят не был»¹². С падением Фор-Ривьера сопротивление восставших было в основном сломлено, но отдельные их столкновения с американскими войсками продолжались еще несколько месяцев.

Хотя «первая война како» закончилась поражением, американским властям не удалось добиться умиротворения страны. В январе 1916 г. патриоты подожгли казармы морской пехоты и здание военного трибунала в Порт-о-Пренсе¹³. Для укрепления

оккупационного режима и марионеточного правительства в стране был создан корпус жандармерии (с 1928 г. гвардия Гаити) под командованием американских офицеров. На Гаити, как и в некоторых других странах Карибского бассейна, основная цель в организации Соединенными Штатами местных вооруженных сил состояла в поддержании проамериканских режимов и подавлении национально-освободительного движения руками самих же латиноамериканцев. К лету 1916 г. жандармерия Гаити насчитывала 2,5 тыс. солдат со 115 американскими офицерами. Она вмешивалась в деятельность правительства, центральных и местных органов власти. Многие повстанцы, спасаясь от преследований американской морской пехоты, ушли в горы и возобновили борьбу. Вскоре у них появился руководитель, который отвечал их стремлениям освободить страну от интервентов. Это был Шарлемань Перальт.

Он родился в состоятельной семье в г. Энш (восточная часть Гаити). Там окончил начальную школу. Продолжил свое образование в коллеже «Сан-Луис Гонсага» в Порт-о-Пренсе. К моменту интервенции США в Гаити 35-летний Перальт командовал округом Леоган, и когда американские войска подошли к городу Леогану, то отказался сдать его¹⁴. В течение двух лет Перальт, по-видимому, находился в родном городе, не принимая активного участия в политической жизни страны. 11 октября 1917 г. 60 повстанцев напали на дом американского капитана Докси, начальника жандармерии в Энше. Вскоре организатор этой операции Перальт был арестован и приговорен американским трибуналом к пяти годам тюрьмы¹⁵. Несколько месяцев Перальт отбывал заключение в Кап-Аитьене. Там под охраной бывший офицер убирал улицы города, а это было для него равносильно публичному унижению. К его патриотическим чувствам теперь прибавилась личная ненависть к оккупантам. Агитацию против них он продолжал и в тюрьме. О силе характера и способности убеждать, которой обладал этот человек, говорит его побег из кап-аитьенской тюрьмы, совершенный им 3 сентября 1918 г. вместе с жандармом.

Перальт скрылся в горах, где к нему

¹⁴ S. Castor. Op. cit., p. 122.

¹⁵ «Report of the Senate Investigation Committee № 794». Congressional Record of the 67th Cong., 4th Sess., vol. LXIV. Washington. 1923, p. 1124.

⁹ Hearings, pp. 343, 349, 378.

¹⁰ C. Metcalf. A History of the United States Marine Corps. N. Y. 1939, p. 382.

¹¹ К этому времени все таможенные республики были захвачены морской пехотой. Таможенные сборы, основной источник государственных доходов, переводились оккупационными властями в Национальный банк Гаити, контролирувавшийся американским капиталом.

¹² Hearings, p. 399.

¹³ J. McCrocklin. Op. cit., p. 36.

присоединились его братья Саул и Сен-Рем и другие участники нападения на дом капитана Докси. Перальт приступил к созданию партизанской армии. Он показал себя талантливым полководцем, «прирожденным организатором»¹⁶ и был признан повстанцами в качестве «главнокомандующего революционной армией, борющейся против североамериканцев, оккупировавших Гаити»¹⁷.

Районом действия партизан стали север и центр острова, где сохранялись феодальные пережитки и особенно остро проявлялись социальные противоречия. Проникновение американского капитала в сельское хозяйство Гаити привело к образованию плантаций и массовому выселению арендаторов и мелких собственников с занимаемых ими земель. Нищета, несправие, жестокая эксплуатация и опасение потерять свои наделы толкали крестьян на борьбу против иностранных порабитителей. В 1916 г. оккупационные власти приняли решение о строительстве дорог, преследуя в первую очередь военные цели. Начальник жандармерии полковник С. Д. Батлер восстановил гаитянский закон 1864 г. о принудительной дорожной повинности¹⁸. На строительство дорог жандармы под командованием американских офицеров насильно сгоняли крестьян, которым в течение длительного времени, иногда в разгар сбора урожая, приходилось работать под охраной вдали от своих домов. Чтобы предотвратить побег, жандармы выводили крестьян на работу связанными друг с другом. Им зачастую ничего не платили, держали впроголодь, жандармы обращались с ними, как с преступниками. За уклонение от дорожной повинности сажали в тюрьму, имелось немало случаев расстрела заключенных. По признанию одного американского офицера, под присмотром которого трудилось 3 тыс. человек, за время строительства дорог без суда и следствия было расстреляно около 400 крестьян¹⁹.

Восстановление американцами принудительных работ, многочисленные злоупотребления и жестокости воспринимались сельскими жителями как посягательство на их личную свободу, они видели в этом «воз-

вращение рабства»²⁰. Все больше крестьян уходило в горы. На призыв Перальта к борьбе откликнулись тысячи земледельцев. К осени 1918 г. недовольство военно-оккупационным режимом, восстановлением американскими властями принудительной дорожной повинности и тяжелым экономическим положением переросло в вооруженное восстание против американских оккупантов.

Сведения о повстанческой армии, содержащиеся в источниках, различны. По некоторым оценкам, численность ее боевого ядра составляла от 5 до 15 тыс. человек. По данным американского военного командования, в отрядах Перальта было около 3 тыс. бойцов. Сам Перальт заявлял, что в вооруженной борьбе против оккупантов участвуют 30—40 тыс. человек²¹. Разноречивые цифры объясняются отчасти структурой повстанческой армии. Помимо постоянно действовавших отрядов, находившихся под командованием Перальта и других предводителей восстания, в боевых операциях принимали участие тысячи крестьян, временно примыкавших к партизанам, когда те сражались неподалеку от их деревень. Перальт стоял во главе штаба армии и повстанческого правительства. Он осуществлял непосредственное руководство боевыми действиями на севере страны; в центральной части предводителем партизан был его соратник бывший сельский учитель Б. Батравиль.

Освободительное движение охватило четвертую часть Гаити²². Вооруженная борьба приняла форму партизанской войны, герильи. Повстанцам недоставало оружия и боеприпасов. Большинство партизан были вооружены мачете (нож для уборки сахарного тростника), саблями, заостренными бамбуковыми пиками, и лишь немногие имели огнестрельное оружие. По американским данным, у них было всего 200—300 ружей и револьверов, да и то устаревших образцов. Попытка Перальта приобрести оружие в Англии не увенчалась успехом²³. Сказывалось также отсутствие военной выучки, квалифицированного командного состава и дисциплины. В то же время, располагая поддержкой населения, Перальт всегда был

¹⁶ H. Davis. *Black Democracy*. N. Y. 1928, p. 220.

¹⁷ H. Frank. *The Roaming through the West Indies*. N. Y. 1920, p. 136.

¹⁸ Hearings, pp. 82, 558.

¹⁹ H. Davis. *Op. cit.*, p. 218; Hearings, pp. 556, 1831—1842; H. Schmidt. *Op. cit.*, p. 104.

²⁰ H. Davis. *Op. cit.*, pp. 216—218; W. Callcott. *The Caribbean Policy of the United States, 1890—1920*. N. Y. 1942, p. 420.

²¹ J. McCrocklin. *Op. cit.*, p. 104; Hearings, p. 1728; H. Schmidt. *Op. cit.*, p. 102.

²² A. Millspaugh. *Haiti under American Control: 1915—1930*. Boston. 1931, p. 89.

²³ Hearings, p. 1725; J. McCrocklin. *Op. cit.*, p. 113.

осведомлен о передвижениях американских войск и жандармерии. Для передачи сведений использовались тамтамы, сигнальные огни и морские раковины, служившие как своеобразным музыкальным инструментом²⁴. Знание местности и хорошо организованная разведка позволяли партизанам избегать открытых столкновений с превосходившими их в вооружении оккупантами. Чаще всего повстанцы применяли тактику внезапных нападений небольшими группами и быстрого отхода. Отряды как были практически неуловимы.

17 октября 1918 г. Перальт попытался освободить г. Энш. После столкновения с местным гарнизоном повстанцы отступили. 10 ноября они захватили г. Мэссад, подожгли казармы жандармерии и вывели из строя телефонный узел. До конца года партизаны атаковали города Мирбале, Дессалин, Ранкитт, Ласкаобас и другие²⁵. В марте 1919 г. оккупационные власти, убедившись, что жандармам не справиться с партизанами, послали против них американскую морскую пехоту. Командование экспедиционных войсками США срочно запросило подкрепления для подавления восстания. К лету 1919 г. против партизан действовало более 1,5 тыс. прекрасно оснащенных морских пехотинцев. Они стали проводить широкие карательные операции против патриотов. Для контроля за передвижением населения была введена система специальных пропусков, устанавливалась строгая цензура печати.

Произвол и жестокости со стороны американских солдат и жандармерии стали обычным делом. Это видно из секретного приказа, отданного генералом Д. Расселом, командиром экспедиционного корпуса на Гаити. В нем приводятся сведения о том, что пленные и раненые гаитяне, в том числе мирные жители, расстреливались на месте без суда, сжигались целые селения и уничтожалось имущество крестьян²⁶. Впервые в истории страны американские самолеты были использованы для ведения разведки и бомбежек. Они наводили ужас на неграмотных и суеверных крестьян, которые пытались поразить аэропланы с помощью магических заклинаний²⁷. И все же, несмотря на военное превосходство и массовые репрессии, оккупантам не удалось

уничтожить армию Перальта. 7 октября 1919 г. на рассвете отряды партизан атаковали Порт-о-Пренс. Однако силы были слишком неравными: повстанцам пришлось отступить.

Американское командование попыталось завязать с вождем партизанской армии тайные переговоры. Попытка склонить Перальта к примирению с властями была возложена на архиепископа Порт-о-Пренса Конана. После провала этого замысла оккупанты решили любыми средствами уничтожить Шарлеманя. За его голову была назначена награда в 2 тыс. долл. — астрономическая сумма для гаитянского крестьянина. Начальник жандармерии в Гранд-Ривьер-дю-Нор американский капитан Г. Хэннекен предложил коварный план убийства Перальта²⁸. Он пообещал назначенную правительством награду разорившемуся местному торговцу Ж.-Б. Консе, который должен был, выдавая себя за како, создать группу партизан якобы для борьбы против американцев. В августе 1919 г. Консе и гаитянский жандарм Э. Франсуа, снабженные Хэннекеном деньгами, оружием и боеприпасами, исчезли из города. Спустя некоторое время на рыночной площади Гранд-Ривьер-дю-Нор появились листовки, подписанные Консе. В них он призывал жителей города вступать в его отряд для борьбы с американскими угнетателями. Вскоре Консе сколотил небольшую группу, которая обосновалась в Фор-Капуа. Отсюда он совершал время от времени «нападения» на населенные пункты в этом округе.

Консе несколько раз обращался к Перальту (письма были написаны под диктовку Хэннекена), предлагая свои услуги. Несмотря на все меры предосторожности, принятые Хэннекеном (о его плане были осведомлены только командующий жандармерией в Порт-о-Пренсе и начальник округа, где служил этот американский капитан), упорно циркулировали слухи о связях Консе с американцами. Эти слухи дошли и до Перальта, штаб которого в то время находился неподалеку от Мирбале, в центральной части страны. Через месяц Консе получил, наконец, ответ от Перальта, в котором последний благодарил его за решение перейти на сторону партизан. Позднее для выяснения личности Консе и положения в Фор-Капуа Шарлемань направил своего генерала Ти-Жака с 75 повстанцами. Консе удалось уверить посланца Перальта в сво-

²⁴ J. Verschuereu. Op. cit., p. 121.

²⁵ J. McCrocklin. Op. cit., pp. 104—107.

²⁶ Hearings, pp. 1712, 429—430.

²⁷ S. Castor. Op. cit., p. 130.

²⁸ H. Franck. Op. cit., pp. 135—147.

ей преданности делу освободительного движения. Для большей убедительности Хэннекен организовал «нападение» на Фор-Капуа, во время которого группа Консе не только «отразила» атаку жандармов, но даже «ранила» самого капитана. После этого опереточного сражения Хэннекен появился в городе с перевязанной рукой. Узнав об этом, Перальт пригласил Консе к себе в штаб и сделал его своим генералом. Он обещал оказывать поддержку отряду Консе и лично посетить Фор-Капуа. Помощник Консе Э. Франсуа тоже остался в лагере Перальта. Жандарму удалось завоевать доверие партизанского вождя и стать его личным секретарем. Теперь Хэннекен мог получать надежные сведения о действиях и планах восставших.

В октябре Консе убедил Перальта в возможности захватить Гранд-Ривьер-дю-Нор (идея Хэннекена). Легко понять, почему Перальту показался привлекательным этот план: после взятия этого города перед повстанческой армией открывалась бы дорога на Кап-Аитьен — центр северного департамента. 29 октября Перальт с 1200 партизанами прибыл в Фор-Капуа. Отсюда 31 октября было назначено нападение на Гранд-Ривьер-дю-Нор. Хэннекен устроил засаду в том месте, куда Перальт должен был приехать перед началом атаки. Однако случилось так, что он не вышел из лагеря. Тогда Хэннекен решил убить Перальта, проникнув в лагерь под видом кака. Вечером 31 октября группа лжепартизан выступила в путь. Она состояла из двух американских офицеров (Хэннекена и его заместителя У. Баттона), переодетых в крестьянское платье, лицо и руки которых были вымазаны сажей, Консе и гаитянских жандармов. Хэннекен и Баттон имели при себе автоматическое оружие, боеприпасы были спрятаны в небольшие корзинки. Впереди шел «секретарь» Перальта жандарм Э. Франсуа, который знал пароль и местонахождение штаба повстанцев. Через три часа ходьбы по горной дороге диверсанты были остановлены первым постом партизан. Франсуа, назвав часовому пароль, сказал, что они торопятся в штаб, чтобы сообщить Перальту о взятии Гранд-Ривьер-дю-Нор. Легко миновали еще несколько постов. Наконец, к полуночи группа подошла к последнему, шестому посту, охранявшему лагерь. В 15 шагах от Перальта, который сидел у костра, Хэннекена и Баттона остановили часовые. Вид незнакомцев насторожил повстанцев. Перальт встал, охрана взялась за

оружие. Американские офицеры открыли огонь. Так в ночь на 1 ноября 1919 г. был предательски убит Ш. Перальт и смертельно ранен его брат Сен-Реми.

Изрешеченное пулями тело Перальта было выставлено на площади в Гранд-Ривьер-дю-Нор и затем тайно захоронено. Популярность Перальта в народе была столь велика, что оккупанты решили демаскировать настоящие похороны, устроив их еще в пяти разных местах, и тем самым помешать превращению его могилы в место паломничества патриотов²⁹. Чтобы деморализовать восставших, которые не верили в смерть своего вождя, по всей стране с американских самолетов сбрасывались тысячи фотографий убитого Перальта. Он был изображен лежащим на выломанной откуда-то двери с раскинутыми руками. Его поза живо напомнила религиозным крестьянам с детства знакомую им фигуру распятого Христа. Эта фотография стала в дальнейшем для гаитянских патриотов символом борьбы и героического мученичества. Американское командование объявило амнистию всем, кто сдастся и прекратит дальнейшее сопротивление. Хотя гибель Перальта явилась большим ударом по партизанскому движению, како не сложили оружия. Их возглавил Б. Батравиль. 2,5 тыс. повстанцев возобновили военные действия, совершив нападения на Энш, Ла-Шапель и другие населенные пункты. В середине января 1920 г. како вновь атаковали столицу. По плану Батравилиа около 100 повстанцев тайно должны были проникнуть в Порт-о-Пренс, посеять там панику и отвлечь на себя американский гарнизон, в это время главные силы ворвались бы в город и захватили президентский дворец и казармы. Однако посланные в город како были замечены, и внезапное нападение партизан на столицу не удалось. В ожесточенном сражении погибла половина повстанцев.

Оккупанты удвоили свои усилия. Кольцо вокруг повстанцев сжималось. Но лишь в мае американской морской пехоте удалось окружить лагерь Батравилиа и расправиться с ближайшим соратником Перальта. В следующие месяцы были ликвидированы последние очаги сопротивления. Восстание 1918—1920 гг. было жестоко подавлено. Только в 1919 г. был убит, по явно заниженным данным американского военного командования, 1861 человек, а за первые

²⁹ J. Verschuere. Op. cit., pp. 136—137.

пять лет оккупации погибло более 3 тыс. гаитян³⁰. Патриотический союз Гаити — буржуазно-националистическая организация, выступавшая против американской оккупации, — утверждал, что за 1918—1920 гг. 4 тыс. заключенных умерли в тюрьме Кап-Антиена и 5475 человек — в американском концлагере Шабер³¹. Руководители военных ведомств в США были осведомлены о преступных действиях морской пехоты на Гаити. Военное командование в США всячески пыталось скрыть случаи геноцида: когда в августе 1920 г. министр военно-морского флота США Дж. Даниэльс под давлением общественности приказал провести расследование действий американской морской пехоты на Гаити, его распоряжение фактически осталось на бумаге³², а более позднее расследование, как справедливо указал гаитянский историк Д. Бельгард,

свелось к тому, чтобы «не выносить сора из избы»³³.

Восстание 1918—1920 гг. — одна из ярких страниц в летописи борьбы гаитянского народа против иностранной интервенции. В течение трех лет плохо вооруженные крестьяне противостояли регулярным американским войскам и жандармерии. В ходе борьбы повстанцы не выдвинули четкой социально-экономической программы. Изгнание оккупантов было их единственной целью. Руководители восстания не смогли найти лозунг, который привлек бы различные социальные слои к участию в вооруженной борьбе. Патриотически настроенные представители гаитянского «высшего общества» не оказали крестьянам никакой поддержки. Несмотря на неудачу, партизанское движение сыграло огромную роль в жизни страны, способствовало пробуждению самосознания народа.

Н. Д. Луцков

³⁰ Hearings, pp. 1719, 1727.

³¹ Ibid., p. 32.

³² «The Cabinet Diaries of Josephus Daniels, 1913—1921». Lincoln. 1963, p. 555.

³³ D. Bellegarde. La Résistance Haïtienne. Montreal. 1937, p. 68.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ми н ц Исаак Израилевич — академик, лауреат Ленинской и Государственных премий, Герой Социалистического Труда.

Га р м и з а Вадим Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского института культуры. Специализируется по внутренней политике России в пореформенные годы XIX в. и по истории мелкобуржуазных партий. Автор монографий: «Подготовка земской реформы 1864 г.» и «Крушение эсеровских правительств», а также статей по названным темам.

А н д р е е в Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специалист по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Автор монографий «Борьба литовского народа за Советскую власть (1918—1919 гг.)», «Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября», «Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции» и научных статей.

И в а н о в а Наталья Анатольевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется в области истории рабочего класса России, автор статей по данной проблеме.

Ш е л о х а е в Валентин Валентинович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется в области истории русского либерализма в начале XX в., автор статей по данной проблеме.

Р а п о п о р т Игорь Михайлович — редактор Главной редакции Западной Европы Агентства печати «Новости». Специализируется по истории V Республики во Франции. Автор ряда статей на указанную тему.

К о з е н к о Борис Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Куйбышевского университета, автор ряда монографий и научных статей по историографии и истории рабочего и социалистического движения и внутренней политики США.

А н т о н о в Геннадий Борисович — специализируется по истории развития производительных сил в СССР. Автор статей по этой тематике.

Н а з а р о в Владислав Дмитриевич — научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специалист по истории российского феодализма XV—XVII веков. Автор многих статей и публикаций по этой тематике.

Б е л я е в Игорь Петрович — доктор экономических наук, постоянный представитель СССР во Всемирном Совете Мира. Специалист по современной истории арабских стран и международных отношений. Автор книг «Американский империализм в Саудовской Аравии», «Голубь спущен» (в соавторстве), «Египет: время президента Насера» (в соавторстве), «С черного хода» и многих статей.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ

12 июня 1976 г. скончался виднейший советский историк и археолог, лауреат Государственной премии, член-корреспондент АН СССР Петр Николаевич Третьяков. Его труды по истории славян, финно-угров и балтийских народов получили самое широкое признание.

Петр Николаевич родился 13 ноября 1909 г. в Костроме. Увлечение археологией пришло к нему довольно рано. Еще до поступления в 1926 г. в Ленинградский университет на факультет языка и истории материальной культуры он работал в местном музее и участвовал в экспедициях таких видных археологов, как В. А. Городцов, А. А. Спицын, А. М. Тальгрэн. В студенческие годы П. Н. Третьяков прошел хорошую археологическую школу у П. П. Ефименко во время раскопок древнерусских поселений на Верхнем Дону.

В 1927 г. П. Н. Третьяков был принят лаборантом в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), а в 1930 г., после окончания университета, становится младшим научным сотрудником ГАИМК. В 1929 г. он провел первые самостоятельные полевые изыскания в поречье Мсты под Вышним Волочком. В 1931 г. была напечатана его первая научная статья (по материалам Средневожской экспедиции 1930 г.). Тогда же П. Н. Третьяков публикует работу «Костромские курганы», в которой ярко обрисовано средневековое прошлое Костромского края. В 1933 г. он возглавляет археологические работы на Верхней Волге. На основе полученного материала им было написано несколько работ, связанных с самыми различными аспектами истории этого региона. Впервые в отечественной археологии Петр Николаевич предпринял исследование древнего поселения сплошной площадью. В 1934—1935 гг. он полностью раскопал Дьяковское городище у дер. Березянки в Ярославской области — памятник, ставший опорным для реконструкции экономического, социального и этнического развития племен Верхней Волги в I тыс. нашей эры.

В предвоенный период появляются обобщающие исследования П. Н. Третьякова: «Подсечное земледелие в Восточной Европе» (1932 г.), «Первобытная охота в Северной Азии» (1935 г.), «К истории доклассового общества Верхнего Поволжья» (1935 г.), которые показывают его интерес к крупным историко-культурным проблемам, связанным с анализом не только одних археологических источников. В 1938 г. П. Н. Третьяков получил ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. Он включается в преподавательскую работу в Ленинградском университете. В 1940 г. Петр Николаевич становится членом КПСС. Перед самой войной выходят две монографии ученого: «К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э.» и «Северные восточнославянские племена». Он участвует в создании серийных археологических изданий, входит в состав авторского коллектива «Истории СССР», подготавливаемой Институтом истории материальной культуры АН СССР.

В годы Великой Отечественной войны П. Н. Третьяков был преподавателем военных учебных заведений.

В 1945 г. П. Н. Третьяков защитил докторскую диссертацию по истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. нашей эры. В 1946 г. он был привлечен на работу в Отдел науки ЦК КПСС и утвержден профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1951—1959 гг. П. Н. Третьяков возглавлял Институт славяноведения АН СССР, а 1951—1953 гг. являлся одновременно главным редактором журнала «Вопросы истории». Вплоть до 1959 г. П. Н. Третьяков был также заместителем академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР.

Возглавляя Институт славяноведения, Петр Николаевич вел большую работу по подготовке обобщающих трудов по истории Болгарии, Польши и Чехословакии. Он ак-

тивно участвовал в деятельности Славянского комитета СССР и Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Ему принадлежит большая заслуга в деле расширения научных контактов с учеными социалистических стран.

В первое послевоенное десятилетие П. Н. Третьяков продолжает археологические исследования. Под его редакцией выходит первый том «Очерков истории СССР». Публикуется ряд его обобщающих работ, в том числе монография «Восточнославянские племена» (1948 г.), в которой предпринята попытка воссоздать картину древнейшей истории восточных славян и решить многие спорные проблемы этногенеза. В 1952 г. за участие в создании коллективного труда «История культуры Древней Руси» П. Н. Третьяков был удостоен Государственной премии. В 1958 г. он избирается членом-корреспондентом АН СССР.

С 1959 г. и до конца своей жизни П. Н. Третьяков работал старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Научную деятельность он совмещал с преподавательской работой на кафедре археологии Исторического факультета Ленинградского университета. Он был избран членом Польского археологического общества и членом Ученого совета Государственного музея этнографии народов СССР. Возглавляемые им экспедиции обследуют среднее и верхнее течение Днепра. В Смоленской области П. Н. Третьяков полностью раскопал городище Тушемля и ряд других памятников, позволивших проследить развитие культуры Смоленского Поднепровья в I тыс. до н. э. — I тыс. нашей эры. Итоги этих работ подведены в книге П. Н. Третьякова и Е. А. Шмидта «Древние города Смоленщины» (1963 г.). В последнее десятилетие своей жизни Петр Николаевич вел работы в Подесенье.

Перу П. Н. Третьякова принадлежит свыше 150 научных работ. Обращает на себя внимание постоянное влечение ученого к методологическим и теоретическим проблемам советской археологии. Им он посвятил специальные работы — «Этногенетический процесс и археология» (1962 г.), «Археологические культуры и этнические общности» (1969 г.) и др. Основываясь на новейших достижениях как археологии, так и смежных наук, прежде всего языкознания, П. Н. Третьяков создал концепцию этногенеза восточных славян, получившую признание советской и зарубежной научной общественности. В книгах «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (1966 г.) и «У истоков древнерусской народности» (1970 г.) П. Н. Третьяков показывает, что славяне составляют одно из древнейших этнических образований на территории Восточной Европы. Он одним из первых сделал попытку определить роль балтов, финно-угров и других этнических групп Восточной Европы в этногенезе славян и формировании древнерусской народности. В целом благодаря трудам П. Н. Третьякова создано стройное представление о ранней этнической и социальной истории славян и их соседей двухтысячелетнего дописьменного периода.

Многолетний труд П. Н. Третьякова как ученого получил широкое и заслуженное признание. За выдающийся вклад в развитие исторической науки, плодотворную общественную и организаторскую деятельность он был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, а также орденом Возрождения Польши. Петр Николаевич оставил после себя учеников, многие из которых стали крупными специалистами. С его безвременной кончиной советская историческая наука понесла большую потерю.

ХАНС ХАНСОВИЧ КРУУС

30 июня 1976 г. скончался крупный советский историк, член-корреспондент АН СССР, академик АН Эстонской ССР, заслуженный деятель науки Эстонской ССР, доктор исторических наук профессор Ханс Хансович Круус.

Х. Х. Круус родился 22 октября 1891 года. Окончив в 1923 г. Тартуский университет магистром по специальности «история», он был вначале научным стипендиатом, с 1927 г.— преподавателем, а с 1931 г.— профессором истории Эстонии и северных стран этого университета.

Х. Х. Круус, выходец из крестьян, угнетавшихся прибалтийско-немецкими баронами, вскоре осознал несправедливость существующих общественных порядков, проникся интересом и симпатией к социалистическим идеям, воспринял материалистическое мировоззрение. С трибуны учительского собрания он бросил в лицо представителям буржуазии слова, звучащие ныне как своего рода предсказание: «Советская власть в Эстонии будет установлена. Она будет установлена революционным путем и в революционной обстановке. И пролетариат сумеет найти для этого вполне подходящий момент».

Первой крупной проблемой, которая заинтересовала Х. Х. Крууса, был балтийский вопрос в XVI в. — острая дипломатическая и вооруженная борьба, происходившая между претендентами на господство в странах южной и восточной Прибалтики (Ливонии). Опубликованная Х. Х. Круусом в 1924 г. монография «Русско-Ливонская война (1558—1561 гг.)» продолжает оставаться одной из наиболее основательных работ о начальном периоде борьбы за бывшие орденские и епископские владения.

Позднее Х. Х. Круус вернулся к этому кругу проблем, выступив в 1959 г. с компетентной критикой работ, опубликованных за последнее время по этому вопросу буржуазными историками. Он дал отпор попыткам использовать эту историческую тему в политических интересах международного империализма. «Народы прибалтийских советских социалистических республик,— писал тогда ученый,— давно с полной ясностью осознали и с каждым днем все глубже убеждаются в том, что «балтийский вопрос» вполне и окончательно решен на основе равноправия и дружбы народов Советского Союза в условиях социалистического строя, обеспечившего всем народам нашей страны широчайшие возможности для политического, экономического и культурного строительства».

Из-под пера Х. Х. Крууса вышла первая научная монография по истории антифеодальной борьбы эстонского крестьянства — «Брожение крестьянства в южной Эстонии в 40-е годы XIX века» (1930 г). Впервые в эстонской историографии им был широко применен статистический анализ массовых данных при изучении сложных общественных процессов и народных движений. Ученый наметил своей работой одно из наиболее важных направлений в области изучения истории общественно-политических движений.

Принципиально новым явился подход Х. Х. Крууса к истории национального движения. В отличие от буржуазно-националистически настроенных авторов он видел в событиях переломных годов середины XIX столетия закономерный и постепенный процесс обострения классовых противоречий и идеального созревания народных масс, в основе которого лежал накопленный ими опыт борьбы. При изучении общественно-политических движений Х. Х. Круус уделял большое внимание экономической подоплеке рассматриваемых им общественных явлений. Много сил ученый отдал изучению тех контактов, которые у руководителей эстонского национального движения сложились с деятелями русской общественной мысли. Еще в годы буржуазной республики он опубликовал статью, в которой показал, как эстонские крестьяне в своей борьбе про-

тив прибалтийско-немецких помещиков возлагали надежды на помощь со стороны России, что проявлялось, в частности, в переходе крестьян из лютеранства в «русскую веру». Х. Х. Круус вернулся к этой теме в своем докладе в 1946 году. Он обратил тогда внимание на внутренне противоречивый характер национального движения, которое раскололось на реакционное и демократическое крыло, и указывал, что именно представители демократического крыла искали контактов с Россией.

Х. Х. Круус был одним из тех представителей демократической интеллигенции, которые приветствовали победу социалистической революции в Эстонии в 1940 году. Он занимал пост заместителя премьер-министра в демократическом правительстве И. Вареса, а впоследствии стал первым советским ректором Тартуского университета. В годы Великой Отечественной войны ученый организовал работу Республиканской комиссии по истории войны и вместе с товарищами собирал воспоминания об оборонительных боях в Эстонии в 1941 году. В 1946 г. он участвовал как министр иностранных дел Эстонской ССР в составе советской делегации в работе Парижской мирной конференции.

Х. Х. Круус стоял у колыбели республиканской Академии наук, принимая активное участие в ее создании и стал в 1946 г. ее первым президентом. В декабре 1946 г. его избирают членом-корреспондентом АН СССР.

Ученого всегда интересовало краеведение. Эту сферу деятельности он расценивал как активное вовлечение самого народа в изучение своего прошлого. Еще в 1918 г. Х. Х. Круусом была написана статья на краеведческую тему. Много времени уделил он краеведению в послевоенные годы. Став в 1958 г. председателем Республиканской комиссии по изучению родного края, он сумел превратить краеведческое движение в постоянно действующую и хорошо организованную форму народной самодеятельности. Накопленный эстонскими краеведами опыт был высоко оценен в братских советских республиках, на него обратили внимание и за рубежом.

Х. Х. Круус принимал участие в составлении обобщающих марксистских трудов по истории Эстонии, был членом редколлегии «Всемирной истории» и «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Он участвовал в работе многих всесоюзных научных организаций и зарубежных научных обществ.

За заслуги перед советской исторической наукой Х. Х. Круус был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и «Знак Почета».

SUMMARIES OF ARTICLES

Academician I. I. MINTS. The International Significance of the 25th CPSU Congress

The article highlights the vast international significance of the 25th CPSU Congress, which became a notable event not only in the history of our country but in the history of the whole of mankind. The author analyzes the successes and achievements of the Soviet Union and the other countries of the socialist community, which were so vividly demonstrated at the Congress. "Herein lies the main international significance of the Congress," the author writes in conclusion.

V. V. GARMIZA. The Directory and Admiral Kolchak

The article examines a very brief period (October-November 1918) marked by the agony and collapse of the "democratic" counter-revolution, which was of no little importance in the history of the Civil War in Russia. It was connected with the existence of an "all-Russian government," or the Directory, elected at a conference in Ufa. The author traces the origin, composition and class orientation of the Directory, describing its policy, defining its place in the history of the Civil War and analyzing the circumstances attending the establishment of Kolchak's military-monarchist dictatorship. Taking the experience of the Directory as an example, the article convincingly proves the utter insolvency of the attempts made by the petty-bourgeois parties to find a "third path" in the revolution.

A. M. ANDREYEV. The Struggle of the Soviets Against Counter-Revolution on the Eve of the October Revolution

In 1917 the Russian bourgeoisie repeatedly tried, with the backing of the imperialists from other countries, to carry out a coup d'état and institute a regime of military dictatorship. The conspiracies were inspired and organized by the bourgeois parties of Constitutional-Democrats and Octobrists, the Provisional Government and top-ranking reactionary generals and officers. The counter-revolutionaries set themselves the task of liquidating the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies and wiping out democratic organizations in the army and navy. These sinister designs were resolutely counteracted by the vast majority of workers and soldiers led by the Bolshevik Party. The Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies waged an uncompromising struggle against the counter-revolutionary forces.

N. A. IVANOVA, V. V. SHELOKHAYEV. The All-Russian Postal and Telegraph Workers' Strike in November 1905

The authors show the place occupied by postal and telegraph employees in the social structure of capitalist Russia, illustrating their position as well as the forms and methods of their struggle against the autocracy, for their political and social emancipation. The attention in the article is focussed on the efforts made by the Russian proletariat and the Bolshevik Party to win over the workers of the postal and telegraph services to the side of the revolution, on the progress and outcome of the all-Russian postal and telegraph workers' strike in November 1905.

I. M. RAPOPORT. The New Stage of Soviet-French Relations and International Detente

The article analyzes the development of Soviet-French relations after the signing by the two countries of the Joint Declaration of June 30, 1966. The author traces the consistent policy of the U.S.S.R. and the other socialist countries aimed at bringing about a relaxation of international tension in general and developing broader cooperation with France in particular. The article describes the gradual process of evolving and strengthening the mechanism of diversified Soviet-French contacts. The author stresses the significance of cooperation between the U.S.S.R. and France for promoting international detente and for extending the Leninist principles of peaceful co-existence to the entire system of present-day international relations.

B. D. KOZENKO. New Conceptions of the "Progressive Era" in American Bourgeois Historiography

The article examines the attempts made by contemporary American historians belonging to different schools and trends to revise the liberal-reformist conception and to give new definitions and appraisals of the "progressive era" in the history of the U.S.A. (1894-1914) with the aim of "expunging" from it social conflicts, nullifying the role of the popular masses, and extolling state-monopoly capitalism by presenting it as the end result of "progressism." The author graphically shows that these attempts completely ignore the complexity and contradictory character of the given period, underestimate the role of objective factors, manifest a subjective idealist approach and distort the real content and significance of historical events.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 10, 1976

Articles: Academician **I. I. Mints**. The International Significance of the 25th CPSU Congress; **V. V. Garmiza**. The Directory and Admiral Kolchak; **A. M. Andreyev**. The Struggle of the Soviets Against Counter-Revolution on the Eve of the October Revolution; **N. A. Ivanova, V. V. Shelokhayev**. The All-Russian Postal and Telegraph Workers' Strike in November 1905; **I. M. Rapoport**. The New Stage of Soviet-French Relations and International Detente; **B. D. Kozenko**. New Conceptions of the "Progressive Era" in American Bourgeois Historiography. **Historical Essays:** **G. B. Antonov**. The Zaporozhye Iron and Steel Mills; **I. P. Belayev**. Pages from Egypt's Recent Past. **Publications:** **V. D. Nazarov**. 16th-Century Wedding Affairs. **Historical Science in the U. S. S. R. and Abroad. Surveys:** **G. R. Naumova**. Business Documents of the Russian Syndicates. **Book Reviews:** "The International Working-Class Movement. Historical and Theoretical Questions" (Vol. I); **N. I. Matyushkin**. Patriotism and Internationalism of the Soviet People; **K. V. Gusev**. The Party of Socialist-Revolutionaries: From Petty-Bourgeois Revolutionism to Counter-Revolution; "The Revolution of 1905-1907 in Russia"; **P. H. Vigor**. The Soviet View of War, Peace and Neutrality (London—Boston); **M. Blagojevic**. Agriculture in Serbia During the Medieval Period (Belgrade), etc. **Facts, Events, People.** Articles in Soviet and foreign historical publications. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire » n° 10, 1976

Articles: **I. I. Mints**, membre titulaire de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. La portée internationale du XXVe Congrès du P.C.U.S.; **V. V. Garmiza**. Le directoire et Koltchak; **A. M. Andréev**. La lutte des Soviets contre la contre-révolution à la veille du Grand Octobre; **N. A. Ivanova, V. V. Chélokhaïev**. La grève des P.T.T. de toute la Russie en novembre de 1905; **I. M. Rapoport**. Une nouvelle étape des relations soviéto-françaises et la détente internationale; **B. D. Kozenko**. Les conceptions nouvelles de l'« ère progressiste » dans l'historiographie bourgeoise américaine. **Aperçus historiques:** **G. B. Antonov**. L'usine « Zaporozstal »; **I. P. Bélijaev**. Les pages du passé récent de l'Égypte. **Écrits inédits.** **V. D. Nazarov**. Les documents de mariage du XVIe siècle. **La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger.** **Revue:** **G. R. Naoumova**. Les dossiers des syndicats de Russie; **Comptes rendus des livres:** « Mouvement ouvrier international. Questions d'histoire et de théorie » (T. I.); **N. I. Matiouchkine**. Le patriotisme et l'internationalisme du peuple soviétique; **K. V. Goussev**. Le parti des socialistes révolutionnaires: du révolutionnarisme petit-bourgeois à la contre-révolution; « Révolution de 1905-1907 en Russie »; **P. H. Vigor**. Point de vue soviétique sur la guerre, la paix et la neutralité. (Londres-Boston, 1975); **M. Blagojevic**. L'agriculture en Serbie médiévale (Belgrade) et autres. **Faits, événements, hommes.** Articles dans les publications historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

de la revista «Cuestiones de historia» No. 10, 1976

Artículos: **I. I. Mints**, académico. Significación internacional del XXV Congreso del PCUS; **V. V. Garmiza**. El Directorio y Kolchak; **A. M. Andréev**. La lucha de los Soviets contra la contrarrevolución en vísperas de la Gran Revolución de Octubre; **N. A. Ivanova**, **V. V. Shelojáev**. La huelga de los trabajadores de correos y telégrafos en noviembre de 1905; **I. M. Rapoport**. Nueva etapa de las relaciones soviético-francesas y distensión internacional; **B. D. Kozenko**. Nuevas concepciones de la «era progresista» en la historiografía burguesa estadounidense. Ensayos históricos: **G. B. Antónov**. «Zaporózhstal»; **I. P. Beliáev**. Páginas del pasado reciente de Egipto. Publicaciones: **V. D. Nazárov**. Documentos sobre matrimonios del siglo XVI. Ciencia histórica en la URSS y el extranjero. Revistas: **G. R. Naúмова**. Documentos de oficina de los sindicatos de Rusia; **Reseñas de libros**: «Movimiento obrero internacional. Problemas de historia y teoría» (T. I.); **N. I. Matiushkin**. Patriotismo e internacionalismo del pueblo soviético; **K. A. Gúsev**. El partido de los eseristas: del revolucionarismo burgués a la contrarrevolución; «Revolución de 1905—1907 en Rusia»; **P. H. Vigor**. El punto de vista soviético sobre la guerra, la paz y la neutralidad. (London—Boston); **M. Blagoevic**. Agricultura en Servia medieval, (Belgrado), y otros trabajos. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДЕРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

А 01004. Сдано в набор 24/VIII 1976 г. Формат 70×108¹/₁₆.
 Подписано к печати 13/X 1976 г. Объем 19,60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 25 000 экз. Изд. № 2575. Зак. № 2722.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

ГЕРАСИМОВ Т. Антични и средновековни монети в България. (Албум). София. Бълг. художник. 1975. 159 с.

ГОРОВ Х. Хроника на едно лято. Партизански дневник. София. Партиздат. 1975. 214 с.

Непреклонните. Спомени и очерци. Съст.: Зорка Апостолова и Георги Стоянов. Пловдив Христо Г. Данов. 1975. 378 стр.

Организация на Варшавския договор. 1955—1975. Документи и материали. Ред. комис. А. Трайков и др. София. Партиздат. 1975. 191 с.

Подвиг и безсмъртие под знамето червено. Загинали в борбата против капитализма и фашизма от Хасковски окръг. Съст. Йорданка Стоянова и др. Ред.: Петър Цанев. Партиздат. 1975. 170 с.

BELLER B. Az ellenforradalom nemzetiségi politikájának kialakulása. Budapest. Acad. kiadó. 1975. 290. old.

BEREND I. és SZUHAY M. A tökéletes gazdaság története Magyarországon. 1848—1944. 2-ik, változ. kiad. Budapest. Kossuth könyvkiadó; Közgazdasági és jogi könyvkiadó. 1975. 381 old.

Magyarország felszabadítása. Tanulmányok hazánk felszabadításának történetéből. Irta Gazsi József, Kis András, Nagy Gábor é. m. Szerk. Száva Péter. Budapest. Zrínyi kat. kiadó — Kossuth könyvkiadó. 1975. 417. old.

SOMLYAI M. Nagy csaták után. Az új élet kezdete Magyarországon 1944—1945. Budapest. Kossuth könyvkiadó. 1975. 184. old.

Le régime Thiêu à l'épreuve. 1973—1975. Hanoi. Ed. en langues étrangères. 1975. 119 p.

BÉYER M. und WINKLER G. Revolutionäre Arbeitereinheit. Eisenach — Gotha — Erfurt. Berlin. Dietz. 1975. 128 S. Bündnis der Arbeiter und Bauern. Dokumente und Materialien zum 30. Jahrestag der demokratischen Bodenreform. Berlin. Dietz. 207 S.

Dokumente zur deutschen Geschichte 1924—1929. Hrsg. von Wolfgang Ruge und Wolfgang Schumann. Berlin. Deutscher Verl. der Wiss. 1975. 122 S.

SCHILFERT G. Deutschland von 1648 bis 1789. (Vom Westfälischen Frieden bis zum Ausbruch der Französischen Revolution). 3., erw. Aufl. Berlin. Deutscher Verl. der Wiss. 1975. 264 S.

TEUBNER H. Exilland Schweiz. Dokumentarischer Bericht über den Kampf emigrierter deutscher Kommunisten 1933—1945. Berlin. Dietz. 1975. 373 S.

THURK H. und WEIDEMANN D. Indonesien' 65. Anatomie eines Putsches. Berlin. Militärverl. der DDR. 1975. 294 S.

CIEŚLAK E. i BIERNAT Cz. Dzieje Gdańska. Gdańsk. Wyd-wo morskie. 1975. 643 s.

KIERSNOWSKI R. Pradziejé grosza. Warszawa. Wiedza powszechna. 1975. 349 s.

MUSZYŃSKI J. Socjalizm w państwach środkowej i południowowschodniej Europy. Społeczno-polityczne problemy rewolucji socjalistycznej i budownictwa socjalizmu. Warszawa. PWN. 1975. 457 s.

Rewolucja 1905—1907 w Łodzi i okolicy. Studia i materiały pod red. Barbary Wachowskiej. Łódź. Wyd-wo łódzkie. 1975. 302 s.

STEMPŁOWSKI R. Zależność i wyzwanie. Argentyna wobec rywalizacji mocarstw anglosaskich i III Rzeszy. Warszawa. KiW. 1975. 403 s.

TOMICKI J. Dzieje II Międzynarodówki 1914—1923. Warszawa. KiW. 1975. 402 s.

ZINS H. W świecie anglosaskim. Studia i szkice o Anglii i Kanadzie. Lublin. Wyd-wo lubelskie. 1975. 364 s.

HOLUB O. Souboj s abwehrem. Praha. Orbis. 1975. 251 s.

NEJEDLÝ Zd. Má vlast. Symfonie doby, života a díla. Praha. Odeon. 1975. 379 s.

Přehled dějin československo-sovětských vztahů v období 1917—1939. Zprac. Čestmír Amort. Věd. red. František Hejzl. Praha. Academia. 1975. 465 s.

TIBENSKÝ J. a BOKESOVA-UHEROVÁ M. Priekopníci slovenskej kultúry. Bratislava. Sloven. ped. nakl. 1975. 314 s.

AMBROŽIČ-NOVIJAN L. Cankarjeva brigada. Ljubljana. Partizanska knjiga. 1975. 902 s.

ПОПОВ Ч. Француска и Србија 1871—1878. Београд. Српска акад. наука и уметности. 1974. (7). 447 с.

Romania 1907. La grande rivolta contadina. Com. di red.: I. Popescu-Puturi (red. responsabili) e. a. Roma. Ed. riuniti; Bucarest. Ist. di studi storici politici e sociali. 1975. 605 p.

VULCANESCU R. Etnologia—Folcloristica. De Gh. Vrabie. București. Ed. Acad. RSR. 1975. 184 p.

SANGER F. Politik der Täuschungen. Missbrauch der Presse im Dritten Reich. Weisungen, Informationen, Notizen. 1933—1939. Wien. Europaverl. 1975. 430 S.

ADAMS M. and MAYHEW Ch. Publish it not... The Middle East Cover-up. London. Longman. 1975. XI, 193 p.

DEWHIRST J. Yorkshire through the Years. London—Sydney. Batsford. 1975. 191 p.

НОВЫЕ КНИГИ

MWASE G. S. *Strike a Blow and Die. The Classic Story of the Chitembwe Rising.* Ed. and Introduced by Robert I. Rotberg. London a. o. Heinemann. 1975. XLVI, 135 p.

HELPS G. *Tragedy of Paraguay.* London—Tonbridge. Knight. 1975. XVI, 288 p.

ROWSE A. L. *Oxford in the History of the Nation.* London. Weidenfeld and Nicolson. 1975. 256 p.

SYLVESTER A. J. *Life with Lloyd George.* The Diary of A. Sylvester, 1931—1945. Ed. by Colin Cross. London. Macmillan. 1975. 351 p.

The Social Sciences Today. Ed. by Paul Barker (R. L. Gregory, Peter Hall, E. J. Hobsbawm a. o.). London. Arnold. 1975. VIII, 118 p.

WARNER O. Nelson. *Intro* by Elisabeth Longford. London. Weidenfeld and Nicolson. 1975. 231 p.

LANGSLET L. R. *Konservatismens historie.* København. Cappelen. 1975. 107 s.

ESPADOS BURGOS M. *Alfonso XII y los orígenes de la restauración.* Pról. de Vicente Palacio Atard. Madrid. C.S.I.C. 1975. XXXIII, 427 p.

ENGELMANN F. C., SCHWARTZ M. A. *Canadian Political Parties: Origin, Character, Impact.* Scarborough. Ontario. Prentice-Hall. 1975. IX, 358 p.

MONTES E. *Cómo combatir al «charismo».* (Preguntas y respuestas). México. Ed. de cultura popular. 1975. 142 p.

ANDERSEN P. C. *Kristen politik Kriesteligt Folkeparti 13. apr. 1970 — 21 sept. 1971.* Odense. Odense Univ. Studies in History and Social Sciences. 1975. 125 s.

American Vistas 1877 to the Present. Ed. by Leonard Dinnerstein and Kenneth T. Jackson. 2nd ed. New York a. o. Oxford Univ. Press. 1975. XII, 401 p.

Ancient Civilization and Trade. Ed. by J. A. Sabloff and C. C. Lamberg-Karlovsky. Albuquerque. Univ. of New Mexico Press. 1975. XIV, 485 p.

HUBER L. V. *Louisiana. A Pictorial History.* New York. Scribner. 1975. XII, 353 p.

MASTERS S. H. *Black. White Income Differentials.* Empirical Studies and Policy Implications. New York a. o. Acad. Press. 1975. XVIII, 188 p.

PERLO V. *Economics of Racism USA. Roots of Black Inequality.* New York. Intern. Publ. 1975. XIII, 280 p.

The American Party Systems. Stages of Political Development. Ed. by William Nisbet Chambers and Walter Dean Burnham. New York. Oxford Univ. Press. 1975. VII, 374 p.

HOFSCHEM H.-G. u. a. *SPD im Widerspruch. Zur Entwicklung und Perspektive der Sozialdemokratie im System der BRD.* Köln. Pahl-Rugenstein. 1975. 182 S.

Probleme des Friedens, der Sicherheit und der Zusammenarbeit. Beitr. aus West- und Osteuropa. Hrsg. von Stefan Doernberg u. a. Köln. Pahl-Rugenstein. 1975. 355 S.

Tendenzwende? Zur geistigen Situation der Bundesrepublik. (Hrsg. von Clemens Graf Podewils). Stuttgart. Klett. 1975. 108 S.

CHAMSON A. *La reconquête. 1944—1945.* Paris. Plon. 1975. 222 p.

COLIN M. *Ce n'est pas d'aujourd'hui. Femmes, syndicats, luttes de classe.* Préf. d'Henri Krasucki. Paris. Ed. sociales. 1975. 246 p.

DELPERRIE de BAYAC J. *Le royaume du maréchal. Histoire de la Zone libre.* Paris. Laffont. 1975. 413 p.

RIBS J. *Plaidoyer un million de victimes.* Préf. de Robert Laffont. Paris. Laffont. 1975. 293 p.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр машинописи, через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному согласованию, обзоры — до 16 стр, рецензии, письма и заметки — 6—8 стр, заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

К 37-2

Л. И. БРЕЖНЕВ

Ленинским курсом

Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Том пятый.

Издательство политической литературы в 1970—1976 гг. выпустило в свет пять томов речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Первый том охватывает период 1964—1967, второй — 1967—1970, третий — 1970—1972, четвертый — 1972—1974 годов.

В пятый том включены речи, доклады и выступления, относящиеся к 1974—1976 годам. Они вооружают коммунистов, всех советских людей развернутой программой действий на современном этапе коммунистического строительства, помогают глубже усвоить актуальные вопросы марксистско-ленинской теории, внутренней и международной политики КПСС и Советского государства.

В пятом томе опубликован доклад «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики», с которым выступил Л. И. Брежнев 24 февраля 1976 г. на XXV съезде КПСС.

Для удобства пользования материалом том снабжен предметным указателем.

Стоимость пятого тома — 1 р. 09 к.

Издание можно приобрести в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

Союзкнига.